

ISSN 2500-0616

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ АРХИТЕКТУРЫ И СТРОИТЕЛЬНЫХ НАУК

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ТЕОРИИ И ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА
(Филиал «ЦНИИП Минстроя России»)

ВОПРОСЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ

QUESTIONS OF THE HISTORY OF WORLD ARCHITECTURE

ВЫПУСК 11 (2 / 2018)

Издание основано в 1961 году

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2018

УДК 72.03
ББК 85.11
В 74

- В74 Вопросы всеобщей истории архитектуры. Вып. 11 / Гл. ред. и сост. А. Ю. Казарян. — М.; СПб.: Нестор-История, 2018. — 000
ISSN 2500-0616

Периодическое рецензируемое научное издание «Вопросы всеобщей истории архитектуры» — одно из ведущих в области изучения истории и теории архитектуры. Статьи представляют результаты новейших исследований, они охватывают все эпохи развития архитектуры, нацелены на уточнение спорных вопросов ее истории, на изучение основ архитектурного творчества, выявление генезиса и взаимосвязей архитектурных форм и явлений, на определение взаимодействий региональных традиций. Основано Научно-исследовательским институтом теории и истории архитектуры и градостроительства в 1961 г. С 2016 г. издается дважды в год.

Ключевые слова: всеобщая история архитектуры, история градостроительства, архитектурное творчество, взаимодействие архитектурных традиций.

Адрес редакции: Россия, 111024, Москва, ул. Душинская, 9

Тел./факс: +7 (903) 5192368

E-mail: armenkazaryan@yahoo.com, niitag@yandex.ru

“Questions of the History of World Architecture” is a peer-reviewed Open Access academic periodical, one of the leading journals in the field of the history and theory of architecture. Its articles represent the most recent work in the field: they cover all eras in the development of world architecture and town-planning, with a focus on vexed questions of history, architectural creativity, the origins of architectural forms, as well as on the interactions between regional traditions. The periodical has been published since 1961 by the Research Institute of Theory and History of Architecture and Town-Planning. It is published twice annually since 2016.

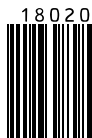
Keywords: history of world architecture, history of town-planning, architectural creativity, interaction between architectural traditions.

Address: Dushinskaia str., 9, Moscow, 119331, Russian Federation

Печатается по решению Ученого совета НИИТИАГ

На издание открыта подписка по каталогу «Роспечать». Подписной индекс 80503

ISSN 2500-0616

9 772500 061003

© Коллектив авторов, текст, фотографии, 2018

© Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ, 2018

© Издательство «Нестор-История», оформление, 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

главный редактор **Армен Юрьевич Казарян**, доктор искусствоведения, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН), почетный член Российской академии художеств (РАХ), иностранный член Национальной академии наук Армении, Государственный институт искусствознания (Россия); **Мария де лос Анхелес Утреро Агудо**, PhD. по истории искусства, асс. проф., Институт истории (Испания); **Александр Викторович Анисимов**, доктор архитектуры, профессор, член-корреспондент РААСН, филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ (Россия); **Алла Александровна Аронова**, кандидат искусствоведения, Государственный институт искусствознания (Россия); **Патрисия Блессинг**, PhD. по искусству и археологии, ассистент профессора, Pomona College (США); **Игорь Андреевич Бондаренко**, доктор архитектуры, профессор, академик РААСН, филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ (Россия); **Паоло Витти**, PhD. по ист. архитектуры, профессор, Университет Рома Тре (Италия); **Анна Геннадиевна Вяземцева**, кандидат искусствоведения, PhD. по истории искусства, филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ (Россия); **Ван Гуйсян**, PhD. по архитектуре, профессор, Университет Цинхуа (Китай); **Жан-Пьер Кайе**, Dr. по археологии, профессор, Университет Западный Париж (Франция); **Мануэль Антонио Кастинейрас Гонсалес**, Dr., профессор, Автономный университет Барселоны; **Нина Анатольевна Коновалова**, кандидат искусствоведения, советник РААСН, филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ (Россия); **Юлия Леонидовна Косенкова**, доктор архитектуры, член-корреспондент РААСН, филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ (Россия); **Джон Макнилл**, действительный член Общества антикваров и Королевского исторического общества, Британская археологическая ассоциация (Великобритания); **Ежи Малиновский**, Dr. по ист. искусства, профессор, Польский институт истории мирового искусства (Польша); **Ставрос Мамалукос**, PhD. по искусству и археологии, ассистент профессора, Университет Патр (Греция); **Кристина Маранчи**, PhD. по истории искусства, профессор, Университет Тафтса (США); **Лев Карлосович Масиель Санчес**, кандидат искусствоведения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия); **Роберт Оустерхаут**, PhD. по истории искусства, профессор, Пенсильванский университет (США); **Армен Сергеевич Сардаров**, доктор архитектуры, профессор, Белорусский национальный технический университет (Беларусь); **Владимир Валентинович Седов**, доктор искусствоведения, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, Институт археологии РАН (Россия); **Вольф Тегенхоф**, Dr. по истории архитектуры, профессор, Центральный институт истории искусства (Германия); **Лиоба Теис**, Dr. по истории искусства, профессор, Институт истории искусства (Австрия); **Ануш Ашотовна Тер-Минасян**, кандидат архитектуры, Национальный музей-институт архитектуры (Армения); **Людмила Георгиевна Хрушкова**, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет (Россия); **Дмитрий Олегович Швидковский**, доктор искусствоведения, профессор, академик РААСН и РАХ, Московский архитектурный институт (Государственная академия) (Россия); **Марианна Юрьевна Шевченко**, кандидат архитектуры, Московский архитектурный институт (Государственная академия) (Россия); **Шариф Мухаммадович Шукуров**, доктор искусствоведения, Институт востоковедения РАН (Россия); **Алексей Серафимович Щенков**, доктор архитектуры, профессор, член-корреспондент РААСН, филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ (Россия).

Редакторы: искусствоведы **Елена Лаврентьева**, **Екатерина Фомина** (Россия)

Редакторы аннотаций на английском языке — искусствовед **Биатрис Толиджян** (США), архитектор **Кирилл Степанов** (Россия)

EDITORIAL BOARD:

managing editor **Armen Kazaryan**, Dr., corresponding member of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (RAASN), honorary member of the Russian Academy of Arts, foreign member of the National Academy of Sciences of Armenia, State Institute for Art Studies (Russia); **María de los Ángeles Utrero Agudo**, Assoc. Prof. PhD, Instituto de Historia (Spain); **Alexander Anisimov**, Dr., Prof., corresponding member of RAASN, NIITIAG — branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (Russia); **Alla Aronova**, PhD, State Institute for Art Studies (Russia); **Patricia Blessing**, Assoc. Prof. PhD, Pomona College (USA); **Igor Bondarenko**, Dr., Prof., RAASN academician, NIITIAG — branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (Russia); **Paolo Vitti**, Prof. PhD. in history of architecture, The University of RomaTre (Italy); **Anna Vyazemtseva**, PhD, NIITIAG — branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (Russia); **Wang Guixiang**, Prof. PhD, Tsinghua University (China); **Jean-Pierre Caillet**, Prof. Dr., Université Paris Ouest (France); **Manuel Antonio Castiñeiras González**, Prof. Dr., Universitat Autònoma de Barcelona (Spain); **Nina Konovalova**, PhD, adviser of RAASN, NIITIAG — branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (Russia); **Julia Kosenkova**, Dr., corresponding member of RAASN, NIITIAG — branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (Russia); **John McNeill**, Fellow of the Society of Antiquaries — and Fellow of the Royal Historical Society, — British Archaeological Association (Great Britain); **Jerzy Malinowski**, Prof. Dr., Polish Institute of World Art Studies (Poland); **Stavros Mamaloukos**, Assoc. Prof., PhD. in art and archaeology, University of Patras (Greece); **Christina Maranci**, Prof. PhD in Art History, Tufts University (USA); **Lev Maciel**, PhD, Higher School of Economy (Russia); **Robert Ousterhout**, Prof. PhD in Art History, University of Pennsylvania (USA); **Armen Sardarov**, Prof. Dr. in architecture, Belarusian National Technical University (Belarus); **Vladimir Sedov**, Dr., Prof., corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology of RAS (Russia); **Wolf Tegenhoff**, Prof. Dr., Zentralinstituts für Kunstgeschichte (Germany); **Lioba Theis**, Prof. Dr., Institut für Kunstgeschichte (Austria); **Anoush Ter-Minasyan**, PhD in architecture, National Museum-Institute of Architecture (Armenia); **Liudmila Khrushkova**, Dr., Prof., Moscow State University (Russia); **Dmitriy Shvidkovskiy**, Dr., Prof., Russian Academy of Arts and RAASN academician, Moscow Architectural Institute (State Academy) (Russia); **Marianna Shevchenko**, PhD, Moscow Architectural Institute (State Academy) (Russia); **Sharif Shukurov**, Dr., Institute for Oriental Studies of RAS (Russia); **Aleksey Shenvov**, Dr., Prof., corresponding member of RAASN, NIITIAG — branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (Russia).

Editors: art historians **Elena Lavrenteva**, **Ekaterina Fomina** (Russia)

Editor of English abstracts: art historian **Beatrice Tolidjian** (USA),

architect **Kirill Stepanov** (Russia);

СОДЕРЖАНИЕ

Архитектура Древнего мира и поздней античности

<i>Д. В. Ванюкова.</i> Архитектурная реставрация в представлении египтян эпохи Среднего царства.	9
<i>С. В. Тарханова.</i> Основания римских построек и споллии в ранневизантийских церквях и средневековых мечетях Теля Шило (Самария).	18
<i>Е. М. Карлова.</i> Иконография храмов Чаусатх йогини.	37
<i>Ж.-П. Кайе.</i> Христианская архитектура с куполом(-ами) в южной Италии: для полноценного включения в византийскую сферу (VI–VIII века).	48

Архитектура Средневековья

<i>А. Ю. Казарян.</i> Стилистическое развитие армянской архитектуры в Крыму на примере порталов XIII–XV веков.	79
<i>С. А. Ключев.</i> Церковь Медхане Алем в Ади Кешо и сложности датировки скальных памятников региона Тыграй (Эфиопия).	98
<i>П. Блессинг.</i> Архитектура, масштаб и империя: памятники Анатолии между притязаниями мамлюков и Ильханидов.	114
<i>Е. И. Кононенко.</i> Ак-текке в Карамане: к вопросу о происхождении композиции.	132
<i>Ш. М. Шукуров.</i> Взгляд изнутри. Конструктивное и концептуальное измерения архитектуры в иранской миниатюре.	147
<i>Е. С. Лаврентьева.</i> Путь к «статус-кво» храма Воскресения Христова в Иерусалиме и строительная история памятника.	159

Архитектура Нового и Новейшего времени

<i>Т. В. Коптева.</i> Антуан-Лорен-Тома Водуайе: изменение архитектурных теорий эпохи Просвещения в первой трети XIX века.	183
<i>Н. А. Коновалова.</i> Мосты Японии: между архитектурой и поэзией.	199
<i>И. В. Белинцева.</i> Архитектор Макс Шёнвальд (Восточная Пруссия) — создатель загородных вилл и сельских усадеб.	212
<i>Е. В. Конышева.</i> «Бурные аплодисменты, все встают»: иностранные гости на первом всесоюзном съезде советских архитекторов*.	228
Сведения об авторах.	247
About the authors.	250
Авторам статей.	253

CONTENTS

Ancient and Late Antique Architecture

<i>D. V. Vanyukova</i> . Architectural restoration concept in the Middle Kingdom Egypt	9
<i>S. V. Tarkhanova</i> . Foundations of Roman structures and the spolia in Early Byzantine churches and medieval mosques at Tel Shilo (Samaria)	18
<i>E. M. Karlova</i> . The iconography of the Chausath Yogini temples	37
<i>J.-P. Caillet</i> . Christian architecture with cupola(s) in Southern Italy: for a thorough inclusion in the Byzantine sphere (6 th –8 th centuries)	48

Medieval Architecture

<i>A. Yu. Kazaryan</i> . Stylistic development of the Armenian architecture in Crimea: Evidence from the portals of the 13 th –15 th -centuries	79
<i>S. A. Klyuev</i> . The church of Madhane Alem in Adi Qasho and the difficulties of dating of Tigray (Ethiopia) rock-hewn monuments	98
<i>P. Blessing</i> . Architecture, scale, and empire: monuments in anatolia between mamluk and Ilkhanid aspirations	114
<i>E. I. Kononenko</i> . Ak-Tekke in Karaman: To the question of the origin of the composition	132
<i>Sh. M. Shukurov</i> . View from inside. Structural and conceptual dimensions of Iranian miniature painting	147
<i>E. S. Lavrentyeva</i> . The “status quo” at the Church of the Holy Sepulchre in Jerusalem and its influence on the architectural appearance of the church	159

Architecture of Modern History

<i>T. V. Kopteva</i> . Antoine-Laurent-Thomas Vaudoyer and the transformation of architectural theory of the Enlightenment in early 19 th century	183
<i>N. A. Kononova</i> . Bridges of Japan: Between architecture and poetry	199
<i>I. V. Belintseva</i> . Architect Max Shenwald (Eastern Prussia) — creator of country villas and rural manor houses	212
<i>E. V. Konyshcheva</i> . “Stormy applause, everyone gets up”: Foreign guests at the First All-Union Congress of the Soviet Architects	228
About the authors	250
For authors and reviewers	3253

АРХИТЕКТУРА ДРЕВНЕГО МИРА И ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

Д. В. Ванюкова

АРХИТЕКТУРНАЯ РЕСТАВРАЦИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЕГИПТЯН ЭПОХИ СРЕДНЕГО ЦАРСТВА

Древние египтяне не мыслили существования без опоры на прошлое своей страны: именно в мифическое «время бога» был создан мир и заложены основы царской власти, позволяющие стране пребывать в благополучии. Не удивительно поэтому, что внимание к памятникам прошлого являлось формой почитания предков и заботы о собственном благополучии в ином мире, причем последнее иногда достигалось не только самим актом поновления памятника, но и узурпацией собственно реставрационных текстов. Наибольшую известность получила реставрационная деятельность царей эпохи Нового царства, однако впервые ощущение, что прошлое отстоит от настоящего во времени и отличается своими особенными качествами, пришло к жителям долины Нила гораздо раньше. Именно после I Переходного периода тема восстановления — страны после «времени болезни», власти царя после периода междоусобиц, архитектурных памятников, разрушенных временем и войнами — становится особенно актуальной. В статье рассматриваются тексты гробничных надписей времени I Переходного периода и эпохи Среднего царства, содержащие сведения о деятельности владельцев по восстановлению памятников прошлого. В центре внимания автора — стела Антефа сына Миит (XI династия). Ее текст выходит за рамки стандартной для подобных памятников «реставрационной формулы», что позволяет полнее представить воззрения египтян на процесс разрушения и последующего восстановления памятника. Особенности лексики, присущие тексту со стелы Антефа, позволяют обоснованно поставить вопрос о том, какую именно цель преследовали египтяне в эпоху Среднего царства, когда занимались восстановлением памятников прошлых эпох.

Ключевые слова: архитектура Среднего царства, реставрация, заупокойный культ, архаическое мышление

D. V. Vanyukova

ARCHITECTURAL RESTORATION CONCEPT IN THE MIDDLE KINGDOM EGYPT

In the mind of the ancient Egyptians — life was possible only because of their cultural memory — the Past was the literal mainstay of the country. It was the mythical “time of God” when the whole world was created together with the kingship, as a result of which, the country could be prosperous. It is not surprising that attention to the monuments of the past epochs was a way of venerating the ancestors and to care about one’s own destiny in another world. We even know of several cases when the restoration texts were usurped.

Restoration projects of the New Kingdom are well known, but for the first time, a feeling of differences between Past and Present appeared in Egyptian culture much earlier. The XIth and XIIth dynasties connected with the time of reunion of the country after the “time of illness” (ancient Egyptian epithet for the crisis periods in their history, like the 1st Intermediate period), the restoration of kingship and architectural restoration concepts. The paper deals with the analyses of several 1st Intermediate and Middle Kingdom tomb inscriptions with “restoration formulas”, which are wider and more detailed than later ones, in the New Kingdom texts. Analyzing of peculiarities of Intef’s inscription (stela Berlin, Egyptian museum, № 13272) lexicon, the author discusses the problem of the true object of restoration acts in Egyptian culture: was the restoration of buildings the only and the main aim of Egyptians?

Key words: Middle Kingdom architecture, restoration, funerary practices, archaic mind

Интерес к искусству периода Среднего царства (XXI–XVII вв. до н.э.) возрастает в последнее десятилетие стреми-

тельно, причем зачастую в фокусе научных работ, связанных с проблематикой этого периода, как исторической, так

и культурологической, искусствоведческой и т.д., оказываются темы восприятия египтянами эпохи Среднего царства прошлого своей страны. Так, активно начали обсуждаться проблемы архаизации, имитации художественных произведений прошлого (т.е. относящихся к периоду III–VI династий), их переиспользования и реставрации (Fay 2016, Gilli 2013, Pieke 2016).

Именно вопрос о том, каким образом сами египтяне воспринимали процесс и результат реставрации памятника прошлого, является центральным для этой работы, т.к. возможные границы использования термина «реставрация» применительно к столь глубокой древности должны быть, по крайней мере, обозначены. Хотя мы говорим о реставрационных текстах в Древнем Египте наряду со строительными (наиболее актуальной по этой теме является фундаментальная работа З. Граллерт, собравшей и систематизировавшей практически все наличные строительные и реставрационные тексты, как царские, так и частные (Grallert 2001)), но даже оставляя в стороне современное определение термина «реставрация», связанного с идеей предотвращения дальнейших разрушений памятника и создания оптимальных условий для его сохранения, очевидно, что древние египтяне под «реставрацией» понимали нечто совсем иное, чем мы. Возникает вопрос о том, каким образом, в каких категориях сами египтяне описывают процесс разрушения памятника и процесс его реставрации, а также о том, что именно они полагали целью реставрационной деятельности.

Сразу следует отметить, что для древних египтян, при их огромном почтении к прошлому, являющемуся источником всего благого и подлинно великого в настоящем, идея «консервации па-

мятника» в его текущем состоянии была глубоко чужда: реставрационная деятельность всегда связана с идеей восстановления объекта, его упрочения и обновления, что подчеркивается лексикой реставрационных надписей и что по-своему логично для столь архаичной, по сути, культуры, как древнеегипетская. Обновить созданный в глубокой древности храм вовсе не было, похоже, тождественно понятию «осовременить» его, «испортить» чужеродными, слишком новыми элементами. Напротив, это значило вернуть ему свежесть и чистоту того самого дня, в который он был сотворен. Кроме того, довольно часто заявленное восстановление, по сути, было консервацией (во всяком случае, памятник прекращали разрушать, т.к. теперь на нем была размещена «реставрационная метка»), а иногда декларируемая реставрационная деятельность хронологически совпадала с разрушением охраняемого объекта, как это случилось с пирамидой Сенусерта III в Дахшуре, о чем речь пойдет далее.

Наиболее хорошо изучены царские реставрационные надписи, в изобилии дошедшие до нас от эпохи Нового царства, с начала XVIII династии, когда забота о реставрации храмов и святилищ была связана с восстановлением страны после гиксосского вторжения. В дальнейшем история также предлагала древнеегипетским правителям немало возможностей показать себя в качестве пекущихся о великих памятниках древности: наиболее ярко это проявилось в деятельности преемников царя-реформатора Эхнатона (конец XVIII династии), когда реставрационные мероприятия проводились под эгидой восстановления страны после «времени болезни». Примечательно, что уже при Тутанхамоне начинается активное восстановление поврежденных сторонни-

ками религиозной реформы Эхнатона рельефных изображений традиционных египетских божеств, а ко временам его преемников относится феномен «вторичной реставрации»: восстановленные рельефные изображения оконтуриваются заново, и рядом размещается реставрационная надпись, приписывающая реставрационные мероприятия именно Хоремхебу либо Сети I, «упраздняя» на деле выполненные при Тутанхамоне восстановительные работы; иногда же просто узурпируются реставрационные метки Тутанхамона (Brand 2010: 8).

В эпоху XIX династии наиболее известным попечителем памятников прошлого стал четвертый сын Рамсеса II, Хаемуас, наследник престола, верховный жрец Птаха в Мемфисе, который руководил несколькими инспекциями по обследованию памятников эпохи Древнего царства в мемфисском некрополе и работами по дальнейшей их реставрации. Хаемуас оставил реставрационные метки как на древнецарских, так и на среднецарских сооружениях, причем если памятник не сохранял имя своего владельца, то ему давалось новое имя (Snape 2011: 469–470).

Своеобразное отношение к проблеме сохранности памятника ярко иллюстрирует случай с пирамидой Сенусерта III в Дахшуре. Размещенный на ней реставрационный текст гласит, что «Его Величество повелел своему верховному жрецу-сему, царскому сыну Хаемуасу обновить имя царя, так как оно больше не видно на пирамиде...» (Oppenheim, Allen 2002). Одновременно с этим, судя по всему именно при Рамсесе II, в целях повторного использования с пирамиды были сняты довольно большие участки облицовочного камня (Navratilova 2016: 263), что также не выглядело зазорным в глазах древних «реставраторов» — именно вовлеченность памятни-

ка в культовую практику являлась гарантом его подлинной сохранности.

Поразительная активность Хаемуаса по восстановлению древних святынь привела к мнению о том, что Рамессиды полагаются «первыми египетскими царями и мыслителями, кто отчетливо осознавал, что прошлое предшествует настоящему, а также качественно отличается от него» (*ibid.*: 260). Представляется, что эта идея неверна, поскольку первые четкая граница между прошлым и настоящим была проведена много ранее — в эпоху начала Среднего царства, о чем говорят не только особенности архитектурных произведений, но и многочисленные тексты, в том числе достаточно пространственные реставрационные надписи.

Нужно отметить, что в целом реставрационные надписи являются образчиком формульных текстов (Grallert 2001: 61), в которых содержание полностью подчинено стандартному отображению последовательности событий и отличается завидным постоянством в использовании определенного набора лексем. Описание практически всегда начинается с обнаружения — «зем» (букв. «находить») — памятника, причем неизменно указывается, что он разрушен. Собственная деятельность по восстановлению описывается как «укрепление», «поновление», «упрочение», «создание в качестве обновленного». В эпоху Нового царства меняются обстоятельства, памятники и «реставраторы», но эта краткая формула остается неизменной.

Однако ряд памятников эпохи I Переходного периода и начала Среднего царства позволяет расширить наши представления о реставрационной деятельности, поскольку именно в это время происходит грандиозный перелом в мировоззрении древних египтян, связанный с культурно-историческими осо-

бенностями периода XX–XVII вв., когда впервые была проведена четкая граница между прошлым и настоящим, а для описания заботы о памятниках еще не выработаны были устойчивые лексические схемы.

Наверное первый случай, когда египтяне подробно описывают свое отношение к проблеме сохранения памятников прошлого, это ст. 119–123 «Поучения Мерикара», литературного текста, созданного в эпоху I Переходного периода, в форме поучения правящего царя своему наследнику разворачивающегося перед читателем бесценную по полноте картину этических и религиозных воззрений того времени. Текст «Поучения...» чрезвычайно сложен для интерпретации, но в переводе пассажа о восстановлении разрушенного (ст. 119–122) автор прямолинеен в характеристиках: «Смотри, мерзкое дело случилось в мою бытность: разламывали кладбищенские дворики Тина (столица 8-го верхнеегипетского нома). Но становилось это тем, что я отстраивал (заново), когда я узнавал об этом, после того как разрушали. Смотри, это первейшая надобность, исполненная мной, ибо разрушение — это мерзость. Нет никого, кому было бы полезно укреплять для себя то, что он разорил, разламывать (чужое), когда он строит для себя; оснащать для себя им же исковерканное» (Демидчик 2005: 200). Автор «Поучения...» дважды подчеркивает, что разрушение — это мерзкое дело с этической точки зрения, а восстановление памятников (особенно поминальных) является первейшей обязанностью правителя, пекущегося о своем добром имени и благополучной посмертной судьбе.

3. Граллерт отметила как одну из важнейших особенностей реставрационных текстов то, что реставрационные надписи частных лиц копируют формульные

выражения, присущие царским текстам (Grallert 2001: 67), и тексты I Переходного периода и начала Среднего царства показывают во всяком случае их тесную взаимосвязь и взаимовлияние, демонстрируя, однако, большое разнообразие, позволяющее выделить некоторые аспекты, наиболее важные для египтян в обращении с памятниками прошлого.

Так, Джхутинахт, современник событий конца I Переходного периода, представитель семьи номархов из эль-Берше, что почитала своими предками князей эпохи VI династии, чьи скальные гробницы находятся в эль-Шейх Саид, некрополе эпохи Древнего царства в четырех километрах к югу от эль-Берше (имя некрополь получил от имени мусульманского праведника Шейха Саида, похороненного неподалеку), оставил свои реставрационные тексты в девяти наиболее богатых погребениях как эль-Берше, так и эль-Шейх Саид (De Meyer 2005: 132). Все они выполнены в невысоком рельефе, покрашенном голубым цветом, на желтом фоне. Текст небольшой, идентичный для всех погребений: «Он сделал это в качестве монумента для его отцов, что в некрополе, господ этого холма, восстановив то, что было в руинах, и обновив то, что было найдено разрушенным, предки же, что были здесь до того, не сделали этого» (Lepsius 1849: pl. 112e). Полагаю, что этот текст, ввиду его повторяемости в девяти погребениях, можно считать вариантом реставрационной метки, причем Джхутинахт подчеркивает свою исключительность среди предков своего рода — только он обратил внимание на гробницы, бывшие в небрежении. Это еще одна особенность частных реставрационных текстов этого и более позднего времени: забота о разрушенных погребениях давала право на некоторую исключительность, ведь подобные деяния соверша-

ются от избытка ресурсов (в том числе и материальных) — человек обеспечил заупокойный культ не только себе самому, но и владельцу погребения, находившегося в упадке.

Хнумхотеп II, современник Аменемхета II (середина XII династии) из Бени-Хасана, наиболее известный росписями своей гробницы, в своем жизнеописании упоминает заслуги по поновлению памятников царей своего времени — Аменемхета II, который «упрочивал найденное им разрушенным», и Сенусерта II, что «создает памятники его в Шакалье номе в качестве упроченных, что найдены разрушенными». Кроме того, он в ст. 161 пишет и о своих реставрационных деяниях, о том, что «оживил/сделал живым имя моих предков / букв. “отцов”, найденное мной разрушенным на дверях, причем сделал их верными по форме и аккуратными для прочтения и ничего не перепутал», а в ст. 194, что он «оконтурил опор(ы), найденные в качестве руин. Поднял/воздвиг я это (их. — Д. В.) в качестве опор обновленных, надписанных моим собственным именем» (Sethe 1935: 33–34).

Перед нами фиксация, вероятно, действительно выполненных работ: Хнумхотеп поновляет надписи имен на дверях, ведущих в гробницу, причем подчеркивает, что это сделано бережно и внимательно, дабы избежать путаницы (прежде всего при отправлении заупокойного культа, — чтобы каждая принесенная жертва пошла во благо нужному «адресату»), а также он восстанавливает найденные в руинах опорные столбы, причем их он подписывает собственным именем, возможно, т.к. оригинальные имена на них невозможно было прочесть.

Наибольший же интерес в контексте представлений о реставрационном процессе представляет стела Антефа сына

Миит — один из немногих (Grallert 2001: 74, 128) частных памятников, не просто посвященных восстановлению памятников других частных лиц, но довольно пространно об этом повествующих.

Стела Антефа сына Миит, современника и верного слуги царя времени XI династии Ментухотепа II Небхепетра, хранится в Египетском музее г. Берлина (размер 57 × 110 см, инв. № 13272). В ней содержится развернутое повествование о том, как Антефом было восстановлено святилище вельможи Нахти-икера. Это прямоугольная известняковая стела, изображающая покойного Антефа за жертвенным столом в типичной для фиванского региона эпохи XI династии стилистике: крупные сильно вытянутые глаза, занимающие большую часть лица, низкий лоб, небольшая голова, подчеркнута крупные губы, остро характерные черты лица ярко выраженного фиванского типажа. Изобразительное поле стелы плотно заполнено крупными очертаниями фигуры и предметов и довольно крупной иероглификой. Текстовая часть делится на три смысловых блока, обычных для автобиографических текстов: вначале идет перечисление титулов Антефа и эпитетов, подчеркивающих его близость к царю; затем Антеф рассказывает историю о том, как он отреставрировал святилище Нахти-икера; в конце следует пассаж, в котором владелец выражает свою надежду на добрую память о себе на земле.

Памятник был издан в 1908 г. Ж. Даресси (Daressy 1908), который приводит краткую историю его обнаружения в 1895 г. и воспроизводит иероглифическую надпись. Ее же в несколько ином прочтении публикуют Ж. Клер и Ж. Вандье (Clere, Vandier 1948: § 31). Примечательно, что с именем Антефа сына Миит связаны еще два памятника — стела из Британского музея (BM 134 (1164))

и стела из Глиптотеки Нью Карлсберга (Ny Carlsberg, 1241 (821)). Все три стелы, вероятно, располагались в гробнице Антефа в Дра Абу эль-Нага (некрополь западнее Фив), однако точное местоположение гробницы не установлено.

Каждая стела представляет собой весьма интересный феномен: БМ 1164 содержит тщательную фиксацию обязанностей, которые возлагались на жрецов заупокойного культа Антефа (Демидчик 2012), стела Ny Carlsberg 1241 имеет ряд «криптографических» элементов (Morenz 1998), а Berlin 13272 содержит интереснейшие рассуждения о реставрации. Безусловно, памятники, находившиеся в интерьере поминальной часовни, семантически перекликаются друг с другом, ярко показывая «богатый потенциал фразеологии, свойственной биографическим текстам» (Russo 2007: 197). Однако стоит отметить, что стелы из Нью Карлсберга и Британского музея несколько затмевают берлинский памятник. В настоящее время можно говорить о том, что он бытует в контексте исторических исследований, в контексте статистических выкладок и лингвистического анализа, однако несколько на второй план ушла история, которой так отчаянно гордился сам владелец, а ведь стела Антефа представляет собой случай уникальный, совершенно новый: впервые описывается состояние старой постройки и именно на основе этого показывается, что именно сделано, какие выполнены работы (Grallert 2001: 135). То есть перед нами именно суть процесса восстановления, как ее видит египтянин.

Целесообразным является перевод строк 7–9, поскольку именно они касаются этой темы: «Нашел (я) святилище, относящееся к *“nam”* Нахти-икера, разрушенным, стены его, покои, изображения *“тут”* все разбиты, не существу-

ет памяти (о) них. Восстановил я облик его большим, чем (было) его основание, и *“хенти”* его в качестве обновленных».

Речь в тексте идет о том, что Антеф обнаружил святилище некоего Нахти-икера (или Нахти Превосходного) разрушенным и почел своим долгом произвести его реставрацию. Примечательно, что Антеф описывает процесс разрушения памятника «снаружи — вовнутрь»: разрушено святилище, его стены («архитектурная оболочка»), его покои (то внутреннее пространство, что формировалось оболочкой) и его образы *«тут»* — слово, обозначающее изображение в широком смысле слова (как скульптуру, так и рельеф, и живописное изображение), контекст заставляет предположить, что в данном случае речь идет о стенных рельефах.

Крайняя точка процесса разрушения памятника — когда от него не остается ничего, даже замысел его исчезает, что полностью соответствует тому, как в отношении разрушенного здания мы говорим, что «не удастся установить первоначальный облик постройки» или «не удастся понять первоначальный замысел архитектора».

Процесс восстановления описывается очень образно: Интеф буквально делает *«кед»* памятника, т.е. «оконтуривает» его — древнеегипетский термин *«кед»* ближе всего по значению именно к нашему «контур», не случайно рисовальщик в Древнем Египте назывался «сеш кедут», или «писец контуров». Причем новый «контур» сооружения больше, чем было его основание, т.е. Антеф расширяет первоначальное сооружение. Также Антеф отмечает, что теперь *«хенти»* из святилища Нахти-икера «в качестве обновленных». Причем, в силу параллелизма, характерного для древнеегипетских текстов, под *«хенти»* явно понимаются *«тут»* из первой строки пас-

сажа. Речь идет об одних и тех же (рельефных) изображениях.

Вероятно, эта искусная игра терминами подразумевает, что после прекращения культа изображения перестают быть полем коммуникации между потребителем культа и его отправителями — потомками и жрецами, и становятся «просто изображениями» — «тут». Однако в тот момент, когда святилище восстановлено, и они вновь попадают в фокус внимания как объект культовой практики, «мертвый камень» наполняется смыслом, что заставляет автора текста называть их по-другому. Тот факт, что восстановление поминальной часовни является ключевым событием, представленным в биографии вельможи, говорит о том, что реставрация памятников являлась для египтян формой почитания предков. Кроме того, очевидно, что Антеф не просто восстановил стены часовни и рельефные изображения, он в полном объеме восстановил заупокойный культ в гробнице Нахти-икера.

Антеф описывает процесс восстановления памятника буквально как акт Возрождения (и часовни, и имени Нахти-икера) из небытия, что является, строго говоря, прерогативой царя. Хождение подобной фразеологии жестко регламентировалось, поэтому остается предположить, что Антеф полагал себя в данном случае орудием царской воли. Так что мы с полным основанием можем говорить о том, что заимствование структуры царского текста не являлось в то время банальным желанием придать величия своей надписи. В эпоху XI — начала XII династий, когда сами цари предпринимают колоссальные усилия по «сращиванию» прошлого и настоящего своей страны, в том числе тема реставрационных, восстановительных работ становится особенно актуальна для всего древнеегипетского общества, от-

дельные представители которого находили возможность почитать своих предков, восстанавливая их имена и святилища.

Антеф, подробнейшим образом описавший функции жрецов, нанятых им для отправления собственного поминального культа, и отлично знавший, насколько непрочны обещания и договоренности, а то и родственные связи, если речь заходит о памяти предков, не просто восстанавливает памятник усопшего вельможи: он перезапускает культ усопшего в его погребении, полагая, что только возобновление поминального культа в стенах усыпальницы может являться подлинным восстановлением жизни архитектурного объекта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Демидчик 2005 — Демидчик А. Е. Безымянная пирамида. Государственная доктрина Гераклеопольской монархии. СПб.: Алетейя, 2005.
- Демидчик 2012 — Демидчик А. Е. Письменные свидетельства смежности концепта Ка и понятия twt «изображение» // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XLV: Петербургские египтологические чтения 2011–2012. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. С. 68–74.
- Brand 2010 — Brand P. Reuse and restoration // UCLA Encyclopedia of Egyptology, 2010. URL: escholarship.org/uc/item/2vp6065d (дата обращения: 05.09.2018).
- Clère, Vandier 1948 — Clère J., Vandier J. Textes de la Première Période Intermédiaire et la XIème Dynastie. Bruxelles: Edition de la Fondation égyptologique reine Elisabeth, 1948.
- Daressy 1908 — Daressy G. Stele d'un prince Antef // Annales du Service des antiquités de l'Égypte [ASAE]. Vol. 9. 1908. P. 150–151.
- De Meyer 2005 — De Meyer M. Restoring the Tombs of His Ancestors? Djehutinakht, Son of Teti, at Deir al-Barsha and Sheikh Said // Internet-Beiträge zur Ägyptologie und Sudanarchäologie. Vol. 5. 2005. P. 125–135.

- Fay 2016 — Fay B. Let the Old Kingdom end and the Middle Kingdom begin! // Change and innovation in Middle kingdom art: proceedings of the MeKeTRE Study Day held at the Kunsthistorisches Museum, Vienna (3rd May 2013). London: Golden House Publications, 2016.
- Gilli 2013 — Gilli B. The past in the present: the reuse of ancient material in the 12th dynasty // *Aegyptos*. Vol. 89. 2013. P. 89–110.
- Grallert 2001 — Grallert S. Ägyptische Bau- und Restaurierungsinchriften von den Anfängen bis zur 30. Dynastie. Berlin: Achet Verlag, 2001.
- Lepsius 1849 — Lepsius C. R. Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien: nach den Zeichnungen der von seiner Majestät dem Könige von Preussen Friedrich Wilhelm IV nach diesen Ländern gesendeten und in den Jahren 1842–1845 ausgeführten wissenschaftlichen Expedition auf Befehl Seiner Majestät. Vol. 2. Berlin: Nicolaische Buchhandlung, 1849.
- Morenz 1998 — Morenz L. Besondere Zeichen aus der späten XI. Dynastie; zu den Inschriften des Antef, Sohn der Myt // Studien zur Altägyptischen Kultur, 1998. Bd. 25. S. 237–249.
- Navratilova 2016 — Navratilova H. Khaemwaset in Dahshur: the Prince and the Stones // Landgraffova R. — J. Mynarova, eds. Rich and Great. Studies in Honour of A. J. Spalinger. Prague: Charles University, Faculty of Arts, 2016. P. 259–266.
- Oppenheim, Allen 2002 — Oppenheim A., Allen J. The Inscription of Prince Khaemwaset // Arnold D. The Pyramid Complex of Senwosret III at Dahshur. Architectural Studies. New York: Metropolitan Museum of Art, 2002. P. 29–30.
- Pieke 2016 — Pieke G. Playing with traditions. The decoration of Djehutyhotep II's tomb at Deir el-Bersha reconsidered // Change and innovation in Middle kingdom art: proceedings of the MeKeTRE Study Day held at the Kunsthistorisches Museum, Vienna (3rd May 2013). London: Golden House Publications, 2016. P. 95–115.
- Russo 2007 — Russo B. Some Notes on the Funerary Cult in the Early Middle Kingdom: Stela BM EA 1164 // *The Journal of Egyptian Archaeology*. Vol. 93 (2007). P. 195–209.
- Sethe 1935 — Sethe K. Historisch-biographische Urkunden des Mittleren Reiches. Vol. 1. Leipzig: J. C. HINRICH'sche Buchhandlung, 1935.
- Snapé 2011 — Snapé S. Khaemwese and the Present Past: History and the Individual in Ramesside Egypt // *Ramesside Studies in honour of K. A. Kitchen* / ed. M. Collier & S. Snapé. Rutherford Press Ltd, 2011.

REFERENCES

- Demidchik A. E. *Bezymyannaia piramida. Gosudarstvennaia doktrina Gerakleopolskoi monarchii* (Nameless Pyramid. State doctrine of Geracleopolite monarchy). St. Petersburg: Aletya Publ., 2005 (in Russian).
- Demidchik A. E. Pismennyye svidetelstva smezhnosti kontsepta Ka i poniatiia twt "izobrazhenie" (Writing evidences of close connections between Ka-concept and twt "image"). *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha, XLV: Peterburgskie egiptologicheskie chteniia 2011–2012* (Transactions of the State Hermitage, XLV: St. Petersburg egyptological readings 2011–2012). St. Petersburg: The State Hermitage Publ, 2013, pp. 68–74 (in Russian).
- Brand P. Reuse and restoration. *UCLA Encyclopedia of Egyptology*, 2010. URL: escholarship.org/uc/item/2vp6065d
- Cléire J., Vandier J. *Textes de la Première Période Intermédiaire et la XIème Dynastie*. Bruxelles: Fondation égyptologique reine Elisabeth Publ., 1948.
- Darassy G. Stele d' un prince Antef. *Annales du Service des antiquités de l'Egypte [ASAE]*, vol. 9, 1908, pp. 150–151
- De Meyer M. Restoring the Tombs of His Ancestors? Djehutinakht, Son of Teti, at Deir al-Barsha and Sheikh Said. *Internet-Beiträge zur Ägyptologie und Sudanarchäologie*, vol. 5, 2005, pp. 125–135.
- Fay B. Let the Old Kingdom end and the Middle Kingdom begin! *Change and innovation in Middle kingdom art: Proceedings of the MeKeTRE Study Day held at the Kunsthistorisches Museum, Vienna* (3rd May 2013). London, 2016.

- Gilli B. The past in the present: the reuse of ancient material in the 12th dynasty. *Aegyptos*, vol. 89, 2013, pp. 89–110.
- Grallert S. *Ägyptische Bau- und Restaurierungsschriften von den Anfängen bis zur 30. Dynastie*. Berlin: Achet Publ., 2001.
- Lepsius C. R. *Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien: nach den Zeichnungen der von seiner Majestät dem Könige von Preussen Friedrich Wilhelm IV nach diesen Ländern gesendeten und in den Jahren 1842–1845 ausgeführten wissenschaftlichen Expedition auf Befehl Seiner Majestät*, vol. 2. Berlin: Nicolaische Buchhandlung Publ., 1849.
- Morenz L. Besondere Zeichen aus der späten XI. Dynastie; zu den Inschriften des Antef, Sohn der Myt. *Studien zur Altägyptischen Kultur*, vol. 25, 1998, pp. 237–249.
- Navratilova H. Khaemwaset in Dahshur: the Prince and the Stones. *Rich and Great. Studies in Honour of A. J. Spalinger*. Eds. R. Landgrafova, J. Mynarova. Prague: Charles University, Faculty of Arts Publ., 2016, pp. 259–266.
- Oppenheim A., Allen J. The Inscription of Prince Khaemwaset. *Arnold D. The Pyramid Complex of Senwosret III at Dahshur. Architectural Studies*. New York: Metropolitan Museum of Art Publ., 2002, pp. 29–30.
- Pieke G. Playing with traditions. The decoration of Djehutyhotep II's tomb at Deir el-Bersha reconsidered. *Change and innovation in Middle kingdom art: proceedings of the MeKeT-RE Study Day held at the Kunsthistorisches Museum, Vienna (3rd May 2013)*. London: Golden House Publ., 2016, pp. 95–115.
- Russo B. Some Notes on the Funerary Cult in the Early Middle Kingdom: Stela BM EA 1164. *The Journal of Egyptian Archaeology*, vol. 93, 2007, pp. 195–209.
- Sethe K. *Historisch-biographische Urkunden des Mittleren Reiches*. Vol. 1. Leipzig: J. C. Hinrich'sche Buchhandlung Publ., 1935.
- Snape S. Khaemwese and the Present Past: History and the Individual in Ramesside Egypt // *Ramesside Studies in honour of K. A. Kitchen* / ed. M. Collier & S. Snape. Rutherford Press Ltd, 2011.

С. В. Тарханова

ОСНОВАНИЯ РИМСКИХ ПОСТРОЕК И СПОЛИИ В РАННЕВИЗАНТИЙСКИХ ЦЕРКВЯХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ МЕЧЕТЯХ ТЕЛЯ ШИЛО (САМАРИЯ)*

Представляемое здесь исследование посвящено элементам архитектурного декора (базы, колонны, капители, перемычки, детали алтарных преград, декоративные рельефы, др.), которые были найдены в памятниках теля Шило в первичном (in situ), вторичном, третичном использовании или вне архитектурного контекста. Малая часть из них кратко опубликована, но большая их половина никогда не публиковалась и не анализировалась. Основная часть исследования включает в себя каталогизирование объектов, их обмеры, стилистический анализ и атрибуцию с предположительными датировками (данные работы уже частично проведены автором, материал неоднократно изучался натурно). Но прежде необходимо уточнить топографические особенности римского города, остатки ранних строений, дорог, из которых могли происходить детали, расположение ранневизантийских церквей с ориентацией на уже существующий контекст, чему и посвящена данная статья. Таким образом, здесь характеризуется эллинистический, римский контекст города, с последовательно вписанным в него ранневизантийским и раннеисламским, что до сих пор делалось лишь кратко и неполно.

Ключевые слова: тель Шило, Самария, римские дороги, церкви, мечети, капители, фусты колонн, базы, перемычки, алтарная преграда, перестройки, переход

S. V. Tarkhanova

FOUNDATIONS OF ROMAN STRUCTURES AND SPOLIA IN EARLY BYZANTINE CHURCHES AND MEDIEVAL MOSQUES AT TEL SHILO (SAMARIA)

The present research is devoted to reporting on the recovery of architectural fragments in the Roman and Byzantine periods (bases, pedestals, shafts, capitals, lintels, chancel screen elements, decorative reliefs, etc.). They were found at the monuments of Tel Shilo in situ, in secondary, in tertiary use or out of the architectural context. Only a small part of them was published as part of the general reports on the excavations at Tel Shilo, which were conducted by Swedish and American expeditions and in the framework of regular works of the Civil Administration of Judea and Samaria (Dr. Aage Shmidt, Hans Kjær, Sven Holm-Nilsen, Marie-Louise Buhl, Flemming Gorm Andersen, Hananya Hizmi, Reut Livyatan ben Arie, Yodan Fleitman, et al.). Most of them (especially the fragments at the Basilica church, which I consider mainly Roman spolia) weren't published or ever analyzed, except in some very general works and in general photographs. Besides, several architectural fragments were found during the last years of the excavations. The main section of the research includes a catalog of the objects, their measurements, stylistic analysis, attribution with preliminary dating. This work was accomplished in part and is still ongoing. The objects were examined at the site, photographed against the scale, and measured. But before proceeding to this main part of the research, it is necessary to outline and to present the main Roman and Early Byzantine architectural context at Tel Shilo. It is impossible to discover the original derivation, function, actual date and style of the details without characterization of the monuments, for which they may have been originally executed. Thus, the present article is devoted mainly to the architectural context of the town, which is divided into three main periods with sub-phases: Late Hellenistic and Roman decumani with several smaller in their scale cardines, their rebuilding during the Late Roman period (enlarging of the western colonnade of decumanus in front of cardo), tower on the outer edges

* Исследование выполнено за счет средств Государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг. в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН, тема 1.2.19 «Архитектурный декор в Шило (Самария). Римский, ранневизантийский и раннеисламский периоды» (рук. С. В. Тарханова).

of the settlement; Early Byzantine Northern churches, baptistery and Basilica church, which were, by my theory, inserted into the earlier system of roads with the use of their foundations, stylobate and members (though plenty of Roman spolia were reused, liturgical furniture was especially imported for the churches); and finally — Early Islamic mosques (Jami' al Yetin, Jami' Arbain, Jami' es-Sittin), that were built on the place of the churches and inside the Roman tower with the use of all their elements (it seems that no special decorative elements were executed for mosques). It was done only in a brief and fragmentary manner before, without general systematization. The preliminary attempt to coordinate the known architectural details to their original architectural context is also presented here.

Keywords: Tel Shilo, Samaria, Roman roads, churches, mosques, capitals, shafts, bases, lintels, chancel screen, rebuilding, transition

Тель Шило (Tel Shiloh, Khirbet Seilun) расположен в Самарии (Израиль), в 13 км на юго-восток от современного Ариэля, в 4,5 км на восток от древней римской дороги, ведущей из Иерусалима в Неаполис, между двумя долинами — Вади Али на севере и Вади Муса на юге. Он был идентифицирован в первой половине XIX в. как важное библейское место и религиозный центр периода раннего железа (Iron Age I), или иначе — в эпоху Судей (1150–1050 гг. до н.э.). Долгое время тель Шило был местом паломничества всех колен Израилевых по той причине, что здесь находился Ковчег Завета до тех пор, пока его не похитили филистимляне, предав огню и опустошению весь город (Нав. 18:1; Суд. 21:19; Иер. 7: 12–14)¹. Библейская история теля богата событиями, описание которых заняло несколько монографий и множество статей, и в данной работе внимание будет уделено более позднему, классическому периоду.

В римское и ранневизантийское время память о ветхозаветной значимости этого места все еще сохранялась и стала особенно актуальна в период создания

и развития традиции христианских Iosa sancta на Святой Земле. Именно тогда тель Шило стал часто посещаться христианами паломниками, было выстроено несколько церквей. Место фигурирует в многочисленных итинерариях IV–VI вв. н.э. Данный вопрос скрупулезно был разобран Й. Тсаффриром, Л. Де Сегни, Дж. Грином, Б. Багатти, И. Магеном, Е. Арановичем². Изображение теля Шило с греческой подписью, которая переводится как «здесь был Ковчег», встречается на Мадабской карте VI в. Интересно, что паломники, побывавшие здесь, упоминают именно остатки разрушенного Ковчега или некоего еврейского святилища, но не церкви, за исключением скорее метафоричного, чем реального высказывания Иеронима Блаженного (конец IV в.): «С Христом на нашей стороне мы пройдем через Шило и Бетэль и через другие места, где церкви были построены как штандарты победы нашего Господа» (Ер. 46, 13, Pl. 22, 492)³. Город возродился после персидского и арабского нашествий VII в. По всей видимости, историческая память о библейском прошлом этого места не исчезает, о чем свидетельствуют упоминания мусульманских пилигримов, рассмо-

¹ И в настоящее время тель Шило является одним из важнейших туристическо-паломнических объектов Самарии, который посещают тысячи иудейских паломников в год. Главными объектами их интереса являются два предположительных места, где мог находиться Ковчег Завета: на вершине холма и на его северном склоне.

² Петр Диакон (цитирует Эгерия, IV в.), Евсевий Кесарийский (IV в.), Иероним (IV в.), Феодосий (VI в.) (Bagatti 2002: 49–50; Magen, Aharonovich 2012: 161–165; Tsafir, Di Segni, Green 1994: 232).

³ Пер. с англ. автора, по: (Bagatti 2002: 48).

Ил. 1. Шило. План местности, с обозначением основных построек (Bagatti 2002: 49, Fig. 11; Conder, Kitchener 1881: 368)

тренные в труде Б. Багатти довольно подробно (Bagatti 2002: 50). Обитание как таковое не прерывается с раннеисламского периода и вплоть до османского. Церкви перестраиваются в жилые дома или мечети. Когда в 1881 г. Кондер и Китченер впервые картографировали план местности и построек (Conder, Kitchener 1881: 368), поселение представляло собой обычную сельскохозяйственную деревню, населенную осевшими бедуинами (ил. 1). Вокруг мечетей были выстроены загоны для скота, о чем свидетельствуют ранние фотографии местности. Первые раскопки были проведены датскими археологами в 1922 г. (директор раскопок доктор А. Шмидт (Dr. Aage Shmidt)), но, к сожалению, часть полевых записей была утеряна; вышли

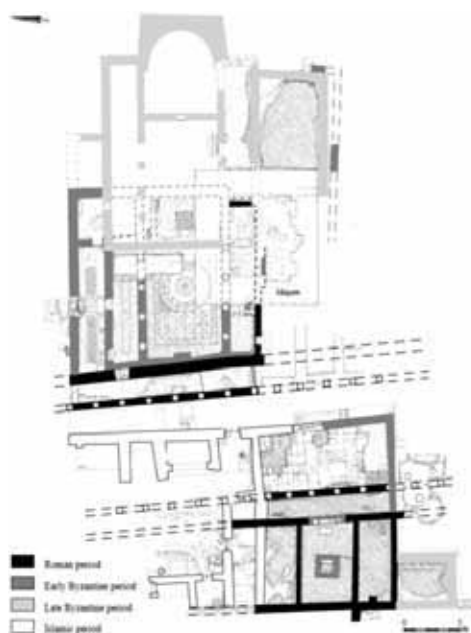
в свет только предварительные отчеты. Затем в 20–30-х гг. XX в. в Шило снова работала датская экспедиция: три сезона 1926–1932 гг. были проведены под руководством Шмидта и Г. Кейра (Hans Kjær); сезон 1963 г. — под руководством С. Холм-Нилсена и М.-Л. Буль (Sven Holm-Nilsen and Marie-Louise Buhl), поздние слои копались под руководством Ф.Г. Андерсена (Flemming Gorm Andersen). Раскопки возобновились в 1980 г. в рамках программы археологических разведок в земле колена Ефрема (Ephraim Hill country survey) и затронули как библейские, так и более поздние остатки, вплоть до мамлюков. В 1981–1984 гг. раскопками занимался университет Бар-Илана под руководством И. Финкельштейна (Israel Finkelstein), Ш. Бунимовича (Shlomo Bunimovitz) и Ц. Ледермана (Zvi Lederman) (Kempinski, Finkelstein 1993: 1364–1370). После длительного перерыва новые раскопки начались в 2000-х гг. на базе деятельности Гражданской администрации Иудеи и Самарии (подразделение Министерства древностей) при участии целого ряда археологов. В настоящее время археологические работы ведутся под руководством Х. Хизми, Р. Ливятан-бен-Ариэ и Й. Флейтмана (Hananya Hizmi, Reut Livyatan ben Arie, Yodan Fleitman)⁴. Ежегодно в раскопках участвуют также археологические миссии из Америки. Нахождение в Шило Ковчега Завета остается наибольшим стимулом для дальнейших изысканий, к сожалению, в ущерб более поздним эпохам, в частности, ранневизантийской.

Поселения библейского времени (среднебронзовый период, период раннего железа) последовательно располагались на вершине теля, в то время как

⁴ В 2016 г. в раскопках удалось поучаствовать и автору этой статьи.

в эллинистический, римский и византийский периоды строения спускаются на его пологий южный склон. В I–II вв. н.э. появляется традиционная планировка улиц по гипподамовой системе. Ранее, кроме одной кардо, другие улицы не выделялись, поэтому полное описание сетки улиц будет приведено ниже в качестве выводов. Вершина тела с этого периода времени остается полузаброшенной, хотя, если судить по упоминаниям паломников, почитаемой в качестве библейской святыни.

Всего на теле было найдено четыре ранневизантийских церкви, все располагались на южном склоне (частично опубликованы уже в корпусе Овадия (данные до раскопок): *Ovadia* 1970: 164–165). Северные церкви (ил. 2–3), построенные одна над другой (перестроены в мечеть Джамии аль-Йетин (*Jami' al Yetin*)), вместе с рядом расположенным отдельно стоящим баптистерием

Ил. 2. План римской кардо, северных церквей, баптистерия (*Magen, Aharonovich* 2012: 162, Fig. 1) ~~(на всю страницу)~~

Ил. 3. Общий вид северных церквей и мечети Джамии аль-Йетин. Фото С. Тархановой, 2016 г.

Ил. 4. Общий вид баптистерия. Фото С. Тарханова, 2016 г.

(ил. 4), а также базиликальная церковь (перестроена в мечеть Джами Арбаин (Jami' Arbain))⁵ вписаны в эллинистиче-

⁵ Базиликальная церковь использовалась в качестве жилых пространств в ранне- и поздней исламские периоды; предположительно, служила как мечеть Джами Арбаин (Jami' Arbain; пер. с араб. «мечеть сорока»). Внутри церкви было найдено два захоронения с неясной датировкой. Возникли после ее запустения. После раскопок 1932 г. Шмидт по условной реконструкции организовал на месте открытой им византийской церкви строительство новой, которая до сих пор остается используемой в качестве музея. По свидетельству Багатти, он возводил строение на свои собственные сбережения и какое-то время жил в Шило отшельнической жизнью (Bagatti 2002: 54). Во время Второй мировой войны базилика сильно пострадала, часть реконструкции, которая включала в себя византийские детали, была утрачена (см. довоенное фото: Bagatti 2002: Pl. 13.2). Затем в 1947 г. были украдены двери и крыша базилики, что привело к значительным утратам мозаики. О перестрой-

скую и римскую городскую застройку и частично ее используют. Паломническая церковь⁶ находится за пределами римского города, куда были традиционно вынесены разнообразные сельскохозяйственные производства (ил. 5); найден винодельческий пресс и другие производственные сооружения). Двойная мечеть Джами эс-Ситтин (Jami' es-Sittin; пер. с араб. «мечеть шести-десяти»), вероятно, изначально являлась римской крепостью и находилась на южных подступах к поселению (ил. 6).

как церквей Шило в мечети и их использовании в раннеисламский период см. Schick 1995.

⁶ В настоящее время на месте паломнической церкви выстроен современный зал приемов, под которым скрыты все ранневизантийские остатки. Какого-либо декора этой однефной церкви не сохранилось, кроме нескольких фрагментов мозаичного пола. Поэтому в статье ей будет уделено наименьшее внимание.

Ил. 5. Общий вид базиликальной церкви. Фото С. Тархановой, 2016 г.

Ил. 6. Общий вид Джамии эс-Ситтин. Фото С. Тархановой, 2016 г.

Ил. 7. Дверная перемычка из Джамии эс-Ситтин
(Andersen 1985: 79, Fig. 26)

Багатти высказывал мысль о том, что одна из мечетей, включенных в общее строение Джамии эс-Ситтин, являлась синагогой III–IV вв. н.э. (Bagatti 2002: 50–51). Но никаких точных сведений, кроме некой общей традиции, нет. В ней использованы архитектурные элементы (капители, базы, колонны), аналогичные тем, что найдены в базиликальной церкви, поэтому она также включена в описание. Ее знаменитая дверная перемычка, известная уже только по изображениям и старым фотографиям (украшена рельефной амфорой с двумя лавровыми венками по сторонам; утрачена), если судить по ее декору, могла быть римской спolieй, а не деталью синагоги, как принято считать (ил. 7).

Самые ранние из рассматриваемого отрезка времени архитектурные свидетельства относятся к рубежу эр. Незначительные остатки некой ранней апсидальной постройки были частично использованы при строительстве находящейся к западу от них базиликальной церкви (ил. 8). Затем поселение, насколько можно судить по доступным на настоящий момент археологическим данным, остается заброшенным до конца III — начала IV в. н.э. Этим периодом датируются остатки римской кардо с двумя рядами колоннад и боковыми портиками (изначально крытыми), общей шириной 13,7 м. Дорога была открыта в 2010-х гг. при раскопках под руководством И. Магена и Е. Арановича. Выявленный участок

кардо ориентирован по оси северо-запад — юго-восток. Такое небольшое отклонение относительно абсолютной географической оси север — юг традиционно для ближневосточной архитектуры и обусловлено, скорее всего, ориентацией на зимнее солнцестояние при определении сторон света, а не на летнее. Полы портиков были украшены простыми мозаиками, набранными из крупных белых тессер. В северном портике от них сохранилось основание из мелких плотно уложенных камней, в южном сохранилась сама мозаика. Центральная часть дороги была вымощена крупными квадратами параллельно уложенных камней. Забегая вперед, скажем, что стилобаты этой кардо, самой широкой в городе, совпадают с шириной стилобатов не таких широких декуманосов: приблизительно 55–60 см в разных частях, в зависимости от размера самих квадратов. Археологами было замечено, что на отрезке южного стилобата сохранились углубления для плит колонн (ил. 9). Дополняя их анализ, отметим, что плиты имеют необычную прямоугольную форму: их длина составляет 70–75 см, что приблизительно на 10–15 см превышает их ширину. Они были утоплены в стилобаты на несколько сантиметров, одна из границ для большей устойчивости вырезалась не по шву между квадратами, а с отступом на несколько сантиметров от него. Таким образом, квадратные плиты в данном случае должны были выступать за пределы стилобатов, на 5–7 см с каждой стороны. Такое несоответствие в размерах важных архитектурных элементов указывает на вторичное использование либо только стилобатов, либо и стилобатов, и баз, которые пытались подогнать друг к другу. Возможно также следующее объяснение. На стилобатах других улиц не сохранились подобные фиксирующие углубления. Это могло быть обусловлено тем, что в других

Ил. 8. Остатки ранних строений (эллинистический или раннеримский период, II–I вв. до н. э.) за апсидой базиликальной церкви. Фото С. Тархановой, 2016 г.

Ил. 9. Углубления на стилобатах для фиксации плинтос. Фото С. Тархановой, 2016 г.

случаях размеры плитов были подходящими и дополнительная их стабилизация не требовалась. Таким образом, за счет увеличенного размера колонн пытались выделить особенную роль дороги или какого-то здания вдоль нее.

Также к римскому периоду Магеном и Арановичем были отнесены строения из трех залов (11,30 × 8,30 м), расположенных к западу от главной кардо и практически перпендикулярно ей (ил. 1, 4)⁷. Центральный из залов самый широкий (4,70 м), два боковых уже и практически симметричны друг другу (2,90 м, 2,60 м). По мнению археологов, три зала были отделены друг от друга стенными перегородками, центральный зал открывался в сторону кардо портиком (*Magen, Aharonovich* 2012: 194). Но обращает на себя внимание особенный пропорциональный строй «здания»: он соответствует обычной дороге со стилобатами и боковыми портиками, где ширина центральной части относится к боковым пролетам приблизительно как 5/3 или 3/2. Южная перегородка вне всяких сомнений являлась стилобатом. Северная стена также выстроена, скорее всего, на стилобате. Их ширина самая малая из всех известных в Шило: лишь 40 см. То есть перед нами, по всей видимости, небольшой декуманос, который примыкал к кардо с восточной стороны и был довольно коротким. В ранневизантийский период декуманос был превращен в баптистерий, с сохранением трехчастного деления внутреннего пространства и с использованием стилобатов в качестве основания стен. В центральном зале была построена купальня из продолговатых известняковых квадров, типичных для римской кладки. При строительстве баптистерия, помимо использования ма-

лого декуманоса, была застроена большая часть кардо, что значительно сократило эту главную городскую артерию, но не упразднило ее целиком.

Среди деталей, обнаруженных в районе баптистерия, можно отметить фрагмент арочной перемишки, украшенный фасциями, небольшую коринфскую капитель (скорее всего, византийскую; высота 0,40 м, нижний диаметр 0,20 м) и фрагмент абакиса еще одной капители, украшенный двумя рядами шевронов (*Ibid.*: 200, fig. 57, nos. 1, 4, 5).

К западу от декуманоса располагались две т.н. северные церкви — ранняя и выстроенная на ее основании поздняя (ил. 1, 3). Обе также были открыты Магеном и Арановичем. Квадратная мечеть Джамии аль-Йетин (10 × 9,6 м; обмер автора с использованием масштабной линейки), выстроенная на месте обеих церквей, включая южную галерею, частично была исследована в 1932 г. Г. Кейром. Ранняя северная церковь (19 × 18,50 м) проста по плану: это трехнефная базилика, восточная часть которой завершалась апсидой, а полы покрывались мозаичным декором. Это самый ранний из известных в Шило христианских памятников и по данным эпиграфики датируется началом V в.⁸ Предположение о том, что церковь была встроена в римский декуманос, до сих пор не высказывалось, но все детали на это указывают. Как и небольшой декуманос под баптистерием, он также ориентирован по оси восток — запад практически без отклонения, что создает неперпендикулярный угол пересечения с главной кардо. В целом пропорцио-

⁷ Отклонение от абсолютных сторон света не такое значительное, как в случае с кардо, т.е. линии практически точно совпадают с осью восток — запад.

⁸ По надписям, где упоминается епископ Севастии Евтоний, известный по участию в соборе в Лидде в 415 г., этим периодом датировали уже упомянутый баптистерий и т.н. раннюю северную церковь (*Segni Di* 2012: 213–214). Предположительно, первая строительная фаза баптистерия также относится к этому времени.

нальный строй римской дороги и базиликального строения оставался близким на протяжении всего римского и ранневизантийского периода, равно как и сам принцип простого разделения пространства на три зала за счет двух параллельных колоннад. По неясной причине поверхность дороги вместе с облицовкой и возможными мозаиками, а также вместе с верхней частью стилобатов была выбрана примерно на 60 см вглубь. Общий уровень ранних и поздних построек в этой части поселения был единообразен, и церковь на их фоне буквально утопает. Причины такого архитектурного решения, которое потребовало немало дополнительных усилий, не вполне ясны. Возможно, в практическом смысле хотели максимально использовать боковые стены портиков дороги: их остатки, оштукатуренные вместе с фундаментом из крупных камней, видны в самой церкви, а также под частично раскопанным полом в мечети. Фундаменты стилобатов из крупных необработанных камней были использованы в качестве новых стилобатов церкви. Западная стена церкви совпадает со стеной портика ранней кардо, а портик, который соединял кардо и декуманос, превращен в нартекс. Возможно, причины погружения церкви ниже общего уровня строений были идейными: верующие могли попасть в храм через вход с северной стороны или же с центральной дороги, ставшей гораздо уже после строительства баптистерия, но не в центральный неф, а в боковой, северный, который был на несколько сантиметров выше остальных нефов.

Поздняя северная церковь была построена в VI в. При этом ранняя церковь была полностью засыпана, а на ее месте выстроен атриум. Церковь VI в. имела форму трехнефной базилики, восточная часть которой завершалась выступающей апсидой, полукруглой с внутренней

Ил. 10. Место северной колоннады поздней северной церкви. Стилобат декуманоса, покрытый мозаикой. Фото С. Тархановой, 2016 г.

стороны и трапециевидной с внешней. С северной и южной стороны были построены галереи, не по всей длине базилики. Размеры церкви были гораздо крупнее ранней: 34,50 × 14,00 м (включая атриум). К счастью новых строителей, большая часть стилобатов была нетронутой, что и было использовано в полной мере. В атриуме оставшиеся основания стилобатов были использованы для колоннад портиков. На то, что стилобаты храма относятся к более раннему периоду, указывают несколько непрактичных с архитектурной точки зрения решений, если учитывать только византийскую фазу. Так, по перепаду высоты мозаики заметно, что стилобаты непрерывны вдоль всей базилики (ил. 10).

Ил. 11. Основание ~~стилобата~~ из крупных булыжников и камней среднего размера под стилобатом декуманоса. Северная часть вимы поздней северной церкви. Фото С. Тархановой, 2016 г.

В наосе стилобаты были немного подпилены, сглажены и закрыты мозаичным полом в интерколумниях; только под колоннами были оставлены квадры, которые стали играть роль плит. В восточной части базилики каменная кладка стилобатов открыта, но над северным стилобатом частично сохранились фрагменты мозаики, заползающие на нее, что указывает на то, что из-за перепада высот между квадратами стилобатов и мозаикой полов последние были просто утрачены (возможно, в процессе бытования церкви). Вима и апсида церкви сильно пострадали из-за последующих перестроек и другой активности на этом месте, поэтому стало возможным скрыть до скалы большую часть вимы и ее основания. В результате обнажилось глубокое двухслойное основание под стилобатами в виде мелких и затем крупных

необработанных камней (ил. 11). Более того, стилобаты продолжались и за пределы восточной стены базилики далее на восток, что частично использовалось при устройстве стен апсиды. Ради сужения ее боковых стен стилобаты и их основания были частично разобраны, хотя общее направление сохранилось. В результате апсида приобрела полигональную форму с внешней стороны. Общая ширина стилобатов декуманоса совпадает с шириной стилобатов главной кардо (55–60 см), но углублений на декуманосе, в отличие от кардо, не заметно. Скорее всего, в этом случае базы были подходящего размера.

В районе баптистерия и северных церквей сохранились по крайней мере три базы, которые по своим профилировкам похожи на позднеримские: большая тосканская база, с размером плин-

та 0,71 м по каждой из боковых сторон (общая высота 0,40 м, диаметр верхнего профиля 0,57 см) (*Magen, Aharonovich* 2012: 200–201, Fig. 57.2); две аттические базы, с размером плитов 0,61 м в первом случае (находится в северо-западной части церкви; не опубликована (ил. 12)) и 0,41 м во втором. Последняя использована в мечети в качестве капители; не опубликована (ил. 13). Еще одна база совершенно особенная: она имеет редкие октагональные очертания высокого пьедестала, с диаметром описанной окружности 0,40 м (длина грани 0,20 см, общая высота 0,70 м) (*Ibid.*: 200–201, Fig. 57.3). Считается, что она могла быть основанием небольшого языческого алтаря. Из всех упомянутых баз только одна аттическая соответствует по своим размерам найденным в церкви римским стилобатам и, видимо, была изначально изготовлена специально для него. В то время как малая аттическая база по своим размерам соотносится со стилобатами декуманоса под баптистерием.

Среди византийского декора, который был специально изготовлен для церкви (скорее всего, именно для этой) следует отметить два мраморных столбика, типичных для алтарных преград. Они были использованы в мечети Джами аль-Йетин для оформления михраба (фланкируют нишу). Интерьер мечети с двумя данными столбиками был зарисован в 1926 г. К. Кристенсеном (C. Christensen) и переиздан Андерсеном в 1985 г.⁹ В 2016 г. во время раскопок Аббасидского дома к югу от северной церкви был найден еще один аналогичный столбик, а также часть мраморной круглой колонны, нижняя треть которой была украшена слепыми канелюрами, а верхняя — диагональными. Послед-

⁹ Западный столбик на этом рисунке выломан и находится на полу, в настоящее время занял свое место в михрабе.

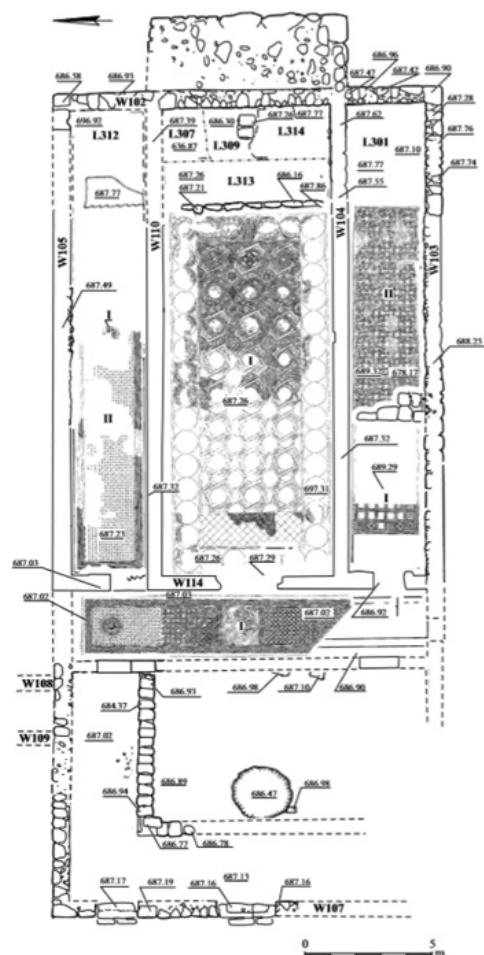

Ил. 12. Аттическая база из поздней северной церкви. Фото С. Тархановой, 2016 г.

Ил. 13. Аттическая база, использованная в качестве капители в мечети Джами аль-Йетин. Фото С. Тархановой, 2016 г.

няя деталь типична для конструкции кивория в церквях. Круглая известняковая колонка, увенчанная стилизованной лотусовидной капителью, могла принадлежать престолу церкви (высота 0,36 м, капитель 0,115 × 0,10 м). Часть мраморной панели, украшенная равносторонним крестом, скорее всего, также относилась

Ил. 14. План базиликальной церкви (Dadon 2012: 224, Fig. 1)

к алтарной преграде (0,36 × 0,33 × 0,06 м) (*Ibid.*: 201–202, fig. 59). Размеры вимы поздней северной церкви достаточны велики, чтобы там мог находиться киворий. Помимо этого, в Джамии аль-Йетин были вторично использованы фрагменты перемычек, украшенные в одном случае крестом в медальоне в виде лаврового венка (диаметр 0,25 м), в другом случае — крестом, вписанным в круг (диаметр 0,20 м; оба креста сбиты) (*Ibid.*:

201, fig. 58). В дверном проеме мечети в качестве пяты арки была использована пирамидальная база, напоминающая римский или ранневизантийский декор дверных проемов набатейских городов.

Базиликальная церковь была раскопана в 1932 г. Шмидтом (шурфы были сделаны в 1929 г.) (Anderson 1985: 54). Материалы раскопок были лишь предварительно опубликованы, включая план базилики и описание находок. Все полевые записи погибли во время пожара. Вероятнее всего, более или менее подробная часть, посвященная базиликальной церкви в отчете Андерсена, основана на неполной публикации Шмидта и не включила в себя даже то, что было доступно на тот момент. В ней не учитываются многие архитектурные и скульптурные детали, в то время как описываются находки буквально первых дней раскопок: могилы или поздние дома, найденные в верхних слоях над церковью (*Ibid.*: 49–55). В 2010-х гг. Р. Ливятан-бен-Ариэ провела еще несколько сезонов, во время которых были открыты атриум и южная часовня, примыкающие к базилике (материалы не опубликованы). Статья 2012 г. М. Дадона посвящена в основном мозаикам церкви, их декору и стадиальности. Опубликованный им план базилики (ил. 14) в настоящее время уже устарел (Dadon 2012: 224, fig. 1). Новый план, который учитывает две фазы строительства церкви, уже зарисован (худ. Ф. Портнов) и ждет своей публикации.

В плане базиликальная церковь представляет собой трехнефный зал (24,90 × 15,40 м), с примыкающими к нему с западной стороны нартексом и атриумом, с южной стороны — галереей со встроенной в нее часовней. Конструкция апсиды, завершающей базилику с востока, на первой строительной стадии неясна, в то время как на второй стадии новая апсида была существенно

вынесена на восток по отношению к предыдущей (размеры этой части: $3,55 \times 7,80$ м), боковые нефы удлинены и их восточные части превращены в пастофории¹⁰. Церковь приблизительно отнесена к середине VI в., с последующей перестройкой (Andersen 1985: 50) (т.е. она единовременна поздней северной церкви).

Нет сомнений, что и эта церковь была выстроена на основании еще одного декуманоса. Ширина нефов, как боковых, так и центральных, а также ширина стилобатов в обеих церквях практически точно совпадают: ширина нефов $2,4 \times 6,63 \times 2,4$ м (поздняя северная), $2,7 \times 6,65 \times 2,7$ м (базиликальная); ширина стилобатов 0,55–0,60 м. Стены второй апсиды базиликальной церкви, выступающей восточнее первой, были несколько сужены относительно ширины центрального нефа, что потребовало разборки стилобатов, как и в северной церкви. Однако два хорошо уложенных квадрата, которые сохранились на юго-восточном углу апсиды, свидетельствуют о продолжении стилобатов и на восток от строения базилики. Соответственно, были разобраны при ее строительстве.

В базиликальной церкви было найдено наибольшее число римских споллий. Мнение о том, что сохранившиеся там детали были вторично использованными, высказал уже Андерсен, заметив несоответствие в размерах стилобата и базы (*Ibid.*: 51). Также Андерсен упоминает один фуст колонны и одну коринфскую капитель. О том, что уже во времена Андерсена (1960–1980-е гг.) реальное количество деталей было больше, свидетельствует описание Багатти, приведенное им после посещения Шило в 60-х гг. XX в. (*Bagatti* 2002: 52–54). В таком виде детали были установлены сразу после

реставрации базилики в 1930-х гг. Также Андерсен сообщает о вторичном использовании частей колонн и полусотни мелких фрагментов коринфских капителей в поздних строениях на месте церкви.

Сейчас в церкви хранятся фрагменты двенадцати фустов колонн, двенадцать аттических баз и две коринфские капители. Все они вырезаны из грубой породы известняка с кремниевыми брекчиями. Часть аналогичных фустов, а также две идентичные капители находятся в Джами эс-Ситтин, и уже Андерсен предположил, что они были взяты из церкви для строительства мечети (описал только одну капитель и одну колонну).

Все двенадцать баз единообразны по набору профилировок и размеру. Примечательно, что он пишет лишь об одной базе, которая была найдена *in situ* на стилобате, хотя в настоящее время в церкви их находится двенадцать. И хотя размеры, по крайней мере, стороны квадратного плинта (0,72 м) и его высота (0,23 м) совпадают с размерами одного из двух типов баз (обмер автора), описание самой базы не совпадает ни с одним из них. Андерсен описал базу, которую можно отнести к тосканскому ордеру: на плинт опирался один торус и нижний барабан колонны, все вырезаны из одного куска камня¹¹. Все же двенадцать баз церкви относятся к аттическому ордеру. По своей морфологии они одинаковы и состоят из нижнего квадратного плинта¹² и двух торусов со скоцией между ними в верхней ча-

¹¹ Общая высота торуса и барабана колонны по Андерсену — 0,20 см. Высота двух торусов и скоции между ними реальной базы 0,24 см.

¹² С I в. н.э. чаще всего плинты и базы вырезались из одного куска камня, что упрощало согласование пропорционального соотношения высоты базы и колонны (по Витрувию высота колонны относилась к базе как 5/6).

¹⁰ Данная часть церкви оказалась за пределами реконструированного в 1930-х гг. здания.

Ил. 15. Аттическая база из базиликальной церкви. Первая группа. Фото С. Тархановой, 2016 г.

Ил. 16. Аттическая база из базиликальной церкви. Вторая группа. Фото С. Тархановой, 2016 г.

сти. Но общие размеры баз и пропорции их профилировок отличаются, поэтому двенадцать баз могут быть разделены на две группы, по шесть артефактов в каждой. По своим пропорциям и профилировкам предметы обеих групп отличаются от классических римских образцов и являются произведениями местных мастерских позднеимперского периода.

В первой группе (ил. 15) базы крупнее и общие пропорции более тяжеловесны за счет того, что филлеты между торусами

и скоцией очень тонкие, как бы сдавленные; вместо того, чтобы быть вертикальными, они диагональны в продольном разрезе. В то же время сами профилировки вырезаны очень деликатно. Верхний торус практически плоский и совпадает по своему диаметру как с верхней частью базы, так и со скоцией (0,54–0,55 м), в то время как в классических образцах он полукруглый и выступает за пределы скоции. Соответственно, и нижний диаметр колонны, опиравшейся на базу, был идентичным. Профилировка нижнего торуса (диаметр 0,61 м) не симметрична; вместо более привычных очертаний как бы «стекающего», он, скорее, «взбит кверху», т. е. самый широкий диаметр торуса находится не в нижней его части, а в верхней. Плиты имеют ширину 0,71–0,72 м и выступают с каждой из сторон стилобата на 5–7 см. Общая высота данных баз 0,48 м, высота плинта 0,24 м, высота базы 0,24 м, т. е. при вырезании базы кусок камня был поделен между плинтом и верхней частью поровну.

Вторая группа баз (ил. 16) не такая крупная по своим общим размерам, пропорции профилировок более грубые. Филлеты между торусами и скоцией широкие, артикулированные, вертикальные в продольном разрезе. Верхний торус в данном случае идентичен по своему диаметру с верхней частью базы (0,48 м), но скоция более классична по своим пропорциям и ее диаметр меньше (0,45–0,46 м). Диаметр нижнего торуса 0,585 м. Общая высота данной группы баз 0,43 м, высота плинта 0,18 м, высота базы 0,25 м. Плиты имеют ширину 0,69–0,695 м и выступают с каждой из сторон стилобата на 3–5 см. Таким образом, и данные базы тоже были вторично использованы в церкви, но взяты из какого-то другого строения в городе. Вероятнее всего, первая группа баз более поздняя, чем вторая, т. к. в ней боль-

Ил. 17. Фуст колонны в базиликальной церкви, найденный во вторичном использовании в качестве порога. Фото С. Тархановой, 2016 г.

ше отступлений от классического кано-на аттического ордера.

Таким образом, наряду с еще одной тосканской базой из северной церкви (см. выше), первая группа баз из базиликальной церкви соответствует своими размерами углублениям на стилобате главной кардо и, скорее всего, оттуда и происходит. При том, что плиты и там выступали на 5–7 см с каждой из сторон стилобатов, они были практически точно зафиксированы в углублениях по продольным своим осям. Происхождение второй группы баз неясно.

Из всех фустов колонн только один сохранился в полную свою высоту (использован в качестве порога в исламский период в южном боковом нефе церкви). Андерсен пишет о двух фрагментах одной колонны, общая высота которых насчитывала 3,10 м. По его

предположению, оригинальная высота колонны достигала 4,50 м (Andersen 1985: 51). Вслед за Андерсеном, Дадон повторил данный размер, который был обозначен как приблизительный, в качестве окончательного размера всех колонн (Dadon 2012: 225). По моим же наблюдениям, оба куска колонны соединяются в целый фуст без дополнительных фрагментов, и общая их длина составляет 3,50 м (ил. 17). Верхняя часть колонны оформлена астрагалом, или апофигом (apophyge superior; общая его высота 8 см) в виде двух уплощенных профилировок с разными диаметрами (0,55 м нижний, 0,57 м верхний; сама колонна в верхней части до апофига — 0,53–0,54 м). Нижняя часть оформлена также апофигом (apophyge inferior; общая его высота 9 см) в виде одного плоского профиля (диаметр 0,57–0,58 м; сама

Ил. 18. Коринфская капитель из мечети Джамии эс-Ситтин. Фото С. Тархановой, 2016 г.

колонна в верхней части до апофига — 0,54–0,55 м). Хотя при осмотре кажется, что колонна имеет признаки энтазиса, обмеры доступных частей показывают, что энтазис отсутствует, что апофиги были вырезаны из одинаковых по высоте и ширине «ошейников», а весь фуст имел равномерный диаметр во всех своих частях. Некоторые из остальных фрагментов фустов также имеют следы апофигов, как верхних, так и нижних, идентичных по своим размерам монолитной колонне. По своим размерам фусты колонн шире обеих групп баз на 3–10 см и с трудом с ними соотносятся. Хотя некоторая допустимая несоразмерность как баз, так и самих фустов позволяет предположить (нужно учитывать, что обмеры были проведены только на одних образцах из многих), что колонны могли все-таки соотноситься с базами первой группы и, таким образом, происходить из портика позднеримского кардо.

Две коринфские капители, находящиеся в базиликальной церкви, а также две капители из мечети Джамии эс-Ситтин идентичны по декору и, несомненно, были созданы для одного здания и в один период времени (ил. 18). Хотя размеры

их не вполне совпадают, равно как и отдельные детали встречаются не на всех капителях (например, флеврон на одной из волют капители в мечети), но другие более выдающиеся и примечательные стилистические признаки объединяют их в одну группу, с допустимым в рамках позднеантичного стиля *varietas* разнообразием. Нижний диаметр капители приблизительно 0,41 м (обмер автора), но он варьируется, так же как и другие размеры, от одной капители к другой. Эхин коринфских капителей традиционно украшен двумя рядами аканфа (общая высота эхина 0,475 м, высота двух рядов аканфа 0,365 м). Характер листьев натуралистичный, центральный стебель мягкий и широкий, между собой листья соединяются по типу аканфа-маски. Листья плотно прилегают к стволу. Необычно оформление верхней части капителей. Абака (общая высота 0,15 м, ширина 0,75 м) и ее флевроны, а также волюты представлены в не до конца обработанном виде. В то же время от внутренних завитков оставлены лишь полукруглые рудименты, а на их месте вырезан еще один ряд малых аканфовых листьев. Параллелей подобному решению найти не удалось, кроме капители, вторично использованной в одной из поздних церквей Таийбе, расположенной недалеко от Шило (Bagatti 2002: Pl. 8.2). Подобное же решение встречается в оформлении верхней части капителей с т.н. «развевающимся» аканфом в храме св. Симеона в Калат Симане. По своей стилистике капители в Шило относятся к III–IV вв. (предварительная датировка). По своим размерам капители не соответствуют известным фустам колонн, но нижний диаметр приблизительно равен диаметру одной из баз, которая использована в мечети Джамии аль-Йетим. Возможно, что данные капители украшали колонны малого декуманоса, на котором был выстроен баптистерий.

Таким образом, в неполном еще виде, но четко вырисовываются остатки планировки римского города, который предшествовал византийскому поселению и плавно в него трансформировался. Значительные остатки раннеримского периода могут свидетельствовать о том, что тель Шило посещался иудейскими паломниками периода Второго Храма. Остатки позднеимского времени свидетельствуют о возрождении теля Шило в III–IV вв. после ряда римско-иудейских войн, о возобновлении городского строительства. Судя по стилистике архитектурных деталей, а также по тому, что все они вырезаны из местных пород камня, работа осуществлялась в местных мастерских, которые во время общего кризиса III в. н.э. только усиливались за счет отсутствия конкуренции с более крупными мастерскими имперского уровня. На южных подступах к Шило была выстроена крепостная башня. В самом городе уже в раннеримский период возникла сетка улиц, которая была впоследствии развита и достроена. К главной широкой кардо сходились по крайней мере три декуманоса. Обе ранневизантийские церкви построены на остатках декуманосов одинакового размера (восточная сторона кардо), а баптистерий — чуть более узкого (западная сторона кардо). Подобное использование существующих римских дорог с колоннадами заставляет вспомнить единовременную «Церковь в пропилях» в Герасе, выстроенную также с использованием декуманоса. Для декора церквей были использованы римские колонны, со всеми их элементами, как то базы, фусты и капители. Удалось проследить происхождение некоторых из них из той или иной части кардо или декуманосов. Базы трех основных размеров соответствуют размерам известных стилобатов. Колонны соотносятся с первой группой баз из базиликальной церкви

и могли украшать портик перед западным декуманосом (перестроен в баптистерий). Коринфские капители соотносятся с базой, использованной в мечети Джами аль-Йетим, и могли происходить из колоннад малого западного декуманоса. Наряду со споллиями, при строительстве церквей применялись специально изготовленные детали. Некоторые из них были вырезаны из местного светлого известняка с желтоватым оттенком, другие — привезены из проконнеских мастерских по вновь налаженному в конце IV — VI в. торговым артериям. Теплый тон известняка изящно сочетался с деталями из невиданного прежде в Шило проконнеского мрамора холодного серого оттенка. Но в целом интерьер строился на тонких переливах светлых цветов. Подобный синтез местных римских деталей с привозными и универсальными византийскими создает совершенно неповторимый облик ранневизантийского храма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Andersen 1985 — Andersen F. Shiloh. The Danish Excavations at Tall Sailun, Palestine in 1926, 1929, 1932 and 1963 II: The Remains from the Hellenistic to the Mamluk Periods. Copenhagen: The National Museum of Denmark, 1985.
- Bagatti 2002 — Bagatti B. Ancient Christian Villages of Samaria. Jerusalem: Franciscan Printing Press, 2002.
- Buhl, Svend 1969 — Buhl M.-L., Svend H.-N. Shiloh — The Danish Excavations at Tall Sailun, Palestine, in 1926, 1929, 1932 and 1962: The Pre-Hellenistic Remains. Copenhagen: The National Museum of Denmark, 1969.
- Conder, Kitchener 1881 — Conder C., Kitchener R. The Survey of Western Palestine: memoirs of the topography, orography, hydrography, and archaeology. Vol. 2: Sheets VII–XVI. Samaria / eds. E. H. Palmer, W. Besant. London: Committee of the Palestine exploration fund, 1881.
- Dadon 2012 — Dadon M. The "Basilica Church" at Shiloh // Christians and Christianity III —

- Churches and Monasteries in Samaria and Northern Judea / ed. N. Carmin. Jerusalem: Staff Officer of Archaeology — Civil Administration of Judea and Samaria, Israel Antiquities Authority, 2012. P. 223–234.
- Kempinski, Finkelstein 1993 — Kempinski A., Finkelstein I. Shiloh // The New Encyclopedia of Archaeological Excavations in the Holy Land / eds. E. Stern et al. Jerusalem : Israel Exploration Society, 1993. P. 1364–1370
- Magen, Aharonovich 2012 — Magen Y., Aharonovich E. The Northern Churches at Shiloh // Christians and Christianity III — Churches and Monasteries in Samaria and Northern Judea / ed. N. Carmin. Jerusalem: Staff Officer of Archaeology — Civil Administration of Judea and Samaria, Israel Antiquities Authority, 2012. P. 161–209.
- Ovadia 1970 — Ovadia A. Shiloh: Kh. Seilün // Corpus of the Byzantine Churches in the Holy Land. Bonn: P. Hanstein, 1970. P. 164–165.
- Schick 1995 — Schick R. The Christian Communities of Palestine from Byzantine to Islamic Rule: A Historical and Archaeological Study. Princeton, New Jersey: Darwin Press. 1995.
- Segni Di 2012 — Segni Di L. Greek Inscriptions from the Early Northern Church at Shiloh and the Baptistry // Christians and Christianity III — Churches and Monasteries in Samaria and Northern Judea / ed. N. Carmin. Jerusalem: Staff Officer of Archaeology — Civil Administration of Judea and Samaria, Israel Antiquities Authority, 2012. P. 209–222.
- Tsafrir, Di Segni, Green 1994 — Tsafrir Y., Di Segni L., Green J. Tabula Imperii Romani — Iudaea-Palaestina: Eretz Israel in the Hellenistic, Roman and Byzantine periods. Jerusalem: Israel Academy of Sciences and Humanities, 1994.
- Andersen F. *Shiloh. The Danish Excavations at Tall Sailum, Palestine in 1926, 1929, 1932 and 1963 II: The Remains from the Hellenistic to the Mamluk Periods*. Copenhagen: The National Museum of Denmark Publ. 1985.
- Bagatti B. *Ancient Christian Villages of Samaria*. Jerusalem: Franciscan Printing Press Publ., 2002.
- Buhl M.-L., Svend H.-N. *Shiloh — The Danish Excavations at Tall Sailum, Palestine, in 1926, 1929, 1932 AND 1962: The Pre-Hellenistic Remains*. Copenhagen: The National Museum of Denmark Publ., 1969.
- Conder C., Kitchener R. *The Survey of Western Palestine: memoirs of the topography, orography, hydrography, and archaeology. Vol. 2: Sheets VII-XVI. Samaria*. Ed. E. H. Palmer, W. Besant. London: Committee of the Palestine exploration fund Publ., 1882.
- Dadon M. The "Basilica Church" at Shiloh. *Christians and Christianity III — Churches and Monasteries in Samaria and Northern Judea*. Ed. N. Carmin. Jerusalem: Staff Officer of Archaeology — Civil Administration of Judea and Samaria, Israel Antiquities Authority Publ., 2012. Pp. 223–234.
- Kempinski A., Finkelstein I. Shiloh. *The New Encyclopedia of Archaeological Excavations in the Holy Land*. Eds. E. Stern et al. Jerusalem: Israel Exploration Society Publ., 1993. Pp. 1364–1370
- Magen Y., Aharonovich E. The Northern Churches at Shiloh. *Christians and Christianity III — Churches and Monasteries in Samaria and Northern Judea*. Ed. N. Carmin. Jerusalem: Staff Officer of Archaeology — Civil Administration of Judea and Samaria, Israel Antiquities Authority Publ., 2012. Pp. 161–209.
- Ovadia A. Shiloh: Kh. Seilün. *Corpus of the Byzantine Churches in the Holy Land*. Bonn: P. Hanstein Publ., 1970. Pp. 164–165.
- Schick R. *The Christian Communities of Palestine from Byzantine to Islamic Rule: A Historical and Archaeological Study*. Princeton, New Jersey: Darwin Press. 1995.
- Segni Di L. Greek Inscriptions from the Early Northern Church at Shiloh and the Baptistry. *Christians and Christianity III — Churches and Monasteries in Samaria and Northern Judea*. Ed. N. Carmin. Jerusalem: Staff Officer of Archaeology — Civil Administration of Judea and Samaria, Israel Antiquities Authority Publ., 2012. Pp. 209–222.
- Tsafrir Y., Di Segni L., Green J. *Tabula Imperii Romani — Iudaea-Palaestina: Eretz Israel in the Hellenistic, Roman and Byzantine periods*. Jerusalem: Israel Academy of Sciences and Humanities Publ., 1994.

REFERENCES

Е. М. Карлова

ИКОНОГРАФИЯ ХРАМОВ ЧАУСАТХ ЙОГИНИ

В статье рассматривается нетрадиционная для индийской архитектуры типология круглых дворовых храмов, имеющих посвящение Чаусатх йогини. Они локализованы географически, и время их постройки ограничено 900–1200 гг. Приводятся примеры сохранившихся построек и их краткое описание, а также обосновывается тезис о том, что структура храма обусловлена требованиями литургии. Далее приводятся примеры круглых в плане центрических построек региона — преимущественно речь идет о реконструкциях раннебуддийских святынь, упоминаются попытки создания круглых сооружений без перекрытия в индуистской архитектуре. В качестве родственного явления рассматриваются круглые святыни богинь-матерей, распространенные в народной ритуальной практике.

Ключевые слова: Индия, архитектура, тантрический культ, храм, индуизм

E. M. Karlova

THE ICONOGRAPHY OF THE CHAUSATH YOGINI TEMPLES

The article discusses irregular typology in Indian sacred architecture — round temples with an open courtyard, dedicated to Chausath Yogini. They are localized geographically and the time of their construction is limited to the period 900–1200. First, the author provides some examples of the best preserved buildings with their brief descriptions. She also substantiates the thesis that the structure of the temple is due to the requirements of the Liturgy. The following are examples of round centric buildings in the region — mainly the reconstructions of early Buddhist sanctuaries. Also the round structures without ceiling in Hindu architecture are mentioned. As a related phenomenon, the round sanctuaries of mother-goddesses, common in folk ritual practice, are considered.

Key words: India, architecture, Tantric cult, temple, Hindu religion

Храмы посвящения Чаусатх йогини (шестидесяти четырем йогиням) активно строили в Центральной и Восточной Индии (преимущественно на территории современных Орисса и Мадхья Прадеш) в период 900–1200 гг. В это время набирают силу локальные тантрические культы, в которых основную роль играют представляющие различные проявления женской энергии (*шакти*) йогини. В настоящее время в науке укрепилось мнение, что эти культы лежали вне магистральной традиции индуизма. Однако при ближайшем рассмотрении нетрудно установить, что они существовали фактически в статусе официальной религии в большинстве крупных государственных образований этого региона в указанный период.

Значение слова йогини достаточно широко: это и обозначение женских божеств, составляющих свиту Шакти, и спутницы отдельных богов, и *матри*-ки (богини-матери) или происходящие от них полубожества (*Йогини-тантра* 2017: 20). В указанный период они начинают выступать как самостоятельная группа, и структура посвященных им храмов дает значительные, даже принципиальные отличия от широко распространенных в это время храмов типа *нагара*. В них йогини изображаются с атрибутами своего божественного супруга: Варахи получает голову вепря, Нарасимхи — льва, у Брахми четыре лика и т. п. Эта особенность хорошо фиксируется в храме Хирапура. В круг йогини включаются персонажи, в другом контексте выступающие самостоятельно: это боги-

ни рек Ганга, Ямуна и Нармада, различные ипостаси Шакти — Кали, Чамунда и т.п. Вероятно, включение в «список» 64 йогинь является одной из множества форм индуизации локальных божеств и их инкорпорирования в общеиндуистский культ. Культ йогинь тесно связан с культами богинь-матерей и тотемными животными индийских племен. Одно несомненно — так или иначе йогини воспринимаются как часть шиваитского культа, соответственно, в центральной части посвященного им святилища мы, как правило, обнаруживаем изображения Шивы *урдхвалинга*¹ или *шивалингам*.

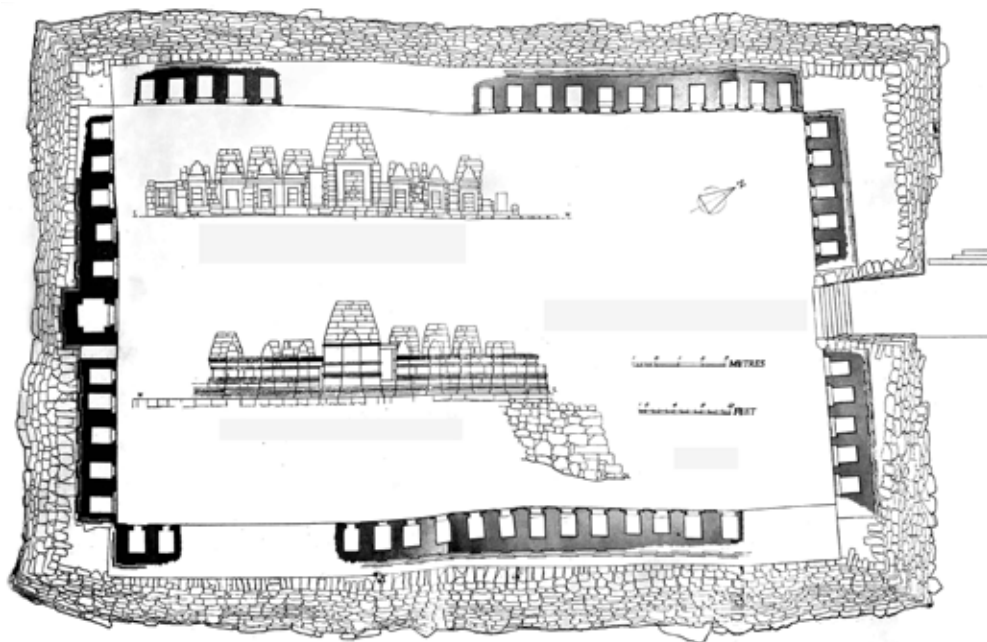
Иконография храмов Чаусатх йогини довольно устойчивая и не меняется в зависимости от региона. Все они представляют собой открытый двор (в подавляющем большинстве случаев круглый), обнесенный высокой глухой стеной. Снаружи эта стена архитектурно слабо оформлена, а ее внутренняя сторона сформирована одинакового размера небольшими святилищами, каждое из которых посвящено одной из йогинь и имеет внутри ее скульптурное изображение. В центре внутри небольшого павильона расположен алтарь.

Практически все эти храмы находятся на удалении от людных мест и поселений. Исключение — храм в Кхаджурахо, который, очевидно, находился в черте города. Ясно, что все эти храмы так или иначе были связаны со средневековой индуистской тантрической традицией. Самая известная исследовательница культа 64 йогинь В. Дахеджа утверждает, что речь идет о практике *кула* (Deheja 1986), однако единого мнения о том, насколько широко можно трактовать этот термин, у современных исследователей нет. Священный текст этого религиоз-

ного течения, «Кула-упанишада», имеет очень небольшой объем, и там, конечно, нет перечисления памятников — только описание ритуала. По мнению исследователей, изучающих ритуальную практику этой секты, такой небольшой храм, как хирапурский, например, не мог служить для отправления культа (Davidson 2002: 181). К тому же храмы Чаусатх йогини существуют в контексте достаточного количества современных им памятников, оформленных эротической пластикой, которая вполне могла бы иллюстрировать тантрические ритуалы кула. Однако на самих храмах Чаусатх йогини таких изображений нет. В настоящий момент наиболее вероятной представляется версия, согласно которой храмы Чаусатх йогини в Центральной Индии были построены последователями шиваитской секты Маттамайюра (Chakravarty, Sharma, Misra 1991: 71), однако этот вопрос требует дальнейшего детального изучения.

В. Дахеджа в своем исследовании приводит список из 13 храмов Чаусатх йогини, ныне находящихся разной степени руинированности: храм в Канчипураме, в Кхаджурахо, в Дудай и Бадохе (Лалитпур), комплекс Наресар (Гвалиор), храм в Бхерагхате (Джабалпур), в Митаули (Морена, Гвалиор), в Рикхияне и Локхари (Банда), два храма в Шхадоле, храмы в Хингладжгархе (Ганди Сагар) и Хирапуре (Бхубанешвар). Строго говоря, согласиться с этим списком сложно. Комплекс в Наресаре, сильно разрушенный, представляет собой несколько небольших святилищ типа *рекха-деул*, каждое из которых было посвящено одной богине (йогине). Храмы в Дудай и Бадохе посвящены 42 йогиням, хотя первый с точки зрения иконографии похож на храмы, о которых идет речь. К сожалению, он очень плохо сохранился. Храм в Хингладжгархе имеет другое посвящение и т.п. То есть в целом храмов, посвящен-

¹ Урдхвалинга (санскр.) — с эрегированным мужским половым органом.

Ил. 1. Храм Чаусатх йогини в Кхаджурахо. План (Deva 1990: il. 1)

ных йогиням — от одной до нескольких десятков, множество. Храмы этого посвящения строили и позже: известны храмы Чаусатх йогини в Бенаресе и Удджайне, Сиддхабхадра мандир в Манди (Химачал Прадеш), Баба кот мандир во дворце Дамдама в Манди. Йогини являются часть программы декорации храмов Шактидеви Мандир в Чхаттрархи (Химачал Прадеш) (Davidson 2002: 181). При этом описанную структуру (т.е. круглый открытый двор в плане) имеют только те, что были построены в определенном промежутке времени и на определенной территории. То есть в рамках господствовавшего там в этот момент определенного культа. На них мы и остановимся, т.к. с архитектурной точки зрения именно они представляют особый интерес.

Поскольку культ, о котором мы говорим, не получил развития и постепенно

ослаб, многие храмы разрушены и находятся в запустении. Некоторые из них были открыты исследователями только в 1950-х гг. Многие были обмеряны и даже отреставрированы (практически восстановлены) Археологической службой Индии, однако (учитывая традицию реставрационных работ в этой стране) нет никакой гарантии, что результат адекватно отражает вид памятника до разрушения. Храмы в Хирапуре, Ранипуре и Бхедагхате сейчас находятся в относительно хорошем состоянии. Начнем с того памятника, который на первый взгляд композиционно близок другим памятникам группы и имеет лишь незначительные отличия.

Храм **Чаусатх йогини в Кхаджурахо** (ил. 1) — редчайший пример квадратного в плане святилища этого посвящения. Сейчас он находится в руинированном состоянии: однако, насколько

мы можем судить, он представляет собой переходный вариант между храмом стиля *нагара* (в окружении таковых он и расположен) и круглого святилища. Он был построен, вероятно, в 875–900 гг. Храм относится к так называемой Западной группе храмов и единственный в комплексе ориентирован не по оси север—юг, а по оси северо-восток — юго-восток. С магистральной линией индуистской архитектуры того времени этот храм роднит то, что его форма не квадратная или круглая, а именно прямоугольная, что находящаяся напротив входа ниша чуть больше остальных по размеру, и все ниши (некогда содержавшие изображение йогинь) имеют навершия в форме *шикхары*. К сожалению, сейчас трудно установить, какие именно изображения находились в нишах. Их точно было более 64, поскольку храм имеет по 33 ниши с каждой стороны и одну центральную.

Александр Каннингем, глава Археологической службы Индии, посетил храм в 1864 г.: тогда он нашел только три сохранившиеся скульптуры. Одна из них, судя по иконографии, Дурга Махисасурамардини, однако на ее пьедестале есть надпись «Хингладжа». Если допустить, что надпись была на статуе изначально (а не сделана позже представителями секты натхов), то это означает, что Дурге тут поклонялись в форме Хингладжи. Это косвенно подтверждает тот факт, что две другие найденные здесь статуи Брахмани и Махешвари значительно меньшего размера (68 см против 90 см) — т.е. Хингладжа могла располагаться в большей нише и быть заглавным божеством. Сейчас эти три статуи хранятся в музее Кхаджурахо. Они сделаны из песчаника, однако сам храм построен из гранита — и это тоже типичная для храмов Чаусатх йогини черта: украшающая храм пластика часто выполняется

из другой породы камня и довольно заметно отличается по цвету и фактуре.

Симметричная осевая структура храма, наличие выделенной *ратхи* (ниши) с изображением божества в наиболее удаленной от входа точке ~~говорит~~ нам о том, что храм, возможно, нельзя считать относящимся к тому же культу, что и другие храмы Чаусатх йогини, и это посвящение можно поставить под сомнение. Возможно, ~~оно было построено~~ для нужд культа Хингладж Маты², сформировавшегося на месте крупнейшей *шакти питхи*³ в Белуджистане (около 200 км на северо-запад от Карачи). Раджпутские кланы переселились в Мадхья Прадеш в XIII в. и перенесли с собой святилище своей *куладеви* (родового божества). Оттуда, вероятно, этот культ распространился западнее и мог достичь чандельских земель. Святилища Хингладж Маты есть повсюду в Индии, во многом благодаря распространению секты натхов.

При этом следует отметить, что поклонение йогиням было широко распространено и в вотчине династии Чан-

² Хингладж Мата по сути является одной из форм Дурги Махисасурамардини. Белуджистанский культ Хингладж Дэви базируется на легенде о чуде, произошедшем на месте шакти питхи. В пещере, куда закатилась голова разрубленного тела Сати, Шива оставил свой трезубец — чтобы охранять священную реликвию. Однажды, влекомый волшебным светом этого трезубца, в пещеру вошел непобедимый демон Хингул, чья сила была особенно велика во мраке и поэтому он обычно не выходил на свет. Ведомый силой богини трезубец вонзился в демона, и тот был умерщвлен, однако перед смертью Хингул попросил о том, чтобы его имя не было забыто. Так Сати (она же Дурга) получила имя Хингладж (по аналогии с тем, как после победы над демоном Махисей она стала именоваться Махисасурамардини). По легенде, голова Сати стала камнем, и именно в этой форме ей поклоняются.

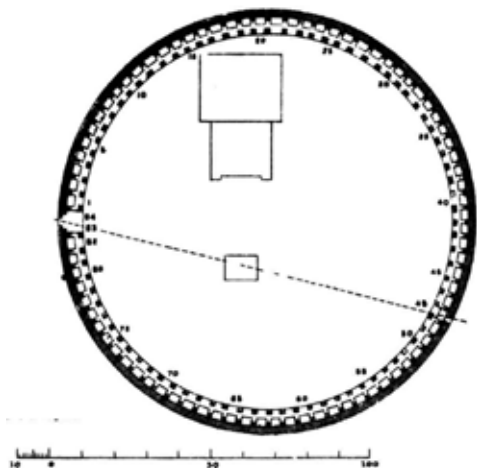
³ Священное для индусов место где, по легенде, упали части разрубленного тела Сати. В данном случае речь, по разным источникам, идет о голове или о руке богини.

деллов, и на подконтрольных им территориях. К таким памятникам относятся тантрические храмы Морена (Митаули) и комплекс Наресар (около Гвалиора), Рикхиян и Локхари (в округе Банда), Дудаи (около Лалитпура), однако то, что иконография у них разная, говорит о том, что они предназначались для практик с разными литургиями. Очевидно, речь может идти о небольших тантрических сектах — известно, что их было множество и ритуальная практика весьма разнилась от одной к другой. Судя по структуре этого храма, литургия, для которой он был построен, близка традиционной индуистской форме богочитания. Формально же он представляет собой некий промежуточный вариант между храмом стиля *нагара* и центрическим дворового типа храмом.

Храм **Чаусатх йогини в Хираपुरе** известен сейчас как Махамая мандир — его приспособили для поклонения богине Махамайе несколько десятилетий назад. До этого момента храм был заброшен — его открыл в 1953 г. сотрудник Государственного музея Ориссы Кедарнатх Махапатра. Храм очень небольшой: длина окружности 27,4 м, высота 2,4 м. Он был построен во время правления династии Бхаумкара (736–950) при правительнице Хире, супруге Шанти-Кары II. В это время расцвета достигли индуистские и буддийские тантрические культы, очевидно впитавшие и верования местного неарийского населения. Столицей Бхаумкаров был Джаджпур, где находилось святилище Вираджи, древнейшей и важнейшей для Ориссы богини, а неподалеку (в 30–40 км) располагались такие крупные буддийские центры, как Удаягири и Ратнагири. И там, и там активно практиковали тантрические культы (Gadon 2002). Этот факт дал некоторым исследователям основание считать, что храм изначально был буддийским — но, очевидно, это не так.

Хирапурский храм круглый в плане, 60 ниш содержат 60 статуй йогинь с подписями. В центре храма находится павильон ~~чанди-мандапа~~, который содержит еще 4 изображения йогинь (в западной и северной части). Павильон декорировал статуями разных форм Шивы урдхвалинга. Интересно, что внешняя стена храма оформлена выполненными в низком рельефе изображениями девяти Катьяяни (т.е. матерей Сканды согласно «Сканда-пуране»). На входе в храм с внутренней стороны мы видим еще две мужские статуи — это Кала и Махакала (в данном случае — персонификации энергии Шивы). В центре чанди-мандапы была статуя Шивы (ныне утраченная): ее отсутствие позволило современному верующим принять за заглавное божество одну из йогинь. Алтарь таким образом переместился в одну из ниш на внутренней стене, что разрушило центричную структуру храма. Это — показательный пример того, как структура храма и его композиционное решение отражают требования литургии.

Храм **Чаусатх йогини в Митавали** в Морене, неподалеку от Гвалиора, судя по посвятителю надписи, был построен Каччхапагаттским правителем Девапалой (1055–1075). Он представляет собой открытое пространство, обнесенное круглой стеной с 64 небольшими святилищами-нишами во внутренней стороне. В центре находится открытая круглая чанди-мандапа и статуя Шивы в форме Бхайравы в санктуме. Храм расположен в пустынном месте на природной скале, и для того, чтобы подняться к нему, в ней вырублены двести ступеней. Внутренняя часть стены оформлена галереей с колоннадой. Снаружи декорации нет, кроме редких низких рельефов с изображениями божеств в ратхах. Этот храм достаточно крупный по сравнению с остальными и производит весьма

Ил. 2. Храм Чаусатх йогини в Бхедагхате. План (Археологическая служба Индии, URL: asi.nic.in/)

монументальное впечатление, однако он был восстановлен практически из руин и, судя по всему, его нынешний внешний вид не вполне отвечает прежнему.

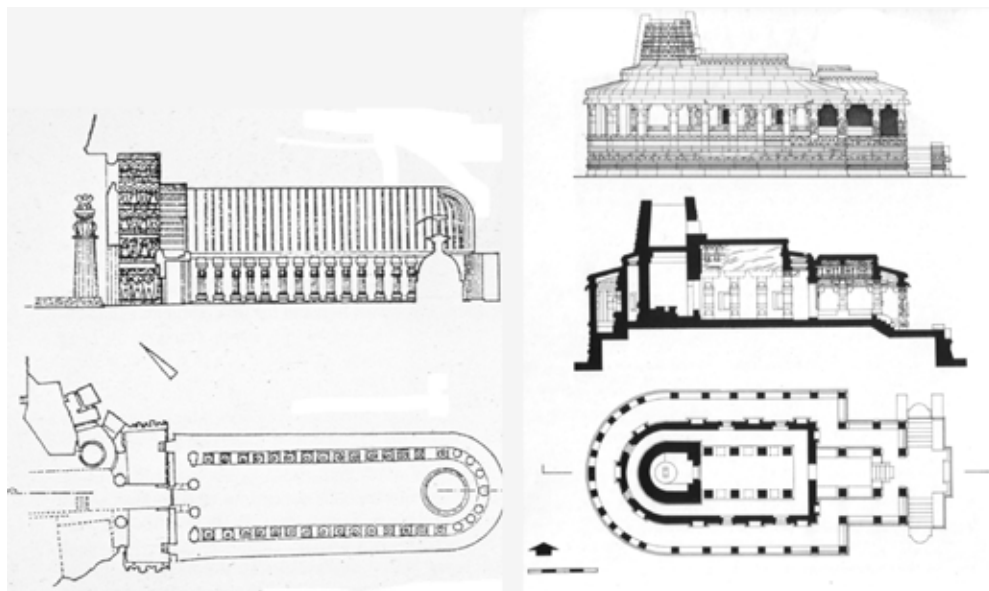
Храм **Чаусатх йогини в Ранипур-Джхариале** (Болангир, Орисса), к сожалению, также плохо сохранился — сейчас утрачены многие скульптуры из его убранства, хотя сам он был восстановлен Археологической службой Индии. Храм был построен около 900 г. на вершине небольшой плоской скалы и имеет около 15 м в диаметре. Все йогини изображены танцующими и помещены в 64 ниши, а в центре находится круглый павильон с изображением триликого Шивы Натараджи урдхвалинга.

Храм **Чаусатх йогини в Бхедагхате** (Джабалпур, Мадхья Прадеш) (ил. 2) был построен в X в. при правителях династии Калачури. В 1155 г. правительницей Алханнадеви в его центре был построен небольшой храм в стиле *нагара*, а в могольское время он был практически разрушен и восстановлен уже в XX в. Внутренний диаметр храма 35,5 м, внешний — 40 м. Внутренняя стена разде-

лена на полутораметровые ниши 84 квадратными колоннами около 165 см высотой. Три такие ниши (две с запада и одна на юго-востоке) сквозные — это проходы. Остальные ниши заполнены пластикой: кроме 64 йогинь (все статуи были сидящими, из них 57 сохранились и 7 утрачены) мы находим здесь 8 статуй шакти (*ашташакти*), 3 персонификации рек — Ганга, Ямуна и Сарасвати, 4 женские танцующие фигуры (не подписаны), а также две мужские фигуры — Шиву и Ганешу.

Итак, существует достаточное количество (несколько десятков) храмов, посвященных йогиням в разных формах, однако лишь некоторые из них имеют весьма специфическую форму, отличную от параллельно существующих храмов стиля *нагара* (коими являются и некоторые храмы йогинь). В качестве основных признаков мы можем выделить: круглый план, отсутствие перекрытия, расположение ниш со статуями йогинь по всей длине окружности (их число варьируется), расположение в центре алтаря с символами мужской энергии (Шива, шивалингам), слабо выраженную внешнюю декорацию, удаленность от крупных населенных пунктов, а также то, что все эти храмы на начало XX в. не были действующими (несмотря на то, что их часть была известна местному населению). Общим является также время (900–1200 гг.) и место создания (своеобразный «пояс» в северной части центральной и восточной части субконтинента, примерно соответствующий ареалу распространения гуптских изображений богинь-матерей). Это говорит о том, что в данном регионе на протяжении определенного времени существовала определенная тантрическая ритуальная практика, связанная с не установленной точно сейчас сектой, литургия которой потребовала создания подходящих сооружений.

В различных практиках поклонения йогиням используется символика коле-

Ил. 3. Чайтья в Карле и храм Дурги в Айхоле. План и разрез (Археологическая служба Индии, URL: asi.nic.in/)

са с 64 спицами — она часто встречается в тантрических текстах. Каждая спица символизирует одну из манифестаций шакти — йогиню. 64 это 8×8 — в индийской культуре нумерология играет огромную роль, и цифра 8 является ключевой для культа богинь-матерей (*ашта-матрика*), каждая из которых обретает свиту из 8 йогинь. Незначительные изменения в иконографии храмов посвящения йогиням подтверждают, что таких культов было множество, и, будучи поддержаны состоятельными патронами, эти небольшие школы вполне могли себе позволить постройку собственного каменного храма. В качестве примера приведу храмы посвящения 42 йогиням — в Дудай и Бадохе около Лалитпура в Мадхья Прадеш. Этот центр процветал при Чанделлах в районе 1000 г. Храм в Дудай круглый, а в Бадохе — прямоугольный (Jadhav 2015: 2).

На первый взгляд такая форма культового сооружения кажется нехарактер-

ной для индийской архитектурной традиции, однако при ближайшем рассмотрении можно проследить несколько возможных источников, из которых она могла эволюционировать. В первую очередь, конечно, следует обратить внимание на традиционную структуру ранних скальных храмов типа *чайтья-гриха*. Они имеют вытянутый план с «апсидо-подобным» полукруглым завершением в противоположной входу части. Там находится алтарь (в зависимости от профессиональной принадлежности это может быть *ступа*, изображение индуистских божеств, шивалингам и т.п.), вокруг которого расположен круглый обход в галерее, оформленной колоннадой. Самый известный сохранившийся пример перехода этой формы в архитектуру отдельностоящих зданий — **храм Дурги в Айхоле** VIII в. с открытой полукруглой галереей, окружающей *гарбха-гриху* (ил. 3).

Последние исследования показывают, что законченную форму эта идея приняла в ранних буддийских храмах, не сохранившихся до наших дней. Пример тому — раскопки круглого буддийского **храма в Байрате** (современный Вират Нагар) 250–200 гг. до н.э. Из-за стереотипных представлений о буддийской сакральной архитектуре того времени эти руины иногда называют остатками ступы, однако реконструкция Ху Фуока Ли (*Huu Phuoc Le* 2010: 236) убедительно показывает, что это один из самых ранних свободностоящих буддийских каменных храмов в Индии. Круглый храм был обнесен прямоугольной стеной, в его центре была ступа и две концентрические *прадакшинапатхи* вокруг нее, которые находились выше уровня земли. Основание храма кирпичное, а вот стены, вероятно, были глинобитные. Внутренняя стена, окружавшая ступу, представляла собой колоннаду из кирпичных опор, которые чередовались восьмигранными деревянными колоннами. Ступа, судя по всему, была каменной — ее обломки были найдены в округе. Реконструкция, которую делали, опираясь на данные рельефов Бхархута, демонстрирует двухуровневое круглое сооружение с куполообразным навершием. Существуют предположения, что источником этой архитектурной формы в Индии мог стать греческий толос (круглый периптер), заимствованный из индо-греческой архитектуры (*Huu Phuoc Le* 2010: 236). Я склоняюсь к мысли, что этот вариант мог встречаться в индийских постройках и безотносительно контактов с греками — наиболее вероятным представляется, что эта форма развилась из храмов типа чайтья, которые просто обрели центрическую структуру в отдельностоящих зданиях. Возможно, в качестве примера можно использовать и знаменитый храм Махабод-

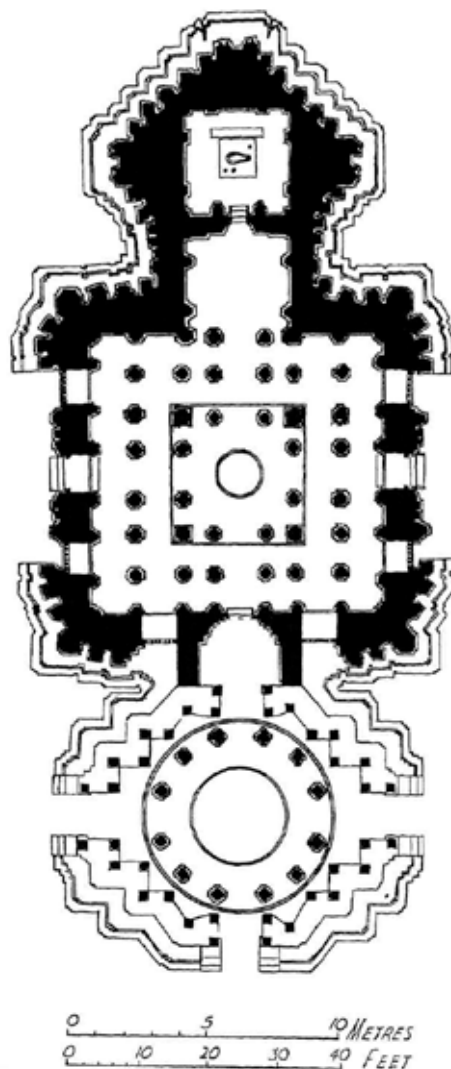
хи в Бодх Гайе. Согласно реконструкции Каннингема (*Cunningham* 1961: pl II), он был крестообразным, а вот Кумарасвами (*Coomaraswamy* 1992: fig. 37) предлагает более похожий на рельефы Бхархута круглый вариант.

Существует еще один тип архитектурного решения круглого в плане павильона, который к тому же не имеет крыши — так называемые *сварга мандапа*, вестибюли индуистских храмов с открытой крышей. Пример — храм **Копешвар в Хидрапуре** (Махараштра) (ил. 4). Он был построен между 1109 и 1178 гг. и посвящен Шиве. Однако это решение — скорее частный случай, широкого распространения *сварга мандапы* не получили.

Крайне важным при описании этого типа храмов кажется обратиться к структуре деревенских алтарей богини, попытаться рассмотреть концепцию круглого алтаря с точки зрения верований и ритуала проживающих на территории Мадхья Прадеш и Ориссы племен. Большинство ~~из~~ этих алтарей генетически восходят к так называемым *матрча-крам* — наземным святилищам круглой формы, посвященным богиням-матерям. Религиозные представления многих центральноиндийских племен (в первую очередь гондских) включают в себя в качестве основной фигуры божество, которое в той или иной мере может быть ассоциировано с Шивой — более того, многие именно Шиву признают в качестве одной из его форм (Бура/Тхакур/Мати/Мутхуа/Маха/Дхума/Бхим/Гханшьям Део) (*Tiwari* 2002: 283). На нижнем уровне этого пантеона находятся злобные духи, как правило, весьма демонического вида — многие из них женские. Духи эти представляют собой души умерших, по какой-то причине принявшие демонический облик. Гонды общаются с ними с помощью медиума, который

для осуществления контакта предпринимает обычно длинный и трудный путь в отдаленную, дикую местность, где этот дух обитает и может вступить в контакт. Это очень похоже на принцип, которым руководствовались создатели храмов Чаусатх йогини — они также расположены в труднодоступных местах. Женские духи обычно представляют с длинным, окровавленным языком, охваченным огнем спутанными волосами, выпученными глазами — т.е. со всеми теми признаками, которыми обладают гневные формы Шакти (и йогини в том числе). Настоящие, каменные храмы строят только радж гонды, и то только в последние триста лет. Поскольку гонды признают и отправляют шиваитский культ наряду с собственными (*Ibid*: 285), используя для этого шиваитские храмы (заброшенные и восстановленные, или построенные совместно жителями деревни, которые не являются гондами), взаимное влияние культов на этой территории очень явно прослеживается сейчас. Однако для предположения, что ситуация выглядела так и тысячу лет назад, у нас недостаточно информации.

При этом, если обратиться к ныне функционирующим святилищам богини, мы увидим удивительное сходство со структурой описанных выше круглых храмов. Прекрасный пример тому — храм в джунглях в Анугуле (Орисса), посвященный Маа Бата Баяни, в котором поклоняются Дурге Махисасурамардини. Центральный алтарь представляет собой круглое капище на открытой земле, окруженное низким забором, внутри которого хаотично расположены несколько десятков необработанных камней — вместилищ энергии богини. Круглая форма святилищ, посвященных богиням-матерям, в целом характерна для всех регионов Индии. Хроника кашмирских царей «Раджатадгини» (1148–1149)

Ил. 4. Храм Конешвар в Хирапуре. План
(Археологическая служба Индии, URL: asi.nic.in/)

средневекового автора Калханы описывает круглые святилища, посвященные богиням-матерям, которые строили кашмирские правители и нобли в это время, размещая в центре изображение Шивы или Бхайравы. В храмах Манди, например, йогини представлены простыми каменными плитами с отпечатками 64 пар

Ил. 5. Вырезанный в скальной породе алтарь йогини (фото К. Цуркан)

ног, расположенных вокруг центрального символа линга-йони (ил. 5).

Таким образом специфическая форма круглых в плане храмов Чаусатх йогини обусловлена требованиями ритуала конкретной секты, для нужд которой они были построены. Опирались ее создатели на существовавшую к этому моменту многовековую, хотя и маргинальную относительно традиционной конструкции индуистского храма традицию, получившую наиболее полное воплощение в раннебуддийских памятниках. К тому же форма круглого алтаря, где символ мужской энергии расположен в центре, а множественные носители женской — вокруг, является основной для почитания богинь-матерей в народной ритуальной практике. Эта структура является базовой для пространственного воплощения важнейшей для индий-

ской культуры концепции — сочетания мужского и женского начал, поэтому, будучи осмысленной как простейшая *янтра*, может лежать в основе как небольшого лесного алтаря, так и крупного храма. Это — прекрасный пример того, как традиционное сознание оперирует универсальными понятиями на всех уровнях, используя их как базовые модули.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Йогини-тантра* 2017 — Йогини-тантра / пер. с санскрита, предисловие и комментарий А. А. Игнатьева. Калининград: Касталия, 2017.
- Chakravarty, Sharma, Misra* 1991 — *Chakravarty K. K., Sharma R. K., Misra O. P. Art of the Kalachuris*. Delhi: Aryan Books, 1991.
- Coomaraswamy* 1992 — *Coomaraswamy A. K. Essays in Early Indian Architecture*. New Delhi: Oxford University Press, 1992.

- Cunningham 1961 — *Cunningham A. Mahabodhi or the Great Buddhist Temple Under the Bodhi Tree at Bodh Gaya*. Chennai: Indological book house, 1961.
- Davidson 2002 — *Davidson R. M. Indian Esoteric Buddhism: A Social History of the Tantric Movement*. New York: Columbia University Press, 2002.
- Dehejia 1986 — *Dehejia V. Yogini, Cult and Temples: A Tantric Tradition*. New Delhi: National Museum, 1986.
- Deva 1990 — *Deva K. Temples of Kahjuraho*. New Delhi: Archeological Survey of India, 1990.
- Gadon 2002 — *Gadon E. W. Probing the mysteries of the Hirapur Yoginis // ReVision*. Vol. 25, issue 1. 2002. P. 33–42.
- Huu Phuoc Le 2010 — *Huu Phuoc Le. Buddhist Architecture*. London: Grafikol, 2010.
- Jadhav, 2015 — *Jadhav S. S. Yogini // Historicity Research Journal*. Vol. 1. Issue 12. August 2015. P. 63–89.
- Tiwari 2002 — *Tiwari S. K. Tribal Roots of Hinduism*. New Delhi: Sarup&Sons, 2002.
- Chakravarty K. K., Sharma R. K., Misra O. P. *Art of the Kalachuris*. Delhi: Aryan Books Publ., 1991.
- Coomaraswamy A. K. *Essays in Early Indian Architecture*. New Delhi: Oxford University Press Publ., 1992.
- Cunningham A. *Mahabodhi or the Great Buddhist Temple Under the Bodhi Tree at Bodh Gaya*. Chennai: Indological book house Publ., 1961.
- Davidson R. M. *Indian Esoteric Buddhism: A Social History of the Tantric Movement*. New York: Columbia University Press Publ., 2002.
- Dehejia V. *Yogini, Cult and Temples: A Tantric Tradition*. New Delhi: National Museum Publ., 1986.
- Deva K. *Temples of Kahjuraho*. New Delhi: Archeological Survey of India Publ., 1990.
- Gadon E. W. Probing the mysteries of the Hirapur Yoginis. *ReVision*, vol. 25, no. 1. 2002, pp. 33–42.
- Huu Phuoc Le. *Buddhist Architecture*. London: Grafikol Publ., 2010.
- Jadhav S. S. Yogini. *Historicity Research Journal*, vol. 1, no. 12, August 2015, pp. 63–89.
- Tiwari S. K. *Tribal Roots of Hinduism*. New Delhi: Sarup&Sons Publ., 2002.

REFERENCES

logini-tantra. Ed. A. A. Ignat'ev. Kaliningrad: Kastalia Publ., 2017.

J.-P. Caillet

CHRISTIAN ARCHITECTURE WITH CUPOLA(S) IN SOUTHERN ITALY: FOR A THOROUGH INCLUSION IN THE BYZANTINE SPHERE (6TH–8TH CENTURIES)

Recent studies for the Eastern Mediterranean countries as well as for their Subcaucasian margins, have underlined the decisive importance of vaulting with cupola(s) for the architectural development in these regions during the Early Middle Ages. There are also, however, several publications dealing with South Italian churches, *revealed* similar constructive features *to the Subcaucasian buildings*: i.e., two main churches in Canosa di Puglia, another one in Casaranello. *There is* also a series of small "basilicas" with a triconchial choir in Puglia again and in Sicily, and finally some basilicas with two cupolas in file. Collecting here the results of these *more or less accurate* investigations, it clearly appears that Southern Italy should be fully included in the general evolution attested in the Eastern Christian world. What is to be explained by historical context: Byzantine presence was still effective there, and its influence noticeably marked, too, was felt in the adjacent areas under Longobard rule; this *is* so until the 8th century, at least.

Keywords: Early Byzantine Architecture, Christian Architecture, Cupola Vaulting, Southern Italy, Sicily, Asia Minor, Subcaucasian areas, East-West Relations

Ж.-П. Каёе

ХРИСТИАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА С КУПОЛОМ(-АМИ) В ЮЖНОЙ ИТАЛИИ: ДЛЯ ПОЛНОЦЕННОГО ВКЛЮЧЕНИЯ В ВИЗАНТИНСКУЮ СФЕРУ (VI–VIII ВЕКА)

Недавние исследования, как по странам Восточного Средиземноморья, так и Закавказья, подчеркнули решающее значение покрытия пространства куполом(-ами) для архитектурного развития в этих регионах в раннем средневековье. Существуют также некоторые публикации, относящиеся к южно-итальянским церквям и обнаружившие в них сходные с закавказскими постройками композиционные особенности, а именно в двух главных церквях Канозы-ди-Пульи, еще одной в Касаранелло, а также в серии небольших «базилик» с трехлепестковым алтарем в Апулии и на Сицилии и, наконец, в базиликах с двумя куполами по соседству. Сбор результатов этих *более или менее* пунктуальных исследований делает очевидным, что Южная Италия должна быть полностью включена в общую эволюцию, *подтвержденную* в восточно-христианском мире. Историческим контекстом объяснимо то, что византийское присутствие там по-прежнему было действенным, и его влияние *отмечено* также в прилегающих районах, находившихся под управлением Лангобардов, *по крайней мере, до VIII в.*

Ключевые слова: ранневизантийская архитектура, христианская архитектура, перекрытие куполом, Южная Италия, Сицилия, Малая Азия, Закавказский регион, связи Востока и Запада

It is now fully admitted that the introduction —then generalization, at large scale at least — of the vaulting system with cupola has marked a decisive step in the evolution of Christian architecture at the turn of Late Antiquity toward the Middle Ages. In this perspective, several important publications must be noted, over the last decades. Without aiming here at exhaus-

tivity, I particularly refer, firstly, to those regarding Asia Minor: i.e., the one of Antonio Iacobini, who paid special attention to the precocity of some achievements in Isauria and Lycia (Iacobini 2003–2004); then the two ones by Nikolaos Karydis, who took very accurately in account the questions of structure and typology of the vaults, developing by the way fructuous compari-

sons between the Microasiatic examples and the famous Justinian buildings in Constantinople (St. Sophia, St. Sergios and Bakhos, St. Irene in its state of this period), and some of the major realizations in the Balkans (basilica B of Philippi, especially) (*Karydis* 2011; 2012); and lately, at a lesser degree of course, in the frame of the archaeological panorama of Anatolia coordinated by Philip Niewöhner, the rapid but comprehensive synthesis about church building by Hans Buchwald and Matthew Savage (*Buchwald, Savage* 2017). Still regarding the Eastern countries, but in this case their Subcaucasian margins, must be signaled the important *corpus* produced by Annegret Plontke-Lüning (*Plontke-Lüning* 2007) (and its extensive recension by Liudmila Khrushkova (*Khrushkova* 2015)); in relation with its chronological *ambitus* (4th–7th century), it deals of course largely with realizations prior to the generalized use of the cupola, which however becomes considered with the monuments belonging to the later phase. On the contrary, this one is particularly discussed in several publications by Christina Maranci¹ and constitutes the true focus of a book by Patrick Donabédian (*Donabédian* 2008), all that with very interesting interpretative insights. And finally, are to be taken in account the copious four volumes published by Armen Kazaryan, which now provide the most useful reference, as well as the much detailed catalogue that they include for the thorough analysis of the main trends, and relative diversity, attested in these areas of crucial importance after the properly Protobyzantine flowering (*Казарян* 2012–2013). But switching the sight, now, toward what is dealing with Southern Italy (including Sicily) — i.e., toward what I precisely intend to focus —, the bulk of the studies is also

¹ Especially in her most comprehensive book: (Maranci 2001). For her later articles, see the list in: (Kazaryan vol. IV 2013: 319).

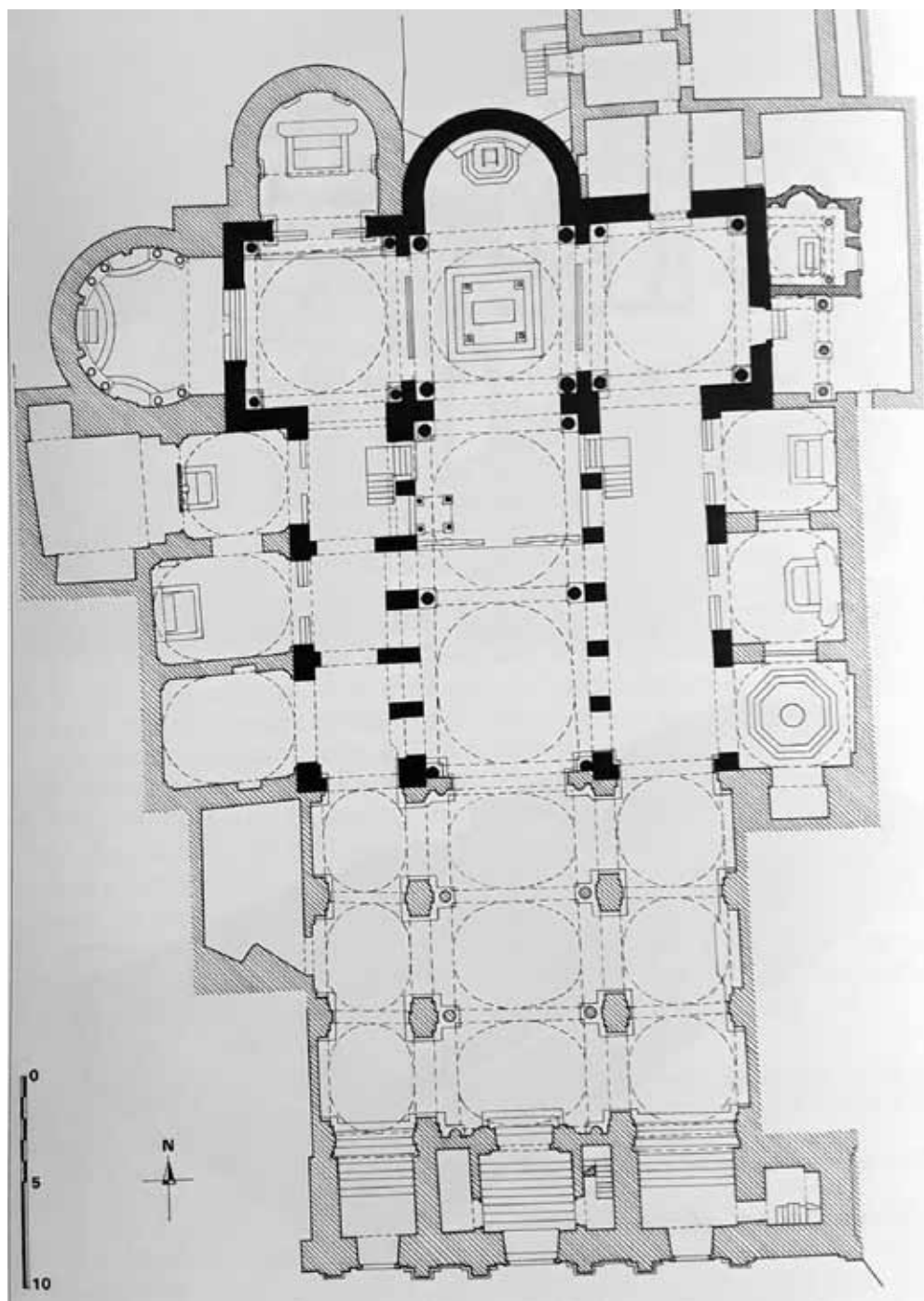

II. 1. Southern Italy and Sicily. Localization of the sites here discussed

significant enough. I'll have the opportunity, in approaching successively the different examples (il. 1), to duly send back to their respective authors. But before, I just want to underline that here, even if several of them suggested, case by case, some relations with what was simultaneously going on in Eastern Mediterranean regions, it never really tended to consider at once the whole of these realizations as reflecting the full inclusion of this area, too, in the development of Byzantine architecture — which is, precisely, my present purpose.

The two main churches in Canosa di Puglia

I begin this survey with the actual cathedral of this important Apulian town, about which the recent reexamination of the story of the building —with particular stress on the reports relative to the modifications occurred in the 19th century — and of the structures themselves determined a radical reappraisal of the original state and — above all — of its date; the results of this in-

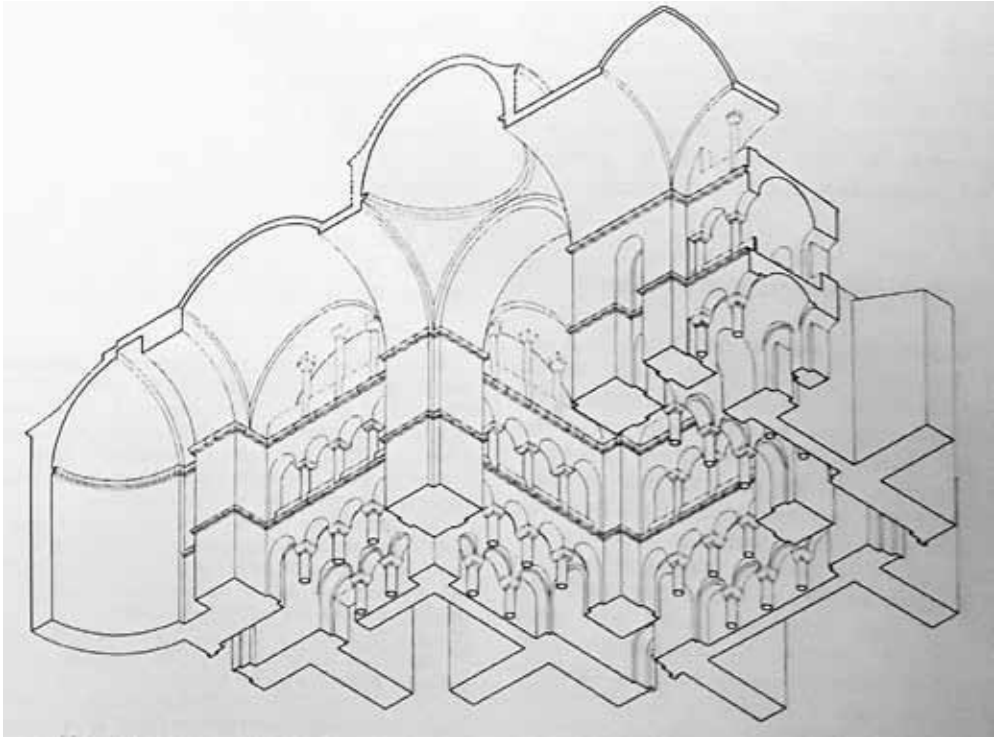
Il. 2. Canosa di Puglia, actual Cathedral. Plan (6th century state in dark) (Falla Castelfranchi 2014)

vestigation have been delivered in papers by Alessandra De Stefano (*De Stefano* 2011) and Gioia Bertelli associated to Angelofabio Attolico (*Bertelli, Attolico* 2011). It now clearly appears that instead of a Romanesque fabric, susceptible to be put side by side with other ones — at Molfetta, Conversano, Valenzano, in particular — belonging to the Norman phase (11th–12th centuries) of Southern Italy and Sicily, we are facing ~~some examples~~ conspicuous parts of which must be considered of the mid-6th century: i.e., as shown by the restituted plan (il. 2), a nave of two bays flanked by two aisles, a transept and a semi-circular apse; and with no less than five cupolas surmounting, respectively, the two bays of the nave, the crossing, the north and south arms of the transept. The 6th century date has been ascertained by comparison of the masonry (several rows of tufa elements, regularly alternating with one row of bricks, for the best preserved parts of the walls and pillars of the nave, the façade of the southern arm of the transept, and for the apse) with several other Canosan building clearly reliable to the same period; also, the presence of 73 bricks stamped by the local bishop Sabinus (who was in charge charge from 514 to 566)'s monogram, in the covering upper part between the crossing and the north arm of the transept, seems equally decisive. As to the cupolas, it has been observed that the two ones above the nave, as well as the one above the north arm of the transept, largely result from the 19th century restoration: this, because their structure then included modern ceramic pipes, aiming at lighten the whole structure. But the cupola surmounting the south arm of the transept has evidently been left untouched, with its constant alternation of one row of tufa with one row of brick (il. 3); and it is the same for, at least, the lower part of the cupola above the crossing, only the upper zone of which was reworked.

Il. 3. Canosa di Puglia, actual Cathedral. Cupola in the south arm of the transept (photo: J.-P. Caillet)

Marina Falla Castelfranchi, didn't miss to establish parallels with some major achievements in the Eastern Mediterranean areas: especially, with St. Sophia and St. Irene (this last one in its 6th century state) in Constantinople, and St. John the Theologian in Ephesos (*Falla Castelfranchi* 2011; 2014: 471–473); she also mentions St. Polyeuctos in Constantinople again, but this case must now be rejected after the convincing contestation by Jonathan Bardill, of Rex Harrison's previous restitution (*Bardill* 2011). Regarding the Ephesian *martyrion*, very precise observations lately produced by Nikolaos Karydis for the restitution of the 6th century vaulting system permit to advance sensitively further. Karydis has convincingly proposed to distinguish two different types of dome: the one supported by distinctly articulated pendentives (above the crossing in this Ephesian case, and also attested at St. Sophia

Il. 4. Ephesos, St. John the Theologian. Reconstitution of the vaulting (Karydis 2011)

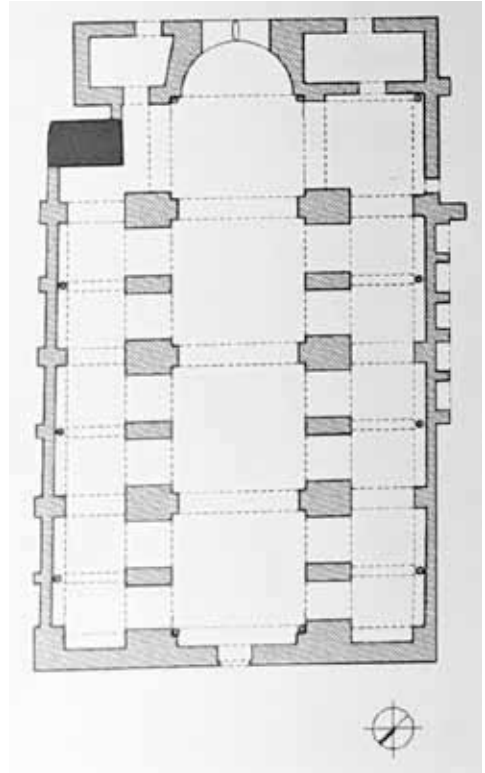

Il. 5. Canosa di Puglia, actual Cathedral. Nave, toward the main apse (photo: J.-P. Caillet)

and St. Irene in Constantinople); and the so-called “pendentive dome”, where the cupola extends itself downwards in four corners, without marked transition, until reaching the piers on which it rests (above the bays of the nave, the transept and the presbyterium at Ephesos) (see especially Karydis 2012) (il. 4). So, in Canosa, the system is not quite the same: there is a “pendentive dome” above the south arm of the transept (highly likely with the equivalent above the north arm, originally) and above the crossing (if we consider that, as said before, the lower part of this cupola was not altered in the 19th century); and the same type might well also have been adopted, as it is attested today, for the two bays of the nave (this is more hypothetically, it is true; but we can imagine that the late reworking of the upper parts, here, concerned the structures,

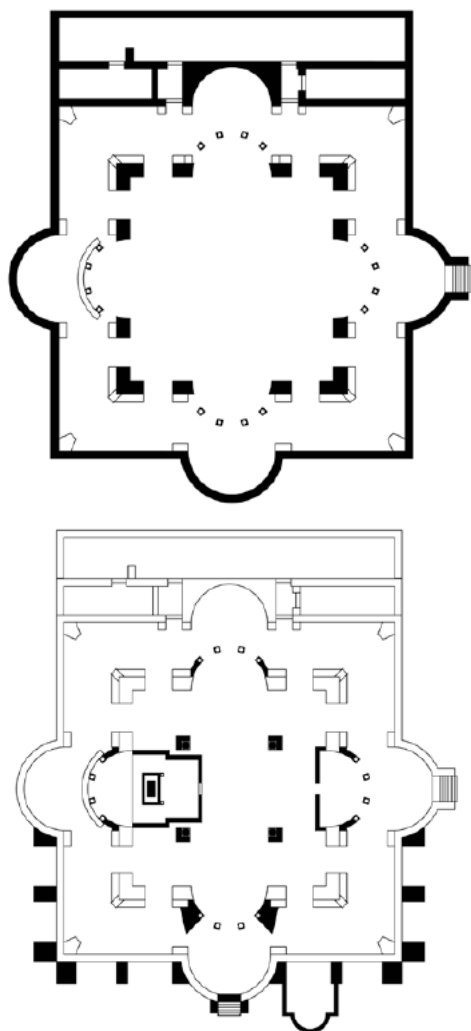
not the shapes) (il. 5). And if it was so originally, a privileged rapprochement then becomes possible with the so-called “Urban Church” in Hierapolis (Pammukale) (Karydis 2011: 18–23) (il. 6). However, another Canosan feature has to be taken into account: the fact the cupolas are resting not directly on piers, as in the Microasiatic examples, but on columns backed by piers (with, in addition, couples of minor pillars between the main ones). This can be due to the relatively modest span of the vaults — just a little bit more than 8 meters, in the nave — allowing the use of a more decorative (or “classical”, for accurately qualifying it) solution; and anyway, the presence of a massive pier associated to each of the columns here in question secures the stability.

There is a second church, in Canosa too, deserving here some comment. It is San Leucio, which recently also has known a thorough investigation by a team of the Roman *La Sapienza* University involving Alessandro D'Alessio, Enrico Gallocchio, Laura Manganelli and Patrizio Pensabene (D'alessio, Gallocchio, Manganelli, Pensabene 2012), who propose dealing with the church mentioned as originally dedicated to Cosmas and Damianus in the hagiographic sources relative to its founder, bishop Sabinus again; this being contested by Marina Falla Castelfranchi, who rather thinks to the cathedral here above in question for the invocation to the two *Anargyri* (Falla Castelfranchi 2014: 473–474). The building appears to have replaced a pagan sanctuary. Its design is a rather elaborated one: i.e., a double quadrifoil of 47 × 47 meters of maximal extension. For its initial phase (il. 7a), the excavators conjecturally reconstitute barrel vaults above the arms of the peripheral areas, with half cupolas for the apses, and a possible *volta a padiglione* (i.e. groined vault without lateral arches) above the square central area; and in the second phase (il. 7b) consecutive to dam-

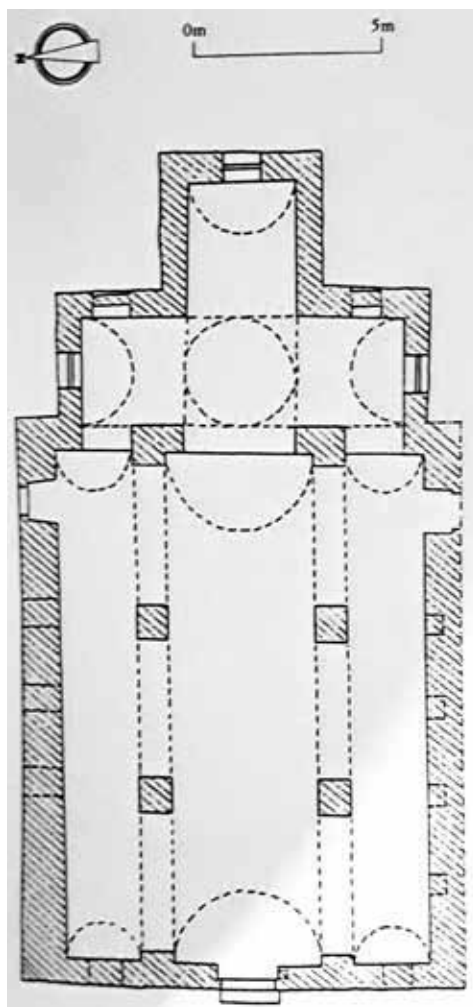
Il. 6. Hierapolis (Pammukale), Protobyzantine church. Plan (Karydis 2011)

ages eventually caused by an earthquake, and still to be dated before the end of the 6th century in relation with the stylistic features of the floor mosaics, a cupola at the same place, resting on columns backed by L-shaped piers. By comparison with what is attested in the cathedral, this proposition is undoubtedly susceptible to be received; nevertheless, this too remains hypothetical. In any case however, and if it is impossible to say more about its vaulting system, San Leucio may be included in the present survey. The Roman archaeologists recognized that the only Italian equivalent as to the ground design was S. Lorenzo in Milano — but probably erected some 150 years before and for which, because of the severe

Il. 7 a-b. Canosa di Puglia, San Leucio. Plan of the two 6th century states (D'alessio, Gallochio, Manganelli, Pensabene 2012)

modifications operated during the Renaissance period, it is equally impossible to have any certainty regarding the initial upper part —, and that, on the contrary, numerous parallels were to be found in Eastern regions: in Syria, perhaps the so-called Golden Octagon in Antioch, then the quadrefoils in Seleucia-Pieria (Samandağ),

Il. 8. Casaranello/Casarano), Santa Maria della Croce. Plan, after Falla Castelfranchi (Bertelli 2004)

Aleppo, Apamea, Emesa, Bosra, Resafa; in the Balkans, the ones in Ohrid, Adrianopolis (Edirne), Peruštica (Plovdiv), Athens; and also in Egypt and Armenia... So, even if the restitution of the vaulting of most of these buildings is as well problematic, their generic design, clearly of the same type as in San Leucio, induces to consider this last one as proceeding of the same Protobyzantine impulse.

Santa Maria della Croce in Casaranello

Southwards in the Puglia, the Salento region provides another interesting case in the present perspective: the church now — perhaps originally, but no surely at all — dedicated to the Virgin Mary in the locality of Casaranello, near Casarano, and whose exact function remains unfortunately unknown. It is a basilica of medium size (ca. 23 × 13 meters), with a nave of three bays flanked by aisles, a transept not protruding the lines of the exterior walls of the aisles, and a quadrangular apse (il. 8). The vaulting of the choir is the original one, as attested by the mosaics still preserved above the crossing and the apse with, respectively, a kind of “pendentive dome” (rather than a true dome on pendentives, the transition being here marked by the decorative organization, much more than by the structures

themselves) (il. 9) and a barrel vault; and as well, evidently enough, for the barrel vaults of both arms of the transept. As to the barrel vault — and the supporting pillars — in the nave (il. 10), the actual dissimulation of the structures by a coating with later medieval paintings prevents any checking of the initial situation. However, Marina Falla Castelfranchi, whom we are indebted of the main notices about this church (*Bertelli* 2004: 161–175; *Falla Castelfranchi* 2005), rightly doesn’t exclude the possibility of their initial existence: in effect — and as we’ll have below to come to it, — several buildings, especially in the nearby Sicily, presented ~~with~~ the same feature.

It seems also opportune to follow Marina Falla Castelfranchi as to the chronology. In effect, she observes that a previous proposition of locating this church in the 5th century doesn’t correspond to the sty-

Il. 9. Casaranello (Casarano), Santa Maria della Croce. Cupola of the crossing (photo: J.-P. Caillet)

Il. 10. Casaranello (Casarano), Santa Maria della Croce. Nave, toward the apse (photo: J.-P. Caillet)

listic features of the mosaics, for which she evokes 6th century parallels in the Near East and in the Balkans; and, mainly, that the vaulting with cupola directs much more to this same period, especially to the Justinian's reign. Let's add that the association of the cupola with barrel vaults above three (and eventually four) arms radiating from the crossing strengthens considerably this orientation.

"Basilicas" with triconchial choir

This type doesn't fundamentally differ from the one in Casaranello because, except for the outer design — i.e., semicircles instead of square endings — the principle of an axial extension and two lateral

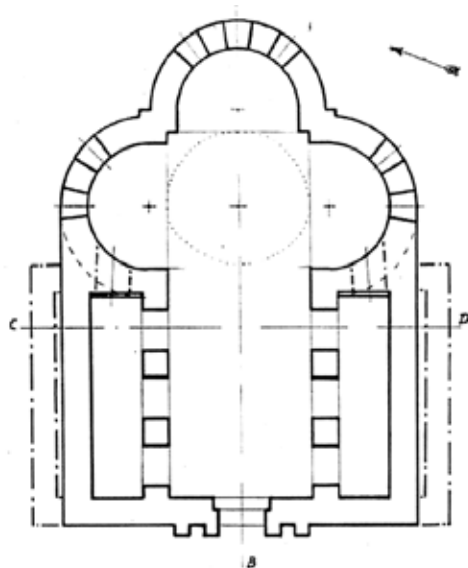
ones articulated with the crossing is identical, and might have corresponded to the same cult necessities². We are mainly faced here with one occurrence in Puglia again: the so-called *tempietto* San Lorenzo in Mesagne (il. 11–12), carefully reexamined by Manuela Andreano (*Andreano* 2009). Then in Calabria, near Squillace, the one in Staletti (il. 13), plausibly identified as a unit of the *Vivarium* monastery founded by Cassiodorus after his return from Constantinople around 554, investigated by a team of the École française de Rome directed by Ghislaine Noyé and François Bougard³ and about which late-

² This being also suggested by (*Margani* 2005: 18), about the Sicilian cases.

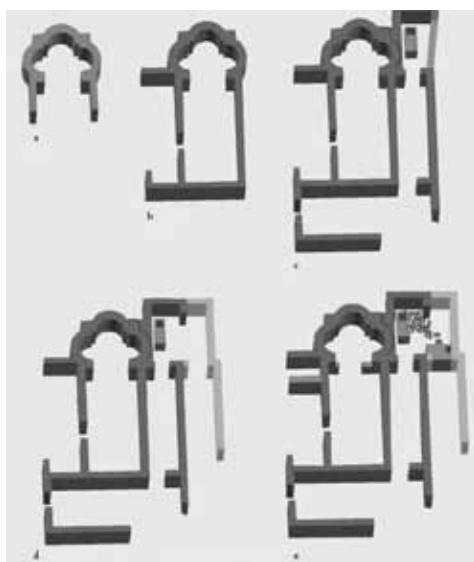
³ See especially their final report: (*Noyé, Bougard* 1997).

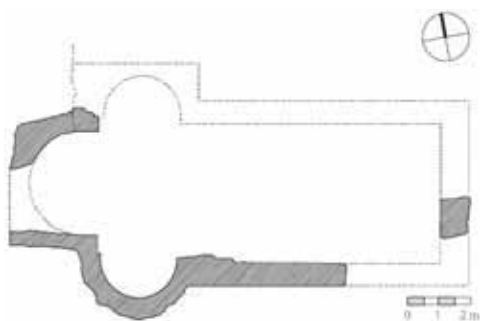
Il. 11. Mesagne, San Lorenzo. Exterior view (photo: J.-P. Caillet)

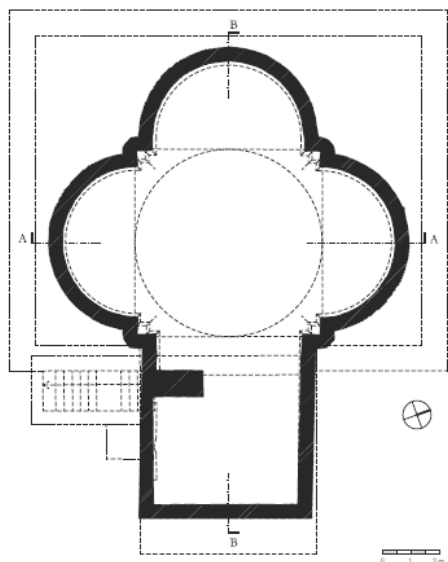
Il. 12. Mesagne, San Lorenzo. Plan (**Andreano** 2009)

Il. 13. Staletti, triconchial church. Plan of the successive states (**Coscarella** 2012)

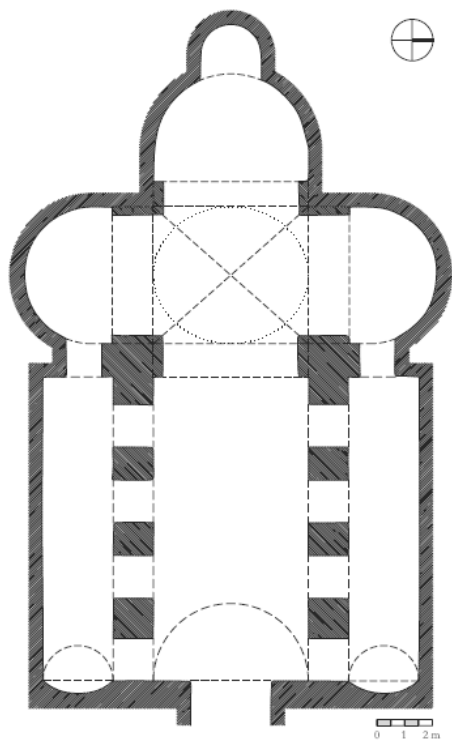
Il. 14. Catania, triconch of the via Dott. Consoli. Plan (Margani 2005)

Il. 15. Cuba Santa Teresa. Plan (Margani 2005)

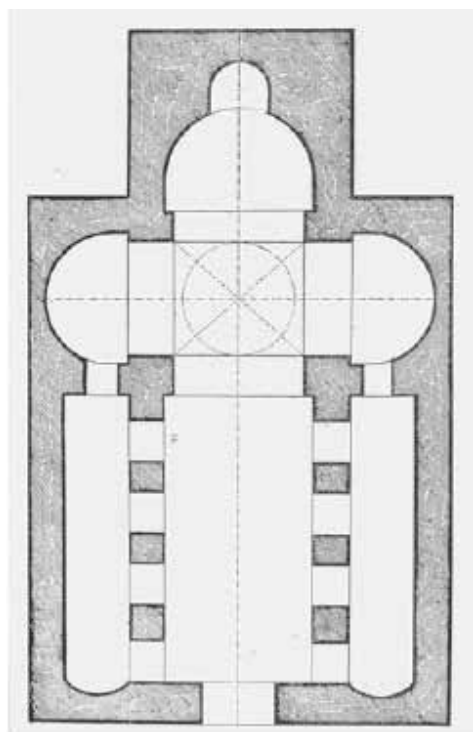
Il. 16. Cuba Santa Teresa. Cupola

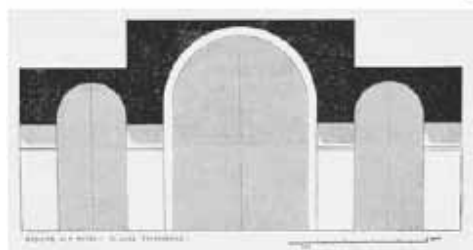
Il. 17. Syracuse, Santa Maria ad Baias. Plan (Margani 2005)

ly came back Adele Coscarella (Coscarella 2012). Then in Sicilia several examples, thoroughly studied by Giuseppe Margani (Margani 2005) must be taken especially into account, here, these that this author gathers as *triconch composte* (i.e. differentiating them from the *triconch semplici* lacking any fore-part): the so-called *martyrium* di via Dottor Consoli in Catania (il. 14), the *cuba* Sta. Teresa near Syracuse (il. 15–16), San Pietro ad Baias in Syracuse itself (il. 17–18), San Pancratii in Cava d'Ispica (il. 19), the “church” in Pirrone near Licodia Eubea (il. 20), and San Stefano in Dàgala del Re (il. 21)⁴.

⁴ (Margani 2005: respectively p. 91 sq., 93 sq., 108 sq., 113 sq., 119 sq., 121 sq.).

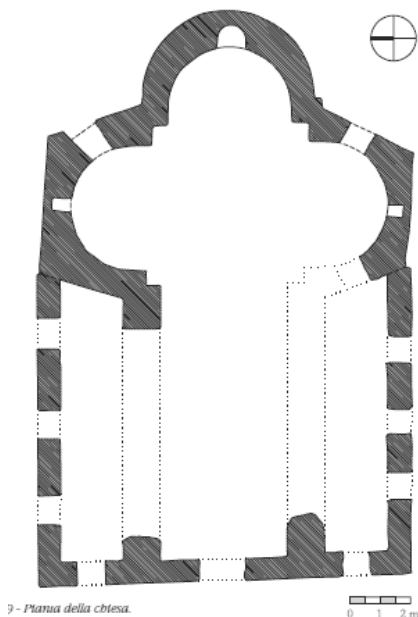

189

Il. 18. Syracuse, Santa Maria ad Baias. Longitudinal and transversal sections (Margani 2005)

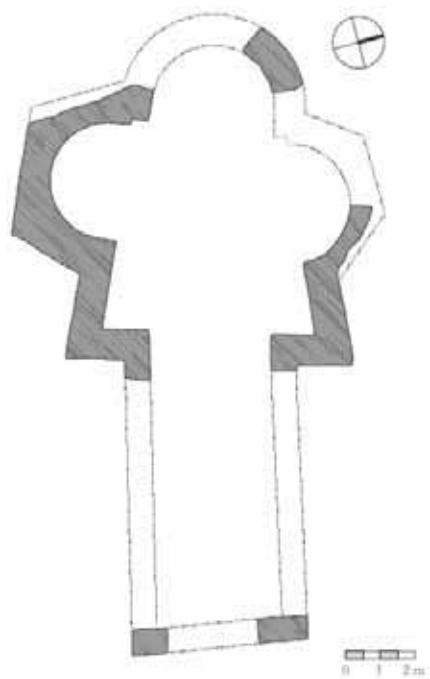
Except for San Pietro *ad Baias* in Syracuse (about 23×12 meters), we have to deal with very modest buildings, as to their dimensions: 14×11 meters for San Lorenzo in Mesagne, about 15×7 meters for Stalettì, and less for the other Sicilians examples. It also must be said that the fore-part is various enough, regarding its extension and articulation: so, San Pietro *ad Baias* in Syracuse presents a true nave with

9 - *Pianeta della chiesa.*

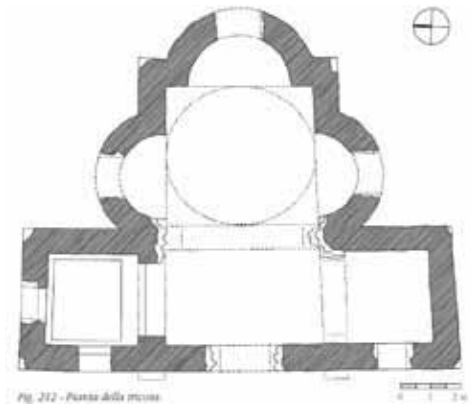
0 1 2 m

Il. 19. Cava d'Ispica, triconch San Pancrati. Plan (Margani 2005)

0 1 2 m

Il. 20. Licodia Eubea, triconch in Pirrone. Plan (Margani 2005)

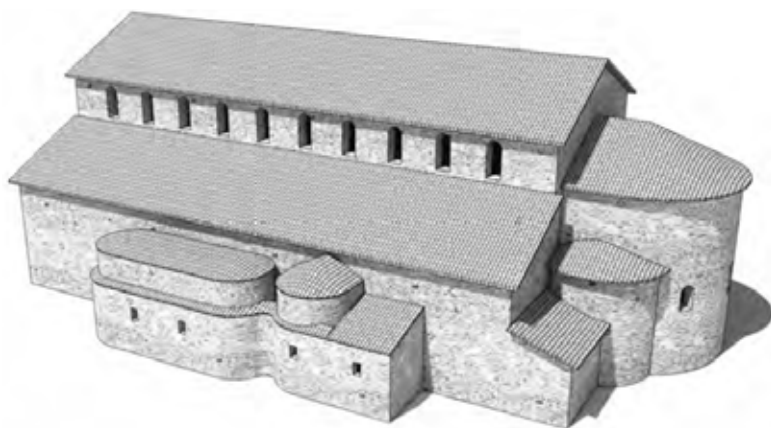
Il. 21. Dàgala del Re, triconch San Stefano. Plan (Margani 2005)

aisles, separated by pillars; the same for San Lorenzo in Mesagne; at Stalettì, it is a nave without aisles (but later flanked by lateral rooms); and otherwise, it may be reduced to a simple unarticulated room, as for the *martyrium* in Catania and at Dàgala del Re. Neither to be neglected is the fact that in some cases, these fore-parts appears to have been added in a second moment: so at Stalettì and Dàgala del Re; it was previously thought to have been the same in San Lorenzo in Mesagne but, referring to what is attested by photographs taken before the restorations in the 1980, Manuela Andreano convincingly establishes that, considering the identical structures of the lower parts, trefoiled choir and nave were of contemporary implantation. For our present purpose, however, the main datum remains that in the period here considered — i.e., the 6th century onwards — the eventual adjunction had everywhere already happened.

As to the vaulting, there is also some diversity. Regarding the fore-parts, the barrel vault is ascertained at San Pietro ad Baia in Syracuse (nave and aisles), and plausible at the near-by *cuba* di Santa. Teresa, and at San Pancrati in Cava d'Ispica; but for San

Lorenzo in Mesagne, the tracks of insertion of beams rightly induce Manuela Andreano to reconstitute an original timberwork. Concerning the trefoil choir of this same monument, she rather thinks of an original cupola (the present one resulting of a later refectio); and in Sicily, taking then also into account what is attested for the *triconch*, Giuseppe Margani insists on the predominance of the cupola on squinches — more or less rudimentary conformed — for the “crossing”; nevertheless, the *martyrium* in Catania is undoubtedly characterized by a kind of “pendentive dome”.

Something has to be added, too, about the destination(s) and chronology of these buildings. But it must be recognized that, due to the lack of textual documentation and archaeological attestation of liturgical settings, both of these points remain obscure enough. It has generally been recalled that the trefoil design sends back to profane Roman origins and had been adopted by Christians, at least from the 4th century onwards, for sepulchral monuments; then, in a second moment, many of them seem to have known an adaptation for liturgical use properly speaking. It has very probably been the case of Stalettì, the adjunction of the nave and this new function intervening in relation with the foundation of monastery. And it also might have occurred in several of the Sicilian example. Concerning this point, Giuseppe Margani insists on the fact that many of these monuments are in close relation with a cemeterial area. And reinvestigating the particular case of San Lorenzo at Pachino — an example classified among the *triconch* by Margani — Francesca Buscemi, as to her, not rejecting the probability of a funerary origin, thinks to a later monastic chapel (Buscemi 2016): she puts this in relation with the proliferation of private foundations of monasteries, especially involved in the assistance of the poor in the system of *diaconiae*, firstly established

Il. 22. Nola/Cimitile, basilica nova. Reconstitution of the 5th century state (Ebanista 2017)

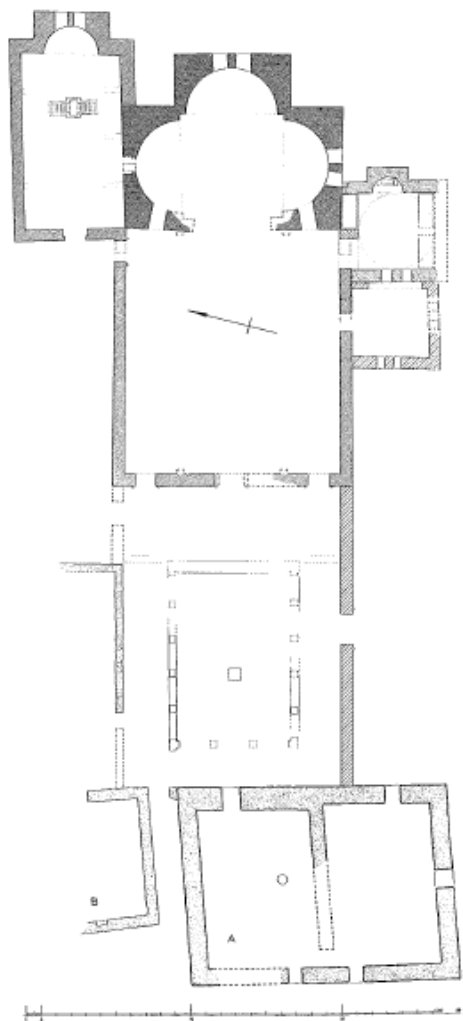
in Egypt but also well attested in Italy from about 600 onwards — Francesca Buscemi conjecturing, precisely, its introduction in Sicily by Oriental monks. But it is perhaps more commendable not to privilege too much the hypothesis of monasteries: a generic function as sanctuary of a *vicus* would still be possible, as is for instance proposed by Manuela Andreano in the case of Mesagne.

Regarding the dates, the uncertainty is of the same order. As to Mesagne, however, Manuela Andreano mentions similar characteristics for its eastern apse and the ones of two churches near Lecce, whose 6th century date appears to be the most probable. As to the Sicilian cases — the most numerous — Giuseppe Margani rightly sets aside the eventuality of a posteriority to the end of the Byzantine establishment (i.e. more or less late during the 9th century); reinvestigating the particular case of San Lorenzo at Pachino — another Sicilian example, but classified among the *triconesemplici* by Margani — Francesca Buscemi has a marked preference for the 8th–9th centuries, but she recognizes that the analogies that she otherwise mentions — imposed under the squinches, for which she evokes

equivalents in Syria, Asia Minor, Cappadocia... — have been in use slightly earlier. So, it seems reasonable not to try to be too precise in this matter.

As it appears from these last remarks, the ties with the Eastern Mediterranean areas are frequently put fore. However, Manuela Andreano considers that, regarding Southern Italy at least, the so-called *Basilica Nova* built by Paulinus at Nola/Cimitile in 401/03 in relation with the martyr Felix's tomb is the main source of these sanctuaries with trefoiled choir. Without radically rejecting this proposal, it seems to me that some observations must be produced. First, the analogy so postulated is not so evident: plausibly restituting the original elevation of the Nolan sanctuary, Carlo Ebanista proposes that it might not have been a true trefoiled choir — i.e., with three equally developed semicircular units, as we are dealing with here — but a predominant main apse, with two smaller and lower annexes articulated on its sides (il. 22)⁵. So, the hypothesis of an Oriental impulse, intervening from the 6th century onwards, certainly deserves more consid-

⁵ (Ebanista 2017, especially p. 309 sq. and il. 35a).

Il. 23. Karabel, triconchial church. Plan (Iacobini 2003–2004)

eration. This, especially if we take into account what upon which Antonio Iacobini drew attention to Asia Minor: i.e., the basilicas with — genuine — trefoiled choir at Karabel (il. 23) and Alacahisar (il. 24) in Lycia; and the second one, in particular, still showing its cupola on pendentives (il. 25)⁶.

⁶ (Iacobini 2003–2004, especially p. 163 sq. and il. 35–36).

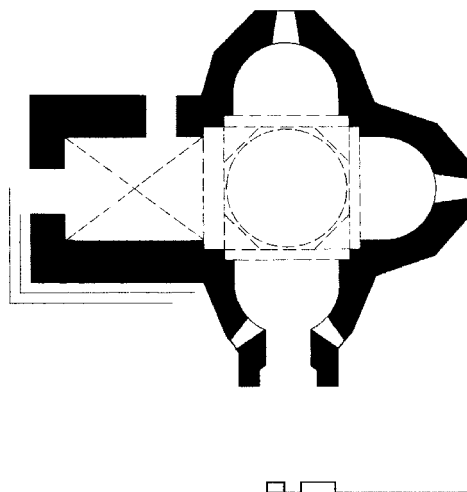
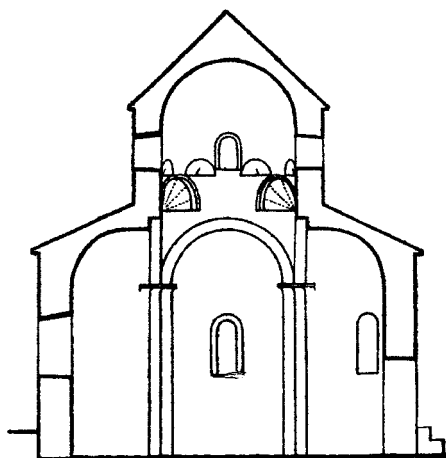
Il. 24. Alacahisar, triconchial church. Plan (Iacobini 2003–2004)

Il. 25. Alacahisar, triconchial church. Pendentives of the cupola (Iacobini 2003–2004)

Il. 26. Alaman, triconch. Exterior view from the Archive of the Institute for the History of Material Culture, St Petersburg (Казарян vol. 2 2012)

Il. 27 a-b. Alaman, triconch, Plan and section by T. Toramanian (Казарян vol. 2 2012)

Of course, the configuration of the most of the South Italian and Sicilian cupolas is simpler, and several of them have recourse to the squinches; but for this last characteristic, it is also possible to evoke the triconch in Alaman (precisely dated 637) (il. 26 and 27 a-b) and may be the (probably) contemporary one in Korhan, both in Transcaucasia (Казарян vol. 2 2013: 128–134, 135–137). As to the same feature, and as recalled here above by sending back to Francesca Buscemi's remarks, the use of squinches is also attested early enough in Eastern regions; Iacobini, otherwise, pinpointed in particular the case of Kızıl Kilise at Sivrihisar (late 6th century, probably). But it must also be underlined that cupolas on squinches have been introduced very precociously in Italy: for the pre-Justinian period, Sergio Bettini, the first one, rightly mentioned the cases of San Prosdocimo in Padova, of the Soter baptistery in Naples, and some other ones⁷.

⁷ (Bettini 1936–1937, especially pp. 214–233).

And at last, let's insist here on the fact that the use of squinches or pendentives is in fact not at all determinant as to the date: so, up to the end of the 7th century even, the catalogue produced by Armen Kazaryan clearly establishes the recourse to both systems in Armenia⁸.

⁸ If it is true that the squinches system must be recognized as largely predominant, pendentives are nevertheless attested in Zarinja (Kazaryan

Il. 28. Rutigliano, Sant'Apollinare. Exterior view of the actual state

Il. 29. Rutigliano, Sant'Apollinare. Interior view of the subsisting bay

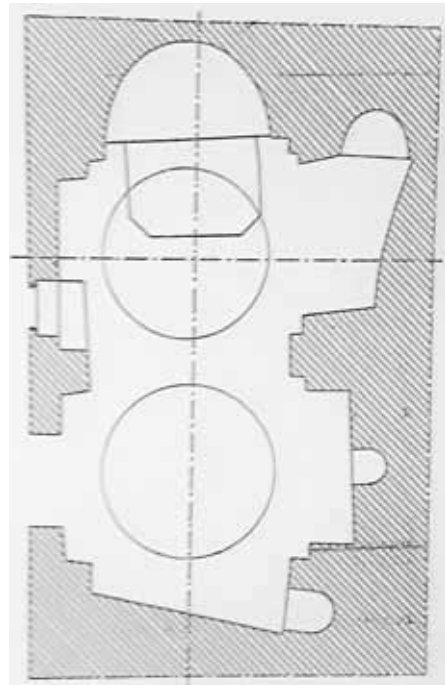

Il. 30 a-b. Crepacore (Torre Sta. Susanna), San Pietro. Exterior and interior views (photos: J.-P. Caillet)

Basilicas with two cupolas on longitudinal axis

Here again, we are dealing with a true series, in Southern Italy: i.e., in Puglia, Sant'Apollinare in Rutigliano (nave originally with two bays, now reduced to a single one) (il. 28–29), San Pietro di Crepacore near the locality Torre Santa Susanna (il. 30 a-b), San Salvatore in Monte Sant'Angelo (promontory of Gargano) (il. 31) and the so-called *tem-*

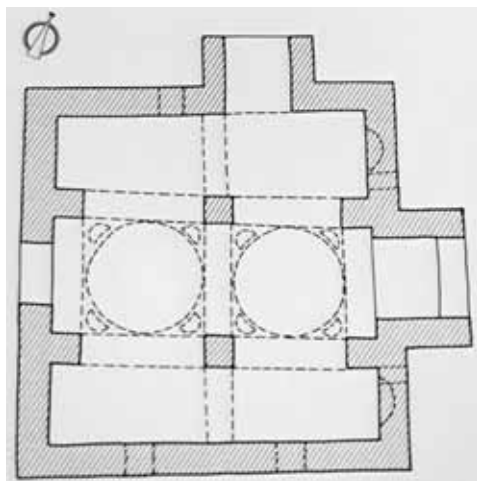
vol. 2 2012: 226–237), Aruch (*Kazaryan* vol. 3 2012: 72–105), Talin (*Kazaryan* vol. 3 2012: 146–183), Ddmashen (*Kazaryan* vol. 3 2012: 473–482), Dashtadem (*Kazaryan* vol. 3 2012: 549–555) and Astvatsatsin (*Kazaryan* vol. 4 2013: 49–56).

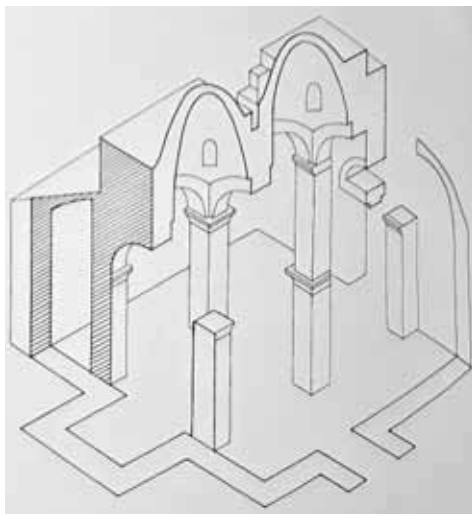
Il. 31. Monte Sant'Angelo (Gargano), San Salvatore. Plan (Falla Castelfranchi 1982)

Il. 32. Seppanibale, church. Exterior view (photo: J.-P. Cailliet)

Il. 33. Seppanibale, church. Plan (Bertelli 2004)

Il. 34. Seppanibale, church. Elevation (Bertelli 2004)

pietto di Seppanibale near Fasano (il. 32–35); then, in Campania, [Sant'Ilario in Benevento](#) (il. 36–39)⁹. All are of modest dimensions (about 14,50 × 8,5 meters in Benevento, and less than that in the other cases). Considering its position near the city gate on a way coming from the town of Siponto, a particular destination to the pilgrims intending to visit the near-by sanctuary of Saint Michael is conjectured by Marina Falla Castelfran-

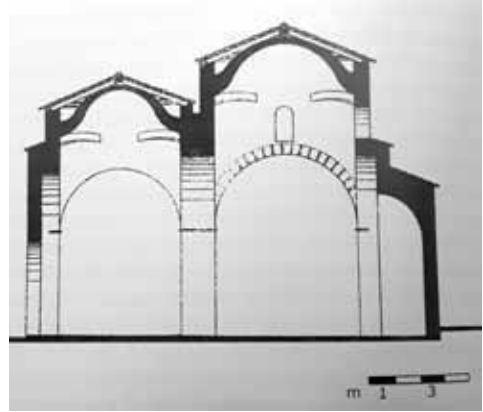

Il. 35. Seppanibale, church. One of the cupolas (photo: J.-P. Cailliet)

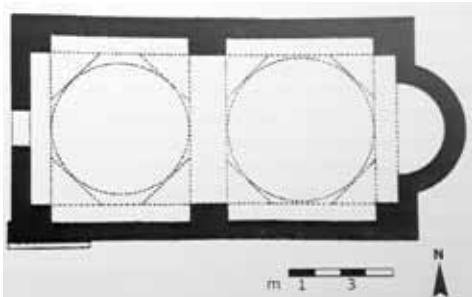
⁹ For the main bibliography regarding these buildings, see the following notes.

Il. 36. Benevento, Sant'Ilario. Exterior view (photo: J.-P. Caillet)

Il. 38. Benevento, Sant'Ilario. Longitudinal section (Carella 2011)

Il. 37. Benevento, Sant'Ilario. Plan (Carella 2011)

chi (*Falla Castelfranchi* 1982)¹⁰. For the other examples, we are again in great incertitude, the hypothesis of sanctuary of a rural community established on the lands of a former *villarustica*, being advanced by Gioia Bertelli for Seppanibale¹¹, and it might have been the same elsewhere.

As for to the “basilicas” with triconchial choir, variants must also be noted here as to the ground design: mononave at Rutigliano, Crepacore, Monte Sant’Angelo, Benevento; and nave with aisles at Sep-

panibale. Variants, too, regarding the typology of the cupolas: recourse to squinches (occulted by coating in order to receive the painted decoration, but nevertheless well attested) at Seppanibale, and well apparent at Benevento; but elliptical domes prolonged downwards without transition — so, roughly adapting the principle of the “pendentive dome” — at Rutigliano and Crepacore; and true “pendentive domes” at Monte Sant’Angelo.

The chronology of these monuments is also very difficult to establish. A foundation by the Longobard prince Arechis II (758–787) is postulated by Marina Falla Castelfranchi for Monte Sant’Angelo (*Falla Castelfranchi* 1982), but we unfortunately lack any textual source to confirm that. For Seppanibale, Gioia Bertelli thinks also to an — rather late, in this case — 8th century date; this in relation with the style of the painted and carved decorations, but also with the result of archaeological investigations in the immediate surroundings, pointing at an abandonment of the site after about 800¹². For Benevento, whose comprehen-

¹⁰ This being then accepted by: (Carella 2011: 118 (and pp. 114–118 for the whole notice about this church)).

¹¹ (Bertelli 2010: especially p. 195). See also her previous developed notice in: (Bertelli 2004: 121–138).

¹² (Bertelli 2010: especially p. 195–197); and already her notice in: (Bertelli 2004: 121–138).

Il. 39. Benevento, Sant'Ilario. Interior view of the actual state, toward the apse (photo: J.-P. Caillet)

sive publication of the monument and of the structures upon which it was built is still waited, Marcello Rotili thought to an erection shortly before the mid-8th century (Rotili 1986: 182), Silvio Carella argues that the Ilarian invocation (surely attested since the 11th century, but perhaps the initial one) might suggest a realization as early as the 7th century, so underlining the Longobard's conversion to the Catholic faith by referring to a saint especially known as best adversary of the Arianism¹³; this remark appears in good part valid but, as lately recalled by Vera von Falkenhausen, it is not to be forgotten that in Southern Italy, the conversion in question seems to have been fully achieved noticeably later (only around 700, perhaps) (Von Falkenhausen 2017: 23). For Crepacore, Marina FallaCastelfranchi imagined a first phase (6th century ?) with timberwork covering, the cupolas resulting from a 9th century modification (Bertelli 2004: 147–160); but Michel Berger and André Jacob have contested this proposal, considering that the painted decoration of the cupolas in question was

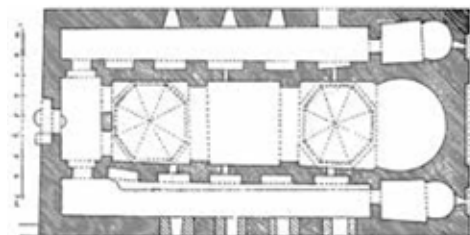
pre-iconoclastic (Berger, Jacob 2007); a proposal lately accepted, globally, by Valentino Pace (who thinks, as to him, to a plausible date toward the end of the 7th century, or slightly later) (Pace 2017). For Rutigliano at last, Giorgia Lepore tends to consider the rather approximate junction of the cupolas with the lower square bays — irregular enough, themselves — as denoting an experimental stage in an evolution leading to better achieved examples (Seppanibale, in particular), so toward the beginning of the 8th century (Bertelli 2004: 111–116); Gioia Bertelli, as to her, conjecturing a much earlier date (Bertelli 2010: 194)... In fact, these speculations about a regularly linear progression have sometimes been invalidated by textual and/or archaeological data: consequently, rough and awkward productions are verified contemporary of very skilful ones, in mere relation with the builder's various capacities. So, it still seems more reasonable to simply stick to a broad *ambitus* embracing from the 6th to the 8th century.

It was generally thought, by the specialists, of a creation of this type in Beneventine context: Sant'Ilario corresponding, so, to the generic model from which would

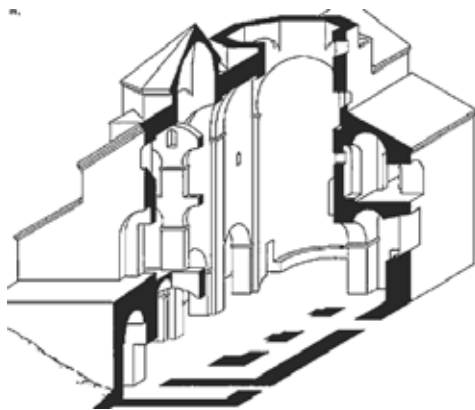
¹³ (Carella 2011: 62) (and p. 56–62 for the whole notice about this church).

Il. 40. Gurdjaani, Kvelac'minda church. Exterior view

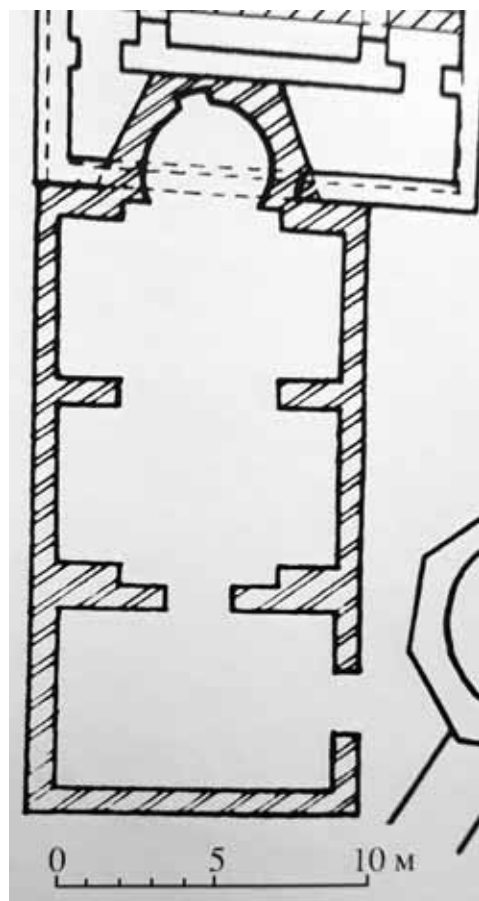
Il. 41. Gurdjaani, Kvelac'minda church. Plan
(Чубинашвили 1956)

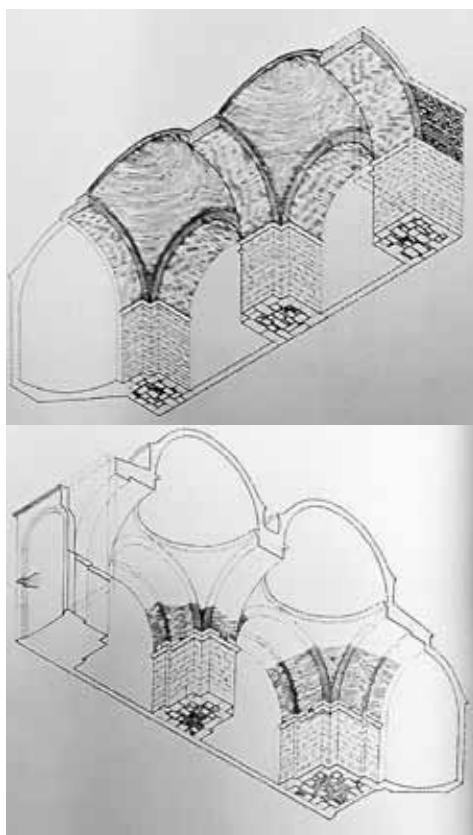
Il. 42. Gurdjaani, Kvelac'minda church. Elevation
(Vinogradov 2017)

have derived the other cases. And lately, Gioia Bertelli, taking in account her proposal as to the date of Rutigliano, rather imagined the progressive amelioration of the formula on the basis of — always regional, all told — attempts (Bertelli 2010: 194). But it not incongruous, to my mind, to privilege here again the ties with Eastern areas. In Georgia, we are in effect facing the Kvelac'minda church in Gurdjaani (il. 40–42) about which, in spite of some recent propositions¹⁴, the VIIIth date previously proposed by Giorgi Čubinašvili (Чубинашвили 1956–1959) seems to me the most plausible (i.e. much better corresponding, it's must be emphasized, with the chronology of the other samples of the series here concerned) and whose main nave is covered by two cupolas on squinches; it must be recognized that as to its articulation (on two floor levels, in par-

¹⁴ See in particular: (Виноградов 2017). I here warmly thank Nina Iamanidze for communicating this article and helping me to get exact knowledge of its content.

Il. 43. Picunda, church n. 4. Plan (Khrushkova 2005)

Il. 44 a-b. Sardis "building D" (left) and Alasehir/Philadelphia (right). Reconstitution of the vaultings (Karydis 2011)

ticular), this building is much more complex than the South Italian cases. But it doesn't appear impossible that another monument, of relatively more comparable size ($17,45 \times 11,60$ meters, "narthex" included, and on one level only) might be taken in account: the (probably) 6th century church n.4 in Picunda (ancient *Pityous*) in Abkhazia, which presents a "narthex" then a mononave subdivided in two bays by a couple of very salient pilasters (il. 43). This last feature has rightly induced Liudmila Khrushkova to imagine a vaulting system (Khrushkova 2006: 33, 190, pl. 4 b-c);

and the recourse to two cupolas — unfortunately not to check now, the monument being leveled down to the ground — so would have fit especially well. Going further in this path, it must be recalled that in Asia Minor, two major Protobyzantine churches — the so-called "building D" in Sardis and St. John the Theologian in Alasehir/Philadelphia — presents also a mononave covered by two cupolas on longitudinal axis (respectively, cupolas on true pendentives, and "pendentive domes", as restituted by Nikolaos Karydis (Karydis 2011: 13–18)) (il. 44 a-b). And finally, it's not to forget the two cupolas on

Il. 45. Istanbul, St. Irene. Exterior view (photo: J.-P. Caillet)

pendentives of the illustrious example of St. Irene in Constantinople in its mid-8th century state (il. 45), accurately analyzed by Urs Peschlow (*Peschlow*1977: 212–213). So, even if it would be excessively hazardous to directly put side by side the sample of the capital — and the Microasiatic ones — with the very modest South Italian achievements, this attestation of the relative broad diffusion of a specific type incites not to neglect the eventuality of common reference, as well in the Oriental margins as in Southern Italy, to prestigious models in the core of the Byzantine Empire. As to this point, we can evoke St. Sophia in Benevento, founded by duke Arechis II around the mid-8th century; even if, according to what lately argued Laura Esposito, the original invocation would have been to a Roman saint then also venerated in the Longobard duchy, the sources clearly attest that, at least from the 9th century onwards, the reference to the Constantinopolitan *Megale Ekklesia* locally prevailed (*Esposito* 2017).

Conclusive considerations

I expect to have so valorized convincingly enough the formal connections between numerous realizations belonging to the worlds — apparently — much distant from each other. It is now necessary to summarize the reasons of such common features. Considering, firstly, the case of the two churches in Canosa, we simply have to take into account what is known about their very probable founder, bishop Sabinus. As lately recalled by Marina Falla Castelfranchi, he — deceased few years before the Longobard's arrival — had visited Constantinople two times: in 525/26 already, then ten years later for attending the synod convoked by patriarch Menna and held in the portico of the Chalkoprateia; so he got the opportunity to see, especially, the new St. Sophia close to its completion (*Falla Castelfranchi* 2014: 467). The bold application of the cupola system here attested might very well have suggested to him — at lower level, and with variants in the design — something recalling it in the Canosian churches

whose edification probably started the following years.

Regarding all what we have reexamined here above in Salento and Sicily for the late 6th–8th century period, the tight connections with the Eastern Mediterranean world can also be explained easily by considering the geopolitical situation as, in particular, comprehensively synthesized by Enrico Zanini: both regions, in fact, had been then maintained under the Byzantine rule (Zanini 1998: 33–104); and it must not to be neglected, furthermore, that Emperor Constans II established himself in Syracuse from 663 until his death in 668 — and practically all of the Sicilian examples here evoked are situated in this same Eastern part of the island. As to Monte Sant'Angelo and Benevento, it's true that these areas fully belonged to the Longobard duchy. But as convincingly demonstrated by Enrico Zanini, the relations between Longobards and Byzantines were less conflictual than it is usually thought, and the whole Southern Italy became then integrated in the Mediterranean circuit of economical exchanges (Zanini 1998: 291–332, 333–340); there is no reason, so, for which it would have differed as to the artistic ones. Regarding the individuals susceptible to have introduced some specific features (and in spite of the lack of precise data concerning the building themselves) Nino Lavermicocca (Lavermicocca 2012: 30), sending back to what already noted by Agostino Pertusi (Pertusi 1964: 92–95, 106–110), records that as soon as the 6th–7th centuries, the sources mention “Syriacs” — generic designation of Orientals — settled in many cities of the region ; and in particular, monks from Greece, Constantinople (with possibly people from Subcaucasian regions having moved to the capital) and Aegean-Anatolian areas. Such process of transmission by these agents having always occurred, of course, in adapting the design and the

scale in close relation with the local builders' aptitudes and the — sometimes most reduced — liturgical necessities.

So, the — direct or indirect — historic inclusion of 6th–8th century Southern Italy in the Byzantine sphere decisively cannot be doubted. As to its Christian architecture, and beyond the punctual observations up to now produced, ~~these~~ same inclusion probably deserved to be stressed. I have tried here to do it, privileging as “common denominator” a mode of covering destined to become one of the main marks of the realizations in the Eastern world. Of course, it will be necessary to investigate further in this way; the present essay had just the scope to engage more again toward it.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Виноградов 2017 — Виноградов А. Ю. К вопросу о передатировке Гурджаанской Квелацминды // Иверия, Афон, Россия. Духовные и культурные связи. Сборник статей по материалам IV Научных чтений, посвященных памяти Давида Ильича Арсенишвили / отв. ред. О. Никифорова. М.: Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева, 2017. С. 40–44, 180–185.
- Казарян 2012–2013 — Казарян А. Ю. Церковная архитектура стран Закавказья VII века: формирование и развитие традиции. В 4 т. Т. 1–3. М.: Locus Standi, 2012; Т. 4. М.: Locus Standi, 2013.
- Чубинашвили 1956–1959 — Чубинашвили Г. Н. Архитектура Кахетии: исследование развития архитектуры в восточной провинции Грузии в IV–XVIII вв. Тбилиси: Таблицы. Тбилиси: изд. АН Груз. ССР, 1956. Текст. Тбилиси: изд. АН Груз. ССР, 1959.
- Andreano 2009 — Andreano M. Tempietto di San Lorenzo a Mesagne. Nuovo studio // Brindise Res. No. 23. 2009. P. 131–163.
- Bardill 2011 — Bardill J. Église Saint-Polyeucte à Constantinople: nouvelle solution pour l'énigme de sa reconstitution // Architecture paléochrétienne, ed. by J.-M. Spieser. Gollion : Infolio, 2011. P. 77–103.

- Berger, Jacob 2007 — Berger M., Jacob A. Des peintures préiconoclastes en terre d'Otrante. Les fresques de S. Pietro à Crepacore et leur dédicace // *Mélanges de l'École française de Rome*. No. 119/1, 2007. P. 25–42.
- Bertelli 2004 — Puglia preromanica. Ed. by G. Bertelli. Milano: Jaca Book, 2004.
- Bertelli 2010 — Bertelli G. [Attolico Angelofabio]. L'VIII secolo in Puglia: un secolo contraddittorio // L'VIII secolo: un secolo inquieto (Atti del Convegno internazionale di studi, Cividale del Friuli, 4–7 dicembre 2008), ed. V. Pace. Cividale del Friuli, 2010. P. 194–203. Illustration p. 402–405).
- Bertelli, Attolico 2011 — Bertelli G., Attolico A. Analisi delle strutture architettoniche della Cattedrale di San Sabino a Canosa: primi dati // Canosa. Ricerche storiche. Decennio 1999–2009 (Atti del Convegno di studio 12–13 febbraio 2010). Ed. by L. Bertoldi Lenoci. Bari, 2011. P. 723–758.
- Bettini 1936–1937 — Bettini S. Padova e l'arte Cristiana d'Oriente // *Atti dell'Istituto Veneto di Scienze, Lettere e Arti*. No. XCVI, 1936–37, Parte II, p. 203–297.
- Buchwald, Savage 2017 — Buchwald H., Savage M. Churches // ~~(dir.)~~ The Archaeology of Byzantine Anatolia. From the End of Late Antiquity until the Coming of the Turks, ed. by Ph. Niewöhner. Oxford, 2017. P. 129–142.
- Buscemi 2016 — Buscemi F. Triconchi di ascendenza orientale, dinamiche territoriali e lunga durata. Il monasterium di S. Lorenzo Vecchio presso Pachino // *Architetture del Mediterraneo*. Studi in onore di Francesco Tomasello. A cura di N. Bonacasa, F. Buscemi, V. La Rosa, (Thiasos, Monografie 6), Roma 2016. P. 65–93.
- Carella 2011 — Carella S. Architecture religieuse haut-médiévale en Italie Méridionale: le diocèse de Bénévent. Turnhout: Brepols, 2011.
- Coscarella 2012 — Coscarella A. Il monastero «vivariense sive castellense» e l'edificio triconco di Staletti (Cz): da Pierre Courcelle ad oggi // Martiri, santi, patroni: per una archeologia della devozione (Atti X Congresso nazionale di archeologia cristiana, Università della Calabria, 15–18 settembre 2010), eds. A. Coscarella, P. De Santis. Arcavacata di Rende: Università della Calabria, 2012. P. 299–315.
- D'alessio, Galloccchio, Manganelli, Pensabene 2012 — D'alessio A., Galloccchio E., Manganelli L., Pensabene P. La basilica di San Leucio a Canosa di Puglia. Fasi edilizie, apparati musivi e necropoli // Martiri, santi, patroni: per una archeologia della devozione (Atti X Congresso nazionale di archeologia cristiana, Università della Calabria, 15–18 settembre 2010), eds. A. Coscarella, P. De Santis. Arcavacata di Rende: Università della Calabria, 2012. P. 677–685.
- De Stefano 2011 — De Stefano A. La Cattedrale di S. Maria a Canosa dalla Tarda Antichità al Medioevo: nuove ricerche (scavi 2009) // Canosa. Ricerche storiche. Decennio 1999–2009 (Atti del Convegno di studio 12–13 febbraio 2010). Ed. by L. Bertoldi Lenoci. Bari, 2011. P. 27–62.
- Donabédian 2008 — Donabédian P. L'âge d'or de l'architecture arménienne, VIIe siècle, Marseille: Parenthèses, 2008.
- Ebanista 2017 — Ebanista C. Le recente indagini archeologiche nella *basilica nova* a Cimitile // Dalle steppe al Mediterraneo. Popoli, culture, integrazione (Atti dei Convegni di Cimitile-Santa Maria Capua Vetere, 16–19 giugno 2015). Ed. by C. Ebanista, M. Rotili. Naples, 2017. P. 287–331.
- Esposito 2017 — Esposito L. Il culto di Santa Sofia Matrona nella Benevento longobarda // Trai Longobardi del Sud. Arechi II e il Ducato di Benevento. A cura di M. Rotili. Padova, 2017. P. 319–353.
- Falla Castelfranchi 1982 — Falla Castelfranchi M. La chiesa inedita di S. Salvatore a Monte Sant'Angelo // *Vetera Christianorum*. Vol. 19, II. 1982. P. 373–394.
- Falla Castelfranchi 2005 — Falla Castelfranchi M. I mosaici della chiesa di Santa Maria della Croce a Casaranello rivisitati // Atti del X colloquio dell'Associazione italiana per lo studio e conservazione del mosaico. Tivoli, 2005. P. 13–24.
- Falla Castelfranchi 2011 — Falla Castelfranchi M. La cattedrale di Canosa non è più normanna // Bertoli Lenoci (ed.) 2011. P. 677–688.
- Falla Castelfranchi 2014 — Falla Castelfranchi M. San Sabino vescovo di Canosa (514–66) e

- la traslazione del suo corpo. Con particolare attenzione alle nuove scoperte nella cattedrale // *L'évêque, l'image et la mort. Identité et mémoire au Moyen Âge*. Ed. by N. Bock, I. Foletti, M. Tomasi. Rome, 2014. P. 467–480.
- Iacobini 2003–2004 — Iacobini A. Un modello architettonico bizantino tra centro e periferia: la chiesa a cupolata a ambulacro // *Rendiconti della Pontificia Accademia Romana di Archeologia*. Vol. LXXVI, 2003–2004. P. 135–174.
- Karydis 2011 — Karydis N. Early Vaulted Construction in Churches of the Western Coastal Plains and River Valleys of Asia Minor (BAR-IS 2246). Oxford: Archaeopress, 2011.
- Karydis 2012 — Karydis N. The Early Byzantine Domed Basilicas of West Asia Minor. An Essay of Graphic Reconstruction // *Late Antique Archaeology*. Vol. 9. Is. 1. 2012. P. 357–381.
- Khrushkova 2006 — Khrushkova L. Les monuments chrétiens de la côte orientale de la Mer Noire. Abkhazie, IVe–XIVe siècles, Turnhout: Brepols, 2006.
- Khrushkova 2015 — Khrushkova L. Notes on a new publication on the religious architecture of Caucasus in the 7th century // *Antiquité tardive*. Vol. 23. 2015. P. 407–416.
- Lavermicocca 2012 — Lavermicocca N. Puglia bizantina. Storia e cultura di una regione mediterranea (876–1071). Lecce: Capone, 2012.
- Maranci 2001 — Maranci Ch. Medieval Armenian Architecture. Constructions of Race and Nation. Leuven: Peeters, 2001.
- Margani 2005 — Margani G. Celle trichore. Edifici a pianta trilobata nella tradizione costruttiva siciliana. Enna, 2005.
- Noyé, Bougard 1997 — Noyé Gh., Bougard F. Les recherches archéologiques de l'École française de Rome sur la Calabre médiévale // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. Vol. 141. No. 4. 1997. P. 1069–1105.
- Pace 2017 — Pace V. Una chiesa di confine nel Salento, fra Italia bizantina e Longobardia: San Pietro a Crepacore // *Per le arti e la storia. Omaggio a Tonino Cassiano*. Ed. by V. Cazzato, R. Poso, G. Vallone. Galatina, 2017. P. 10–15.
- Pertusi 1964 — Pertusi A. Bisanzio e l'irradiazione della sua civiltà in Occidente nell'alto Medioevo // *Centri e vie dell'irradiazione* (Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto Medioevo, 11). Spoleto, 1964. P. 75–134.
- Peschlow 1977 — Peschlow U. Die Irenenkirche in Istanbul. Untersuchungen zur Architektur, Tübingen: E. Wasmuth, 1977.
- Plontke-Lüning 2007 — Plontke-Lüning A. Frühchristliche Architektur in Kaukasien. Die Entwicklung des christlichen Sakralbaus in Lazika, Iberien, Armenien, Albanien und Grenzregionen vom 4. Bis zum 7. Jh., Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2007.
- Rotili 1986 — Rotili M. Benevento romana e longobarda. L'immagine urbana, Benevento: Banca sannitica, 1986.
- Von Falkenhausen 2017 — Von Falkenhausen V. I Longobardi dell'Italia meridionale: conquista e integrazione // *Tra i Longobardi del Sud. Arechi II e il Ducato di Benevento*. A cura di M. Rotili. Padova, 2017. P. 19–30.
- Zanini 1998 — Zanini E. Le Italie bizantine. Territorio, insediamenti ed economia nella provincia bizantina d'Italia, VI–VIII secolo. Bari: Edipuglia, 1998.

REFERENCES

- Vinogradov A. K voprosu o peredatirovke Gurdžaanskoi Kvelacmindy (On the question of re-dating of Gurdjaani's Kvelatsmindia). Iveria, Afon, Rossiia. Duxonye i kul'turnye svyazi. *Sbornik po materialam IV Nauchnykh chtenii posviaschennykh pamiati Davida Arsenishvili* (Iveria, Athos, Russia. *Spiritual and cultural relations. Collection of the materials of the 4th*, ed. O. Nikiforova. Moscow: The Central Andrey Rublev Museum of Ancient Russian Culture and Art Publ., 2017, pp. 40–44, 180–185.
- Kazaryan A. Yu. Tserkovnaia arkhitektura stran Zakavkaz'ia VII veka: formirovanie i razvitie traditsii (Church architecture of the 7th century in transcaucasian countries: Formation and development of the tradition), vols. 1–3. Moscow: Locus Standi Publ., 2012; vol. 4. Moscow: Locus Standi Publ., 2013 (in Russian).

- Čubinašvili G.N. *Arkhitektura Kakheti: issledovanie razvitiia arkhitektury v sost. provincii Gruzii v IV–XVIII vv. (Architecture of Kakheti)*. Tbilissi: Academy of Sciences of Georgian SSR Publ., 1956.
- Andreano M. Tempietto di San Lorenzo a Mesagne. Nuovo studio. *Brindise Res*, no. 23, 2009, pp. 131–163.
- Bardill J. Église Saint-Polyeucte à Constantinople: nouvelle solution pour l'énigme de sa reconstitution. *Architecture paléochrétienne*, ed. J.-M. Spieser. Gollion, 2011, pp. 77–103.
- Berger M., Jacob A. Des peintures préiconoclastes en terre d'Otrante. Les fresques de S. Pietro à Crepacore et leur dédicace. *Mélanges de l'École française de Rome*, no. 119/1, 2007, pp. 25–42.
- Puglia preromanica.*, ed. G. Bertelli. Milano: Jaca Book, 2004.
- Bertelli G. [Attolico Angelofabio]. L'VIII secolo in Puglia: un secolo contraddittorio. *L'VIII secolo: un secolo inquieto (Atti del Convegno internazionale di studi, Cividale del Friuli, 4–7 dicembre 2008)*, ed. V. Pace. Cividale del Friuli, 2010, pp. 194–203 (and illustration pp. 402–405).
- Bertelli G., Attolico A. Analisi delle strutture architettoniche della Cattedrale di San Sabino a Canosa: primi dati. *Canosa. Ricerche storiche. Decennio 1999–2009 (Atti del Convegno di studio 12–13 febbraio 2010)*, ed. L. Bertoldi Lenoci. Bari, 2011, pp. 723–758.
- Bettini S. Padova e l'arte Cristiana d'Oriente. *Atti dell'Istituto Veneto di Scienze, Lettere e Arti*, vol. XCVI, II, 1936–37, pp. 203–297.
- Buchwald H., Savage M. Churches. *The Archaeology of Byzantine Anatolia. From the End of Late Antiquity until the Coming of the Turks*, ed. Ph. Niewöhner. Oxford, 2017, pp. 129–142.
- Buscemi F. Triconchi di ascendenza orientale, dinamiche territoriali e lunga durata. Il monasterium di S. Lorenzo Vecchio presso Pachino. *Architetture del Mediterraneo. Studi in onore di Francesco Tomasello*, eds. N. Bonacasa, F. Buscemi, V. La Rosa (Thiasos, Monografie 6), Roma, 2016, pp. 65–93.
- Carella S. *Architecture religieuse haut-médiévale en Italie méridionale: le diocèse de Bénévent*, Turnhout: Brepols Publ., 2011.
- Coscarella A. Il monastero «vivariense sive castellense» e l'edificio triconco di Staletti (Cz): da Pierre Courcelle ad oggi. *Martiri, santi, patroni: per una archeologia della devozione (Atti X Congresso nazionale di archeologia cristiana, Università della Calabria, 15–18 settembre 2010)*, eds. A. Coscarella, P. De Santis. Arcavacata di Rende: Università della Calabria Publ., 2012, pp. 299–315.
- D'alessio A., Gallochio E., Manganelli L., Pensabene P. La basilica di San Leucio a Canosa di Puglia. Fasi edilizie, apparati musivi e necropoli. *Martiri, santi, patroni: per una archeologia della devozione (Atti X Congresso nazionale di archeologia cristiana, Università della Calabria, 15–18 settembre 2010)*, eds. A. Coscarella, P. De Santis. Arcavacata di Rende: Università della Calabria Publ., 2012, pp. 677–685.
- De Stefano Alessandra. La Cattedrale di S. Maria a Canosa dalla Tarda Antichità al Medioevo: nuove ricerche (scavi 2009). *Canosa. Ricerche storiche. Decennio 1999–2009 (Atti del Convegno di studio 12–13 febbraio 2010)*, ed. L. Bertoldi Lenoci. Bari, 2011, pp. 27–62.
- Donabédian P. *L'âge d'or de l'architecture arménienne, VIIe siècle*, Marseille: Parenthèses Publ., 2008.
- Ebanista C. Le recenti indagini archeologiche nella basilica nova a Cimitile. *Dalle steppe al Mediterraneo. Popoli, culture, integrazione (Atti dei Convegni di Cimitile-Santa Maria Capua Vetere, 16–19 giugno 2015)*, ed. C. Ebanista, M. Rotili. Naples, 2017, pp. 287–331.
- Esposito L. Il culto di Santa Sofia Matrona nella Benevento longobarda. *Tra i Longobardi del Sud. Arechi II e il Ducato di Benevento*, ed. M. Rotili. Padova, 2017, pp. 319–353.
- Falla Castelfranchi M. La chiesa inedita di S. Salvatore a Monte Sant'Angelo. *Vetera Christianorum*, no. 19, II, 1982, pp. 373–394.
- Falla Castelfranchi M. I mosaici della chiesa di Santa Maria della Croce a Casaranello rivisitati. *Atti del X colloquio dell'Associazione italiana per lo studio e conservazione del mosaico*. Tivoli, 2005, pp. 13–24.
- Falla Castelfranchi M. La cattedrale di Canosa non è più normanna. *Canosa. Ricerche storiche. Decennio 1999–2009 (Atti del Convegno di studio 12–13 febbraio 2010)*, ed. L. Bertoldi Lenoci. Bari, 2011, pp. 677–688.

- Falla Castelfranchi M. San Sabino vescovo di Canosa (514–66) e la traslazione del suo corpo. Con particolare attenzione alle nuove scoperte nella cattedrale. *L'évêque, l'image et la mort. Identité et mémoire au Moyen Âge*, ed. N. Bock, I. Foletti, M. Tomasi. Rome, 2014, pp. 467–480.
- Iacobini A. Un modello architettonico bizantino tra centro e periferia : la chiesa a cupolata a ambulacro. *Rendiconti della Pontificia Accademia Romana di Archeologia*, vol. LXXVI, 2003–2004, pp. 135–174.
- Karydis N. *Early Vaulted Construction in Churches of the Western Coastal Plains and River Valleys of Asia Minor* (BAR-15 2246). Oxford: Archaeopress Publ., 2011.
- Karydis N. The Early Byzantine Domed Basilicas of West Asia Minor. An Essay of Graphic Reconstruction. *Late Antique Archaeology*, vol. 9, no. 1, 2012, pp. 357–381.
- Khrushkova L. *Les monuments chrétiens de la côte orientale de la Mer Noire. Abkhazie, IVe–XIVe siècles*, Turnhout: Brepols Publ., 2006.
- Khrushkova L. Notes on a new publication on the religious architecture of Caucasus in the 7th century. *Antiquité tardive*, vol. 23, 2015, pp. 407–416.
- Lavermicocca N. *Puglia bizantina. Storia e cultura di una regione mediterranea (876–1071)*. Lecce: Capone Publ., 2012.
- Maranci Ch. *Medieval Armenian Architecture. Constructions of Race and Nation*. Leuven: Peeters Publ., 2001.
- Margani G. *Celle trichore. Edifici a pianta trilobata nella tradizione costruttiva siciliana*. Enna, 2005.
- Noyé Gh., Bougard F. *Les recherches archéologiques de l'École française de Rome sur la Calabre médiévale. Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, vol. 141, no. 4, 1997, pp. 1069–1105.
- Pace V. Una chiesa di confine nel Salento, fra Italia bizantina e Longobardia: San Pietro a Crepacore. *Per le arti e la storia. Omaggio a Tonino Cassiano*, ed. by V. Cazzato, R. Poso, G. Vallone. Galatina, 2017, pp. 10–15.
- Pertusi A. Bisanzio e l'irradiazione della sua civiltà in Occidente nell'alto Medioevo. *Centri e vie dell'irradiazione* (Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto Medioevo, 11). Spoleto: Centro italiano di studi sull'alto Medioevo Publ., 1964, pp. 75–134.
- Peschlow U. *Die Irenenkirche in Istanbul. Untersuchungen zur Architektur*. Tübingen: E. Wasmuth Publ., 1977.
- Plontke-Lüning A. *Frühchristliche Architektur in Kaukasien. Die Entwicklung des christlichen Sakralbaus in Lazika, Iberien, Armenien, Albanien und Grenzregionen vom 4. Bis zum 7. Jh.* Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften Publ., 2007.
- Rotili M. *Benevento romana e longobarda. L'immagine urbana*. Benevento: Banca sannitica, 1986.
- Von Falkenhausen V. I Longobardi dell'Italia meridionale: conquista e integrazione. *Tra i Longobardi del Sud. Arechi II e il Ducato di Benevento*, ed. M. Rotili. Padova, 2017, pp. 19–30.
- Zanini Enrico. *Le Italie byzantine. Territorio, insediamento ed economia nella provincial bizantina d'Italia, VI–VIII secolo*. Bari: Edipuglia, 1998.

АРХИТЕКТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

А. Ю. Казарян

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АРМЯНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ В КРЫМУ НА ПРИМЕРЕ ПОРТАЛОВ XIII–XV ВЕКОВ*

Изучение средневековой архитектуры Крыма и, в частности, архитектуры армянских храмов на полуострове требует решения вопросов, связанных с происхождением и развитием отдельных форм этих построек. В статье впервые ставится задача систематизации порталов армянских церквей XIII–XV вв. Порталы служили знаковыми и художественно значимыми архитектурными элементами христианского храма. Для крымской армянской традиции роль порталов оказывается особенно весомой, если учесть, что храмы полуострова были лишены богатого внешнего оформления. Впервые прослеживается развитие двух основных типов порталов: 1) в виде прямоугольной рамы, 2) усложненные аркой на кронштейнах, помещенных выше перемычки. Самый роскошный портал церкви монастыря Сурб Хач, не принадлежащий этой типологии, остается вне рассмотрения. Автор осознает трудности прослеживания изменений форм порталов по причине отсутствия точных датировок большинства рассматриваемых построек и их слабого археологического изучения. Тем не менее перед нами предстает картина разнообразия решений и вариаций развития изначальных архитектурных идей. Выдвинуты предположения о реконструкции некоторых порталов в Средние века. Высказаны соображения по поводу датировок отдельных памятников. В результате аналитического обзора порталов становится очевидным, что на протяжении трех веков истории развивались не только формы, но приоритеты заказчиков и зодчих, их отношение к собственным традиционным ценностям и степень открытости к усвоению достижений соседей, в частности правивших в прибрежных городах генуэзцев.

Ключевые слова: порталы, армянские церкви, архитектура средневекового Крыма, стилистическое развитие, типология

A. Yu. Kazaryan

STYLISTIC DEVELOPMENT OF THE ARMENIAN ARCHITECTURE IN CRIMEA: EVIDENCE FROM THE PORTALS FROM THE 13TH TO THE 15TH CENTURIES

The study of medieval architecture of the Crimea and, in particular, of the architecture of the Armenian churches on the peninsula, requires the solution of issues related to the origin and the development of the separate shapes of these buildings. The article for the first time sets the task of systematizing the portals of the Crimean Armenian churches from the 13th to the 15th centuries. The portals served as conceptual and artistically significant architectural elements of the Christian temple. For the Crimean Armenian tradition, the role of portals was particularly significant, because the churches of the peninsula were deprived of a rich exterior design. The development of two main types of portals is traced for the first time: 1) in the form of a rectangular frame, 2) with an arch on the consoles, placed above the lintel. The most luxurious portal of the church of Surb Khach Monastery doesn't belong to this typology; it remains outside of the scope of this study. The author is aware of the difficulties of tracking the changes in the shapes of portals due to the lack of strong dating of most of the buildings under consideration, the lack of their archaeological evaluation. Nevertheless, the picture of the diversity of solutions and variations of the development of the original architectural ideas has been presented. The ideas on the medieval reconstruction of some portals, as well as the thoughts about the dating of rare monuments are suggested. According to the analytical review of the portals, not only the forms, but the priorities of customers and architects, their attitudes to their

¹ Исследование проведено в рамках проекта РФФИ № 17-04-00643/18 «Армянское архитектурное и художественное наследие юга России: храмы и монастыри, их литургические предметы и рукописи XVII–XIX вв. (по материалам коллекций Москвы, Ростова-на-Дону, Астрахани и Крыма)» (2017–2019 гг., рук. А. Ю. Казарян). Автор выражает искреннюю благодарность В. П. Кирилло за дополнения и весомые замечания, внесенные в ходе рецензирования статьи.

own traditional values and their degree of openness to adopting the achievements of their neighbors (in particular, the Genoese), were developed during these three centuries of history.

Keywords: *portals, Armenian churches, architecture of the medieval Crimea, stylistic development, typology*

Армянские храмы Крыма, особенно Восточного, составляют количественно значительную и качественно весомую часть средневековой архитектуры полуострова. По некоторым подсчетам, армянами там было создано более 100 храмов и монастырей, 45 из которых существовало только в Каффе, нынешней Феодосии (Григорян 1970: 297). С.Г. Бочарову удалось локализовать «двадцать восемь церквей и четыре армянских монастыря, и для тридцати одного объекта установлены названия» (Бочаров 2000: 16). Изучением этого наследия занимаются уже давно. Исследования, начатые А.Л. Якобсоном и О.Х. Халпахчыном (Якобсон 1956; Якобсон, Таманян 1990; Халпахчян 1992; Халпахчян 1999), были продолжены Е.А. Айбабиной, С.Г. Бочаровым, Т.Э. Саргсян, В.П. Кирилко и др. (Айбабина, Бочаров 1997; Айбабина 2004; Кирилко 2008; Саргсян 2002; Саргсян, Петросян 2008). Анализ истории изучения средневековой архитектуры в Крыму, и особенно армянской, показал необходимость продолжения накопления фактологического материала, уделяя гораздо большее внимание собственно архитектурной проблематике, а именно вопросам развития стиля, архитектурных образов построек, а также отражения в архитектуре взаимодействий между культурными традициями различных национальных общин (Kazaryan 2017; Казарян 2018b). Уточнение времени основания некоторых памятников, стратиграфии строительных слоев позволяет переходить при решении подобных вопросов от общих формулировок к попыткам проследить развитие армянской архитектуры в Крыму с учетом черт типологии и характера стиля. Не претендуя

на масштабный охват всего материала, попробуем проследить такое развитие на примерах создания и перестроек одной из важнейших форм храма — на примерах порталов. Их наиболее ранние образцы восходят к XIII в. — времени предположительного отнесения основ пары важнейших церквей. Поздней границей рассмотрения послужит середина XV в., когда строительная деятельность крымских армян приостанавливается, вероятно, в связи с внутривосточными изменениями, последовавшими за распадом Золотой Орды в 1441 г. и падением Генуэзской республики в 1475 г.

Порталы во все эпохи развития армянского зодчества служили знаковыми и художественно значимыми архитектурными элементами (Азатян 1987; Donabédian 1986–1987). Строгая архитектура армянских храмов, их гладкие стены способствовали выделению активно разработанных форм, которыми, наряду с окнами, нишами, карнизами, являлись именно порталы. Для крымской армянской традиции роль порталов оказывается еще более весомой, если учесть, что храмы полуострова были лишены богатого оформления оконных проемов и карнизов, а фасадные ниши и вовсе неизвестны ни на одном памятнике этого региона. Не украшались эти постройки и аркатурой, столь традиционной для зодчества коренной Армении. В этом смысле крымские армянские храмы в значительной мере провинциальны, о чем свидетельствует и строительная техника, сочетающая чисто отесанные важные архитектурные конструкции и детали с заполнением стен кладкой из груботесаного камня. Тем более примечательно, что ма-

стера этих храмов обращали повышенное внимание на оформление входов в храм. Порталы становятся безусловно единственным сильным акцентом на фасадах, выразительным элементом, предваряющим проход в сакральное пространство храма.

Самая общая формальная классификация позволяет выявить две основные группы крымских армянских порталов. К первой можно отнести порталы в виде профилированной и/или орнаментированной рамы, огибающей три стороны прямоугольного проема: боковые и верхнюю. Ко второй — порталы, содержащие подобную раму, выше которой на кронштейнах располагалась профилированная арка. Наряду с ними можно было бы отметить и пару других, представленных редкими примерами. Так, близкую ко второму типу структуру, усложненную колонками по сторонам от проема, имеет лишь одна постройка: церковь монастыря Сурб Хач (Креста), отдельное исследование портала которой уже начато и не входит в настоящую статью.

Порталы первого типа известны по меньшей мере в двух церквях. Первая из них находилась в Солхате (Старый Крым). Ее внешний вид запечатлен на акварели 1783 г. художника М. М. Иванова, как и на позднее им же созданной большой акварели, обе из которых хранятся в Русском музее [Шк А 69/III: Р-30071; Шк А 69/V: Р-5870] (ил. 1). Эта постройка идентифицируется В. П. Кирилко с церковью, отмеченной на плане И. Лютова (ок. 1783 г.) обозначением СЗ, и, соответственно, с храмом Св. Богородицы при въезде в город со стороны Судака, описываемым архимандритом Минаем Медици (Минасом Бжишкяном) в 1820-е гг. и П. С. Паласом в 1793–1794 гг. (Кирилко 2008: 35–38, рис. 1–3). Портал этой церкви, судя по изображению, содержал широкую профилированную раму, воз-

Ил. 1. М. М. Иванов, «Часть Старого Крыма», фрагмент, акварель 1783 г. (По фотографии ИИМК, О 419-82)

можно отделанную ~~по внешнему контуру~~ орнаментальной лентой. Верхняя линия самого проема прорисована не четко и позволяет допускать существование здесь арочки. Портал занимает половину высоты основного объема этого небольшого храма. Компактные и четкие формы здания позволили В. П. Кирилко с большой долей осторожности отнести его ко времени, близкому датировке ближайшего по этим качествам храма Сурб Карапет (Иоанна Предтечи) в Каффе — 1348 г. (Там же: 38).

Последний, расположенный у Армянской крепости (Айоц-берд) к востоку от цитадели Каффы, является второй постройкой, в которой существовал, по крайней мере, один портал того же типа. От входа в северной стене сохрани-

Ил. 2. Сурб Карпет в Каффе, западный портал. Фотография А. Ю. Казаряна

лась только покрытая рельефами перемычка, а главный портал, по оси западного фасада, сохранился с перестройками (ил. 2). Проблема состоит только в том, что последнее исследование церкви выявило два строительных периода создания нынешнего храма. Предполагается, что в результате большой реконструкции над первоначальным основным объемом и сферическими парусами подкупольного перехода была возведена новая купольная глава, а в алтарную часть интерьера введены рельефы. Если особенности рельефов в целом соответствуют общепринятой датировке храма², то это означает существование самой

² Первые исследователи храма сообщают о его строительстве в 1348 г., не ссылаясь при этом ни на какой источник (Якобсон 1956:

Ил. 3. Сурб Карпет в Каффе, фрагмент рамы западного портала. Фотография А. Ю. Казаряна

церкви задолго до ее реконструкции, т.е. до 1348 г. С этой перестройкой связано и изменение формы портала, над орнаментированной рамой которого был сооружен арочный киот, прикрывший часть западного окна церкви. Формальная и стилистическая идентичность импостов киота кронштейнам карниза под куполом подтверждает относительную единовременность их создания (Казарян, Лошкарёва 2017).

Датировка церкви во многом зависит от наших представлений о датиров-

181; Халпахчян 1999: 184), но именно эта дата устойчиво присутствует в литературе.

Ил. 4. Судак, «Церковь с колоннадой», первоначальная мечеть, михраб. Фотография А. Ю. Казаряна

ке западного портала, на раме которого представлены две полосы разных, но гармонирующих друг с другом орнаментов. Один из них — «сельджукская» цепь — начал применяться в Армении в первой половине XI в., еще до появления сельджуков на Армянском нагорье и в Анатолии. Первые примеры использования этого мотива на порталах относятся к концу XII в.: его встречаем на усыпальнице Закаридов в Санаине (1189), притворе церкви Богородицы монастыря Нор Гетик (1197) и на многих более поздних памятниках. Поэтому в Крыму на армянских постройках такой орнамент теоретически мог распространиться уже с начала XIII в., тем более что он оказался популярным и в среде других народов, живших на полуострове. Плетение толстыми жгутами на порталной раме церкви Иоанна Предтечи отличается от большинства образцов на территории Армении наличием «подложки», граница которой проходит в сантиметре от контура жгута. Аналогично и на большинстве других примеров крымских вариаций этого орнамента. Однако, в отличие от них, здесь плетение не выражено рельефными формами или рублеными пересечениями жгутов. Соединения

гладкие, лишь намекающие на возможное плетение (ил. 3).

Контрастирует этой материально значимой цепи соседствующая с ней гирлянда изящного растительного орнамента с бутонами, которая так же была распространена на протяжении всей средневековой эпохи на крымских постройках³ и присутствует, в частности, в более утонченных вариациях на портале так называемой мечети Узбека 1314 г. и на обрамлении алтаря (первоначально михраба) так называемой церкви с колоннадой в Судакской крепости, строившейся в качестве мечети (до 1365 г.) (ил. 4). Последний пример показывает прямой путь проникновения восточной орнаментации в культурную среду местных католиков. Показательным примером укоренения мотива «сельджукской» цепи в искусстве генуэзцев служит находящийся в Феодосийском музее древностей камень с вариацией такого орнамента, гербом консула Марини и латинской надписью 1406 г. о строительстве

³ Об этом мотиве издана новая публикация, предполагающая распространение подобного орнамента из Крыма в Московское княжество (Баталов 2018).

Ил. 5. Каффа, церковь Святых Петра и Павла, блок со строительной надписью 1406 г. Феодосийский музей древностей. Фотография А. Ю. Казаряна

в Каффе церкви Святых Петра и Павла (Айбабина 2001: табл. VIII–1) (ил. 5).

Если допускать, что проникновение «сельджукской» цепи в Крым произошло с помощью армянских мастеров, то следует учитывать время наиболее активного применения растительных гирлянд в коренной Армении с конца XII в. до 1230-х гг. (монгольского вторжения). В рамках настоящего исследование достаточно констатации вероятного создания портала в XIII или начале XIV в., что позволяет заключить и о распространении порталов в виде простой рамы на начальном этапе развитого средневековья. Нам не известно какого-либо иного типа портала, хронологически опережающего применение орнаментированной рамы. Примечательно, что в Армении той эпохи этот тип был крайне редким (притвор 1181 г. в Санаине (Азатян 1987: таб. 15), усы-

пальницы рода Уканынц в Ахпате, начало XIII в.). Правда, в порталах, восходящих к эллинистическим образцам, с высоким сандриком и карнизом, орнаментированная или профилированная рама получила распространение в анийской школе зодчества в первой половине XI в. (Азатян 1987: табл. 11–12; Казарян 2018с), а в следующую эпоху, со второй половины XII в. самыми распространенными становятся порталы с арочным верхом, вписанным в прямоугольную раму.

В Крыму тип портала в виде простой рамы, воплощенный в двух отмеченных постройках, получил распространение и вне армянской общинной традиции. Позже, в 1425–1427 гг. подобная схема реализуется при реконструкции большой Мангупской базилики (Кирилко 2005). С особенностями орнаментов ее портала перекликается декор на фраг-

ментах дверного наличника из армянского монастыря в Двужорной долине, относимого к XV в. (*Айбабина* 2001: 118–119, рис. 39, табл. XXXIX, XL). Сохранились нижние фрагменты наличника. Была ли воплощена и тут идея подобно-го портала?

В результате надстройки арочного киота⁴ портал церкви Иоанна Предтечи обрел форму, характерную для второго типа крымских порталов. В своем более компактном виде — с узкой профилированной рамой, расширяющейся на перемычке, и стрельчатой аркой, выступающей от стены и опирающейся на кронштейны, этот тип получил широкое распространение. Такие порталы встречаем на трех зальных церквях на территории Армянской крепости Каффы и по соседству с церковью Иоанна Предтечи, т.е. в местности, именуемой Карантином. Это церкви Св. Георгия, Сурб Саргис (Сергия) и Иоанна Богослова, имеющая два таких портала изысканных пропорций (ил. 6–7). Аналогично мог быть оформлен вход в гавит церкви армянского монастыря в окрестностях современного поселка Орджоникидзе: сохранились нижние блоки рамы, лишенной какой-либо орнаментации (ил. 8)⁵. Возможно, два других примера присутствуют на зальных храмах Судака: церкви Двенадцати апостолов у крепости и церкви Параскевы в поселке Уютное, но на обеих фасады выглядят сильно переделанными реставраторами, а на ранней фотографии последней церкви вход оформлен гораздо проще (*Халпахчян* 1992: рис. 4).

⁴ О надстройке киота над ранее существовавшим порталом свидетельствует, по крайней мере, тот факт, что арка киота пересекает окно церкви (*Казарян, Лошкарёва* 2017).

⁵ Какой-либо литературы по этому относительно недавно раскопанному памятнику обнаружить не удалось.

Того же типа портал встречаем «восстановленным» на западном фасаде церкви Апостолов Гавриила и Михаила в Каффе (ил. 9). Памятник точно датирован двумя строительными надписями. Более ранняя и широко известная, содержащая дату 1408 г., хранится во дворе Феодосийского музея древностей. Ее прочтение и перевод, впервые данные Х. Кучук-Иоаннесовым, уже в нашем столетии уточнены Т.Э. Саргсян: «Сей храм божественный построен во имя воинов небесных Габриэла и Микаэла, служителей слова божьего, на честные увещания (праведные средства. — А.К.) (*Кучук-Иоаннесов* 1903: 37) Аствацатура, его супруги Ахут-хатун, родителей Сатата и Хатун, детей Хачатура, Симеона, Иоаннеса, Мери Мелик. В году 857 (1408)» (*Саргсян* 2002: 119).

Вторая, обнаруженная позже надпись создана вскоре, в 1425 г. В прочтении и переводе Г. Григоряна она гласит: «Божественные святые знамения и святой храм построен (понимай — возобновлен. — Г. Г.) во имя Михаила и Гавриила и всех небесных воинов в память господина Авака, родителей господина Саргиса и Гарана. [Так же] нового господина Мехридера и Улукхатун, старшей госпожи, Якова, Тумана и священника Саргиса и сестры Мелик. В лета 874 (1425) 15-го августа» (*Григорян* 1970: 299).

Традиционно основной объем этого храма ученые относят к 1408 г., отмечая в нем более ранние строительные слои, как и поздние перестройки. Замечание Г. Григоряна о том, что во второй надписи речь шла о возобновлении храма, справедливо. Очень часто восстанавливающий постройку ктиторов провозглашает о ее строительстве. В данном случае привлекает не только содержание надписей, но и форма камня с первой из них (ил. 10). Его округлый контур предназна-

Ил. 6. Каффа, Карантин, церковь Иоанна Богослова: а) фрагмент западного портала. Фотография А. Ю. Казаряна; б) общий вид западного портала в начале XX в. Фотография архива ИИМК, Q 761-29; в) фрагмент северного портала. Фотография А. Ю. Казаряна

Ил. 7. Каффа, Армянская крепость, церковь Св. Стефана. Портал: а) фрагмент; б) общий вид. Фотографии А. Ю. Казаряна

чался для вписывания в поле арки подковообразного очертания, скорее всего, арки портала, в тимпане которого часто размещали надписи. По сообщению Е. И. Лопушинской, камень «был вмонтирован над ее (т. е. церкви. — А. К.) порталом или над калиткой в ограде» (Лопушинская 1982: 64). Случаев помещения подобной надписи над калиткой не известно; строительные надписи помещались на самом здании, в данном случае — в портале церкви. Однако ныне существующий портал увенчан стрельчатой аркой, под которую этот тимпан никак бы не вписался. Следовательно, можно было бы говорить о воздвижении западного фасада церкви Архангелов, а вместе с ним и всего основного объе-

Ил. 8. Портал из раскопок армянского монастыря близ Орджоникидзе. Фотография А. Ю. Казаряна

Ил. 9. Каффа, церковь Архангелов, портал: а) общий вид; б–с) фрагменты. Фотографии А. Ю. Казаряна

ма храма не в 1408, а в 1425 г.⁶ Но это в случае, если нынешний портал, восстановленный при реставрации храма на основе двух обнаруженных фрагментов обрамления проема, был воссоздан грамотно и по отношению к архивольту на кронштейнах, устроенному над

обрамлением. Из сообщений Е.И. Лопушинской и исходя из древних фрагментов стены храма, соседствующих с воссозданными участками, можно резюмировать, что нынешний портал повторил в реконструкции формы первоначального, но, возможно, на новом месте, поскольку, по оценке Лопушинской, еще в конце XVII или начале XVIII в. вход несколько сдвинулся к югу (Лопушинская 1982: 68), и именно на этот проем в итоге, уже в 1970-х гг. перенесены формы предыдущего. Лопушинская высказывает мнение о том, что трещина, спускающаяся от конька западного фасада вниз, «появилась еще во второй половине XVIII в. и стала причиной деформации дверной перемычки с сельджукской це-

⁶ Это предположение должно быть подтверждено обмерами камня с надписью и портала.

Ил. 10. Каффа, церковь Архангелов. Строительная надпись на тимпане. Феодосийский музей древностей. армянском храме в Старом Крыму

пью. Расколотую перемычку пришлось удалить и завершить портал лучковой аркой. Как видно, были вынуты и боковые блоки с резной цепью, а на их месте поставлены мраморные хачкары, в результате чего портал получил дошедший до наших дней малохудожественный вид» (Там же). Следовательно, ученый правомерно восстанавливает порталную раму с так называемой сельджукской цепью, но стрельчатый архивольт добавляет по аналогии с другими армянскими церквями Феодосии, он не мог там быть изначально. Видимо, тут не мог существовать и простой портал в виде орнаментированной рамы, как это было на первоначальной (до реконструкции

в середине XIV в.) церкви Иоанна Предтечи в Карantine и на упомянутой церкви в Старом Крыму, известной по акварели Иванова. Надпись 1408 г. на камне подковообразного контура, скорее всего, располагалась над рамой портала и должна была огибаться архивольтом на кронштейнах или без них. И это вопреки тому, что для той эпохи следовало бы ожидать стрельчатую форму архивольта.

Порталы с архивольтами, устроенными выше перемычки, встречаются в архитектуре VII в. коренной Армении, причем крайне редко. С кронштейнами — в соборе Мрена 639 г. (Казарян 2012: 167, ил. 550), а без кронштейнов — на церквях

Рипсима в Вагаршапате 613 г., в Багаране 624–631 гг., в селе Нор Кянк (*Там же*: 110, ил. 451). В сочетании с профилированной рамой или с колонками, доходящими до уровня перемычки, подобная конструкция, безусловно тоже восходящая к античным образцам, является характерной для порталов романских храмов Италии. Причем в большинстве своем такие порталы имели широкую полуциркулярную арку. Надо полагать, подобные порталы могли появиться и на храмах генуэзцев в Каффе, а затем идея была адаптирована армянскими мастерами, которые, по сути, непроизвольно и в новом свете возродили собственные забытые формы. Распространение готического стиля стало причиной замены циркулярной арки на стрельчатую. Такой тип портала к середине XIV в. явился чуть ли не типовым для небольших армянских храмов Восточного Крыма.

Но были и вариации, точнее, отклонения от этого основного типа. В порталах монастырской церкви Спасителя у нынешнего села Богатое (ранее Бахчи-Эли) (*Халпахчян* 1992: 39, рис. 12; *Айбабина* 2001: 159, 162, рис. 72), в датировке которой ученые расходятся во мнениях с XIV по XVII в.⁷, рама как таковая отсутствует, а ставшая традиционной арка на кронштейнах сохранена. Еще одна пара кронштейнов расположена в верхней части проема (ил. 11). Будучи обращенными друг к другу, эти кронштейны

поддерживают перемычку. С внутренней стороны стены за перемычкой расположена арка — решение традиционное для армянских построек, но его особенность тут состоит в том, что верхняя зона этой арки, выступая над перемычкой, оказывается видимой снаружи: она находится в плоскости тимпана. Таким образом, внешняя порталная арка, будучи лишь слегка выдвинутой кронштейнами, образует под своей сенью нишу, главным образом за счет отодвинутости тимпана. Примечательно, что кронштейны покрыты подобием сталактитового орнамента, а арка украшена «сельджукской» цепью, что в совокупности могло быть заимствовано с аналогичной арки портала церкви монастыря Сурб Хач (портал 1458 г.), важнейшего храма крымских армян. Очевидная стилистическая разница между орнаментацией этих двух памятников, а также упрощенный и вместе с тем измельченный характер резного декора на церкви Спасителя ~~с уподоблением многим мотивам вереницами других пластических форм~~ склоняют в пользу отнесения ее к значительно более позднему времени. С учетом отсутствия в декоре цветочных мотивов и кипарисов ~~в~~-стилизации, характерной для искусства времени развитой Османской империи, церковь могла быть построена в конце XV — XVI в. Необычны для эпохи развитого средневековья и пониженные пропорции стен этого храма. Но порталы храма отличаются еще и тем, что они вписаны в глубокие сводчатые сени с пилонами по сторонам проема. Такой прием применялся армянскими мастерами второй половины VII в., но на крымской земле он оказывается родственным мусульманской архитектурной традиции и известен по постройкам Солхата — мечети Узбека, т. н. мечети Бейбарса, медресе Инджи-бек Хатун и Куршум-Джами, причем в по-

⁷ По материалам археологических исследований памятника церковь датирована XVII в. (*Сидоренко* 1988: 122); Е. А. Айбабина относит появление храма к XVI–XVII вв. и связывает его с очередной миграцией армян (*Айбабина* 2004: 6–7); В. П. Кирилло соглашается с такой оценкой и добавляет, что, учитывая использование при возведении его стен позднесредневековых кувшинов в качестве голосников, он должен быть отнесен по меньшей мере к концу XV в. (после 1475 г.) или, вероятнее всего, к XVI–XVII вв. (*Кирилло* 2016: 58).

Ил. 11. Церковь Спасителя у села Богатое: а–б) портал южной стены и вид проема со стороны интерьера; в) ниша в стенке портала северной стены. Фотографии А. Ю. Казаряна

следних двух, как и в армянской церкви, в теле пилонов имеются ниши.

Церковь Сурб Саргис (Сергия) в селе Топты (ныне Тополевка) и вторая церковь, на окраине того же села, посвященная Сурб Урбат (Пятнице) (Саргсян 2015), которые можно отнести к XIV–XV вв., отличаются наличием перекрывающих проем арок, выше которых размещены профилированные кронштейны и стрельчатые арки ~~над ними~~ (ил. 12–13).

Очевидно, что в относительно раннее время, надо полагать еще в первой половине и середине XIV в., портал с аркой на кронштейнах предстает в полноценном варианте, с профилированной рамой и подчеркнута широкой

Ил. 12 Топты (Тополевка), церковь Сурб Урбат, портал Сурб Саргис (Сергия) в селе Топты
Фотографии А. Ю. Казаряна

Ил. 13. Топты (Тополевка), церковь Сурб Саргис, портал. Фотографии А. Ю. Казаряна

Ил. 14. Армянская церковь в Старом Крыму, портал. Фотографии А. Ю. Казаряна

перемычкой, которая, в частности, на церкви Иоанна Богослова украшена рядом рельефных проросших крестов. Затем тип упрощается, сохраняя лишь верхнюю часть композиции. И, наконец, перемычка заменяется низкой аркой.

В том же направлении упрощения, вероятно, трансформировался рамный тип портала. В лишенном орнаментального декора виде, но с лучковой арочной прорезью предстает вариация портала в руинированном армянском храме в Старом Крыму, которую можно отнести ко второй половине XIV — XV в. (ил. 14). Над перемычкой присутствует одиночный кронштейн. Можно ли его трактовать частью структуры с аркой, которая была затем утрачена при неизвестной нам перестройке? В связи с этим вопросом остается строить догадки.

Вне устойчиво развивавшихся типов был создан лишь один портал — главного храма крымских армян, церкви Сурб Ншан (Знамения) монастыря Сурб Хач (Креста), датируемого надписью на барабане 1358 г. (ил. 15). Это большой роскошный портал с изящными колонками по сторонам от проема, украшенными резными капителями (Якобсон 1956; Якобсон, Таманян 1990: 16–17; Саргсян, Петросян 2008: рис. 11). По степени оригинальности и композиционной сложности это произведение не имеет себе равных среди сохранившихся на полуострове средневековых армянских порталов. Однако его анализ достоин отдельной статьи и сопряжен с подробным рассмотрением не просто вопроса датировки и средневековой перестройки самой церкви (Сидоренко 1988: 122, рис. 3; Бабаян, Корхмазян 2000: 17–18; Кирилко 2014: 411; Казарян 2018а).

Главным итогом исследования стала демонстрация динамично развивав-

Ил. 15. Церковь Сурб Ншан (Знамения) монастыря Сурб Хач, портал. Фотографии А. Ю. Казарян

шейся архитектуры вопреки традиции показа армянской архитектуры Крыма как явления устойчиво неизменного, имеющего свои стабильные характерные черты. При разведении памятников друг от друга по хронологии становятся понятными изменения типологии и стилистических пристрастий мастеров. На примере аналитического обзора порталов становится очевидным, что на протяжении трех веков истории изменениям подвергался и баланс приоритетов заказчиков армянских храмов по отношению к собственным традиционным ценностям и к достижениям соседей, в частности правивших в прибрежных городах генуэзцев.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Азатян 1987 — Азатян Ш. Р. Порталы в монументальной архитектуре Армении IV–XIV вв. Ереван: Советакан грох, 1987.
- Айбабина 2001 — Айбабина Е. А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII вв. Симферополь: Сонат, 2001.
- Айбабина 2004 — Айбабина Е. А. Рельефы и архитектурные орнаменты средневековых армянских храмов Крыма // Научное наследие Крыма. № 5. 2004. С. 6–16.
- Айбабина, Бочаров 1997 — Айбабина Е. А., Бочаров С. Г. Новые материалы по истории средневековой армянской колонии Каффы // Византийский временник. Т. 57 (82). 1997. С. 211–233.
- Бабаян, Корхмазян 2000 — Бабаян Ф., Корхмазян Э. Армянские монастыри Сурб Хач и Св. Степаноса близ города Старый Крым. Ереван: Гитутюн, 2000.
- Баталов 2018 — Баталов А. Л. «Арабский цветок»: к вопросу о генезисе декоративных мотивов в московской архитектуре XIV–XV вв. // Российская археология. № 2. 2018. С. 154–164.
- Бочаров 2000 — Бочаров С. Г. Историческая топография Каффы (конец XIII — 1774 г.). Фортификация, культовые памятники, система водоснабжения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.
- Григорян 1970 — Григорян Г. Новые данные об армянских эпиграфических надписях Крыма и Северного Кавказа // Историко-филологический журнал. № 3. 1970. С. 297–301.
- Казарян 2012 — Казарян А. Ю. Церковная архитектура стран Закавказья VII века: формирование и развитие традиции. В 4 т. Т. 2. М.: Locus Standi, 2012.
- Казарян 2018а — Казарян А. Ю. Купола армянских церквей средневекового Крыма. К определению специфики регионального зодчества // Архитектура и искусство: от теории к практике. Ростов-на-Дону, 2018 (в печати).
- Казарян 2018б — Казарян А. Ю. Состояние и задачи изучения архитектуры средневекового Крыма и армянского зодчества как ее важной составляющей // Искусствознание: наука, опыт, просвещение: Сборник статей по материалам междуна-
- родной научной конференции. 9–11 ноября 2017 г. / ред.-сост. Г. У. Лукина. М.: Государственный институт искусствознания, 2018. С. 289–300.
- Казарян 2018с — Казарян А. Ю. Цитирование античности. Порталы эллинистического типа в армянской архитектуре XI века // Даниловские чтения. Античность — Средневековье — Ренессанс: Сборник статей и материалов / сост. О. Э. Этингоф. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 151–169.
- Казарян, Лошкарёва 2017 — Казарян А. Ю., Лошкарёва Е. А. Загадки церкви Иоанна Крестителя в Феодосии и задачи ее нового архитектурно-археологического исследования // Материалы научной конференции «Археология средневекового храма», 25–29 сентября 2017 г. Севастополь: музей-заповедник «Херсонес Таврический», 2017. С. 31–34.
- Кирилко 2005 — Кирилко В. П. Южный вход большой Мангупской базилики // Античная древность и средние века. Вып. 36. Екатеринбург: [б. и.], 2005. С. 260–272.
- Кирилко 2008 — Кирилко В. П. Памятники армянской архитектуры Солхата // Исследования по арменистике в Украине. Вып. 1. Симферополь, 2008. С. 35–41.
- Кирилко 2014 — Кирилко В. П. Строительная летопись Таврики второй половины XIII — третьей четверти XV веков // История и археология Крыма. Вып. I / отв. ред. В. В. Майко. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. С. 406–434.
- Кирилко 2016 — Кирилко В. П. Каменные кровли в архитектуре средневекового Крыма // STRATUM plus. Вып. 6. 2016. С. 53–62.
- Кучук-Иоаннесов 1903 — Кучук-Иоаннесов Х. Старинные армянские надписи и старинные рукописи в пределах юго-западной Руси и в Крыму // Древности восточные: Труды Восточной комиссии Московского археологического общества. Т. II. Вып. 3. М., 1903. С. 33–75.
- Лапушинская 1982 — Лапушинская Е. И. Архитектура армянской церкви св. Архангелов Михаила и Гавриила в Феодосии и ее реставрация // Вестник общественных наук = Herald of the Social Sciences. № 9. 1982. С. 64–72.

- Саргсян 2002 — Саргсян Т.Э. Еще раз об армянских церквах в Феодосии XIII–XV вв. Церковь Архангелов Габриэла и Микаэла // Историко-филологический журнал. № 2. 2002. С. 112–130.
- Саргсян 2015 — Саргсян Т. Село Тополевка в Крыму и его армянские памятники // Вестник Арменоведения. № 2. 2015. С. 84–117.
- Саргсян, Петросян 2008 — Саргсян Т. Э., Петросян М. В. Крым: монастырь Сурб Хач. Симферополь, 2008.
- Сидоренко 1988 — Сидоренко В. А. Исследование архитектурных стилей памятников Юго-Восточного Крыма // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, Наукова думка, 1988. С. 115–128.
- Халпахчян 1992 — Халпахчян О. Х. Культурные постройки крымских армян // Архитектурное наследие. Вып. 39. М., 1992. С. 32–45.
- Халпахчян 1999 — Халпахчян О. Х. Два армянских храма Феодосии // Архитектурное наследие. Вып. 43. М., 1999. С. 184–195.
- Якобсон 1956 — Якобсон А. Л. Армянская средневековая архитектура в Крыму // Византийский временник. Т. 8 (33). М., 1956. С. 166–191.
- Якобсон, Таманян 1990 — Якобсон А. Л., Таманян Ю. А. Армянская архитектура в Крыму. Ереван: Айастан, 1990.
- Donabédian 1986–1987 — Donabédian P. Le portail dans l'architecture arménienne du Haut Moyen Age // Revue des études arméniennes. T. XX. 1986–1987. P. 337–380.
- Kazaryan 2017 — Kazaryan A. Contemporary State of Research, Goals and Preliminary Conclusions regarding the Architecture of Medieval Crimea // Proceedings of the International Conference on Art Studies: Science, Experience, Education. Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Paris: Atlantis Press, 2017. P. 153–156.
- 14th centuries). Yerevan: Sovetakan Grog Publ., 1987 (in Russian).
- Aybabina E. A. *Dekorativnaia kamennaia rez'ba Kaffi XIV–XVIII vv. (Decorative stone carving of Kaffa of the 14th–18th centuries)*. Simferopol: Sonat Publ., 2001 (in Russian).
- Aybabina E. A. Rel'efy i arkhitekturnye ornamenty srednevekovykh armianskikh khramov Kryma (Reliefs and architectural ornaments of the medieval Armenian churches of Crimea). *Nauchnoe nasledie Kryma (Scientific Heritage of Crimea)*, no. 5, 2004, pp. 6–16 (in Russian).
- Aybabina E. A., Bocharov S. G. Novye materialy po istorii srednevekovoi armianskoi kolonii Kaffi (New materials on the history of the medieval Armenian colony of Kaffa). *BYZANTINA XPONIKA*, vol. 57 (82), 1997, pp. 211–233 (in Russian).
- Babaian F., Korkhmazian E. *Armianskie monastyri Surb Khach i Sv. Stepanosa bliz goroda Staryi Krym (Armenian monasteries of Surb Khach and St Stephanos near town Stanyi Krym)*. Yerevan: Gitutun Publ., 2000 (in Russian).
- Batalov A. L. "Arabskii tsvetok": k voprosu o genezise dekorativnykh motivov v moskovskoi arkhitekture XIV–XV vv. ("Arab blossom": On the genesis of ornamental motifs in Moscow architecture of the 14th–15th centuries). *Russian Archaeology*, no. 2, 2018, pp. 154–164.
- Bocharov S. G. *Istoricheskaya topografiya Kaffi (konets XIII — 1774 g.) (Historical topography of Kaffa (end of the 13th — 1774))*, extended abstract of dissertation. Moscow, 2000.
- Grigoryan G. Novye dannye ob armianskikh epigraficheskikh nadpisiakh Kryma i Severnogo Kavkaza (New data on Armenian epigraphy of Crimea and Northern Caucasus). *Historical-Philological Journal*, no. 3, 1970, pp. 297–301.
- Kazaryan A. Yu. *Tserkovnaia arkhitektura stran Zakavkaz'ia VII veka: formirovanie i razvitie traditsii (Church architecture of the 7th century in transcaucasian countries: Formation and development of the tradition)*, in 4 vols., vol. 2. Moscow: Locus Standi Publ., 2012 (in Russian).
- Kazaryan A. Yu. Kupola armianskikh tserkvei srednevekovogo Kryma. K opredeleniiu

REFERENCES

Azatian Sh. R. *Portaly v monumental'noi arkhitekture Armenii IV–XIV vv. (Portals in the monumental architecture of Armenia of the 4th–*

- spetsifiki regional'nogo zodchestva (The Domes of Armenian Churches of Medieval Crimea. Revisited Specific Features of the Regional Architecture). *Arkhitektura i iskusstvo: ot teorii k praktike (Architecture and Art: From Theory to the Practice)*, in print (in Russian).
- Kazaryan A. Yu. Sostoianie i zadachi izucheniia arkitektury srednevekovogo Kryma i armianskogo zodchestva kak ee vazhnoi sostavliaushei (State and the problems of the study of the Architecture of Medieval Crimea and of the Armenian architecture as its important part). *Iskusstvoznanie: nauka, opyt, prosveshchenie: Sbornik statei po materialam nauchnoi konferentsii, 9–11 noiabria 2017 g. (Proceedings of the International Conference on Art Studies: Science, Experience, Education. 9–11 November 2017)*, ed. G.U. Lukina. Moscow: State Institute for Art Studies Publ., 2018, pp. 289–300 (in Russian).
- Kazaryan A. Yu. Tsitirovanie antichnosti. Portaly ellinisticheskogo tipa v armianskoi arkhitekture XI veka (Quoting Antiquity: the portals of Hellenistic types in Armenian architecture of the 11th century). *Danilovskie chteniia. Antichnost' — Srednevekov'e — Renesans (Danilov Readings: Classical Antiquity — Medievality — Renaissance)*, ed. O.E. Etinhof. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2018, pp. 151–169 (in Russian).
- Kazaryan A. Yu., Loshkareva E.A. Zagadki tserkvi Ioanna Krestitelia v Feodosii i zadachi ee novogo arkhiturno-arkheologicheskogo issledovaniia (The riddle of the church of John the Baptist in Feodosia and the problems of its new architectural-archeological investigation). *Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia "Arheologiya srednevekovogo Kryma", 25–29 sentiabria 2017 g. (Scientific conference "Archeology of Medieval Church", 25–29 of September 2017)*. Sevastopol: Khersones Tavricheskii Publ., 2017, pp. 31–34 (in Russian).
- Kirilko V.P. Iuzhnyi vkhod bol'shoi Mangupskoi baziliki (Southern entrance of the large basilica of Mangup). *Antichnaia drevnost' i Srednie veka (Ancient Antiquities and the Middle Ages)*, no. 36, 2005, pp. 260–272 (in Russian).
- Kirilko V.P. Pamiatniki armianskoi arkitekturi Solkhata (The monuments of Armenian architecture of Solkhat). *Issledovaniia po armeniatike v Ukraine (Armenological Studies in Ukraine)*, vol. 1. Simferopol, 2008, pp. 35–41 (in Russian).
- Kirilko V.P. Stroitel'naia letopis' Tavriki vtoroi poloviny XIII — tret'ei chetverti XV vekov (Building chronicle of Taurica of the second half of the 13th — third fourth of 15th centuries). *Istoriia i arheologiya Kryma (History and Archeology of Crimea)*, vol. 1, ed. V.V. Maiko. Simferopol: Biznes-Inform Publ., 2014, pp. 406–434 (in Russian).
- Kirilko V.P. Kamennye krovli v arkhiturne srednevekovogo Kryma (Stone roofs in the architecture of the Medieval Crimea). *STRATUM plus*, vol. 6, 2016, pp. 53–62.
- Kuchuk-Ioannesov Kh. Starinnye armianskie nadpisi... (Old Armenian inscriptions...). *Drevnosti Vostochnye: Trudy Vostochnoi komissii Moskovskogo arkheologicheskogo obschestva (Oriental Antiquities: Works of the Oriental Commission of the Moscow Archeological Society)*, vol. II, no. 3, 1903, pp. 33–75.
- Lapushinskaia E.I. Arkhitektura armianskoi tserkvi sv. Arkhangelov Gabriela i Mikaela i ee restavratsiia (The architecture of the Armenian church of St Archangels of Gabriel and Mikael and its restoration). *Herald of the Social Sciences*, no. 9, 1982, pp. 64–72 (in Russian).
- Sargsyan T.E. Escho raz ob armianskikh tserkvakh v Feodosii XIII–XV vv. Tserkov' Arkhangelov Gabriela i Mikaela (Again on the Armenian churches in Feodosia of the 13th–15th cent. The church of the Archangels Gabriel and Mikael). *Historical-Philological Journal*, no. 2, 2002, pp. 112–130 (in Russian).
- Sargsyan T. Selo Topolievka in Crimea and its Armenian monuments. *Vestnik Armenovedeniia (Herald of Armenology)*, no. 2, 2015, pp. 84–117 (in Russian).
- Sargsyan T. E., Petrosyan M.V. Krym: monastyr' Surb Khach (Crimea: The monastery of Surb Khach). Simferopol, 2008 (in Russian).
- Sidorenko V.A. The study of architectural styles of the monuments of the South-Eastern Crimea. *Arkhitekturno-arkheologicheskie issledovaniia v Krymu (Architectural-Archeo-*

- logical Investigations in Crimea*). Kiev: Naukova Dumka Publ., 1988, pp. 115–128.
- Khalpakchian O. Kh. Kul'tovye postroiки krymskikh armian (Cult constructions of the Crimean Armenians). *Arkhiteturnoe nasledstvo (Architectural Heritage)*, vol. 39, 1992, pp. 32–45 (in Russian).
- Khalpakchian O. Kh. Dva armianskikh khrama Feodosii (Two Armenian churches of Feodosia). *Arkhiteturnoe nasledstvo (Architectural Heritage)*, vol. 43, 1999, pp. 184–195 (in Russian).
- Yakobson A. L. Armianskaia srednevekovaia arkhitektura v Krymu (Armenian medieval architecture in the Crimea). *BYZANTINA XRONIKA*, vol. 8 (33), 1956, pp. 166–191 (in Russian).
- Yakobson A. L., Tamanian Yu. A. *Armianskaia arkhitektura v Krymu (Armenian architecture in the Crimea)*. Yerevan: Hayastan Publ., 1990 (in Russian).
- Donabédian P. Le portail dans l'architecture arménienne du Haut Moyen Age. *Revue des études arméniennes*, vol. XX, 1986–1987, pp. 337–380.
- Kazaryan A. Contemporary State of Research, Goals and Preliminary Conclusions regarding the Architecture of Medieval Crimea. *Proceedings of the International Conference on Art Studies: Science, Experience, Education. Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. Paris: Atlantis Press Publ., 2017, pp. 153–156.

С. А. Ключев

ЦЕРКОВЬ МЕДХАНЕ АЛЕМ В АДИ КЕШО И СЛОЖНОСТИ ДАТИРОВКИ СКАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ РЕГИОНА ТЫГРАЙ (ЭФИОПИЯ)

Датировка скальных памятников — один из наиболее сложных и дискуссионных вопросов, возникающих перед исследователями в процессе изучения истории архитектуры Эфиопии. Основываясь на различных концепциях и подходах, ученые расходятся в датировке отдельных памятников более чем на 300 лет. Так, один и тот же памятник может быть воспринят как относящийся ко времени упадка Аксумского царства VIII–IX вв., угасания культуры или же, напротив, укрепления династии Соломоновых XIV–XV вв., времени создания множества новых храмов с богатым декором. Одним из памятников, датировка которого остается спорной, является скальная церковь Медхане Алем в Ади Кешо (Тыграй). Автор статьи, сопоставляя различные факты, прежде всего обращаясь к особенностям резного декора и архитектурного плана церкви, предлагает свое обоснование датировки храма второй половиной XIV — первой половиной XV в.

Ключевые слова: скальное зодчество, церковная архитектура, датировка, Эфиопия, Тыграй, Медхане Алем, Ади Кешо

S. A. Klyuev

THE CHURCH OF MADHANE ALEM IN ADI QASHO AND THE DIFFICULTIES OF DATING OF TIGRAY (ETHIOPIA) ROCK-HEWN MONUMENTS

The dating of rock-hewn churches is one of the most complicated and controversial issues facing researchers in the process of studying the history of Ethiopian architecture. Based on various concepts and approaches, scientists differ in the dating of monuments for more than 300 years. Thus, D. R. Buxton dated the rock-hewn church of Madhane Alem in Adi Qasho to the end of the 10th–11th centuries, D. Phillipson determines the time of its creation to the period up to the 10th century, and M. Gervers and E. Fritsch note that the structure of the maqdas of the church indicates a later date of creation, but do not specify it. The purpose of this article is to determine the dating of the rock-hewn church of Madhane Alem in Adi Qasho.

Legendary information reports that the church of Adi Qasho, like some others (Mikael Baraka, Maryam Hibiito) in Tigray, was founded by Abuna Abreham, a saint who lived in 1350–1425.

The layout of the church combines the principles of both traditional basilicas with two aisles, which became widespread in Ethiopia during the time of the Aksum kingdom, and some signs of the "open-type" basilicas that appeared in Ethiopia, probably in the period from the 14th century.

In accordance with the traditions of the architecture of early Ethiopian basilicas, the church at Adi Qasho has the following features: — the vault of the nave is elevated relative to the aisles (in this case, slightly); — an Aksumite frieze runs along the upper part of the nave (with the exception of the east wall); — the maqdas is separated from the naos by a wall with a triumphal arch resting on pilasters; — the vault and the eastern wall of the maqdas form the apse with semi-dome.

However, in the maqdas there are no pastophoria which are characteristic of early Ethiopian basilicas. Gervers and Fritsch draw parallels between the Adi Qasho church and the famous cruciform church of Beta Giyorgis at Lalibela (according to their dating from the 15th century), which also does not have pastophoria in the maqdas area.

The church of Adi Qasho has some features of the decoration and the layout in common with the basilicas of "open-type", especially the rock-hewn church of Maryam Dabra TSION.

The U-shaped narthex presumably derives from the churches of the Lasta region: in the churches with an ambulatory (Abba Libanos at Lalibela and Zoz Amba Giyorgis), and the later "open-type" basilicas in Tigray: Yesus Archnao and Maryam Dabra TSION.

The facade solution of a four-pillar portico at the church also finds possible prototypes in the Lasta region in churches with colonnades: Madhane Alem at Lalibela, Gannata Maryam, Kankanet Mikael. Exploring the carved decoration of the Adi Qasho church, one can find a characteristic resemblance to the decoration of the church of Maryam Dabra Tsion (the paintings are stylistically dated to the turn of the 14th–15th centuries), and in particular, to the richly decorated ornamental carving of Abuna Abreham's cell, which is connected to the church by the ambulatory. The Cupola and walls of this cell have the following decorations: diamond-shaped caissons (in Madhane Alem, they are located in the vault of the central bay in the northern aisle); a cross with four accented squares between its bars (in Madhane Alem — in the vault of the nave); multifaceted cross with ornamental filling; another geometric compositions consisting of squares.

Carved crosses in the interior of the church are also stylistically dated to the 14th–15th centuries. Two crosses on high shafts are carved on pilasters in the span of the triumphal arch. Paired crosses are also known in earlier churches, but their location in the maqdas area finds parallels with the church of Maryam Dabra Tsion. Is it possible that the image of paired crosses flanking the triumphal arch may be related to the rejection at the middle of the 14th century of the previously used wooden altar barriers with columns decorated with paired crosses.

Shallow triple niches (in the western parts of the southern and northern walls) and six niches in the western wall are carved in the naos of the church. Similar niches with images of saints decorated the walls of the church Maryam Dabra Tsion and of the church Yesus Archnao, probably a little earlier.

The upper limit of the dating of the monument can be determined by the presence of abundant traces of soot, which can be evidence of the destructive invasion of Ahmad Gran's jihadists, which destroyed many churches and church relics in Ethiopia in the thirties of the 16th century; likewise, the style of the corner beams of perspective frames of doorways leading from the narthex to the naos. Their form from the second half of the 15th century changes from cubic to round-headed. These factors make it possible to designate the upper limit of dating to the middle of the 15th century, i.e. approximately until 1450. Probably, the creators of the church tried to unite in the monument both the local traditions of the basilica architecture and the new trends that came from the political center of the country. The features of the layout of the church, particular qualities of its maqdas demonstrate close creation date of the Adi Qasho church and the basilica of Maryam Dabra Tsion.

Thus, the most plausible dating is close to the legendary information, namely 1370–1450.

Keywords: Rock-hewn architecture, church architecture, dating, Ethiopia, Tigray, Madhane Alem, Adi Qasho

В исследованиях, посвященных архитектуре скальных церквей Эфиопии, вопрос датировки памятников является одним из наиболее сложных и дискуссионных.

Сложности датировки связаны с различными аспектами. Одной из наиболее существенных проблем представляется ограниченность письменных источников. Источники до XIV в. в Эфиопии носят полулегендарный характер и информационно скупы (Чернецов 2004: 14). Многие агиографические тексты, повествующие о событиях раннего времени, являющиеся едва ли не единственными источниками, изобилуют анахронизмами, свидетельствующими о позднем времени их создания (Тураев 1902: 6–7; Вольне 2003: 54–66).

В природных и исторических реалиях Эфиопии малоэффективен дендрохронологический анализ деревянных

элементов, встроенных в скальную породу высеченных храмов. Это связано с особенностями климата области Тиграй, нехваткой древесного материала, необходимого для создания дендрохронологической шкалы.

Результаты радиоуглеродного анализа, учитывая их достаточно большой диапазон, также не могут быть определяющими. В наибольшей степени усложняют использование этих методов бытовавшие в Эфиопии практики повторного использования деревянных деталей от более ранних построек и, напротив, замена обветшавших элементов более новыми.

Стилистический и иконографический анализ росписей зачастую не позволяет определенно датировать сам храм, однако в ряде случаев его можно считать достаточно эффективным. В этой области следует отметить наиболее по-

зитивные для исследователей результаты (*Encyclopaedia Aethiopica* 2005: 29–31, 42–43, 699–700). Важным инструментом также может служить детальный анализ резного декора храмов.

Предлагаемые датировки по отдельным памятникам могут существенно различаться¹. Так, скальную церковь Медхане Алем в Ади Кешо Д. Р. Бакстон датировал концом X — XI в. (*Buxton* 1971: 80), Д. Филлипсон определяет время ее создания периодом до X в. (*Phillipson* 2009: 186), а М. Джерверс и Э. Фритш отмечают, что устройство алтарной части храма свидетельствует о более поздней дате создания, но не уточняют ее (*Fritsh, Gervers* 2007: 33)².

Целью данной статьи является определение датировки скального храма Медхане Алем в Ади Кешо. Основываясь на методах сравнительного и стилистического архитектурного анализа плана и резного декора памятника, автор статьи приходит к выводу, что датировка памятника близка к обозначенной в агиографической литературе и существенно отличается от предложенной Д. Р. Бакстоном и Д. Филлипсоном. Легендарные сведения сообщают о том, что храм в Ади Кешо, как и некоторые другие (Микаэль Барэка, Мариам Хибиито) в Тыграе, был основан Абуной Абрехамом — подвижником, жившим в 1350–1425 гг. (*Lepage, Mercier* 2005: 146–159).

Доводы Д. Бакстона (*Buxton* 1971: 80), а затем и Д. Филлипсона (*Phillipson* 2009: 186) о том, что храм создан значительно раньше, около X в., основаны в том чис-

ле на специфике устройства алтарной части храма. Центральный неф в восточной части завершается апсидой с конхой, что характерно для многих храмов раннего периода в Тыграе: таких как, например, Мариам Бэракит (*Lepage* 1972: 171) и Текла Хайманот в Хавзиен (*Lepage, Mercier* 2005: 56–60).

Рут Плант, проводившая в 1970-е гг. совместно с Дэвидом Бакстоном исследование в Тыграе, предполагала наличие в восточной части северного и южного нефов храма пастофорий (*Plant* 1985: 135). На составленном плане она отметила предполагаемые пастофории, указав, что осмотреть их не удалось.

Как впоследствии показал осмотр храма, пастофории здесь отсутствуют. В то же время наличие двух помещений, примыкающих с севера и юга к центральной части макдаса, является характерным признаком всех ранних храмов Эфиопии, начиная с раскопанных на побережье Красного моря в Адулисе и Матаре базилик V–VI вв. (*Phillipson* 2009: 44–47; *Di Salvo* 2017: 12–16).

К сожалению, росписи в храме Медхане Алем в Ади Кешо, анализ которых мог бы способствовать уточнению датировки храма, не сохранились. Изображения позднего периода можно обнаружить на фасаде церкви и фрагментарно на восточной стене нартекса (*Phillipson* 2009: 101).

Проанализируем специфику плана храма и попытаемся обозначить его место в типологии скальных храмов Тыграй.

План храма сочетает в себе принципы как традиционных трехнефных базилик, получивших распространение в Эфиопии еще во времена Аксумского царства, так и некоторые признаки базилик так называемого открытого типа, появившихся в Эфиопии, вероятно, в период с XIV в. (ил. 1).

¹ Разница в датировке может достигать трех столетий, а иногда и более.

² Отметим, что радиоуглеродного или дендрохронологического анализа деревянных элементов храма Медхане Алем в Ади Кешо, рассматриваемого в данной статье, не проводилось.

В соответствии с традициями зодчества базилик Эфиопии, храм в Адис-Кебе имеет следующие черты:

- свод центрального нефа повышен относительно боковых (в данном случае незначительно). Здесь его плоскость разделена имитацией поперечных балок на три ячейки (каждая из которых имеет различный резной декор);

- по внутреннему периметру (за исключением восточной стены наоса) центральный неф обозначен аксумским фризом ложных окон — традиционным резным орнаментом, имитирующим непрерывный ряд световых окошек в перспективных аксумских рамах;

- макдас³ отделен от наоса стеной с триумфальной аркой, покоящейся на пилястрах;

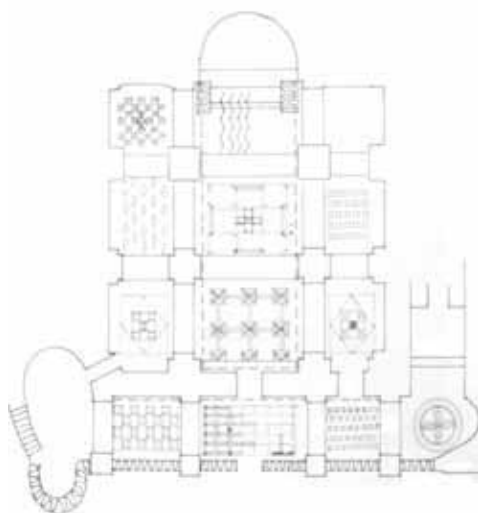
- свод и восточная стена макдаса образуют конху апсиды. В наземных памятниках чаще встречается другое решение: квадрат центральной части макдаса перекрыт куполом, покоящимся на балочном основании. Макдас представляет собой простое прямоугольное в плане помещение, не имеет конхи и апсиды, что, вероятно, связано с традиционной аксумской строительной технологией.

В сохранившихся наземных памятниках Эфиопии, как исключение, апсида известна в храме Зарема Георгис VIII–IX вв. (Lepage 1973: 454).

В памятниках скального зодчества Тыграй, напротив, восточная стена макдаса чаще имеет решение как апсида с конхой.

Пол храма имеет различную высоту. Невысокие ступени и платформы служат задаче разграничения литургического пространства.

Здесь можно обозначить следующую структуру повышения уровня пола

Ил. 1. Медхане Алем в Адис-Кебе, Тыграй. План по Р. Планта (Plant 1985: 135), с частичным обозначением расположения декора сводов и изменениями С. Ключева

вимы и макдаса: самая нижняя платформа занимает пространство центрального нефа между западной и восточной парой столбов; следующее повышение начинается от середины восточных столбов и завершается тремя ступенями, ведущими к пролету триумфальной арки, третья, ограниченная триумфальной аркой платформа, соответствует зоне макдаса.

Уровень пола в восточной части боковых нефов также повышен. Это связано, вероятно, с размещением здесь некогда дополнительных мэнбара-таботов. Об этом также свидетельствует тот факт, что восточная стена северного нефа имеет слегка искривленную форму, образуя тем самым как бы неглубокую апсиду. В ней также вырезана ниша, которая традиционно расположена в зоне макдаса.

В храмах, датируемых в Тыграе периодом вплоть до XIV в., повышенному

³ Макдас — алтарная часть эфиопского храма.

уровню пола в центральном нефе соответствует деревянная преграда с резными панелями и арочкой посередине (*Lepage, Mercier* 2005: 127).

Теперь рассмотрим подробнее особенности церкви Медхане Алем в Ади Кешо, роднящие ее с «базиликами открытого типа»⁴, и характерные признаки этого типа храмов.

Базилики «открытого типа» появляются, вероятно, во второй половине XIV в. (*Fritsh, Gervers* 2007: 15–16). Главная их отличительная особенность — отсутствие стены (или простенка), отделяющего алтарную часть от наоса. В храмах этого типа трехчастный макдас оказывается полностью обзорим из наоса, если он не завешен специальными полотнами, скрывающими самую сакральную часть храма.

Согласно теории Джерверса и Фритша, появление базилик «открытого типа» связано с изменениями в литургии, повлекшими за собой отказ от пастофорий, а также предшествовавшее этому увеличение числа мэнбара-таботов⁵ в про-

⁴ В контексте исследования термин «базилика открытого типа» подразумевает эфиопский тип базилики, в котором алтарная часть не имеет преград, отделяющих ее от наоса. Не путать с термином базилика *discoperta*.

⁵ Мэнбара-табот — аналог престола в православном храме. Выполненный из дерева или камня, он предназначен для размещения табота. Табот представляет собой пластину (деревянную или каменную), символизирующую, согласно современным представлениям, Скрижали Завета; функционально является аналогом антиминса в православном храме. В истории эфиопского церковного искусства известны мэнбара-таботы разнообразной формы и размеров. Увеличение числа мэнбара-таботов в эфиопских храмах Джерверс и Фритш связывают с влиянием коптского Египта, где в период притеснения христиан со стороны мусульманских властей сложилась традиция использования нескольких престолов в пределах одного храма. Этому способствовали два фактора: запрет на строительство новых церковных зданий и необходимостью соблюдения правила,

странстве одного храма (*Ibid.*: 10–35). Изменения происходили постепенно, что можно проследить, анализируя наземную и скальную архитектуру Ласты и Тыграй.

В храмах конца XIII в., таких как Эмакине Медхане Алем (*Balicka-Witakowska, Gervers* 2002: 27–28), Ганната Мариам (*Balicka-Witakowska, Gervers* 1998–1999: 193–209), дополнительные мэнбара-таботы занимают пространство пастофорий, которые к этому периоду уже утрачивают свою литургическую значимость (*Fritsh, Gervers*, 2007: 35–36). В скальной архитектуре Тыграй этот процесс трансформации был зафиксирован, вероятно, в храме Укро Мариам в Амба Сенейти, где дополнительный монолитный алтарь был вырезан в помещении северного пастофория (*Ibid.*: 38).

Следующим этапом, вероятно, происходят изменения в базиликальной структуре храмов: т.к. каждый неф теперь завершается собственным мэнбара-таботом, восточная стена наоса пронизана тремя триумфальными арками, что придает макдасу «открытый» вид. Таким же образом трехалтарность «уравнивает» сакральную значимость центрального и боковых нефов, и в конечном итоге они становятся равны по высоте. Вероятно, также постепенно происходит отказ от повышения уровня пола в алтарной части. Примером храма, относящегося к этому типу, является скальная церковь Мариам Дебре Цион в Геральте (*Lepage, Mercier* 2005: 146–159).

Таким образом, можно предположить, что архитектурный тип храма в Ади Кешо представляет собой некоторую промежуточную стадию между традиционными базиликами и базиликами «открытого типа».

запрещающего совершение церковной службы на одном и том же престоле более раза в день (*Fritsh, Gervers*, 2007: 11).

Ил. 2. Медхане Алем в Ади Кешо, Тыграй. Фасад храма. Фото Л. Масиеля Санчеса, 2014 г.

Однако Джерверс и Фритш подчеркивают, что полное отсутствие пастофорий в Ади Кешо может быть связано с тенденцией, возникшей, согласно предлагаемой ими хронологии, после появления базилик «открытого типа» (Fritsh, Gervers 2007: 33). Они проводят параллели между храмом Ади Кешо и знаменитым крестообразным храмом Бет Георгис в Лалибэле (согласно их датировке — XV в.) (*Ibid.*), который также не имеет пастофорий в зоне макдаса.

Нетипичным для скальных храмов Тыграй является присутствие с западной стороны Медхане Алем в Ади Кешо четырехстолпного портика. В нижней части высеченные из скального монолита столбы объединены простенками, выше которых пространство между столбами заложено каменной кладкой, покрытой слоем белил с поздними росписями (Phillipson 2009: 86) (ил. 2). Как предпо-

лагает ряд исследователей, изначально в верхней части имелись широкие световые проемы, приблизительно наполовину высоты столбов (Buxton 1971: fig. 2; Phillipson 2009: 100). Другим храмом с подобным решением фасада в Тыграе является скальная церковь Мариам в Хибито (Buxton, Plant 1970: 245–247; Plant 1985: 162–163).

Следует отметить отсутствие прямого сходства в решении наоса храмов. В церкви в Хибито центральный неф фактически равен с боковыми. В храме размещаются несколько мэнбара-таботов. Несмотря на общее сходство идеи фасада и устройства нартекса, внешний вид (в частности, тип столбов) заметно отличается. Дата создания храма в Хибито, вероятно, более поздняя⁶.

⁶ Местная традиция определяет время создания храма периодом правления Зара Якоба (1434–1468) (Tewoldemedhin 1969: 87).

Вопрос о происхождении форм колонного портика как решения фасада скальных храмов Тыграй остается дискуссионным. Уже перед фасадом языческого святилища VII–VI вв. до н.э. в Йехе, обращенного впоследствии в христианский храм, археологами были обнаружены следы шестистолпной колоннады прямоугольных в сечении столбов (Robin, de Magret 1998: 737–798). Архитектура этого памятника имеет прямые аналогии среди языческих храмов Южной Аравии (Кожин 1995: 340–348), что, наряду со многочисленными археологическими находками (Gerster 1970: 29–35), свидетельствует о непосредственном религиозном и культурном влиянии этого региона.

Самым известным памятником эфиопской архитектуры, имеющим внешнюю колоннаду, опоясывающую храм по периметру, является церковь Бет Медхане Алем в Лалибэле (согласно традиции датируется рубежом XII–XIII вв.) (Lepage, Mercier 2012: 13). Затем ее формы копировали в более грубом исполнении создатели меньшей по размеру церкви Ганната Мариам в районе Ласты (Encyclopaedia Aethiopica 2005: 692–693). Подобный портик с запада также имеет другой храм Ласты — Канканет Микаэль (Phillipson 2009: 110–112). Таким образом, несмотря на древнее происхождение, такое решение фасада, вероятно, пришло в Тыграй с юга, из области Ласта.

Отметим особенности устройства нартекса в храмах в Ади Кешо и Хибиито: в них нартекс не ограничен с севера и юга шириной наоса, а продолжается чуть южнее и севернее и как бы огибает храм с двух сторон, завершаясь помещениями неясного назначения.

Сама идея решения нартекса таким образом наводит на мысль о попытке создания подобия обходной галереи, т.е. пространства, в котором нартекс объ-

единен с проходами, традиционно расположенными в западной части северной и южной стен наоса. Вырезанные в скале П-образные, огибающие храм с трех сторон галереи получили распространение в Тыграе в XIV–XV вв., в частности, в базиликах «открытого типа». Самыми яркими примерами являющиеся храмы: Йесус Гибджет возле Сахарти (Plant 1985: 82–83), Дебре Цион в Геральте (Lepage, Mercier 2005: 146–159) и Габриэль Укиен в Тембьене (Buxton, Plant 1971: 236–237).

Исследователи предполагают, что такое решение в монолите скалы восходит к храмам региона Ласты и, в частности, комплекса Лалибэлы, наиболее ранним примером чего принято считать храм Бет Абба Либанос в Лалибэле (Lepage, Mercier 2012: 60–62). Отделенный от скалы с четырех сторон, но соединенный со скалой поверху, он как бы «подпирает» нависающий над ним массив породы. Фасад храма вырезан в одну линию со скальным откосом. Расположенный в области Ласта храм Зоз Амба во многом повторяет внешний вид и расположение в ландшафте храма Бет Абба Либанос (Lepage, Mercier 2005: 146).

Теперь обратимся к резному декору храма Медхане Алем в Ади Кешо. Оформление сводов боковых нефов и нартекса представляет собой главным образом имитацию различного вида кессонов и перекрытий, состоящих из череды квадратов⁷. Характер имитации этих конструкций схематичен и существенно отдален от оригиналов.

⁷ Перекрытие по системе вписанных друг в друга квадратов (в англоязычной литературе — lantern (фонарь, верхний свет)) — тип перекрытия квадратного основания, представляющий собой брусчатую конструкцию в виде диагонально вписанных друг в друга сокращающихся квадратов. Подобные, но не идентичные перекрытия известны в сооружениях Закавказья, Средней Азии.

Ил. 3. Медхане Алем в Ади Кешо. Рельеф северо-западной ячейки свода наоса, имитирующий перекрытие по системе вписанных квадратов. Фото С. Ключева, 2014 г.

Ромбы, вырезанные на сводах северо- и юго-западной ячеек наоса, дополнены геометрическими элементами и христианскими символами (Gerster 1970: 128–129). В центральный квадрат вписан равноконечный крест с окружностью по центру, в которую в свою очередь помещен равноконечный крест или розетка. Рукава большого креста образуют акцентированные незначительным углублением кессоны (ил. 3).

Перекрытие по системе вписанных квадратов известно в эфиопской архитектуре уже в ранний период, вероятно, ранее VII в. (Phillipson 2009: 91). Такого типа перекрытие с высокой точностью имитируется в скальном комплексе в Дегум (Lepage 1975: 49). Однако совмещение имитации этого типа перекрытия с равноконечным крестом, образующим между своих рукавов четыре кессона,

получает распространение в скальных памятниках Тыграй, вероятно, лишь в XIV в. Следует отметить, что в большинстве памятников имитация перекрытия по системе вписанных квадратов, совмещенная с равноконечными крестами, выполнена более реалистично, как имитация реальной конструкции. В церкви в Ади Кешо эти элементы декора имеют минимальное отношение к полноценной имитации и скорее близки к копированию живописных, а не конструктивных образцов.

Перекрытие нартекса разделено на три ячейки имитацией балок, «перекинутых» между колоннами фасада и стеной наоса. Своды образованных ячеек покрыты кессонами различного типа: квадраты северного и южного сводов расположены в шахматном порядке, однако в южной ячейке они имеют

Ил. 4. Медхане Алем в Ади Кешо. Нартекс, вид на юг. Фото С. Клюева, 2014 г.

Ил. 5. Медхане Алем в Ади Кешо. Центральный свод наоса. Фото С. Клюева, 2014 г.

смещение, придающее композиции некоторый динамизм (ил. 4).

Наиболее детально проработаны кессоны центральной ячейки храма. Они декорированы различными геоме-

трическими орнаментами, а их «рама» украшена параллельными линиями-насечками, что отсылает нас к образу декора сводов наземных храмов. Такого типа декор выполнен в нартексе большого храма Дебре-Дамо (Buxton 1946: 62–64; Gerster 1970: 76–77), церкви Йемреханна Крестос (Balicka-Witakowska, Gervers 2001: 14–17), нартексе храма Дебре Селам (Phillipson 2009: 70). Он создается путем набивания планочек на деревянную основу перекрытия свода в определенном геометрическом порядке. Так создается сетка кессонов (в случае Дебре-Дамо — заполненная резными филенками) либо геометрический орнамент (как, например, в Йемреханна Крестос) (Phillipson 2009: 79–80). В центральной ячейке нартекса храма в Ади Кешо сетка кессонов имитирует переплетение пересекающихся под прямым углом линий.

Во внутреннем пространстве храма и его экстерьере имеются резные кресты, самый большой из которых представлен в композиции свода центральной ячейки наоса. Это равноконечный крест со ступенчатыми расширениями на оконечностях каждого рукава. Его средокрестие занимает равноконечный крест в квадрате, с окружностью в центре, а в угловых зонах ячейки присутствуют четыре окружности со вписанными в них крестами (Gerster 1970: 129). Таким образом композиция большого креста повторяется в центральном квадрате, но с инверсией в расположении круглых и квадратных элементов (ил. 5).

Образ равноконечного креста в сводах скальных храмов Эфиопии связан прежде всего с имитацией перекрещивающихся балок, «покоящихся» на имитируемых консолях. Этот элемент декора сводов известен в скальной архитектуре Эфиопии, в частности, в храмах типа «тыграйский крест-в-квадрате» (Di Salvo 2017: 82–89).

Ил. 6. Медхане Алем в Ади Кешо. Своды центрального нефа. Резной крест на северо-западном столбе. Фото С. Ключева, 2014 г.

В поздних храмах символика креста сохраняется, но его образ лишается как своего особого расположения в пространстве церкви (в центральном нефе, средокрестии), так и элементов, связанных с имитацией балочной конструкции консолей (Gerster 1970: 134).

Рельеф в Медхане Алем Ади Кешо далек от имитации реальной конструкции и может восходить к живописному изображению.

Теперь рассмотрим кресты, вырезанные на столбах и пилястрах храма. Два рельефных креста расположены в верхней части западной пары столбов наоса, напротив друг друга. Кресты помещены в квадратные обрамления, заменяющие капители. Схожим образом декорированы столбы храмов Лалибэлы, в частности, Бет-Мариам, а также храма За-Микаэль Арегави

монастыря Дебре-Дамо (Buxton 1947: 10–11).

Здесь представлены кресты различного типа. Северный из них — плетеный крест (ил. 6), несколько отдаленные аналогии которому известны в комплексе Лалибэлы (Di Salvo 2006: 88–90). В книге М. Ди Сальво этот крест датируется XIV в., однако автор не дает подробных разъяснений датировки (*Ibid*: 101).

Выполненный напротив него равноконечный крест вписан в ромб. Концы его рукавов заканчиваются небольшими крестиками, а пространство между ними занимают четыре элемента, близкие по форме к букве «С» (Phillipson 2009: fig. 146). Ромбовидная форма ассоциируется с литыми церемониальными крестами XIV–XV вв. (Di Salvo 2006: 111–113).

Размещение парных крестов друг напротив друга в зоне капителей храма

Ил. 7. Медхане Алем в Ади Кешо.
Рельефный крест на столбе фасада, к югу
от центрального входа в храм. Фото С.
Ключева, 2014 г.

известно как в достаточно ранних храмах, например, в Дебре Селам X в. (Lepage, Mercier 2005: 94–101), так и более поздних, таких как Дебре Маар (начала XV в.) (Encyclopaedia Aethiopica 2005: 29–31).

Не менее интересны два других креста на высоких древках, вырезанные на пилястрах в пролете триумфальной арки. Имитация в рельефах парных церемониальных крестов на высоких древках является характерной чертой храмов типа «тыграйский крест-в-квадрате» X–XII вв. (Lepage, Mercier 2005: 79–82). Однако в храмах этого типа кресты располагались в западной стене и фланкировали центральный вход в наос храма изнутри. Изображение церемониальных крестов на высоких древках, как бы прислоненных ко столбам, известно и в базилике «открытого типа» Мариам Дебре Цион (Salvo di 2006: 116).

Возможно, что изображение парных крестов, фланкирующих триумфальную

арку, может быть связано с отказом от используемых ранее деревянных алтарных преград. Такие преграды имели небольшую арочку, покоящуюся на двух тонких колонках, консольные капители которых были декорированы изображением небольших крестов (Lepage 2006: 16). В середине XIV в., когда произошел отказ от таких преград, изображение крестов могло быть перенесено на пилястры или столбы центральной части макдаса.

На одном из столбов фасада храма (к югу от центрального входа) также вырезан рельефный крест. Это многогранный, с изрезанным контуром крест на широком коротком древке, заполненный орнаментальной плетенкой. В его центре вырезана окружность, вероятно, с розеткой-четырёхлистником (ил. 7).

Обращают на себя внимание и резные ниши в стенах храма. Эти неглубокие тройные ниши вырезаны в стенах центральной ячейки северного и южного нефов. И несколько другого типа — шесть ниш — в западной стене северо-западной ячейки. Как известно на примере других храмов, подобные ниши служили декоративными обрамлениями для изображений святых (Gerster 1970: 83–84).

Следует отметить, что расположение подобных ниш в стенах боковых нефов является характерной чертой двух, вероятно, наиболее ранних в Тыграе базилик «открытого типа»: Мариам Дебре Цион и Йесус Гибджет (Plant 1985: 47; 82–83).

Вероятно, самым ранним известным нам примером подобного декора являются шесть ниш в храме типа «тыграйский крест-в-квадрате» — Укро Черкос X–XII вв. (ил. 8). Они расположены в западной стене нартекса над дверным проемом. В ряде поздних храмов фриз из таких ниш, с изображенными в них святыми, заменяет собой аксумский фриз ложных окон в центральном

Ил. 8. Укро Черкос, Тыграй. Ниши с изображениями святых. Фото С. Ключева, 2014 г.

нефе. Например, в Георгис Дебре Маар (*Encyclopaedia Aethiopica* 2005: 29–31). Ниши в стенах церкви в Ади Кешо неглубоки, без дополнительных элементов декора, которым отличаются ниши в Йесус Гибджет и Мариам Дебре Цион.

Наиболее заметные сходства резного декора Медхане Алем в Ади Кешо обнаруживаются с декором кельи Абуны Абрехама, — небольшого скального помещения, с имитацией купольного перекрытия. Она расположена чуть восточнее храма Мариам Дебре Цион и соединена с ним посредством обходной галереи. Своды и стены этой кельи декорированы разнообразной орнаментальной резьбой (ил. 9).

Среди множества схожих элементов декора кельи Абуны Абрехама и церкви Медхане Алем в Ади Кешо отдельно следует выделить такие как: ромбовидные кессоны (в Медхане Алем они расположены в центральной ячейке свода

Ил. 9. Келья Абуны Абрехама в Дебре Цион, Тыграй. Купол. Фото С. Ключева, 2014 г.

северного нефа); крест с четырьмя акцентированными квадратами между его рукавов (в Медхане Алем в своде центрального нефа) (ил. 10); многогранный крест с орнаментальным заполнением; геометрические композиции, состоящие из квадратов.

Согласно житию, Абуна Абрехам основал храм Мариам Дебре Цион и здесь же соорудил себе келью. Учитывая ее

Ил. 10. Келья Абуны Абрехама в Дебре Цион, Тиграй. Деталь резного декора. Фото С. Ключева, 2014 г.

расположение, можно предположить, что она была создана единовременно с храмом.

Анализ росписи самого раннего периода в храме Мариам Дебре Цион, датируемого концом XIV в. (*Encyclopaedia Aethiopica* 2005: 42–43), обнаруживает сходство ее мотивов с резными орнаментами и крестами в декоре церкви в Ади Кешо. Имеется также сходство между отдельными элементами резного декора Медхане Алем Ади Кешо и росписями в храмах Мариам Бахера (*Lepage, Mercier* 2005: 142–145) и Георгис Дебре Маар (*Encyclopaedia Aethiopica* 2005: 29–31), близких по стилистике к первому слою в Дебре Цион, датируемому на основании стилистического и иконографического анализа рубежом XIV–XV вв. (*Ibid.*). Датировку росписей в Дебре Маар дополнительно подтверждает изображение коптского Александрийского патриарха Матеуса, жившего в 1378–1409 гг. (*Ibid.*: 30).

Обозначая верхнюю границу датировки Медхане Алем в Ади Кешо, следует отметить два фактора. Во-первых обильные следы сажи, возникшие, вероятно, вследствие пожара и обнаруживаемые в нартексе храма. Они могут быть сле-

дами разрушительного нашествия джихадистов Ахмада Граня, уничтожавших церкви и церковные реликвии в Эфиопии в тридцатые годы XVI в. (*Чернецов* 1982: 210–240). Таким образом, можно предположить, что храм был создан ранее этого времени, т. е. до 1534 г.

Еще один фактор — стилистика угловых ригелей перспективных рам дверных проемов. Их форма со второй половины XV в. изменяется и приобретает вместо кубической подобие валиков, что можно увидеть в храмах Мариам Денгелет (*Gervers* 2006: 441–442) и монастыре Гунде-Гунде (*Encyclopaedia Aethiopica* 2005: 917–921). Это позволяет обозначить верхнюю границу датировки серединой XV в., т. е. ориентировочно до 1450 г.

Итак, несмотря на ряд декоративных решений, сближающих храм в Ади Кешо с ранними храмами Тиграй (За-Микаэль Арегави в Дебре-Дамо) и с церквями Ласты конца XIII в. (Эмакине Медхане Алем, Ганната Мариам, Билбала Черкос), наиболее близким декором обладает келья Абуны Абрехама в Дебре Цион.

Вероятно, создатели храма пытались объединить в памятнике как местные традиции наземной базиликальной архитектуры, так и новые тенденции, пришедшие из центра страны.

Особенности плана храма, решение его алтарной части, согласно концепции Джерверса и Фритша, сближают датировку храма с датировкой базилики Мариам Дебре Цион.

Таким образом, наиболее правдоподобной выглядит датировка, близкая к легендарным сведениям, а именно между 1370–1450 гг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Вольпе 2003 — Вольпе М. Л. Литература Эфиопии. Очерк. М.: Зебра Е, 2003.
 Кожин 1995 — Кожин Ю. Ф. К истории гражданской архитектуры Хадрамаута //

- Хадрамаут. Археологические, этнографические и историко-культурные исследования. Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции. Т. 1. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. С. 330–372.
- Тураев 1902 — Тураев Б. А. Исследования в области агиологических источников истории Эфиопии. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1902.
- Чернецов 2004 — Чернецов С. Б. Эфиопия в первые шестнадцать веков нашей эры. СПб.: МАЭ РАН, 2004.
- Чернецов 1982 — Чернецов С. Б. Эфиопская феодальная монархия в XIII–XVI вв. М.: Наука, 1982.
- Balicka-Witakowska, Gervers 1998–1999 — Balicka-Witakowska E., Gervers M. Les peintures murales de l'Église rupestre éthiopienne Gännätä Maryam près de Lalibela // *Arte Medievale*. Vol. 12–13 (2). 1998–1999. P. 193–209.
- Balicka-Witakowska, Gervers 2001 — Balicka-Witakowska E., Gervers M. The church of Yemrehanna Krestos and its wall-paintings: a preliminary report // *Africana bulletin*. Vol. 49. 2001. P. 9–48.
- Balicka-Witakowska, Gervers 2002 — Balicka-Witakowska E., Gervers M. The wall-paintings in the church of Madhane Alam near Lalibela // *Africana Bulletin*. Vol. 52. 2002. P. 9–29.
- Buxton 1946 — Buxton D. R. Ethiopian rock-hewn churches // *Antiquity*. Vol. 20. 1946. P. 60–69.
- Buxton 1947 — Buxton D. R. The Christian antiquities of northern Ethiopia // *Archaeologia*. Vol. 92. 1947. P. 1–42.
- Buxton 1971 — Buxton D. R. The rock-hewn and other medieval churches of Tigre Province, Ethiopia // *Archaeologia*. Vol. 103. 1971. P. 33–100.
- Buxton, Plant 1970 — Buxton D. R., Plant R. Rock-hewn churches of the Tigre province [by R. P.] with additional churches [by D. R. B.] // *Ethiopia Observer*. Vol. 13. 1970. P. 157–268.
- Di Salvo 2006 — Di Salvo M. Crosses of Ethiopia. The Sign of Faith, Evolution and Form. Milano: Skira, 2006.
- Di Salvo 2017 — Di Salvo M. The Basilicas of Ethiopia. An Architectural History. London – New-York: I. B. Tauris, 2017.
- Encyclopaedia Aethiopica* 2005 — *Encyclopaedia Aethiopica*. Vol. 2 / Ed. S. Uhlig. Wiesbaden: Harrassowitz, 2005.
- Fritsh, Gervers 2007 — Fritsh E., Gervers M. Pastophoria and Altars: Introduction in Ethiopian Liturgy and Church Architecture // *Aethiopica*. Vol. 10. 2007. P. 6–51.
- Gerster 1970 — Gerster G. Churches in Rock. London: Phaidon, 1970.
- Gervers 2006 — Gervers M. The Rock-Cut Church of Maryam Dengelat (Haramat, Tegray) // *Proceedings of the XV-th International Conference of Ethiopian Studies, Hamburg July 20–25, 2003* / Ed. S. Uhlig. Wiesbaden: Harrassowitz, 2006. P. 435–445.
- Lepage 1972 — Lepage C. L'église rupestre de Berakit // *Annales d'Ethiopie*. Vol. 9. 1972. P. 147–191.
- Lepage 1973 — Lepage C. L'église de Zaréma (Éthiopie) et son apport à l'histoire de l'architecture éthiopienne // *Comptes-Rendus des Séances de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres*, Paris: Académie des Inscriptions et Belles Lettres. Juillet-Octobre, 1973. P. 416–455.
- Lepage 1975 — Lepage C. Le premier art chrétien d'Éthiopie. Les églises // *Les dossier de l'archéologie*. Vol. 8. 1975. P. 34–59.
- Lepage 2006 — Lepage C. Entre Aksum et Lalibela : les églises du sud-est du Tigray (IXe–XIIe s.) en Éthiopie // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 150e année. Vol. 1. 2006. P. 9–39.
- Lepage, Mercier 2005 — Lepage C., Mercier J. Les églises historiques du Tigray // *The ancient churches of Tigray*. Paris: ADPF, 2005.
- Lepage, Mercier 2012 — Lepage C., Mercier J. Lalibela, Wonder of Ethiopia: The Monolithic Churches and their Treasures. London: Paul Holberton Publ., 2012.
- Phillipson 2009 — Phillipson D. W. Ancient churches of Ethiopia: fourth-fourteens centuries. New Haven [Conn.], London: Yale University Press, 2009.
- Plant 1985 — Plant R. Architecture of the Tigre, Ethiopia. Worchester: Ravens Educational and Development Services, 1985.
- Robin, de Magret 1998 — Robin C., de Magret A. Le grand temple de Yeha (Tigray, Éthiopie) après la première campagne de fouilles de

la mission française (1998) // Comptes-rendus des séances de l'Académie des inscriptions et belles-lettres, 1998. P. 737–798.

[Tewoldemedhin](#) 1969 — [Tewoldemedhin](#) Y. Introduction générale aux églises monolithes du Tigray // Proceedings of the Third International Conference of Ethiopian Studies, Addis Ababa. Vol. 1. 1969. P. 83–98.

REFERENCES

- Volpe M.L. *Literatura Efiopii. Ocherk (Literature of Ethiopia. Essay)*. Moscow: Zebra E Publ., 2003 (in Russian).
- Kozhin Yu. F. K istorii grazhdanskoj arkhitektury Khadramautao *Khadramaut. Arkheologicheskie, ehtnograficheskie i istoriko-kul'turnye issledovaniya. Trudy Sovetsko-Jemenskoj kompleksnoj ehkspeditsii*, vol. 1. Moscow: Vostochnaya literatura, 1995, pp. 330–372 (in Russian).
- Turaev B.A. *Issledovaniia v oblasti agiologicheskikh istochnikov istorii Efiopii (Research in the field of hagiological sources of Ethiopian history)*. St. Petersburg: M. Stasiulevich Publ., 1902 (in Russian).
- Tchernetsov S.B. *Efiopiia v pervye shestnadsat' vekov nashei ery (Ethiopia in the first sixteen centuries of our era)*. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences Publ., 2004 (in Russian).
- Tchernetsov S.B. *Efiopskaia feodal'naia monarkhiia v XIII–XVI vv. (Ethiopian feudal monarchy in the 13–16th centuries)*. Moscow: Nauka Publ., 1982 (in Russian).
- Balicka-Witakowska E., Gervers M. Les peintures murales de l'Église rupestre éthiopienne Gännätä Maryam près de Lalibela. *Arte Medievale*, vol. 12–13 (2), 1998–1999, pp. 193–209.
- Balicka-Witakowska E., Gervers M. The church of Yemrehanna Krestos and its wall-paintings: a preliminary report. *Africana bulletin*, vol. 49, 2001, pp. 9–48.
- Balicka-Witakowska E., Gervers M. The wall-paintings in the church of Madhane Alam near Lalibela. *Africana Bulletin*, vol. 52, 2002, pp. 9–29.
- Buxton D.R. Ethiopian rock-hewn churches. *Antiquity*, vol. 20, 1946, pp. 60–69.
- Buxton D.R. The Christian antiquities of northern Ethiopia. *Archaeologia*, vol. 92, 1947, pp. 1–42.
- Buxton D.R. The rock-hewn and other medieval churches of Tigre Province, Ethiopia. *Archaeologia*, vol. 103, 1971, pp. 33–100.
- Buxton D. R., Plant R. Rock-hewn churches of the Tigre province [by R. P.] with additional churches [by D. R. B.]. *Ethiopia Observer*, vol. 13, 1970, pp. 157–268.
- Di Salvo M. *Crosses of Ethiopia. The Sign of Faith, Evolution and Form*. Milano: Skira, 2006.
- Di Salvo M. *The Basilicas of Ethiopia. An Architectural History*. London–New-York: I. B. Tauris, 2017.
- Encyclopaedia Aethiopica*, vol. 2, ed. S. Uhlig. Wiesbaden: Harrassowitz Publ., 2005.
- Fritsh E., Gervers M. Pastophoria and Altars: Introduction in Ethiopian Liturgy and Church Architecture. *Aethiopica*, vol. 10, 2007, pp. 6–51.
- Gerster G. *Churches in Rock*. London: Phaidon Publ., 1970.
- Gervers M. The Rock-Cut Church of Maryam Dengelat (Haramat, Tegray). *Proceedings of the XV-th International Conference of Ethiopian Studies, Hamburg, July 20–25, 2003*, ed. S. Uhlig. Wiesbaden: Harrassowitz Publ., 2006, pp. 435–445.
- Lepage C. L'église rupestre de Berakit. *Annales d'Ethiopie*, vol. 9, 1972, pp. 147–191.
- Lepage C. L'église de Zaréma (Éthiopie) et son apport à l'histoire de l'architecture éthiopienne. *Comptes-Rendus des Séances de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres*, Juillet-Octobre, 1973, pp. 416–455.
- Lepage C. Le premier art chrétien d'Éthiopie. Les églises. *Les dossier de l'archéologie*, vol. 8, 1975, pp. 34–59.
- Lepage C. Entre Aksum et Lalibela: les églises du sud-est du Tigray (IXe–XIIe s.) en Éthiopie. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 150e année, vol. 1, 2006, pp. 9–39.
- Lepage C., Mercier J. *Les églises historiques du Tigray (The ancient churches of Tigray)*. Paris: ADPF Publ., 2005.
- Lepage C., Mercier J. *Lalibela, Wonder of Ethiopia: The Monolithic Churches and their Treasures*. London: Paul Holberton Publ., 2012.

- Phillipson D.W. *Ancient churches of Ethiopia: fourth-fourteens centuries*. New Haven [Conn.], London: Yale University Press Publ., 2009.
- Plant R. *Architecture of the Tigre, Ethiopia*. Worchester: Ravens Educational and Development Services Publ., 1985.
- Robin C., de Magret A. Le grand temple de Yeha (Tigray, Ethiopie) apres la premiere campagne de fouilles de la mission francaise (1998). *Comptes-rendus des seances de l'Academie des inscriptions et belles-lettres*, 1998, pp.737–798.
- ~~Tewoldemedhin Y.~~ Tewoldemedhin Y. Introduction générale aux églises monolithes du Tigray. *Proceedings of the Third International Conference of Ethiopian Studies, Addis Ababa*, vol. 1, 1969, pp. 83–98.

P. Blessing

ARCHITECTURE, SCALE, AND EMPIRE: MONUMENTS IN ANATOLIA BETWEEN MAMLUK AND ILKHANID ASPIRATIONS

This article examines the question of size and scale in the architecture of late thirteenth-century Anatolia. Competition between the Mamluks in Egypt and Syria and the Ilkhanids in Iran greatly affected the political environment of Anatolia starting from the 1270s. Therefore, it is relevant to examine whether the tendency towards monumental architecture in these two neighboring empires had an effect on building practices in the region. Examining medieval Islamic texts commenting on notions of monumentality in architecture, the article will describe how ideas of scale have been reflected in the written sources. These ideas will then be examined with regard to monuments built in central and eastern Anatolia in the second half of the thirteenth century, where it appears that architectural decoration, rather than large scale, was used in order to create visually impressive buildings.

Keywords: Mamluk architecture; Ilkhanid architecture; Seljuk architecture; scale and architecture; Islamic architecture

П. Блессинг

АРХИТЕКТУРА, МАСШТАБ И ИМПЕРИЯ: ПАМЯТНИКИ АНАТОЛИИ МЕЖДУ ПРИТЯЗАНИЯМИ МАМЛЮКОВ И ИЛЬХАНИДОВ

В данной статье рассматривается вопрос размера и масштаба в архитектуре Анатолии конца XIII в. Конкуренция между мамлюками в Египте и Сирии и ильханидами в Иране сильно повлияла на политическую обстановку Анатолии начиная с 1270-х гг. Поэтому важно рассмотреть, повлияла ли тенденция к монументальной архитектуре в этих двух соседних империях на строительство во всем регионе. В статье будет описано, как идеи масштаба отражаются в письменных источниках, на примере средневековых исламских текстов, комментирующих понятия монументальности в архитектуре. Затем эти идеи будут рассмотрены в отношении памятников, построенных в Центральной и Восточной Анатолии во второй половине XIII в., где, как представляется, для создания визуально впечатляющих зданий использовалась архитектурная декорация, а не крупные размеры.

Ключевые слова: архитектура мамлюков, архитектура Ильханидов, сельджукская архитектура, масштаб и архитектура, исламская архитектура

This article addresses medieval architecture in Anatolia in its position between the Mamluk and Ilkhanid Empires. Focusing on aesthetic considerations of size, scale, and decoration, I will argue that in visual terms, the architectural production of the region operated within specific local parameters, rather than falling into the patterns of monumentality, power, and empire that were

in place in the realms of its formal overlords, the Ilkhanids, and their primary rivals, the Mamluks¹. Indeed, the relationship between the size of monuments and

¹ Preliminary research on the concepts of size and scale used in this chapter was presented as: "Monumental Structure versus Intricate Detail — On Size and Scale in Medieval Islamic Architecture," 45th International Congress on Medieval Studies, Kalamazoo MI, 16 May 2010.

the visual emphasis on decoration in Anatolia differs greatly from the paradigms in place in Mamluk Egypt and Syria, and in Ilkhanid Iran.

The Mamluks and the Ilkhanids are known for their competition for political power, leading to warfare over territories in northern Syria, and complex diplomatic relations². This rivalry extended to architecture, where rulers on both sides aimed at creating the largest and most impressive monuments for their own glory, hoping that delegations sent by the respective rival would carry back the news of such constructions³. Even the production of manuscripts was included in this competitive stance: both sides produced monumental copies of the Qur'an that were sent as gifts with diplomatic missions (Gray 1985; James 1988).

This competitive aspect was by no means exclusive to the Mamluks and Ilkhanids but has been observed throughout the history of Islamic architecture, beginning with the creation of an Umayyad visual idiom in the 7th century. The phenomenon, however, became especially accentuated in the early modern period, when competition between old and new monuments became a conscious part of the architectural discourse, for instance in the mosques that the architect Sinan built for the Ottoman rulers, members of their family, and their notables (Necipoğlu 1993a: 171–174). Within this context, the Mamluk-Ilkhanid competition is only one aspect of a larger picture that connects the large scale of architecture with a demonstration of dynastic power. The place on Anatolia within this framework yet needs to be understood; as I argued elsewhere, the Mongol conquest of the region ended the budding emergence of a royal Seljuk

style. The changes in patronage related to the slow decline of Seljuk power caused a resurgence of locally rooted styles (*Blessing* 2014).

The pursuit of architectural monumentality in the Mamluk and Ilkhanid empires appears to be an intrinsic part of the rivalry that led them to conduct wars and send spies in both directions from the beginning of Mamluk rule in 1260 to the demise of the Ilkhanate after 1335. During this period Anatolia, once the Seljuk rulers had lost more and more actual power to Mongol overlords and their administrators, became a buffer zone between the Mamluk and Ilkhanid realms, a fact that had far reaching effects on the political and ultimately on the cultural level.

Despite the political and geographical position of Anatolia between the two rivaling Muslim empires of the late 13th and early 14th centuries, the architectural discourse created in this competition does not appear to have affected “post-Seljuk” architecture, i.e. those monuments built after the Mongol conquest of Anatolia in the mid-thirteenth century. In comparison with the monumental buildings of the Ilkhanid realm and the early Mamluk monuments in Cairo, monuments in medieval Anatolia are small in terms of their measurements.

Rather than on size, the creators of these latter monuments capitalized on the effects of decoration, which is often so exuberant that the small size of the monument is not evident to the viewer. The focus on smaller monuments was not, however, specific to this region and moment in time. It was part of a phenomenon of moving towards smaller, often multifunctional structures in the regions ruled by the Great Seljuks and their successors from the early 11th century onwards (Necipoğlu 1993b: 12–13). This shift in architecture, going hand-in-hand with the political fragmen-

² Detailed discussion in (Amitai 1995).

³ This was first studied in (Necipoğlu 1993a) and later expanded in (O’Kane 1996).

tation of the medieval Islamic world, appears to represent a move away from the monumental unity of the Abbasid realm, reflecting the political changes in the construction of monuments that are a far cry from the monumental palaces of Samarra (Northedge 2005).

In this article, I argue that medieval Anatolia found its place somewhere between these two tendencies, that is the competition for monumentality between Ilkhanids and Mamluks on the one hand, and the small-scale monuments current in many regions from the 12th to the late 15th century, on the other hand. In creating a scheme and level of decoration that dominate the visual impact of a monument, architects in medieval Anatolia in fact transcended size by the means of intricate details in decoration. In methodological terms, the dearth of medieval sources concerned with the perception of monuments by contemporary viewers poses the problem of understanding the aesthetic principles at hand. Therefore, the first part of this chapter will be devoted to a discussion of approaches and their potential for realization with regard to this specific topic, shaped by the lack of specific reference to visual practices in the medieval written sources related to Anatolia.

Size and Scale in Islamic Architecture

Monumental buildings were an essential part of architecture in the medieval Islamic world, beginning with mosques designated for worship, and palaces as residences for rulers. Monuments commissioned by the Umayyad rulers, such as the Dome of the Rock (built in 691) in Jerusalem and the Great Mosque of Damascus (built in 709–715) began this trend. In the Abbasid Palaces of Raqqa and Samarra in the 9th century, this ambition for more

and more expansive structures culminated. Competition with the past especially became a central feature of patronage (Necipoğlu 1993a: 169–170).

In written sources, these monuments were often described in terms of their monumental scale, rather than looking at other aspects such as plans or details of decoration. Comparison to pre-Islamic monuments frequently arose as part of the competitive nature of construction, striving to create buildings larger than those of the past. The Sasanian palace at Ctesiphon, known in the sources as “Khusraw’s arch” (*īwān Kistrā* or *ṭāq Kistrā* in Arabic), became a topos for monumentality in architecture. The poet al-Buḥturī (d. 897) dedicated an entire poem to the monument, staging it as a reminder of lost imperial glory, and in some ways including a critique of the Abbasid court (Ali 2010: 153–170; Sperl 2006). In this text, the *Īwān Kistrā* becomes a decaying memory of the past, still reflecting its magnificence:

“As if the Arched Hall, by its wondrous craftsmanship, were hollowed in the cliff of a mountainside. It would be thought, from its sadness — to the eyes of morning and evening visitors — distraught like a man torn from the company of loved ones or distressed by the breaking of nuptials. Nights have reversed its luck. There, Jupiter whiled the night but as a star of misfortune. It shows hardiness but the cruel weight of time is fixed upon it” (Ali 2010: 159, l. 35–39; Arabic text: Ali 2010: 206–208).

The monument, despite or perhaps because of its praised monumentality, did not remain uncontested: In sources on the construction of Madīnat al-Salām (Baghdad), it is told that the Abbasid caliph al-Manṣūr (r. 754–775) considered razing the *Īwān Kistrā* in order to use the materials in the construction of his new capital. Despite contrary advice, the ruler ordered the destruction to begin, only to have it stopped

when the costs of dismantling the Sasanian palace proved too high (O'Kane 1996: 501). Yet reprieve was temporary: A century and a half later, parts of the Īwān Kistrā were destroyed in order to supply building materials for the palace of caliph al-Muktafi (r. 902–908) in Baghdad (Necipoğlu 1993b: 4). Both anecdotes use the monument, and a ruler's ability or incapacity to destroy it as ways to reflect the power of a sultan in controlling such resources, but, from the perspective of a skeptical author, also their inability to surpass the achievements of past rulers.

The topos of the Īwān Kistrā as a paradigm for monumentality became prevalent in passages of sources that mention architecture. Thus, speaking of the Madrasa of Sultan Ḥasan in Cairo (built 1357–64) the fifteenth-century writer Khalīl b. Shahīn al-Zāhirī compares the grandeur of this monument with the Sasanian building:

"Concerning the Madrasa of Sultan Ḥasan [located] facing the victorious citadel; it does not have an equal in this world. It was told that the above-mentioned al-Malik al-Nāṣir Ḥasan, when he ordered its construction, summoned all engineers from the regions of the world, and ordered them to build a *madrasa* [in such a way that] there is no building higher than it on the face of the earth. He asked them, which were the highest places in the world in [terms of] building, and he was told: the Īwān Kistrā Anūshirwān. And he ordered that [the Īwān Kistrā] be measured and rendered accurately, and that the *madrasa* be built higher than it by ten cubits, and [so] it was built, and four minarets were built for it, and it was said that three [were] in the elevation of the *madrasa* as well, and then some of the minarets were destroyed, and today two remain. The Īwān Kistrā [had] one [*īwān*] and this [*madrasa* had] four *īwāns*. It is a wonder among the wonders of the world, the thickness (*sumk*) of its

walls is eighteen Egyptian cubits, and the abovementioned minarets are visible from a distance of one day. What is more it was said that the yearly revenue (*mutaḥaṣṣil*) of its *waqf* exceeds the income of a large kingdom"⁴.

In this passage, the size and especially the height of the monuments become the measure for their overpowering appearance. The question of the Mamluk sultan inquiring after the highest known monument elicits the expected answer: the Īwān Kistrā in Ctesiphon, by then firmly established as a topos for monumental architecture. The ruler's desire to surpass this construction again reflects that of the Abbasid caliphs to trump bygone imperial grandeur. The architecture of the sultan's *madrasa*, in exceeding the Īwān Kistrā in height, as well as featuring four rather than one *īwān*, becomes the symbol of the Mamluk ruler's supreme power. Considering that since the Mongol conquest of Baghdad by the Ilkhanids in 1258, the Mamluks had become the keepers of the Abbasid caliphs, now devoid of power, this statement is one of supremacy with reference to the past, as well as to the present.

The correlation between monumental architecture and power is clear, and by no means unique to the text above. In the late 14th century, Ibn Khaldūn (d. 1406) explicitly stated this connection in the *Muqaddima*, suggesting that the grandeur of a dynasty's architecture was equivalent with its power, and mentions the Īwān Kistrā as one example of such grandeur (Ibn Khaldūn 1958: vol. 1, 354, 356; Necipoğlu 1993a: 170; O'Kane 1996: 499).

The topos of the Īwān Kistrā as the supreme and example of imperial glory expressed in architecture proved to be persistent: an inscription over the gate of an

⁴ My translation of (al- āhirī 1894: 31). An abbreviated translation of this passage is quoted in (Necipoğlu 1993a: 170; Rabbat 1988–1989: 6).

Ottoman house in the citadel of Masyaf in Syria, dated 1793, refers to the *Īwān Kistrā*. In the last line of the inscription, belonging to a relatively modest residential structure rather than a monumental expression of kingship, the Sasanian precedent is evoked as a long-gone reminder of part glory: “*Īwān Kistrā qad fanā*,” the *Īwān Kistrā* has faded, in comparison to present rule and architecture⁵. This is of course a bold statement on a residential structure built in a provincial Syrian fortress, yet it pertinently shows the strength of the topos, as well as the concern with monumentality even when financial constraints did not permit corresponding architecture.

Within the Ilkhanid context, Ghāzān Khān had competed with the mausoleum of the Seljuk sultan Sanjar, built in 1157, when he built his own funerary complex:

“Since he [Ghāzān Khān] was in the capital Tabriz, he chose it was the site and laid the foundation himself outside the city to the west in the place called Shamb. They have been working on it for several years now, and it is planned to be much more magnificent than the dome of Sultan Sanjar the Seljuq in Merv, which is the most magnificent building in the world and which he saw” (*Rashīd al-Dīn* 1998: vol. 3, 685).

Apart from the reference to this domed mausoleum as an example of monumentality, it is striking that Ghāzān Khān is said to have seen the building himself, putting the authority to decide about monumental scale with him, rather than with a group of advisors. In Anatolia, where not many buildings seem to have met his criteria of

admirable monumentality, traveller Ibn Baṭṭūṭa focused on the riches of gardens and orchards, praising the hospitality of the Akhī communities that welcomed him for feasts and provided lodging. Even the Gök Medrese in Sivas, a rather large monument, did not attract Ibn Baṭṭūṭa’s attention although he describes a hostel for *sayyids* nearby (*Ibn Battuta* 1958: 434–435; 1879–1914: vol. II, 289). In his account of Anatolia, the Mamluk chronicler al-‘Umārī is hardly impressed with the architecture, with the exception of the Karatay Han, a mid-thirteenth century building that was described in detail based on the sources that the author drew on (*Blessing* 2014: 176–177).

Small Buildings — Elaborate Decoration: An Anatolian Phenomenon?

Monuments constructed in Anatolia throughout the 13th and early 14th centuries remain relatively small in scale. In a study focusing on palaces, Necipoğlu has suggested that in certain regions of the Islamic world, especially Syria, the architecture of the eleventh and twelfth centuries is characterized by a move away from the monumentality of Umayyad and Abbasid construction. Anatolia, where the architectural patronage of the Seljuks really only expanded from the late 12th century onwards, was a late-comer to this phenomenon that had started elsewhere as the region had only just begun to be integrated into the Islamic world. Nevertheless, the region remained within the logic of the “Seljuk successor states,” adopting also the taste for smaller monuments (*Necipoğlu* 1993b: 12–13).

The relationship between decoration and structure in small-scale monuments varies over time. Bernard O’Kane has suggested that in North Africa in the early 14th

⁵ The text of the inscription is to my knowledge unpublished. For the date and the architectural context, see: (*Hasan* 2007: 195, and fig. 158). The photograph of the inscription is very small and in parts hard to read, but I had the occasion to see the passage on the *Īwān Kistrā* during a visit to Masyaf in summer 2005.

Ил. 1. Courtyard, Madrasa Bu Inaniya, Fez, Morocco. Author's photograph

century decoration in intricate details was privileged over monumental scale especially the *madrasas* that the Marinid sultan Abū 'Inān sponsored in Morocco (il. 1, 2) (O'Kane 1996: 504; Hillenbrand 1994: 240–242.). These buildings are relatively small in scale, yet intricately decorated in their courtyards with carved woodwork, stucco, and tile mosaic that create an overwhelming impression of intricate design. The exterior, however, does not display an impressive façade; rather, the exterior of these monuments is plain, and not accentuated in any obvious way. The splendid decoration remains in the interior, reserved for the buildings occupants and visitors.

In medieval Anatolia, façades were accentuated by decoration that renders a visual presence to the exterior of the monuments. Due to this strong presence of the exterior decoration of mosques, madrasas, and caravanserais in central Anatolia dating to the thirteenth and fourteenth centuries display a curious discrepancy between the small scale of the architecture, and the

Ил. 2. Madrasa al-Attarin, Fez, Morocco. Author's photograph

Ill. 3. View, İnce Minareli Madrasa, Konya, Turkey, Author's photograph

towering impression made by their carved stone decoration, centered on the portal façade, for instance in the İnce Minareli Madrasa (c. 1265) in Konya (il. 3), where an interlaced band of calligraphy is carved on the portal, or in the more common muqarnas portals such as the one of the Çifte Minareli Madrasa (1271–72) in Sivas (il. 4) (Blessing 2014; Wolper 1999).

This question of scale, and the connected issue of emphasizing decoration, rather than size, finds its place within the previous discussion of style and its implications in medieval Anatolia. Thus, this section addresses how this discrepancy works visually to enhance the buildings' effect in a way particular to medieval Anatolia. Comparisons to contemporary buildings in other regions of the Islamic world will show how the decoration of these Anatolian monuments operates in a specific way, enhancing the impact of monuments on the viewer without resorting to monumentality or all-over decoration. It has been argued that the location of certain monuments, especially of mausolea and *zāwiyas*, along main

thoroughfares and near public places such as market and city gates was crucial in attracting people to a building (Wolper 2003: 42–59). Equally, the ways in which decoration was distributed on the façade of a monument, creating an impressive image through its presence, was a crucial factor in drawing the public to a building. This is especially the case of a monument such as the Çifte Minareli Medrese in Sivas (1271–72), placed so closely to the facing Şifaiye Medrese that viewing of the façade from afar is only possible at an oblique angle.

In the Buruciye Madrasa (1271–72) in Sivas (il. 5), the focus of decoration lies at the center of the main façade. The carved elements are arranged around the single portal giving access to the interior of the building. Surrounded by a succession of rectangular frames of various widths, increasing in size to ultimately surpass the cornice of the façade in height, the doorway becomes the main attraction of the building, inviting passersby to enter. The doorway, placed in a recess in the façade, is small compared to the decorated frames

Ил. 4. Çifte Minareli Madrasa (left) and Şifaiye Madrasa, Sivas, Turkey, Author's photograph

Ил. 5. Façade, Buruciye Madrasa, Sivas, Turkey, Author's photograph

Ил. 6. Detail of inscription band on portal, İnce Minareli Madrasa, Konya, Turkey, Photograph by A. Kazaryan

that prepare and accentuate it. The frames that form the accentuating block for the portal are decorated with geometrical or vegetal motifs that greatly vary from one band to the next, but not within the same band. In the interior, a large and intricately decorated inscription attracts the viewer to the main *iwān*. Colored decoration is only present in the interior of the mausoleum chamber, visible only upon entering this section of the building (Blessing 2014: 90–98; Blessing 2013).

The Çifte Minareli Medrese in Sivas (1271–72), located just a few 100 yards away from the previous example, has two brick minarets rising over the portal. The arrangement of the decoration around the portal in frames remains the same. Once more, frames are drawn around the doorway, even though in this case the recess is not as deep because unlike in the Buruciye Medrese, the portal is not salient with

respect to the rest of the façade. In addition to the floral and geometric decoration of the portal, the corner buttresses of the Çifte Minareli Medrese are emphasized by decoration, consisting of a dado zone of triangles, that transition into a net of bulbous vegetal motifs covering the rest of the buttress, originally likely up to the cornice that has disappeared (Blessing 2014: 77–89).

In a variation on the theme, the central portal decoration of the Gök Medrese in Sivas is carved in marble, while the rest of the façade is built of the same stone that is used in the Çifte Minareli Medrese and the Buruciye Medrese. Rectangular frames run around the doorway, forming a focal point at the center of the façade. Each frame is decorated individually: geometric and vegetal motifs in high and low relief, kufic and cursive Arabic script are used. Corner buttresses carved with vegetal motifs close off the façade and are decorated in the same way as in the Çifte Minareli Medrese. The walls between portal and buttresses break up this symmetric structure. To the left, a fountain is placed beneath a trilobate arch; to the right, small irregularly spaced windows pierce the façade. Overall, the effect is one of symmetry, even though the insertion of windows at irregular intervals in the two wings of the façade to some extent breaks up this impression.

Even in examples that introduce variants on the decoration of the portal block, such as the İnce Minareli Medrese in Konya the emphasis on the entrance remains in place and powerfully draws the viewer's attention towards the monument (il. 6). The carved knot is placed in a receding conch, rendering the effect of the inscription band even more dynamic as it crosses over the edge of the recess to continue vertically towards the top of the portal block. Within the conch, to both sides of the inscription band, large plant motifs grow out of crescent moons atop crenellated squinches.

Fields filled with palmettes surround these central motifs. At a slanted angle just outside the conch, engaged colonettes covered with vegetal motifs are placed to both sides of the recess preparing the doorway. Above them, a band decorated with wine-leave like motifs runs towards the cornice. On the outside of this single colonette, another pair of colonettes, decorated with scales, is placed. Above these colonettes, thick moldings cross over each other before connecting to a large palmette motif. Then, a thick molding covered in a geometric pattern within a frame carrying an inscription. Larger than the inscription band, a frame decorated with interlacing scrolls ending in palmettes closes the portal off towards both sides. The rest of the façade has been so heavily restored in recent years that it cannot be taken into account here⁶. Only a fragment of the single brick minaret, decorated with intermittent accents of turquoise and black tile remains. The tall minaret was the main accent of the monument before it was destroyed by lightning in the early 20th century⁷.

As carefully as they are geared towards guiding the viewer, these façades do not reveal the plan of the monuments. The examples in Sivas have open courtyards with two and four *iwāns* respectively and are built entirely of stone just as the façade. The façades are similar to those used on some of the early thirteenth-century caravanserais, such as the Sultan Han near Aksaray, yet the interior plan differs from the latter type of monument which at time consists of a series of two courtyards, or a combination of open spaces and covered halls (Erdmann 1961–1976: vol. 1, 83–90). The courtyard of the İnce Minareli Medrese is covered with a wide brick dome, and the interior structure consists of one large *iwān*

Pl. 7. Interior, İnce Minareli Medrese, Konya, Turkey, Author's photograph

facing the entrance, and rectangular and square side chambers (il. 7).

Thus, the differences in function between certain buildings became apparent only upon entering. The interior aspect of the monument, rather than being revealed in the structure of the façade, was reserved to those who had access to it. This created a public face of architecture marked by the parallels between monuments as apparent in façade structure, even though details still diverged. Moreover, the interior of a monument did not necessarily depend upon the structure of the façade, and could be developed according to functional needs, while still preserving a representative façade that provided some sense of uniformity.

In the nearby Karatay Medrese, a large brick dome covers the courtyard, to which

⁶ (Sözen 1970: vol. 2: fig. 12) shows the parts of the façade that were rebuilt.

⁷ (Blessing 2014: 48–53 and fig. 1.10).

Ил. 8. Interior, Karatay Medrese, Konya, Turkey,
Author's photograph

a large *iwān* is attached (ил. 8). The entrance into this central space, however, does not lie in the axis of the building. Rather, the visitor enters through a domed vestibule that separates a small door at the eastern corner of the courtyard from the central space. This indirect approach leaves the viewer unprepared for the rich interior decoration: the dome is covered in turquoise and black tiles, with black flower-like medallions emanating from a geometric interlace pattern. Elaborate kufic inscriptions in tile run along the base of the dome and around the oculus at its center. The Turkish triangles below are covered with square kufic script in black on a turquoise background and framed with bands of dark-blue leaves on a white background. A dark-blue cursive inscription on a background

of turquoise scroll frames the arch of the *iwān*. Around the square of the courtyard, touching at the tips of the Turkish triangles runs a kufic inscription framed by bands of vegetal patterns, all in black on a turquoise background. Panels above the windows and doorways between the courtyard and side chambers are decorated in the same manner. The wall decoration, to the extent that it has been preserved, consists of hexagonal turquoise tiles with gilded inscriptions on them⁸. Even though the parts of the walls where tile decoration has not been preserved are today whitewashed, it is likely that the entire interior was covered with these same tiles. This decoration, in its visual richness, makes the small space of the courtyard measuring 12 m by 12 m appear much larger than it actually is.

To a similar effect, the tile decoration in the tomb chamber of the complex of Şāhib 'Aṭā Fakhr al-Dīn 'Alī enhances the importance of this small space. Even though much smaller than the domed courtyard of the monument, the section containing the burials of the founder and his relatives is decorated more prominently, displaying tiles on all walls and on the cenotaphs⁹. The courtyard, similar in size and plan to that of the İnce Minareli Madrasa except for the presence of four *iwāns*, is covered with the same type of dome, and carries little tile decoration. Thus, the courtyard remains a preparatory space, announcing the tomb chamber without revealing the splendor of the decoration within. The portal of this section of the complex, conceived as a *khānqāh*, is decorated with bands of geometric patterns framing the portal block. A pointed arch with engaged corner colonettes forms the recess for the doorway. Over the segmental arch

⁸ For details of the epigraphic program, see (Redford 2015).

⁹ Detailed discussion of the building in (Blessing 2014: 55-62).

of the doorway, the foundation inscription is carved onto the trilobite panel. In this building, the portal is less elaborately decorated than the interior, yet it serves its purpose of drawing the visitor towards the central space. There, the decoration is applied hierarchically, with the mausoleum of the founder, the main attraction of the monument, receiving the largest share of the tile work.

The attention paid to decoration obtains a singular layer of meaning in connection with the relatively smaller size of the monuments. Thus, the Buruciye Madrasa measures just 25 m by 30 m, a size that is quite common for central Anatolia during the period in question¹⁰. The Sırçalı Madrasa, the Karatay Madrasa, and the Yakutiye Madrasa (built in 1310) in Erzurum all measure about the same. The Gök Madrasa (c. 1270–80) in Tokat and the Sahibiye Madrasa (built in 1266) in Kayseri are both somewhat larger with 25 m by 40 m. The late thirteenth-century Çifte Minareli Madrasa in Erzurum with its elongated plan measures roughly 35 m by 50 m, not including the mausoleum. This makes it one of the largest buildings in Anatolia, somewhat of an exception together with the Şifaiye Madrasa in Sivas with its 61 m by 41.5 m. Overall, however, smaller buildings are more common. In the smaller ones of these monuments in particular, the overwhelming decoration of the portal façade and of the central block around the entrance in particular, is the first element that the viewer takes in. Thus, the small size does not become apparent at first, and only conscious attention to the measurements reveals the relatively limited dimensions of these buildings.

In contrast, the main façade of the building complex of Sultan Qalāwūn in

Ил. 9. View, mausoleum of Sultan Qalāwūn, Cairo, Egypt, Author's photograph

Cairo (built in 1284–85) stretches over 70 meters (ил. 9). In addition to the width, the height of the façade and its complex composition with multiple salient angles distinguish this and other Mamluk monuments from buildings in Anatolia. Behind this long façade, the multi-functional complex consisting of the mausoleum of the founder, a madrasa, and a hospital once covered a large surface. The foundation inscription, written in large *naskhī* script, runs across the entire façade at a height of about two meters above the ground level, and visually ties the length of the building together. The portal stands out far less than in the Anatolian examples, its decoration being tied into that of the façade, rather than jutting out from it and carrying distinctive decoration.

¹⁰ The measurements given here are taken from the plans in (Kuran 1969).

Generally, portals in Mamluk architecture are not emphasized in the same way as in the Seljuk monuments of Anatolia. Even when the portal is salient, such as in the Mosque of Baybars al-Bunduqdārī in Cairo (built in 1266–69) the decoration emphasizes the entrance of the monument more subtly, without variedly decorated frames that immediately capture the eye of the viewer¹¹. This lighter approach to portal decoration is especially striking compared to the portals of Sivas or Konya, where the virtuosity of the stonemasons concentrated on this part of the façade.

The Madrasa of Sultan Ḥasan in Cairo, built in 1357–1364, has been connected to Seljuk architecture. In a detailed study of this building, J. Michael Rogers has examined whether the building might be the work of craftsmen from Anatolia, at least in some parts especially of the portal decoration. The focus of Rogers's study lies on the portal of the madrasa, a salient porch that at first sight indeed does evoke Seljuk architecture. The example of the mosque of Baybars al-Bunduqdārī establishes a local precedent, supplanting the need to look far afield for comparisons. Upon investigation of the details of the construction, Rogers suggests that the connection is not so direct as to warrant the involvement of actual workmen who immigrated to Egypt from Anatolia. Rather, Rogers posits, the decoration of the *madrasa* evokes a near-forgotten memory of Seljuk monuments, maybe through a workshop that migrated several decades earlier or through a craftsman who travelled in Anatolia at some point in his life (Rogers 1970: 67–68).

A clear discrepancy between the Madrasa of Sultan Ḥasan and Seljuk monuments lies in scale. Whereas in thirteenth-

and fourteenth-century Egypt, monumentality was a main concern, the elaborate decoration of portal façades in Anatolia conceals the smallness of the buildings from the viewer, suggesting a different attitude towards architecture, possibly concentrating material expense on the skill and quality of carving, rather than on size. The measurements of Seljuk monuments in Anatolia, as Sharon Laor-Sirak has shown, rely on the same units as those of Armenian buildings in that region and in the Caucasus, constructed throughout the Middle Ages (Laor-Sirak 2008: 18–19). This suggests connected architectural traditions, and probably collaboration between workmen and builders of different origin. The small size of many Islamic monuments may thus also reflect the connection to the Armenian tradition, a line of inquiry that has not yet been pursued.

Within the context of the region, the impact of older traditions and contemporary is as important as the competition for monumentality that the Mamluks and Ilkhanids engaged. The geographical position of Anatolia placed the region between these two competing forces; the mobility of craftsmen led to added transfer of motifs and concepts of design. Within this architectural landscape of size and scale, the place of Seljuk Anatolia has not been explored in detail. Geographically, the region is at the center of the phenomena just outlined. In chronological terms, it is at the junction between the smaller structures in the wake of early Islamic monumentality, and the new quest for it pursued by the Mamluks, Ilkhanids, and little later the Ottomans. It appears that the special place of Anatolia lies in the ways in which the relationship between plan, size, and decoration of a building is played out.

In the longstanding conflict between Mamluks and Ilkhanids, Anatolia was involved for geographical as well as politi-

¹¹ (Taragan 2006: 58–61). Taragan argues that the salient block itself, rather than its decoration, was the main carrier of meaning. For a detailed study of the building, see: (Bloom 1982).

cal reasons, as the Ilkhanids gained more and more influence over the Seljuk sultans in the second half of the 13th century for the reasons discussed in Chapter Three. The aesthetic mechanisms in place in Anatolia had developed in the late twelfth and early 13th century, in line with the construction of smaller monuments under Zengid and Ayyubid rule in Syria, and later Egypt (*Necipoğlu* 1993b: 12–14). Thus, in the 14th century, when the conflict between Mamluks and Ilkhanids was fully in force, architectural practices in Anatolia were sufficiently engrained to continue in their previous path.

Bernard O'Kane has argued that the conflict between Mamluks and Ilkhanids was played out on an artistic level in the production of oversized Qur'ans and in the construction of monumental mosques and *madrasas*. Similarly, monumental buildings were erected in the Ilkhanid realm, such as the mausoleum of ʿUljaytū in his capital of Sulṭāniya near Tabriz, built between 1307 and 1313. Economic prosperity allowed for the construction of such monuments, even if they were at times pushing resources to the limit (O'Kane 1996: 503). Comparing the monuments in Egypt and Iran to their smaller contemporaries in Morocco, such as the *madrasa* of Abū 'Inān in Fez, built in 1350–1355 and several similar buildings sponsored by the same ruler, O'Kane concludes that in some regions, "the dominant aesthetic of the time seems to have been in favour [...] of reducing scale and increasing ornament." (*Ibid.*: 504). The decoration of the courtyard is one that is repeated in contemporary and later monuments in Morocco: tiled dadoes, stucco decoration with inscriptions and floral motifs, and carved wood under the eaves. Built slightly earlier, in 1323–25, the smaller Madrasa al-Attarin has a narrow courtyard that is difficult to capture in an overall view. The decorative scheme closely resembles the one

in the Bu Inaniya Madrasa: from bottom to top — tiles, stucco, carved wood, and like other madrasas in Fez, this monument does not strike with a monumental portal or large size, but rather with the splendor of its courtyard.

Mamluk and Ilkhanid monuments, on the other hand, tower over the cityscape by their sheer size, but still resort to intricate decoration in the interior, such as the painted stucco in the mausoleum of ʿUljaytū, or the gilding in the mausoleum of sultan Qalāwūn. Conversely, the exterior receives only touches of decoration, such as a large inscription connecting elements of a façade, a salient porch that itself remains devoid of decoration, or exterior arches and galleries that structure the silhouette of a monument. In comparison with contemporary buildings in Anatolia, the Mamluk and Ilkhanid monuments strive to impress with their size, rather than intricacies of decoration. The latter are still present, yet they do not form part of the first impression of a monument. Contemporary monuments in Anatolia, however, emphasize exactly that aspect: the decoration of the portal is such that it takes over the appearance of the building.

Conclusion

In Anatolia, the portal facades with their decoration are the main point of attraction for a viewer. Since the medieval urban fabric has not been preserved in most Anatolian cities, it is hard to tell to what extent the buildings were surrounded by other constructions that would have influenced the possibilities of approaching the monuments. Early twentieth-century photographs often show residential structures right next to the medieval monuments, yet to what extent these later structures are reminiscent of the situation at the time of construction is unclear.

It is, however, obvious that the monuments were designed with a focus on one façade that contains the portal and thus serves to attract passersby into the building. Inside the buildings, the decoration varies greatly. In buildings with open courtyards, such as the three *madrasas* in Sivas, stone carving continues on the walls and in the *iwāns* of the courtyard. Special rooms within *madrasas*, such as the mausolea of the founders, or chambers designated as mosques, often received tile decoration in dark blue, black, and turquoise. Such decoration can also be found in the domes over the courtyards of the İnce Minareli Medrese and the Karatay Medrese in Konya, as part of the brick construction of the dome rather than in plaster applied over stone.

The significance of these choices — whether they were caused by aesthetic preference or technical conditions — is hard to assess. The ways in which these aesthetic preferences played out in the architecture of the time are difficult to trace in the sources. Observing the monuments of medieval Anatolia, however, it is clear that in this region as well, O'Kane's statement concerning the presence of overwhelming decoration in small monuments can be adopted for an inquiry into the curious discrepancy between the small size of the buildings and the abundant use of rich ornamentation. Yet it is the façade, the public face of the monument that received the most attention. The contrast between the impact of the exuberant decoration and the relatively small size of the monuments is not apparent at first sight: the decoration involves the viewer to such an extent that the small size is not a primary concern. Thus, I argue that the size of the monuments was a conscious aesthetic choice.

The monumental architecture of the two rival empires was not introduced into Anatolia. It appears that the dynamics

of size and scale created in Anatolia during the first half of the 13th century, as the Seljuk rulers provided architectural patronage that proved to foster creativity beyond the tight constraints of an imperial style, continued into the 14th century. The relative monumentality, by Anatolian standards, of the *madrasas* in Sivas and Erzurum, however, suggests a change in emphasis. Similarly, the use of tall double minarets on facades indicated an increased impact of Ilkhanid dominance. The rivalry between Mamluks and Ilkhanids, even though affecting Anatolia in political terms, did not lead to a change in architectural style and paradigms. Rather, the terms in which local architecture operated continued, and were affected by internal changes in patronage rather than the competition of these two major empires (Blessing 2017).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ali 2010 — Ali S.M. Arabic Literary Salons in the Islamic Middle Ages — Poetry, Performance, and the Presentation of the Past. Notre Dame, IN: Notre Dame University Press, 2010.
- Amitai 1995 — Amitai R. Mongols and Mamluks: The Mamluk-Ilkhanid War, 1260–1281. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Blessing 2013 — Blessing P. Allegiance, Praise, and Space: Monumental Inscriptions in Thirteenth-century Anatolia as Architectural Guides // Calligraphy and Architecture in the Muslim World / Eds Mohammad Ghari-pour and Irvin Cemil Schick. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013. P. 431–446.
- Blessing 2014 — Blessing P. Rebuilding Anatolia after the Mongol Conquest: Islamic Architecture in the Lands of Rûm, 1240–1330. Farnham, Surrey and Burlington, VT: Ashgate Publishers, 2014.
- Blessing 2017 — Blessing P. All Quiet on the Eastern Frontier? Early Ottoman Architecture and its Contemporaries in Eastern Anatolia // Architecture and Landscape in Medieval Anatolia, 1100–1500 / Eds Patri-

- cia Blessing and Rachel Goshgarian. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. P. 200–223.
- Bloom 1982 — Bloom J.M. The Mosque of Baybars al-Bunduqdbro in Cairo // *Annales Islamologiques*. Vol. 18. 1982. P. 45–78.
- Erdmann 1961–1976 — Erdmann K. Das anatolische Karavansaray des 13. Jahrhunderts. Berlin: Verlag Gebr. Mann, 1961–1976.
- Gray 1985 — Gray B. The Monumental Qur'ans of the Il-Khanid and Mamluk Ateliers of the First Quarter of the Fourteenth Century (Eighth Century H.) // *Rivista degli Studi Orientali*. Vol. 59. 1985. P. 135–146.
- Hasan 2007 — Hasan H. Introduction to the Citadel of Masyaf // Syria — Medieval Citadels between East and West / Ed. Stefano Bianca. Turin: Umberto Allemandi for the Aga Khan Trust for Culture, 2007.
- Hillenbrand 1994 — Hillenbrand R. Islamic Architecture. New York: Columbia University Press, 1994.
- Ibn Battuta 1958 — Ibn Battūta Travels of Ibn Battuta, A.D. 1325–1354. Edited B.R. Sanguinetti and C. DeFrémery. Translated by H. A.R. Gibb. Cambridge: Published for the Hakluyt Society at the University Press, 1958.
- Ibn Battuta 1879–1914 — Ibn Battūta. Voyages d'Ibn Batoutah. Edited and translated by C. DeFrémery et B.R. Sanguinetti. 4 vols., Paris: Imprimerie Nationale, 1879–1914.
- Ibn Khaldūn 1958 — Ibn Khaldūn The Muqaddimah — An Introduction to History. Translated Franz Rosenthal, 3 vols. Princeton: Princeton University Press, 1958.
- James 1988 — James D.L. Qur'āns of the Mamluks. New York: Thames and Hudson, 1988.
- Kuran 1969 — Kuran A. Anadolu Medreseleri. Ankara: Middle East Technical University, 1969.
- Laor-Sirak 2008 — Laor-Sirak S. The Role of Armenians in Eastern Anatolian Muslim Architecture (1071–1300). PhD dissertation. The Hebrew University of Jerusalem, 2008.
- Necipoğlu 1993a — Necipoğlu G. Challenging the Past: Sinan and the Competitive Discourse of Early Modern Islamic Architecture // *Muqarnas*. Vol. 10. 1993. P. 169–180.
- Necipoğlu 1993b — Necipoğlu G. An Outline of Shifting Paradigms in the Palatial Architecture of the Pre-Modern Islamic World // *Ars Orientalis*. Vol. 23. 1993. P. 3–24.
- Northedge 2005 — Northedge A. Remarks on Samarra and the Archaeology of Large Cities // *Antiquity*. Vol. 79. 2005. P. 119–129.
- O'Kane 1996 — O'Kane B. Monumentality in Mongol and Mamluk Architecture // *Art History*. Vol. 19. 1996. P. 499–522.
- Rabbat 1988–1989 — Rabbat N. The Iwans of the Madrasa of Sultan Hasan // Newsletter of the American Research Center in Egypt. Vol. 143–144. Fall-Winter 1988–1989. P. 5–8.
- Rashod al-Don 1998 — Rashod al-Don. Jami' u't-tawarikh: Compendium of Chronicles — A History of the Mongols. Translated by Wheeler M. Thackston. Cambridge, MA: Harvard University Department of Near Eastern Languages and Civilizations, 1998.
- Redford 2015 — Redford S. Intercession and Succession, Enlightenment and Reflection: The Inscriptional Program of the Karatay Madrasa, Konya // *Viewing Inscriptions in the Late Antique and Medieval World* / ed. Antony Eastmond. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 148–169.
- Rogers 1970 — Rogers J.M. Seljuk Influence on the Monuments of Cairo // *Kunst des Orients*. Vol. 7. 1970. P. 40–68.
- Süzen 1970 — Süzen M. Anadolu Medreseleri: Selçuklu ve Beylikler Devri. İstanbul: İstanbul Teknik Üniversitesi — Mimarlık Tarihi ve Rölöve Kürsüsü, 1970.
- Sperl 2006 — Sperl S. Crossing Enemy Boundaries: al-Buḥturo's Ode on the Ruins of Ctesiphon Re-read in the Light of Virgil and Wilfred Owen // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. 69. 2006. P. 365–379.
- Taragan 2006 — Taragan H. Sign of the Times — Reusing the Past in Baybar's Architecture in Palestine // *Mamluks and Ottomans: Studies in Honour of Michael Winter* / Eds. David Wasserstein and Ami Ayalon. London and New York: Routledge, 2006. P. 54–66.
- Wolper 2003 — Wolper E.S. Cities and Saints: Sufism and the Transformation of Urban Space in Medieval Anatolia. University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 2003.
- Wolper 1999 — Wolper E.S. Portal Patterns in Seljuk and Beylik Anatolia // *Aptullah Kuran*

İçin Yazılar / Eds Zippedem Kafescioplul and Lucienne Thys-Iöenocak. Istanbul: Yapı Kredi Yayınları 1999. P. 65–80.

al-Zāhiri 1894 — *al-Zāhiri* K. Zubdat kashf al-mamālik wa-bayān al-ṭuruq wa-l-masālik. Edited by Paul Ravaisse. Paris: Publications de l'École des langues orientales vivantes, 1894.

REFERENCES

- Ali S.M. *Arabic Literary Salons in the Islamic Middle Ages — Poetry, Performance, and the Presentation of the Past*. Notre Dame, IN: Notre Dame University Press, 2010.
- Amitai R. *Mongols and Mamluks: The Mamluk-Ilkhanid War, 1260–1281*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Blessing P. Allegiance, Praise, and Space: Monumental Inscriptions in Thirteenth-century Anatolia as Architectural Guides. *Calligraphy and Architecture in the Muslim World*, eds M. Gharipour and Э. Cemil Schick. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013, pp. 431–446.
- Blessing P. *Rebuilding Anatolia after the Mongol Conquest: Islamic Architecture in the Lands of Rüm, 1240–1330*. Farnham, Surrey and Burlington, VT: Ashgate Publishers, 2014.
- Blessing P. All Quiet on the Eastern Frontier? Early Ottoman Architecture and its Contemporaries in Eastern Anatolia. *Architecture and Landscape in Medieval Anatolia, 1100–1500*, ed. P. Blessing and R. Goshgarian. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017, pp. 200–223.
- Bloom J.M. The Mosque of Baybars al-Bunduqbro in Cairo. *Annales Islamologiques*, vol. 18, 1982, pp. 45–78.
- Erdmann K. *Das anatolische Karavansaray des 13. Jahrhunderts*. Berlin: Verlag Gebr. Mann, 1961–1976.
- Gray B. The Monumental Qur'ans of the Il-Khanid and Mamluk Ateliers of the First Quarter of the Fourteenth Century (Eighth Century H.). *Rivista degli Studi Orientali*, vol. 59, 1985, pp. 135–146.
- Hasan H. Introduction to the Citadel of Masyaf. *Syria — Medieval Citadels between East and West*, ed. S. Bianca. Turin: Umberto Allemandi for the Aga Khan Trust for Culture Publ., 2007.
- Hillenbrand R. *Islamic Architecture*. New York: Columbia University Press, 1994.
- Ibn Baṭṭiṭa *Travels of Ibn Battuta, A.D. 1325–1354*, eds B.R. Sanguinetti and C. Defrémery, transl. H. A.R. Gibb. Cambridge: Published for the Hakluyt Society at the University Press, 1958.
- Ibn Baṭṭiṭa *Voyages d'Ibn Batoutah*, eds C. Defrémery and B.R. Sanguinetti, 4 vols. Paris: Imprimerie Nationale Publ., 1879–1914.
- Ibn Khaldūn *The Muqaddimah — An Introduction to History*, translated F. Rosenthal, 3 vols. Princeton: Princeton University Press, 1958.
- James D.L. *Qur'ans of the Mamluks*. New York: Thames and Hudson Publ., 1988.
- Kuran A. *Anadolu Medreseleri*. Ankara: Middle East Technical University Publ., 1969.
- Laor-Sirak S. *The Role of Armenians in Eastern Anatolian Muslim Architecture (1071–1300)*. PhD dissertation. The Hebrew University of Jerusalem Publ., 2008.
- Necipoplu G. Challenging the Past: Sinan and the Competitive Discourse of Early Modern Islamic Architecture. *Muqarnas*, vol. 10, 1993, pp. 169–180.
- Necipoplu G. An Outline of Shifting Paradigms in the Palatial Architecture of the Pre-Modern Islamic World. *Ars Orientalis*, vol. 23, 1993, pp. 3–24.
- Northedge A. Remarks on Samarra and the Archaeology of Large Cities. *Antiquity*, vol. 79, 2005, pp. 119–129.
- O'Kane B. Monumentality in Mongol and Mamluk Architecture. *Art History*, vol. 19, 1996, pp. 499–522.
- Rabbat N. The Iwans of the Madrasa of Sultan Hasan. *Newsletter of the American Research Center in Egypt*, vol. 143–144, Fall-Winter 1988–89, pp. 5–8.
- Rashod al-Don Jami' u't-tawarikh: *Compendium of Chronicles — A History of the Mongols*, translated by Wheeler M. Thackston. Cambridge, MA: Harvard University Department of Near Eastern Languages and Civilizations Publ., 1998.
- Redford S. Intercession and Succession, Enlightenment and Reflection: The Inscriptional Program of the Karatay Madrasa, Konya. *Viewing Inscriptions in the Late Antique and Medieval World*, ed. A. Eastmond. Cam-

- bridge: Cambridge University Press, 2015, pp. 148–169.
- Rogers J. M. Seljuk Influence on the Monuments of Cairo. *Kunst des Orients*, vol. 7, 1970, pp. 40–68.
- Sözen M. *Anadolu Medreseleri: Selçuklu ve Beylikler Devri*. Istanbul: İstanbul Teknik Üniversitesi — Mimarlık Tarihi ve Rölöve Kürsüsü, 1970.
- Sperl S. Crossing Enemy Boundaries: al-Buḥturo's Ode on the Ruins of Ctesiphon Re-read in the Light of Virgil and Wilfred Owen. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, vol. 69, 2006, pp. 365–379.
- Taragan H. Sign of the Times — Reusing the Past in Baybar's Architecture in Palestine. *Mamluks and Ottomans: Studies in Honour of Michael Winter*, eds D. Wasserstein and A. Ayalon. London and New York: Routledge Publ., 2006, pp. 54–66.
- Wolper E. S. *Cities and Saints: Sufism and the Transformation of Urban Space in Medieval Anatolia*. University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 2003.
- Wolper E. S. Portal Patterns in Seljuk and Beylik Anatolia. *Aptullah Kuran Əzin Yazəlar*, ed. 3. Kafescioplulu and L. Thys-Yöenocak. Istanbul: Yapə Kredi Yayənlərə Publ., 1999, pp. 65–80.
- al-Zəbhiro K. *Zubdat kashf al-maməlik wa-bayən al-ṭuruq wa-l-masəlik*, ed. P. Ravaisse. Paris: Publications de l'École des langues orientales vivantes Publ., 1894 (in Arabic)

Е. И. Кононенко

АК-ТЕККЕ В КАРАМАНЕ: К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КОМПОЗИЦИИ

Ак-текке (1370) — мемориальный комплекс в Ларенде, столице княжества Караман, на протяжении XIV в. являвшегося главным политическим конкурентом Османов в Анатолии. Композиция центрально-купольной мечети Ак-текке схожа со многими раннеосманскими памятниками, резко выделяясь в общей массе предельно консервативных караманидских культовых построек, однако ее конструктивные достижения намного превосходят возможности мастеров, возводивших синхронные османские сооружения. Отдельные элементы композиции зала Ак-текке заставляют вспомнить позднесельджукские купольные медресе XIII в. и способы расширения пространства в мечетях северо-анатолийских бейликов XIV в.

Эта малоизвестная постройка, генетически связанная с архитектурой Конийского султаната, отражает поиски оптимальной композиции мечети анатолийскими зодчими и не могла остаться в стороне от внимания османских архитекторов, особенно учитывая прямой османский архитектурный патронат в Ларенде.

Вопрос о происхождении композиции Ак-текке включает выяснение ее места в истории архитектуры Карамана, выявление связи с предшествующей сельджукской и синхронной османской традициями.

Ключевые слова: архитектура мечети, улу-джами, текке, Караман, архитектурное цитирование

E. I. Kononenko

АК-ТЕККЕ IN KARAMAN: TO THE QUESTION OF THE ORIGIN OF THE COMPOSITION

Ak-tekke (1370) is a memorial complex in Larend, the capital of the principality of Karaman, which was the main political competitor of the Ottoman state in Anatolia throughout the 14th century. The composition of the central-domed mosque Ak-tekke is similar to many Early Ottoman monuments, standing out sharply in the total mass of extremely conservative Karamanid religious buildings, but its constructive achievements far exceed the capabilities of masters who built synchronous Ottoman buildings. Some elements of the composition of the hall of Ak-tekke are reminiscent of the late Seljuk domed madrasah of the 13th century and the ways of expanding space in the mosques of the North Anatolian beyliks of the 14th century.

This little-known construction, genetically related to the architecture of the Rum Sultanate, reflects the search for the optimal composition of the mosque by Anatolian architects and could not stay away from the attention of Ottoman architects, especially considering the direct Ottoman architectural patronage in Larend.

The question of the origin of the composition of Ak-tekke includes elucidating its place in the history of Karaman architecture, revealing the connection with the preceding Seljuk and synchronous Ottoman traditions.

Key words: mosque architecture, ulu-jami, tekke, Karaman, architectural citation

На волне распада султаната Сельджуков Рума на рубеже XIII–XIV вв. в Анатолии появился ряд мусульманских государств, основанных как сельджукскими полководцами и чиновниками, так и вождями тюркских племен, объявившими о своей независимости от бывшего сюзерена. Эпоха сосуществования этих

княжеств, охватывающая весь XIV в., в историографии обозначается как «период бейликов» (Кононенко 2016а: 121–125).

Поскольку «историю пишут победители», наиболее хорошо документирована эволюция бейлика, основанного Османом Гази и за несколько десятиле-

тий превратившегося из маленького пограничного княжества в державу, раскинувшуюся в двух частях света и подчинявшую себе соседей одного за другим. Однако у Османского государства в Анатолии был сильный конкурент — бейлик Караман. Уже в конце XIII в. это южно-анатолийское княжество вышло из-под власти Конийского султаната и стало прямым вассалом ильханов, а после их ослабления распространило свою власть на значительную часть Центральной и Юго-Восточной Анатолии и, овладев Коньей, воспринималось преемником Рума, почти полтора века оставаясь основной, а затем и единственной политической альтернативой османскому господству над Анатолией. Бейлик был ликвидирован в 1480-х гг., уже после взятия Османами Константинополя. Только эти два постсельджукских княжества имели возможность расширять свои территории не за счет мусульманских междоусобиц, а путем легитимного *газавата* — Османы отвоевывали земли у Византии, Караман — у Киликийской Армении (Lindner 2009: 114; Финкель 2010: 74).

Вполне ожидаемо архитектура Караманского бейлика на протяжении XIV в. основывалась на позднесельджукской традиции, лишенной «византинизмов» и «османизмов». Если османская архитектура была очень слабо связана с сельджукской типологией, но могла опираться на византийскую практику и пользоваться услугами византийских мастеров¹, последовательно развивая купольные конструкции (Ousterhout 1995: 53–60; 2004), то целый ряд памятников Карамана представляют собой ар-

хаичные колонные базилики, интерьеры которых разделены на поперечные нефы стрельчатыми аркадами, несущими деревянные потолки (Улу-джами в Эрменеке, Дикбасан-джами и Хаджи бейлер-джами в Ларенде²). Подобную же консервативность местной архитектурной традиции следует отметить и в композиции караманидских медресе — дворовых с одним айваном, противлежащим входу (таковы медресе Эмир Муса-бек и Хатуние в Ларенде, Оба около Аланьи, Ак-медресе в Нигде) (Kuran 1969: 211–216; Topal 2007: 25; Кононенко 2017а: 399–404, 407–412).

Однако при всей консервативности и кажущейся архаичности архитектура Карамана не ограничилась упрощением сельджукских типов построек и воспроизведением уже опробованных моделей, но оказалась способна на самостоятельные планировочные, композиционные и конструктивные решения, причем довольно смелые даже по сравнению с достижениями раннеосманского зодчества (Кононенко 2017b: 150–162).

Примером самостоятельного развития купольной конструкции в архитектуре Ларенда является мемориальный комплекс Ак-текке («Белая обитель», 1370), сооружение оригинальное не только для Карамана, но и для всей анатолийской архитектуры.

Эту постройку нельзя назвать неизвестной — она безусловно включается во все путеводители по Караману, упоминается в немногочисленных исследованиях по архитектуре анатолийских бейликов, однако не становилась объектом специальных исследований.

¹ В англоязычной литературе даже существует термин *byzlamic* (Byzantine + Islamic), применительно к архитектуре используемый для характеристики раннеосманских зданий (Foss 1985: 86–95; Crane 1987: 43–58; Lindner 2009: 124).

² Бывшая столица бейлика Караман город Ларенд (Ларинда) переименован в Караман; во избежание путаницы между хоронимом (названием княжества) и астионимом (названием города) в настоящей статье использовано устаревшее название города — Ларенд.

Очевидная причина такого невнимания заключается в том, что Ак-текке «повисает» между двумя архитектурными традициями, привлекающими историков турецкой архитектуры, — в силу бесспорной принадлежности к провинциальному материалу Ак-текке вообще не упоминается в «историях османской архитектуры», а в силу явного отличия от местной традиции не разбирается в работах по зодчеству бейликов в целом и Карамана в частности.

Архитектурный тип *текке* (или *завие*), своего рода «неспециализированной мечети», возник во второй половине XIII в. на волне почитания вероучителей. Такие обители строились в городах Рума как резиденции авторитетного духовного лица или группы лиц, например суфиев, принадлежащих к определенному *тарикату* («ордену»), штаб-квартиры местных ячеек и места собраний членов братств. Здесь могли проводиться ритуальные церемонии, религиозные диспуты, занятия с духовными учителями, раздача пожертвований и коллективные молитвы, в которых принимали участие не только размещавшиеся в обителях суфии и/или дервиши, но и жители окружавшего квартала и купцы из соседних лавок и базаров (Смародуб 1989: 268–278; Petersen 2002: 147, 279; Wolper 2003: XIV, 4, 63, 70, 99; Али-заде 2007: 112, 312).

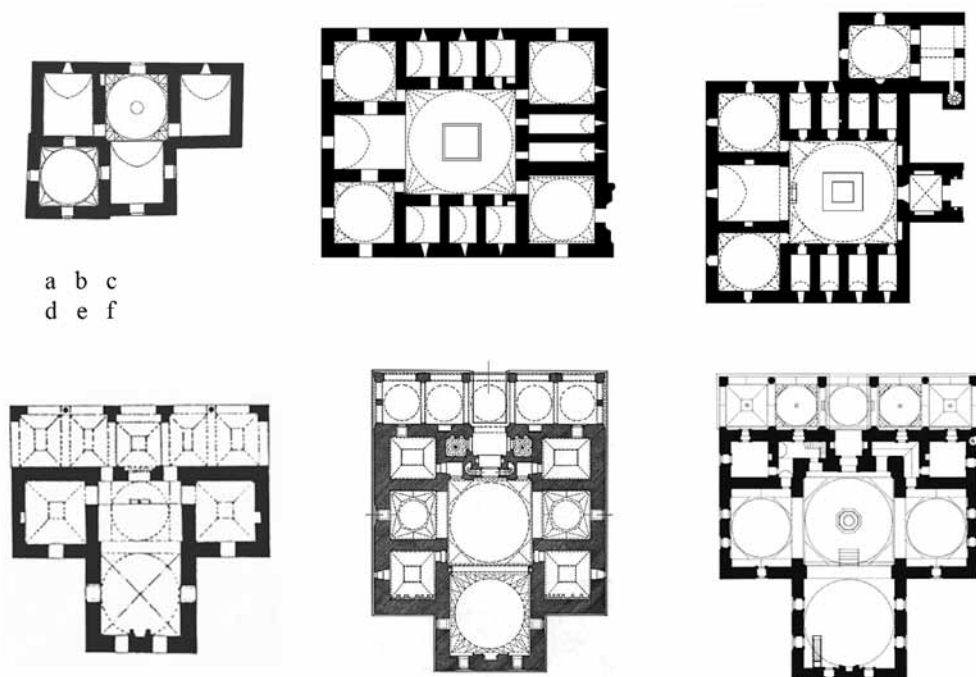
Текке связывали духовных лидеров, странствующих дервишей, местную элиту, ремесленные братства, торговцев, горожан, иммигрантов. Необходимо отметить, что строительство *текке* оказывалось для патронов не только возможностью почтить уважаемых религиозных лидеров, продемонстрировать благочестие и увековечить свое имя на портале культового здания: возведение и содержание небольших «приютов» обходилось намного дешевле, нежели крупных городских мечетей или медресе, а под-

держка влиятельных групп суфиев, к которым прислушивались горожане и купцы, сулила амбициозным заказчикам политические выгоды.

Кроме того, содержание обители позволяло защитить имущество от возможных посягательств государства и переводить часть собственности в специально основанный вакуфный (благотворительный) фонд (выражаясь современным языком, укрывать активы от налогообложения), что превращало мусульманскую благотворительность в финансово выгодное предприятие (Rogers 1976; Wolper 2003: 25–27, 35–36).

Специальных архитектурных форм для *текке* в сельджукской архитектуре не сложилось — обычно они представляли собой центральный зал (часто купольный), вокруг которого располагались жилые комнаты-*табхана*, где на более-менее длительное время могли разместиться гости. В ряде случаев планировка *текке* мало отличалась от сельджукских купольных медресе (Wolper 2003: 48, 52, 57–59, 97–100). Именно этот тип стал основой для формирования особого типа мечети-*завие* (или айванной мечети), из которого развилась султанская мемориальная мечеть XV в. (Oguz 2006; Kuran 1968: 71–136; Kuban 2010: 83–112) (ил. 1).

Особенность караманской Ак-текке связана с ее функционированием как архитектурно оформленной святыни Ларенда. На этом месте существовало более раннее *текке* особо почитаемого в Анатолии *тариката* Мевлеви — «ордена крутящихся дервишей», учение которого восходит к великому поэту Джелаледдину Руми (Джан 2008: 67–84; Кныш 2004: 178–184; Али-заде 2007: 211–212). Спасаясь от монгольского нашествия, семья Бахауддина (Баха ад-Дина) Валада, отца Руми, направилась из иранского Балха в сельджукскую Конью, ино-

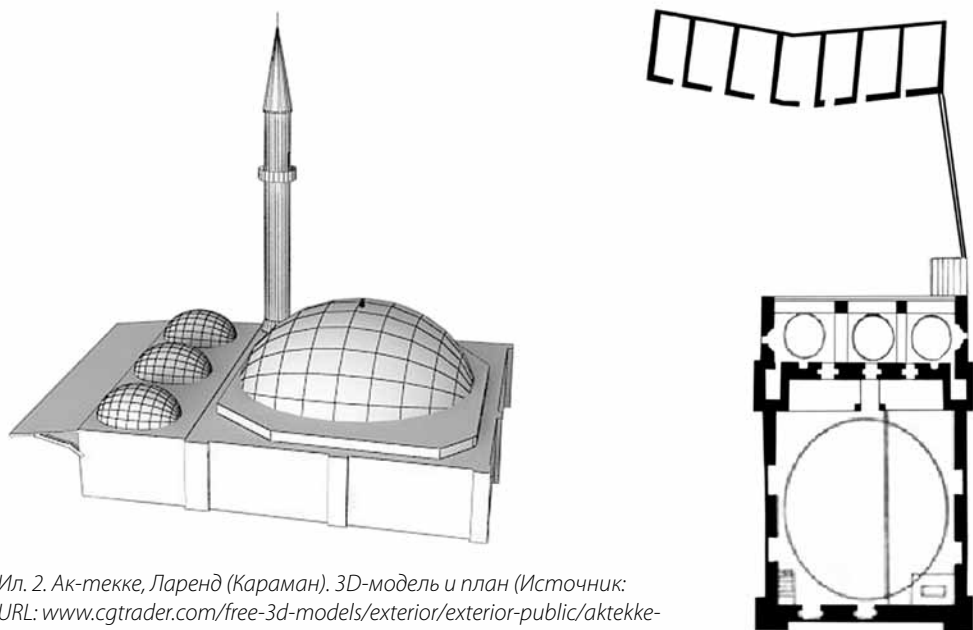
Ил. 1. Планы **текке**, купольных медресе и айванных мечетей-**завие**: **a** — текке Шамс ад-Дин Хусейн, Токат, третья четверть XIV в.; **b** — медресе Каратай, Конья, 1252 г.; **c** — медресе Индже минаре, Конья, 1265 г.; **d** — мечеть Йакуп Челеби, Изник, 1380-е гг.; **e** — мечеть Йилдырым Баязид, Бурса, 1390-е гг.; **f** — мечеть Мурадие, Бурса, 1426 г. (Кононенко 2017a)

гда подолгу останавливаясь в наиболее гостеприимных городах. В Ларенде семья провела 7 лет; именно здесь Мевлана Джелаледдин женился и похоронил мать, почитаемую как Мевлана-хатун. На месте погребения матери Руми и появилось первое небольшое *текке*, ставшее местной святыней и перестроенное Караманидами в третьей четверти XIV в. Отсюда и второе название мечети — Мадер-и Мевлана.

Однако план Ак-текке разительно отличается и от сельджукских, и от раннеосманских обителей. Комплекс представляет собой мечеть, состоящую из центрально-купольного зала и портика из трех купольных ячеек, и расположенный к северу от мечети блок

из семи жилых помещений-*табхана*. В состав комплекса вошли также примыкающее к мечети кладбище, а чуть позже и находящийся рядом хамам Сулейман-бей (ил. 2).

Расположение *табхана* вне мечети не является исключением в анатолийской архитектуре — в целой группе османских культовых сооружений, возведенных по монаршему заказу (мечети Баязида II в Эдирне и Стамбуле, стамбульская мечеть Селима Явуза), симметричные блоки-*текке* пристроены к боковым стенам молитвенного зала (Kuran 1968: 56–59; Kuban 2010: 197–201, 207); но все эти памятники относятся уже к концу XV — началу XVI в., и превращение *текке* в своеобразные «крылья»,

Ил. 2. Ак-текке, Ларенд (Караман). 3D-модель и план (Источник: URL: www.cgtrader.com/free-3d-models/exterior/exterior-public/aktekke-mosque-karaman)

фланкирующие центральный купольный объем, оказалось тупиковой линией развития композиции мечети, от которой уже во второй четверти XVI в. архитекторы отказались. В ларендском комплексе объединение *табхана* в отдельное сооружение нарушает фасадность мечети, перекрывая обзор портика со стороны площади перед комплексом и ограничивая возможность подхода к мечети с севера. В синхронной османской архитектуре именно северный фасад мечети являлся ее «лицом», украшался византийскими сполями, инкрустировался кирпичной кладкой или облицовывался мрамором.

Зал Ак-текке, чуть вытянутый по михрабной оси, перекрыт имеющим овальное основание большим куполом на низко опущенных парусах; основания минаретов (сохранился только один), поставленных на северных углах зала, и выступы стен на северных уг-

лах играют роль необходимых в данной конструкции контрфорсов. Хотя к этому времени мастера Северо-Западной Анатолии уже активно экспериментировали с купольными перекрытиями, в синхронных османских мечетях диаметр куполов, опиравшихся либо на тромпы, либо на пояс «турецких треугольников», не превышал 10 м (Kuran 1968: 31, 35–36). Поднятый на парусах купол «Белой обители» достигает 13 м, т.е. превосходит возможности османских мастеров почти на четверть, что практически исключает работу мастеров, приглашенных из Северо-Западной Анатолии (ил. 3).

В интерьере мечети к гробницам членов семьи Мевланы оказались добавлены и саркофаги представителей династии Караманидов, в т.ч. патрона строительства комплекса Алаеддин-бея I; таким образом, в какой-то момент «Белая обитель» стала династическим некрополем, что подчеркивает ее уникаль-

Ил. 3. Ак-текке. Вид с севера. Фото Е. Кононенко, 2014 г.

ность в ряду культовых сооружений Ларенда. Несмотря на наличие в интерьере захоронений, Ак-текке сориентирована по оси север — юг, в направлении киблы, и имеет михрабную нишу, перед которой сделано небольшое (на одну ступень) возвышение, выделяющее молитвенное пространство подобно редуцированным айванам раннеосманских мечетей. Таким образом, зал мечети оказался разделен на три функциональные зоны: вдоль восточной стены тянется «зона гробниц», занимающая почти половину площади помещения, приподнятая на высоком цоколе и отгороженная невысокой каменной стенкой; напротив входа расположено предназначенное для молитвы возвышение; ближайшая же к входу левая часть зала могла использоваться и для молитвы, и в качестве *семахане* — места для дервишеских ритуалов (в т. ч. знаменитой *сема* — «танца крутящихся дервишей») (Кныш 2004: 374–378) (ил. 4).

Главным средством оформления интерьера оказываются огромные паруса купола, начинающиеся от нижней трети ребер почти кубического зала. В османских мемориальных мечетях подобные паруса использоваться будут только в правление Мурада II — т. е. во второй четверти следующего, XV в. (Кононенко 2017а: 356–362) Следовательно, первоисточник подобной «конструктивной декорации» интерьеров надо искать либо в предшествующей сельджукской архитектуре, либо в памятниках постсельджукских бейликов. Однако в синхронном Ак-текке анатолийском зодчестве ничего подобного нет (ил. 5).

Ближайшим аналогом оказываются интерьеры купольных медресе Коньи середины XIII в., прежде всего хрестоматийные Каратай (1252) и Индже минаре (1264–1265), которые часто рассматриваются как наиболее яркие примеры самостоятельности сельджукского зодче-

Ил. 4. Ак-текке. Интерьер. Вид с северо-востока. Фото предоставлено Ю. Вурмазом

Ил. 5. Ак-текке. Юго-западный парус. Фото Е. Кононенко, 2014 г.

ства (Стародуб 2004: 281–283). Композиционным центром обеих построек стали квадратные в плане залы, перекрытые куполами с окулюсами и имевшие в центре бассейны, что заставляет считать эти ячейки редуцированными дворами-сахнами, унаследованными от «официальных сельджукских мечетей» второй четверти XIII в. (Кононенко 2016b). Основания кирпичных куполов, весьма значительных для своего времени (12 м в медресе Каратай и около 10 м — в медресе Индже минаре), опираются на мощные тромпы, закрытые огромными сферическими треугольниками, составленными из плоских треугольников (в одном памятнике — по 5, в другом — по 4 вертикальные доли), расходящихся кверху из общей вершины, расположенной на середине высоты стен (в медресе Каратай тромпы сохранили изразцовую облицовку, в более позднем памятнике обнажена кирпичная кладка) (Кононен-

Ил. 6. Слева — Медресе Каратай, Конья. 1252 г. Интерьер. Тромпы; справа — Худавендигар-джами, Бурса. 1365–1385 гг. Купол. Фото Е. Кононенко, 2011, 2015 гг.

ко 2017а: 207–217). Композиция сельджукских памятников Коньи с акцентированными тромпами может рассматриваться как предшественница интерьера ларендского Ак-текке с его огромными парусами. Учитывая политическое и риторическое значение бывшей столицы султаната Сельджуков Рума, правопреемниками которых (не без оснований) считали себя Караманиды, не удивительно воспроизведение характерных черт знаменитых конийских памятников в архитектуре столицы бейлика: следует, во-первых, оговорить, что еще в 1322 г. Конья была завоевана Караманом, и, во-вторых, напомнить о более позднем примере «цитирования» уже знаменитой османской Улу-джами в Бурсе при возведении Улу-джами в караманском Аксарее после удачного набега Караман-

нидов на анатолийскую столицу ослабленного Османского государства (Кононенко 2017b) (ил. 6).

Таким образом, явное конструктивное и композиционное достижение караманской архитектуры, проявляющееся при сравнении с размерами раннеосманских центрально-купольных мечетей (Kuran 1968: 29–70), может быть объяснено прямым развитием сельджукских наработок. Синхронным аналогом конструкции перекрытия Актекке-джами является купол на парусах в уникальной для османской типологии Худавендигар-джами (1365–1385), именно в это время возводимой в Бурсе султаном Мурадом I и его сыном Алаеддином I Караманоглу (Ibid.: 104; Кононенко 2017а: 282–290). Надо отметить, что эта более скромная — 11 м в диаметре — конструкция

Ил. 7. Ак-текке. Интерьер. Балкон-мафиля. Фото Е. Кононенко, 2014 г.

является первым куполом на парусах в османской архитектуре мечети, и вопрос о том, влияло ли зодчество Западной Анатолии на Караман или же имело место обратное влияние, явно нуждается в уточнении.

Следует обратить внимание также на наличие в интерьере Ак-текке узкого балкона, поднятого на широких «арках Бурсы» над единственным входом и утопленного в интрадосе северной подпружной арки купола. Вместительность балкона очень незначительная — молящиеся могут разместиться на нем только в одну шеренгу. Очевидно, такое возвышение является аналогом *эмир-мафиля* (он же *хункар-мафиля*) — своего рода «царской ложи», предназначенной для отделения правителя во время многолюдных пятничных и праздничных молитв. Наличие подобного выделенного места служило индикатором особого

статуса культового здания; впервые они появились в конце XIII в. в больших мечетях городов, подвластных Сельджукам Рума, — наиболее известным примером является деревянная мечеть Эшрефоглу (1297–1299) в Бейшехире, столице вассального Рума бейлика Эшрефидов, в которой деревянный же *эмир-мафиля* расположен в юго-западном углу зала и имеет собственный михраб (Кононенко 2017а: 234–245). Тремя ярусами деревянных балконов расширено молитвенное пространство в мечети Махмуд-бей в Касабакее, возведенной беями северо-анатолийского княжества Джандаридов в 1366 г., т.е. буквально накануне строительства караманского Ак-текке (Кононенко 2017а: 381–385) (ил. 7, 8).

В османской культовой архитектуре выделенная «царская ложа» появилась лишь через четыре десятка лет в знаменитой Йешил-джами в Бурсе (1414–1424),

Ил. 8. Слева — Махмуд-бей-джами, Касабакёй. 1366 г. Вид на северную часть зала. Фото предоставлено Ю. Вурмазом; справа — Эшрефоглу-джами, Бейшехир. 1297–1299 гг. Интерьер. В дальнем углу виден эмир-мафиль. Фото Е. Кононенко, 2014 г.

а затем — в мечети Баязида II в окрестностях Эдирне (1484–1488), после чего стала обычным элементом в «больших османских мечетях» XVI в.

При очевидном различии в материалах, расположении, конструкции и оформлении эмир-мафилей более важным кажется тот факт, что в поисках возможности расширить интерьер и выделить «царское место» караманские мастера обратились к унаследованной сельджукской традиции и производным от нее синхронным приемам в соседних княжествах, опередив достижение аналогичного результата в зодчестве своего главного политического конкурента.

Безусловно, мастера Ларенда не могли игнорировать и османские влияния. Внимание к новациям архитектуры За-

падной Анатолии проявилось, например, в оформлении портика Ак-текке, закрытом с торцов и перекрытом куполами на парусах, опирающихся на пониженные подпружные арки. Ближайшим аналогом подобного портика являются появившиеся уже в первых раннеосманских молитвенных зданиях 1330-х гг. (Хаджи Озбек-джами в Изнике, Алаеддин-бей-джами и Орхание-джами в Бурсе, позже — упоминавшаяся синхронная Худавендигар-джами в Бурсе и чуть более поздняя Йешил-джами в Изнике) галереи на северном фасаде, называемые *son cemaat yeri* — «место последней общины» и предназначенные для опоздавших на коллективную молитву (Ousterhout 1995: 52; Kuran 1968: 32–34; Кононенко 2017а: 268). Подоб-

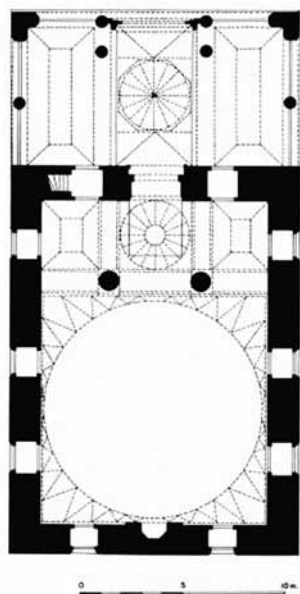
Ил. 9. Ак-текке. Портик. Вид с северо-запада. Фото Е. Кононенко, 2014 г.

но османским памятникам, портик ларендской мечети имеет декорированные сталактитами михрабные ниши, безусловно идентифицирующие его не как внешнюю по отношению к мечети пристройку (аналогично вынесенным в отдельный блок *табхана*), но как часть молитвенного пространства. Выделение такого «места последней общины» было излишне для типичных караманидских поперечно-базиликальных мечетей (Кононенко 2017b: 152) и свидетельствует об использовании при возведении Ак-текке османских наработок (ил. 9).

Следует добавить, что культурные связи Карамана и Османского государства выражались и в прямом османском заказе, связанном в первую очередь с династическими браками — как уже говорилось, караманский бей Алаеддин I был женат на Нефисе-хатун, дочери султана Мурада I Худавендигара; правда, брак был заключен позже возведения

Ак-текке (Alderson 1956: 166–167, 181; Sakaoglu 2007: 27). Нефисе-хатун оставила след в архитектуре Ларенда, выступив заказчиком медресе Хатуние (1382) (Кононенко 2017a: 407–411), но надо оговорить, что при возведении данного объекта мастера проигнорировали уже сложившуюся раннеосманскую планировку учебных заведений и следовали местной типологии, также восходящей к сельджукским айванно-дворовым медресе (Kuran 1969: 211–216). В то же время ничто не мешало зодчим, прибывшим в Ларенд вместе с невестой бея, изучить уже законченный караманский памятник, по ряду параметров (размеры купола и парусов, расширение молитвенного зала с помощью увеличения интрадоса подпружной арки) превосходивший синхронные османские мечети.

Как именно были использованы гипотетические заимствования — никаких данных нет. Однако в 1378–1391 гг.

Ил. 10. Йешил-джами, Изник. 1378–1391 гг. План и вид с северо-востока (Кононенко 2017а)

в Изнике неким Хаджи ибн Мусой по заказу великого визиря Мурада I, Чандарлы Кара Халиля, была возведена Йешил-джами («Зеленая мечеть»). Рубежное место данного памятника в истории раннеосманской архитектуры определяется первой удачной попыткой расширить пространство молитвенного зала маленькой мечети (диаметр купола — 10,5 м), лишенного айванов, с помощью архитектурной конструкции — за счет своеобразного северного «вестибюля». «Вестибюль» полностью открыт в подкупольный квадрат и отделен от него аркадой на колоннах, впервые в османском зодчестве использованной в качестве части конструкции, поддерживающей купол, что дало основание А. Курану поставить изникскую мечеть в начало особого типа «купольных мечетей с расширенным залом» (*single-unit mosque with articulated interior*) (Kuran 1968: 61–63). Строитель Йешил-джами применил це-

лый ряд новаций в планировке и конструкции перекрытий здания (Кононенко 2017а: 290–299), но в данном случае важнее отметить принципиальное сходство планов раннеосманской «Зеленой мечети» и караманской «Белой обители», разделенных десятилетием, — в обоих случаях зал расширен к северу от подкупольной ячейки, и это планировочное дополнение отделяется от центрального квадрата двумя опорами. Возможно, что толчком для конструктивно-планировочного усложнения османской мечети послужило именно знакомство с Ак-текке, которое, кстати, как и изникская мечеть, имеет портик, состоящий только из 3 ячеек, — вопреки уже обычной раннеосманской практике 5-купольных портиков (ил. 10).

Ак-текке в Ларенде демонстрирует последовательную реализацию в архитектуре анатолийских бейликов унаследованной сельджукской традиции,

которая не прервалась после распада Конийского султаната. Эта постройка свидетельствует также о знакомстве зодчих Карамана с памятниками, синхронно возводимыми в других мусульманских княжествах Малой Азии. Такой культурный обмен, опиравшийся на общий источник — архитектуру Сельджуков Рума, — явился своего рода альтернативой осторожному привлечению византийских мастеров, которое практиковали основные политические конкуренты Карамана, и Ак-текке показывает, что опора на сохранявшуюся в Центральной Анатолии сельджукскую традицию могла дать не менее впечатляющий результат в поисках оптимальной композиции зально-купольной мечети. Именно в культовой архитектуре столицы Карамана уже в третьей четверти XIV в. появилось единое зальное пространство, перекрытое большим куполом, — т.е. была решена та задача, к собственному решению которой только спустя несколько десятилетий будут стремиться зодчие османских (прежде всего стамбульских) культовых зданий; однако это решение (как и многие другие архитектурные достижения бейликов) оказалось в тени модели «большой османской мечети», благодаря последовательной риторике превратившейся в полноценный «культурный бренд» Турции (Кононенко 2018: 92–117).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Али-заде 2007 — Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007.
- Джан 2008 — Джан Ш. Мевляна Джалаледдин Руми — жизнь, личность, мысли. М.: Диля, 2008.
- Кныш 2004 — Кныш А. Д. Мусульманский мистицизм. М.; СПб.: Диля, 2004.
- Кононенко 2016а — Кононенко Е. И. «Период бейликов» в истории турецкой архитектуры // Новая наука: современное состояние и пути развития. Международная научно-практическая конференция (09 февраля 2016, г. Оренбург). В 2 ч. Ч. 2. Стерлитамак: РИЦ АМИ, 2016. С. 121–125.
- Кононенко 2016b — Кононенко Е. И. Архитектурный заказ Сельджуков Рума как инструмент политической риторики // Вестник Санкт-Петербургского Государственного университета культуры и искусств. 2016. № 2. С. 173–176.
- Кононенко 2017а — Кононенко Е. И. Анатолийская мечеть XI–XV вв. Очерки истории архитектуры. М.: Прогресс-Традиция, 2017.
- Кононенко 2017b — Кононенко Е. И. Улуджами Аксарая: между Османами и Караманом // Вопросы всеобщей истории архитектуры. Вып. 8. 2017. С. 150–164.
- Кононенко 2018 — Кононенко Е. И. «Большая османская мечеть» // Культура Востока. Вып. 3. «Визитные карточки» восточных культур. М.: ГИИ, 2018. С. 92–117.
- Стародуб 1989 — Стародуб Т. Х. Средневековая архитектура, связанная с суфизмом: ханака, завия, такия // Суфизм в контексте мусульманской культуры. М.: Наука, 1989. С. 268–278.
- Стародуб 2004 — Стародуб Т. Х. Сокровища исламской архитектуры. М.: Белый город, 2004.
- Финкель 2010 — Финкель К. История Османской империи. Видение Османа. М.: АСТ, 2010.
- Alderson 1956 — Alderson A. D. The Structure of the Ottoman Dynasty. Oxford: Clarendon Press, 1956.
- Crane 1987 — Crane H. Some Archaeological Notes on Turkish Sardis // Bulletin of the American Schools of Oriental Research. No. 4. 1987. P. 43–58.
- Foss 1985 — Foss C. Survey of Medieval Castles of Anatolia I: Kütahya. Ankara: British Institute of Archaeology at Ankara, 1985.
- Kuban 2010 — Kuban D. Ottoman Architecture. Woodbridge: Antique Collectors Club, 2010 [2007].
- Kuran 1968 — Kuran A. The Mosque in early Ottoman architecture. Chicago: University of Chicago Press, 1968.
- Kuran 1969 — Kuran A. Karamanli medreseleri // Vakıflar Dergisi. No. VIII. 1969. S. 211–216.

- Lindner 2009 — Lindner R.P. *Anatolia, 1300–1451* // *The Cambridge History of Turkey*. Vol. I. Byzantium to Turkey, 1071–1453 / ed. K. Fleet. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 102–137.
- Oguz 2006 — Oğuz Z. Multi-functional buildings of the T-type in Ottoman context: A network of identity and territorialization. Unpublished MA Thesis. Ankara: Middle Eastern Technical University, 2006.
- Ousterhout 1995 — Ousterhout R. Ethnic Identity and Cultural Appropriation in Early Ottoman Architecture // *Muqarnas*. Vol. XII. 1995. P. 48–62.
- Ousterhout 2004 — Ousterhout R. The East, the West, and the Appropriation of the Past in Early Ottoman Architecture // *Gesta*. Vol. 43. No. 2. 2004. P. 165–176.
- Petersen 2002 — Petersen A. *Dictionary of Islamic Architecture*. L.; NY.: Routledge, 2002.
- Rogers 1976 — Rogers M. Waqf and patronage in Seljuk Anatolia: the epigraphic evidence // *Anatolian Studies*. No. 26. 1976. P. 69–103.
- Sakaoglu 2007 — Sakaoglu N. *Famous Ottoman Women*. Istanbul: Avea, 2007.
- Topal 2007 — Topal C. Karaman. Karaman Valiliği İl Kültür ve Turizm Müdürlüğü, 2007.
- Wolper 2003 — Wolper E.S. *Cities and Saints. Sufism and the Transformation of Urban Space in Medieval Anatolia*. Philadelphia: Penn State University Press, 2003.
- REFERENCES
- Ali-zade A. *Islamskii enciklopedicheskii slovar' (Islamic Encyclopedic Dictionary)*. Moscow: Ansar Publ., 2007 (in Russian).
- Djan Sh. *Mevlana Jalaleddin Rumi — zhizn', lichnost', mysli (Mevlana Jalaleddin Rumi — life, personality, thoughts)*. Moscow: Dilya Publ., 2008 (in Russian).
- Finkel K. *Istoriia Osmanskoi imperii. Videnie Osmana (The History of Ottoman Empire. The Vision of Osman)*. Moscow: AST Publ., 2010 (in Russian).
- Knysh A.D. *Musul'manskii mistitsizm (Muslim mysticism)*. Moscow; St. Petersburg: Dilya Publ., 2004 (in Russian).
- Kononenko E.I. *Anatoliyskaia mechet' XI–XV vekov. Ocherki istorii arkhitektury (Anatolian mosque of the XI–XV centuries. Essays on the History of Architecture)*. Moscow: Progress-Tradicia Publ., 2017 (in Russian).
- Kononenko E.I. *Arhitekturnyi zakaz Sel'dzhukov Ruma kak instrument politicheskoi ritoriki (The architectural patronage of the Seljuk of Rum as a tool of political rhetoric)*. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta kul'tury i iskusstv (Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture and Arts)*, no 2, 2016, pp. 173–176 (in Russian).
- Kononenko E.I. «Bolshaia osmanskaia mechet'» («The Great Ottoman mosque»). *Kul'tura Vostoka. Vypusk 3: «Vizitnye kartochki» vostochnykh kul'tur (Culture of the East. Issue 3. "Business Cards" of Oriental Cultures)*. Moscow: State Institute for Art Study Publ., 2018, pp. 92–117 (in Russian).
- Kononenko E.I. «Period beylikov» v istorii turetskoy arkhitektury («The beylik' period» on the Turkish architectural history). *Novaia nauka: sovremennoe sostoianie i puti razvitiia (New Science: Current State and Development Paths)*, pt 2. Sterlitamak, 2016, pp. 121–125 (in Russian).
- Kononenko E.I. *Ulu-djami Aksaraya; mezhdou Osmanami i Karamanom (Ulu-cami of Aksaraya: between Ottomans and Karamanids)*. *Voprosy vseobschei istorii arkhitektury (Questions of the History of World Architecture)*, no 8, 2017, pp. 150–164 (in Russian).
- Starodub T.H. *Sokrovishcha islamskoi arkhitektury (The Treasures of Islamic Architecture)*. Moscow: Belij gorod Publ., 2004 (in Russian).
- Starodub T.H. *Srednevekovaiia arkhitektura, sv'azannaya s sufizmom: khanaka, zaviia, takiia (Medieval architecture associated with Sufism: khanaka, zavia, takiya)*. *Sufizm v kontekste musul'manskoi kultury (Sufism in the context of Muslim culture)*. Moscow: Nauka, 1989, pp. 268–278 (in Russian).
- Alderson A.D. *The Structure of the Ottoman Dynasty*. Oxford: Clarendon Press Publ., 1956.
- Crane H. Some Archaeological Notes on Turkish Sardis. *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*, no 4, 1987, pp. 43–58.
- Foss C. *Survey of Medieval Castles of Anatolia I: Kütahya*. Ankara: British Institute of Archaeology at Ankara Publ., 1985.
- Kuban D. *Ottoman Architecture*. Woodbridge: Antique Collectors Club, 2010 [2007].

- Kuran A. Karamanli medreseleri. *Vakıflar Dergisi*, no VIII, 1969, pp. 211–216 (in Turkish).
- Kuran A. *The Mosque in early Ottoman architecture*. Chicago: University of Chicago Press Publ., 1968.
- Lindner R.P. Anatolia, 1300–1451. *The Cambridge History of Turkey. Vol. I. Byzantium to Turkey, 1071–1453*. Ed. K. Fleet. Cambridge: Cambridge University Press Publ., 2009, pp. 102–137.
- Oğuz Z. *Multi-functional buildings of the T-type in Ottoman context: A network of identity and territorialization*. Unpublished MA Thesis. Ankara: Middle Eastern Technical University Publ., 2006.
- Ousterhout R. Ethnic Identity and Cultural Appropriation in Early Ottoman Architecture. *Muqarnas*, no XII, 1995, pp. 48–62.
- Ousterhout R. The East, the West, and the Appropriation of the Past in Early Ottoman Architecture. *Gesta*, vol. 43, no 2, 2004, pp. 165–176.
- Petersen A. *Dictionary of Islamic Architecture*. L.; NY.: Routledge Publ., 2002.
- Rogers M. Waqf and patronage in Seljuk Anatolia: the epigraphic evidence. *Anatolian Studies*. no 26, 1976, pp. 69–103.
- Sakaoğlu N. *Famous Ottoman Women*. Istanbul: Avea Publ., 2007.
- Topal C. *Karaman*. Karaman: Karaman Valiliği İl Kültür ve Turizm Müdürlüğü Publ., 2007.
- Wolper E.S. *Cities and Saints. Sufism and the Transformation of Urban Space in Medieval Anatolia*. Philadelphia: Penn State University Press Publ., 2003.

Ш. М. Шукуров

ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ. КОНСТРУКТИВНОЕ И КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ АРХИТЕКТУРЫ В ИРАНСКОЙ МИНИАТЮРЕ

В статье рассказывается о взаимоотношении текста и иллюстрации с новых позиций структурных связей между текстом и метатекстом (в данном случае рукописной миниатюры на территории Большого Ирана). Что же касается диаграмматологии, то она осуществляет переход от структурных сдвигов к концептуальным превращениям, от поверхностных перемещений к интериоризациям. Автор приходит к выводу о том, что художник стремится создать впечатление взгляда изнутри, чему способствует принципиальная разомкнутость изобразительных композиций, возможность выхода за пределы рамки миниатюры. Взгляд изнутри не принадлежит одному произвольно взятому персонажу, художник создает впечатление средоточенности и открытости вовне всей композиции.

Ключевые слова: Иран, Хорасан, Камал ал-Дин Бехзад, рукописный текст, рукописная миниатюра, визуальная риторика, метатекст, диаграмматология, структура видения, взгляд изнутри

Sh. M. Shukurov

VIEW FROM THE INSIDE. STRUCTURAL AND CONCEPTUAL DIMENSIONS OF IRANIAN MINIATURE PAINTING

Our article is about the relationship of text and illustration from new positions of structural communications between the text and the metatext (in this case a hand-scripted miniature on the territory of Greater Iran). Diagrammatology carries out the transition from structural shifts to conceptual transformations, from superficial movements to interiorization. The author comes to the conclusion that the artist seeks to give the impression of a glance from within that is promoted by a basic open condition of graphic compositions, a possibility of an exit out of the miniature frame limits. The glance from within doesn't belong to one randomly taken character, the artist gives the impression of an intense concentration and openness outside of the whole composition.

Keywords: Iran, Khurasan, Kamal al-Din Behzad, the hand-written text, a hand-written miniature, visual rhetoric, the metatext, a diagrammatology, structure of vision, a look from within

Книжная иллюстрация на территории Большого Ирана, как правило, выполняет служебные функции по отношению к тексту. Ранняя миниатюра Ирана, являясь небольшой частью целого рукописного листа, в то же время служит не обязательным сопровождением текста, без нее текст вполне может обойтись. Без знания текста понять раннюю миниатюру XIII–XIV вв. невозможно.

Мы начинаем с представления иллюстрации как метатекста — наиболее общего концепта, помогающего понять дискурсивные отношения иллюстрации к тексту. В нашем случае мы располага-

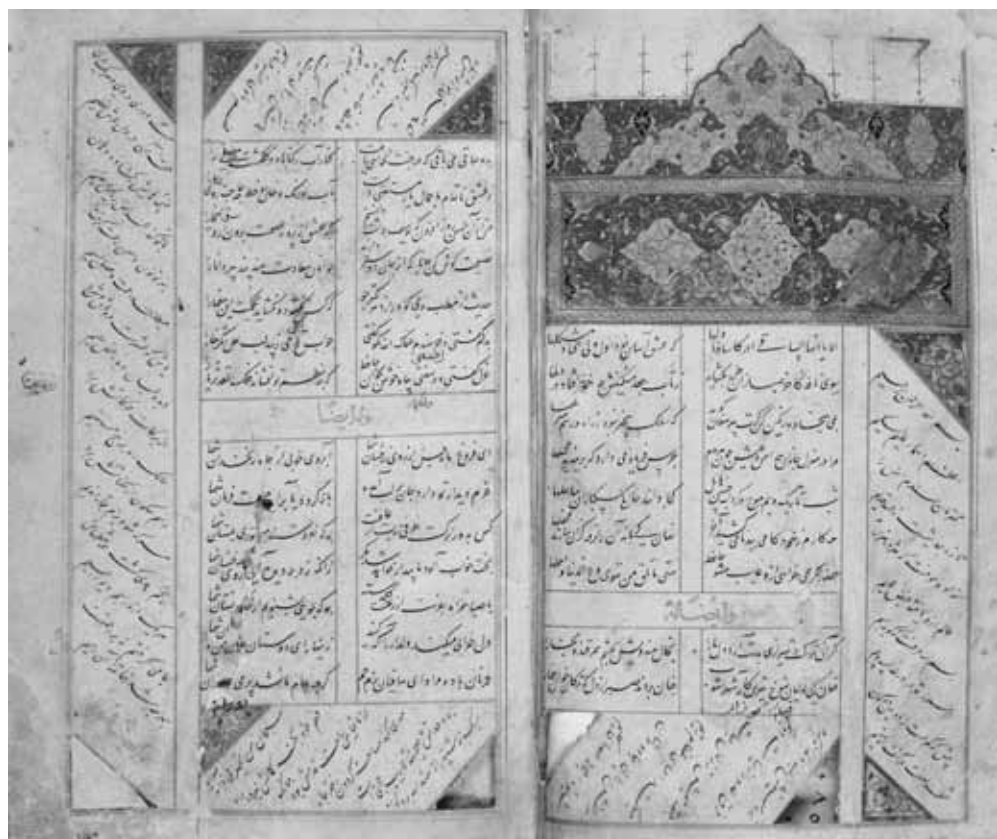
ем распадающимися (диссоциативными) связями между описательным аспектом текста и эмотивным характером рукописной миниатюры¹. Безусловно верна известная максима, когда говорят, что любая антитеза порождает новый термин и новый концепт. Все это мы увидим ниже.

Рукописная книга креолизуется: в ней помимо вербального пласта появляется и визуальный. Две негомоген-

¹ Для более подробного рассказа о «новой риторике» см.: (Perelman, Olbrechts-Tyteca 1958: 447). Эта книга выдержала несколько изданий, в том числе и на английском языке.

Ил. 1. Миниатюра к рукописи «Варка и Гульшах», 1250 г.

Ил. 2. Рукопись дивана Хафиза, XVI в.

ных части, без сомнения, активно взаимодействуют между собой. И это приводит к тому, что иллюстрация оказывается частью текста, его служебной частью. Не риторика в понимании Жерара Женнета («искусство выражения, прообраз современной семантики и стилистики, мы называем здесь риторикой» (Женнет 1998: 122)), но именно визуальная риторика делает креолизованный текст местом будущего обновленных смыслов и форм. Именно по этой причине имеет смысл судить о будущем иллюстрации, ее вербально-визуальных надеждах.

Такого рода миниатюры рассчитаны исключительно на взор читателя, читающего текст и одновременно рассматривающего иллюстративное соответствие. Иллюминаторы не только передают изобразительное подобие поэтического сюжета, но также изготавливают орнаменты, маргиналии, заставки, инициалы, виньетки.

Мы говорим о визуальной плотности рукописного текста и, соответственно, визуально-фигуративной плотности рукописной страницы в ранних рукописях (ил. 1–2). Визуальная плотность предполагает однородность текстовой массы и включенность иллюстрации в текстовый блок. Первое и второе разделяет рама иллюстрации, которая с легкостью преодолевается отдельными ее фрагментами. Одновременно имеет смысл рассуждать об отсутствии глубины, визуальная ткань миниатюры предельно плоскостна.

Такая плотность визуальной ткани рукописного или керамического изображения вполне может быть разрежена. Например, на керамическом блюде сельджукидского времени с осадой крепости, здесь можно говорить о сверхплотности изобразительной композиции (ил. 3). Непрерывность визуальной

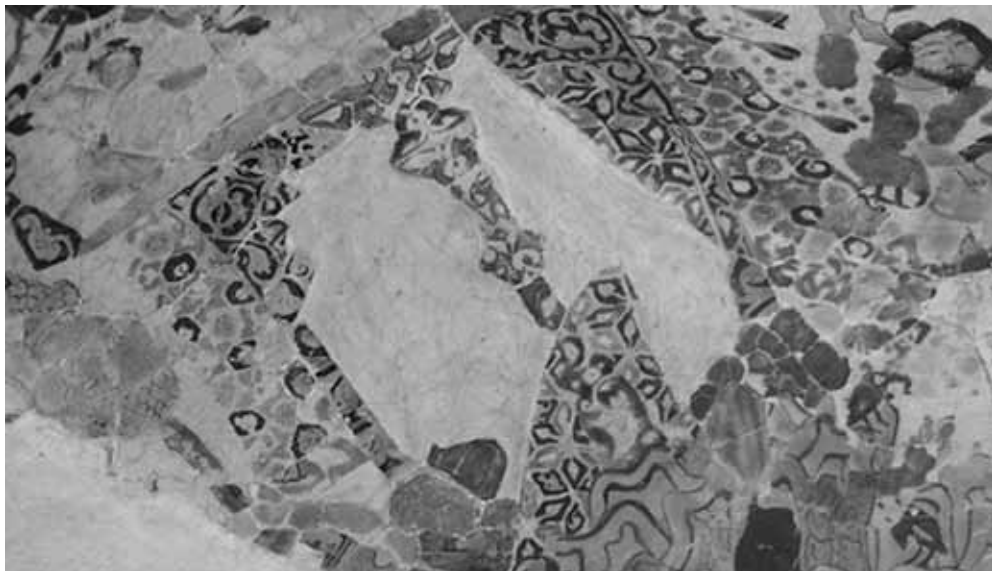

Ил. 3. Блюдо с изображением осады крепости, XIII в.

плотности прерывается пустотой дверного или порталного проема с фигурой гепарда посередине (ил. 4). Пустоту или предельную разреженность художник представляет в виде архитектурной композиции, что подчеркивается богатым орнаментальным убранством. Случайно ли появление здесь, в отдельно взятом примере архитектурно-орнаментальной композиции?

Для ответа на этот вопрос мы обращаемся к диаграмматологии, которую характеризуют видоизменения изображения, в особенности на границе с текстом, пограничная область между текстом и изображением является постоянным источником визуальных метаморфоз. Диаграмматология имеет дело не просто с диаграммами. В большей степени важна динамика линий, пятен, тектонических масс изображений в их взаимосвязи с различного рода визуальными превращениями.

Визуальная риторика исследует процесс организации сил диаграмматического видения — ведь изображение

Ил. 4. Блюдо с изображением осады крепости. Фрагмент с изображением гепарда в проеме городских врат

не видят во всей полноте сразу, но только последовательно. Объектом диаграмматического процесса, как мы говорили выше, оказывается не просто пространство. Необходимо суждение о мышлении, predisposing основанные векторы сил диаграмматического процесса действия — расчерчивание страницы, нанесение различного рода линий, расцвеченных пятен, и, наконец, организация фигуративно-пространственной композиции.

Суть диаграмматического метода по отношению к рукописной странице состоит в выработке алгоритма, порядка диахронического движения масс текста и изображения. Эмпиризм диаграмматологии имеет дело с передвижениями масс текста и изображения в диахронии. Как масса текста, так и масса миниатюры имеют заметную инерцию движения в течение определенного времени. Пространство текста обладает инерцией отступления под натиском визуальной

силы изображения, мы можем говорить и об инертности текста. Процесс инертности текста в иллюстрированных рукописях Ирана берет начало ближе к концу XIV в.

Именно диаграмматология осуществляет переход от структурных сдвигов к концептуальным превращениям, от поверхностных перемещений к интериоризациям, т.е. возможностям выхода за пределы наличной, в нашем случае видимой ситуации.

Именно диаграмматическое мышление приводит к интериоризации, т.е. возможности выйти за пределы существующей, наличной ситуации.

Изобразительное представление реальной или воображаемой архитектуры может быть дополнено диаграмматическими построениями, не выходящими за рамки собственно архитектуры, но вполне закрепленными непосредственно в миниатюре. Современный теоретик искусства, литературы и в целом

культуры В. Митчелл еще в 1981 г. написал о диаграмматологии следующее:

«Поскольку мы, похоже, не в состоянии сформулировать наши интуиции или интерпретации формальных характеристик в литературе и других искусствах, не прибегая к “чувственным” или “пространственным” конструкциям (не просто к диаграммам, и не только для визуальным формам), то почему бы не сделать это явно, сознательно и, что наиболее важно, систематически? Если мы не сможем получить форму, кроме как через посредство таких вещей, как диаграммы, не наступило ли время для появления такой дисциплины, как диаграмматология. То есть систематическое исследование того, как отношения между элементами представлены и интерпретируются графическими построениями?» (Mitchell 1981: 622–623)².

И чуть ниже Митчелл продолжает: «Диаграмматология является систематическим исследованием взаимоотношения изображенных и интерпретируемых элементов в виде графической конструкции» (Mitchell 1981: 623).

Действительно, необходимо различать визуальные пласты того, что изображено, и того, что подвергается интерпретации в преобразенных визуальных элементах, в нашем случае в виде архитектурно-графических конструкций. Немаловажно знать, какой из визуальных пластов представляет наибольший интерес.

А вот и еще одна из последних формулировок того, что же такое диаграмма:

«Диаграммы — это особые изображения (icons), представляющие внутреннюю структуру этих объектов в терминах взаимосвязанных частей, которые в состоянии облегчить возможности даль-

нейших рассуждений» (*Diagrammatology* 2007).

Следовательно, диаграмматическую структуру вещи мы вслед за Жераром Женнет называем *глубинной риторикой* (Женнет 1998: 264). Об этом следует помнить во время всего последующего изложения. Невидимая простому глазу *глубинная риторика* выносит на поверхность те трансформативные процессы диаграмматики, которые оказываются видимыми для всех.

Для проблем и задач визуальной риторики Митчелл сделал очень много, его термины «изобразительный разворот» (pictorial turn) или «метаизображения» (metapicture) явно опережали свое время, они с успехом используются в современных исследованиях по визуальной риторике (Mitchell 1994). Вот что Митчелл говорит об изобретенном им термине metapicture: «картина, которая отсылает к другой картине, картина, которая используется для демонстрации того, чем является картина» (*Ibid.*: 35). Метатекст и metapicture, не соответствуя друг другу в полной мере, тем не менее взаимодополняют одно другое. Метатекст иранской миниатюры обращается в нечто иное, поясняя на самом деле, что есть миниатюра. Именно в миниатюре берет начало сефевидский и каджарский портрет, именно миниатюра конституирует явление станковой картины в позднем Иране.

Вот почему мы говорим о диаграмматическом мышлении, о диаграмматическом процессе нанесения линий и пятен и, как следствие, — о силе диаграмматического видения.

Все сказанное выше в полной мере касается изображения архитектурных мотивов в книжной миниатюре Ирана. Если в ранней миниатюре и даже в монгольское время архитектурные мотивы служат орнаментальным фоном, то в конце

² По диаграмматологии также см.: Wilken 2007.

XIV — начале XV в. архитектура становится средой обитания. Увеличиваются их интенсивность, плотность и объем. В результате миниатюра захватывает всю рукописную страницу и даже выплескивается за ее пределы, например, на ткани, из которых шьются женские платья. Архитектура оказывается основным конструктом рукописной миниатюры. Наглядный пример этому мы видим в творчестве миниатюриста из тимуридского Герата по имени Камал ал-Дин Бехзад. Впервые к правилам составления архитектурных композиций мы обратились в книге «Хорасан. Территория искусства» (Шукуров 2016). В данной работе мы обогащаем уже сказанное новыми наблюдениями, основываясь на диаграмматическом видении композиций Бехзада, к чему мы не замедлительно и приступаем.

Соотношение общего и частного в визуальной риторике разрешается в пользу частного, когда миниатюра/метатекст начинает свою экспансию на всю страницу. Отныне актуален вопрос о легитимации текста по отношению к иллюстрации.

Одной из характеристик визуальной риторики по отношению к рукописной странице является структурная переорганизация не только миниатюры, но и изобразительных элементов внутри рамок изображения. Тектоническое обрамление архитектурных композиций заставило художника придавать фигурам персонажей много большую элегантность, вытянутость. Мы видим, как новый порядок тектонических членений архитектуры влечет за собой и наращивание цвето-световых эффектов, и динамическую дробность единого пространства изобразительной композиции. Архитектура из фона в миниатюрах XIII–XIV вв. превращается не только в пространственную среду обитания, но, точнее, в систему диаграмматических

структураций изобразительной плоскости, что приводит к устойчивым представлениям о визуальной глубине.

Миниатюр, подписанных Бехзадом, достаточно много, но они, однако, не поддаются однозначной атрибуции. Еще самим иранцам было известно, что творческий почерк его учеников был предельно близок к манере письма самого Бехзада (Arnold 1930: 672). До настоящего времени установление критериев авторства Бехзада остается первостепенной задачей исследователей (Roxburgh 2000: 121). Мы предлагаем свой взгляд на удостоверение творческого почерка Бехзада.

Проблемой атрибуции работ Бехзада, на наш взгляд, является не только достоверность его миниатюр, а также отчетливое понимание правил построения структуры его изобразительного письма, которая, как это ни парадоксально, должна коснуться не его рисунка или цветопостроения (все это могут подделать). Не менее существенно отношение Бехзада к рукописной странице, к иллюстрируемому тексту и пространственно-композиционной (*tarkob*)³ проработке изобразительной плоскости и ее различных элементов (*usul*)⁴, что

³ Значение слова *таркиб* указывает на сложение одного с другим, составление, смесь, и, как следствие, этот термин также обозначает форму, возникшую в результате составления частей. Ср. с примером из поэзии Хафиза: «Возьми кубок по правилам адаба, ибо его составили (*zân ki tarkobash*) / Из черепов Джемшида, Бахмана и Кубада».

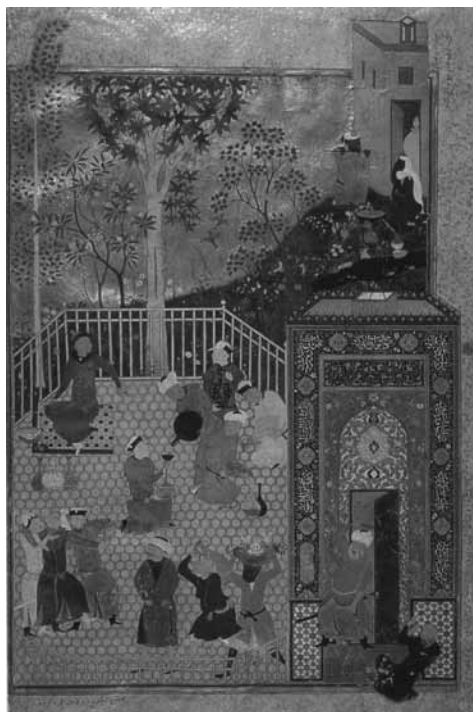
⁴ Этот термин зеркален по отношению к термину таркиб. Значение слова *усул* (*асл*), кроме понятий (родового) начала, основания, первопричины, вбирает также следующие семемы — дробность, часть целого, элемент. Родовое и видовое начала (*asl wa fasl*) следующим образом комментируются в словаре Деххуда: *Lâ asl lahu wa lâ fasl* (URL: www.loghatnaameh.org/dehkhodasearchresult-fa.html?searchtype=0&word=2KfYtdmE). Без родового начала, без первонач-

с необходимостью подразумевает также пропорционирование (*nisbat*⁵ или *mansub*). В последнем случае следует говорить не только о пропорционировании отдельных тел, но также и о следовании определенным правилам соответствия между фигурами, изображением и текстом. Бехзад был хорошо обучен каллиграфии, а потому использование каллиграфической терминологии в целях увязывания изобразительной ткани с известными терминологическими особенностями представляется делом первой необходимости.

В трудах Бехзада и его учеников наметилась особая рода предусмотренность пространственной организации миниатюры и всей рукописной страницы. До Бехзада изобразительное пространство было иным, хотя отдельные композиционные приемы начинали складываться в джалаиридской миниатюре Багдада, и в особенности в первой трети XV в. в Герате. Этот этап развития миниатюры и процесс происходящих на рукописной странице пространственных сдвигов мы называем нелинейным. Нелинейность иранской миниатюры характеризуется переходом от непрерывности отношений текста и изображения

чальной величины не существует составляющей целое дробности, но именно дробность предопределяет должное существование целого. Именно поэтому мы сказали, что термины *таркиб* и *усул* в определенной степени зеркальны.

⁵ Термин *нисбат* зеркален по отношению к термину *усул*. Первое, о чем говорят словари, *нисбат* является родовым началом (*асл*, *насаб*) вещи, и второе — причина и третье — отношение, соотнесенность, близость (*nisbat dāshtan*). И, как следствие, слово *нисбат* соположено с такими тропами, как аналогия (*qiyās*), сравнение, что имеет прямое отношение к пропорционированию (словосочетание *нисбат кардан* означает сравнивать, взвешивать одну вещь с другой, уподоблять). Термин *нисбат* используется также и в литературной поэтике (*Шамс ал-Дин Мухаммад ибн Кайс ал-Рази* 1997: 86).

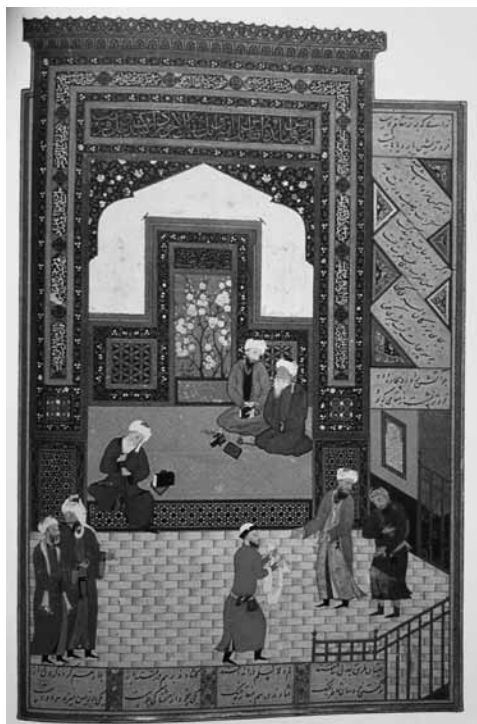
Ил. 5. Бехзад, Правая часть двойного фронтисписа в рукописи Саади «Бустан», 1488 г. Египетская национальная библиотека, Каир

к прерывности пространственных отношений. Расположение поэтического текста в полной мере зависело от иллюстрации. Эту модальность изобразительного пространства вначале смог представить в полнейшей ясности только гератский художник Камал ал-Дин Бехзад. И, видимо, после него пространственная организация претерпела существенные изменения. Мы будем говорить о взгляде изнутри, примером чему может послужить взгляд гепарда на всех, кто в реальности или иллюзорно может приблизиться к городским воротам (см. об этом выше).

Абсолютно достоверными считаются 6 миниатюр к рукописи «Бустан» Саади (1488) в Национальной библиотеке Каира (ил. 5–7). Писцом этой рукописи был

Ил. 6. Бехзад, Нищий в мечети. Миниатюра к рукописи Саади «Бустан», 1488 г. Египетская национальная библиотека, Каир

Ил. 7. Бехзад. Беседа при дворе кадия. Миниатюра к рукописи Саади «Бустан», 1488 г. Египетская национальная библиотека, Каир

также хорасанец Султан Али ал-Катиб ал-Мешхеда. Прежде чем обратиться непосредственно к творчеству Бехзада, мы должны пройти определенный путь, который должен подвести к миниатюрам великого гератского мастера кисти-калама. Уже при жизни художник был признан образцом мастерства, «риторической фигурой для сравнения» с его собратьями по кисти и перу (Sakisian 1920: 215–233)⁶.

Иранцы не сразу поняли преимущества мятежного дискурса (или, другими словами, патоса) в практике пространственных решений. Напомним, что ви-

зуальную риторику интересует не собственно убеждение, а способы его достижения. Одним из таких способов на пути к переосмыслению рукописной страницы являются пространственные и, соответственно, смысловые сдвиги, характеризующие острейшую коллизию между текстом и иллюстрацией. Напомним, что до второй половины XIV в. взаимоотношение между текстом и иллюстрацией оставалось паритетным, иллюстрация никак не претендовала на доминирование над текстом.

Кардинальные изменения коснулись не просто тектонической трактовки пространства миниатюры, но и положения самих миниатюр на плоскости рукописного листа, что, как мы помним, обозна-

⁶ Отсылка взята из статьи (Roxburgh 2000: 119)

чается термином *tarkib*. Если до конца XIV в. миниатюра занимала на плоскости листа достаточно скромное положение, то теперь бо́льшая часть рукописной плоскости отдается изображению.

Когда же художники второй половины XIV в. решаются на освоение всей рукописной страницы, они полностью изменяют и свое отношение ко всем фигуративным элементам (*usul*). Уже было сказано, что архитектура из фона в миниатюрах XIII–XIV вв. превращается в систему диаграмматических структурций изобразительной плоскости, что приводит к устойчивым представлениям о визуальной глубине. Соответственно, намечаются и твердо усваиваются новые отношения между изображенными персонажами (*nisbat*). Отсюда мы выведем одно следствие, касающееся новых правил восприятия рукописной иллюстрации. Человек, открывающий иллюстрированную рукопись, становится не только читателем, но и зрителем и, соответственно, самостоятельным толкователем текста и изображения.

Изображенное и толкуемое окончательно расходятся, и больше никогда они не сойдутся. Сказанное может быть дополнено следующими соображениями, несомненно и прочно связанными с эпистемологией.

Внутренние и все более и более расширяющиеся горизонты изображения на рукописной странице решительно выходят за пределы страницы, книги и вовлекаются во внешние горизонты по отношению к рукописной странице и совпадающие с реальностью культуры. Правила организации внутренних горизонтов рукописной книги так или иначе, но непременно окажутся в соответствии с риторикой внешних горизонтов культуры.

Надо полагать, что переход от внутренних горизонтов к внешним индук-

тивен, хотя вполне возможна ситуация и дедуктивного перехода от внешних горизонтов культуры к внутренним горизонтам определенной вещи. В последнем случае эпистемологический переход от внешнего к внутреннему горизонту в большей степени гипотетичен.

Таким образом, риторический модус взгляда на визуальный объект образует особое видение образов — ряда концептуальных линз, сквозь них визуальные образы предстают либо коммуникативным, либо сугубо риторическим явлением. Если эстетический взгляд на вещь предусматривает чувственный аспект восприятия зрителя, то в визуальной риторике смысл обусловлен непосредственно самой вещью. В нашем случае такой вещью оказывается метатекст миниатюры, посягнувший на существование собственно текста.

И это еще не все; зритель теперь не просто видит изображение в сопряжении с текстом, отныне сама миниатюра, вне сопряжения с текстом, становится основным объектом восприятия для читателя и зрителя. Текст отступает под мощнейшим и концептуально насыщенным натиском метатекста. С этого времени в миниатюре мы имеем дело с введением новой дискурсивной практики, с переходом от дискурса мерного к дискурсу мятежному.

Итак, мятежный дискурс (*affolé* по Делезу⁷) миниатюры, он же метатекст рукописной страницы, распространяется

⁷ Прилагательное *affolé*, характеризующее у Делеза тип дискурса, безостановочного скольжения по тому, что он отражает, в русском переводе передано как «неуправляемый дискурс», что при всей его соблазнительности не передает внутреннего смысла напряженной метафоры автора книги (*Deleuze* 1969: 10; перевод: *Делез* 1998: 16). Больше того, этот дискурс не просто скользит по поверхности, сколько мятежно вторгается внутрь вещи, поднимая к поверхности ее внутренние, имманентные ей пласты со-

на всю страницу, обволакивая слегка намечаемую границу метатекста разноцветием страниц, покрытых золотым розбрызгом и введением растительного орнамента с вкрапленными зооморфными мотивами (например, львы, кошули). Единство смысла страницы изменяет свой состав, на место текстовой доминанты окончательно приходит визуальное поле миниатюры.

Отныне читатель оказывается зрителем страницы с иллюстрацией, в которой видение замещает чтение, формируется совершенно иной взгляд на текст. Видение (чтение зрителя) читателя бесповоротно переформирует гипертекстовую иерархичность страницы и рукописи, текст воспринимается теперь сквозь призму миниатюры. Выделяя на рукописной странице границы и связи между ними, мы создаем структуру с понижением связей с текстом.

Гератская миниатюра второй половины XV в. создает новую визуальную среду. Миниатюры Бехзада являются образцовым примером появления новой визуальной среды. Смысл этой среды состоит в сведение воедино трех визуальных элементов — письменности, архитектуры и окончательно возобладавшего над графикой рукописи метатекста. Визуальная риторика искусства Бехзада состоит из триначалия упомянутых элементов. Но это еще не все. Кроме поверхностных элементов новой визуальной среды, укажем также два диаграмматологических образа, которые характеризуют принципы сложения внутренней структуры.

В миниатюрах к «Бустану» Саади мы выделяем две далеко не всегда заметные черты: проницаемость и перегородчатость, которые структурно связаны

с архитектурным пространством Бехзада; они характерны для всех изображений, кроме второй миниатюры — «Царь Дарий и пастух». Визуальная среда обязана быть проницаемой, с утверждением вертикализма изобразительного пространства в миниатюрах уже в архитектурных композициях возникают сквозные оконные проемы или распахнутые двери и калитки.

Бехзад оставляет все дверные проемы распахнутыми, а вся визуальная среда оказывается разомкнутой, но этого мало — большая часть отдельных фигур или групп беседующих персонажей развернуты друг к другу спинами. Каждая отдельная фигура или группа персонажей создают устойчивое впечатление их самодостаточности, способности существовать автономно и вне композиции.

Художник стремится создать впечатление взгляда изнутри, чему способствует принципиальная разомкнутость композиций, возможность выхода за рамки миниатюры. Взгляд изнутри не принадлежит одному произвольно взятому персонажу, художник создает впечатление средоточенности и открытости вовне всей композиции. Учитывая архитектурную заостренность всего творчества Бехзада, напомним, что взгляд изнутри вполне соответствует и купольной структуре собственно архитектуры.

Теперь несколько слов скажем о свете и цвете у Бехзада. Миниатюрам Бехзада свойственно световое излучение, свет из центра композиции распространяется вовне. Это видно в каждой миниатюре и в особенности в композициях «Нищий в мечети» и «Беседа во дворе кадия» из рукописи «Бустан» Саади. Лучезарность и присущий только Бехзаду цветовой строй мы находим в рукописи «Хамсе» Низами (1494 г.) из Британской библиотеки.

Порядок цветопостроения Бехзада несложен для описания, но в то же самое время интерпретация правил использования цветов мастером не столь легка. Начнем с того, что смысловой центр всех композиций, как правило, обозначен либо теплым (красный, темно-красный, оранжевый), либо холодным цветом (зеленый). Мастер не отдает предпочтения какому-либо одному цвету, хотя градации красного или оранжевый цвета фигурируют довольно часто. Можно уверенно говорить о свето-цветовой диаграмматической оснастке миниатюр Бехзада.

Достоинство миниатюр Бехзада состоит в хорошо заметной согласованности статики и динамики композиций, что согласуется и с парой фронтисписных миниатюр. Последние, на наш взгляд, принадлежат руке Бехзада, он разбивает изображение на множество микропространств и микроситуаций, отвлеченных от основного действия. В результате художник организует проницаемую среду, словно наполненную воздухом, а также выделением многоцветия одежды участников действия. Простор визуальной среды, чему в немалой степени способствует деликатность расстояния между фигурами людей, придает композиции изрядную воздушность, которая, учитывая все сказанное о метатексте, все менее и менее ограничивается рамками рукописной страницы.

В композициях Бехзада никогда не существует излишней скученности, это отличает его манеру составления части и целого от многих и многих других прежде и в будущем. Он подчеркнул изыскан и в тонком облике персонажей изображенного действия, и в подборе соцветий костюмов, и в превращении остатков текста в подобие орнамента. Это напоминает аналогичную ситуацию, когда в саманидское время текст на не-

которых образцах керамики обращался в псевдонадпись, а по существу, в орнамент. Наш мастер окончательно порывает с плоскостностью композиций, отдавая предпочтение архитектурной глубине визуальной среды.

Изображенное и толкуемое окончательно расходятся, и больше никогда они не сойдутся.

Бехзад оставляет все дверные проемы распахнутыми, а вся визуальная среда оказывается разомкнутой, но этого мало — большая часть отдельных фигур или групп беседующих персонажей развернуты друг к другу спинами. Каждая отдельная фигура или группа персонажей создают устойчивое впечатление их самодостаточности, способности существовать автономно и вне композиции.

Художник стремится создать впечатление взгляда изнутри, чему способствует принципиальная разомкнутость композиций, возможность выхода за пределы рамки миниатюры. Взгляд изнутри не принадлежит одному произвольно взятому персонажу, композиция отныне в полной мере открыта. Учитывая архитектурную заостренность всего творчества Бехзада, напомним, что взгляд изнутри в полной мере соответствует архитектурным построениям изобразительных композиций. Еще раз напомним: кроме миниатюр Бехзада, в самом начале работы мы привели фрагмент из сельджукидской композиции на керамическом блюде.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Делез 1998 — Делез Ж. Логика смысла. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998.

Женнет 1998 — Женнет Ж. Работы по поэтике. Фигуры. Т. 1. М.: Издательство Сабашниковых, 1998.

Шамс ал-Дин Мухаммад ибн Кайс ал-Рази 1997 — Шамс ал-Дин Мухаммад ибн Кайс ал-Рази. Свод правил персидской поэзии / перевод с персидского, исследование и комментарий Н. Ю. Чалисовой. М.: Восточная литература, 1997.

Шукуров 2016 — Шукуров Ш. М. Хорасан. Территория смысла. М.: Прогресс-Традиция, 2016.

Arnold 1930 — Arnold T. Mirza Muhammad Haidar Dughlat on the Harat School of Painters // *Bulletin of the School of Oriental Studies*. Vol. 5. Issue 4. 1930. P. 671–674.

Deleuze 1969 — Deleuze G. *Logique du sens*. Paris: Editions de Minuit, 1969.

Diagrammatology 2007 — Diagrammatology. An Investigation on the Borderlines of Phenomenology, Ontology, and Semiotics. Copenhagen: The Danish University of Education, 2007.

Mitchell 1981 — Mitchell W. T. J. Diagrammatology // *Critical Inquiry*. Vol. 7. № 3. 1981. P. 622–633.

Mitchell 1994 — Mitchell W. J. T. *Picture Theory*. The University of Chicago Press, Chicago & London, 1994.

Perelman, Olbrechts-Tyteca 1958 — Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. *La nouvelle Rhétorique. Traité de l'Argumentation*. Presses Universitaires de France, 1958.

Roxburgh 2000 — Roxburgh D. Kamal al-Din Bihzad and authorship in Persianate Painting // *Muqarnas*. Vol. 17. 2000. P. 119–146.

Sakisian 1920 — Sakisian A. Les Miniaturistes persanes: Behzad et Kassim Ali // *Gazette des Beaux-Arts*. № 62. 1920. P. 215–233.

Wilken 2007 — Wilken R. *Diagrammatology* // *Logic of sense* / ed. by D. Tofts & L. Gye. Boulder, CO: Alt X Press, 2007. P. 1–16.

REFERENCES

Delez Zh. *Logika smysla (Logic of the meaning)*. Moscow: Raritet; Ekaterinburg: Delovaia kniga Publ., 1998 (in Russian).

Zhenet Zh. *Raboty po poetike. Figury. (Works for poetics. Figures)*, vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo Sabashnikovykh Publ., 1998 (in Russian).

Shams al-Din Mukhammad ibn Kais al-Razi. *Svod pravil persidskoi poezii (Collection of rules of Persian poetry)*, ed. N. Iu. Chalisova. Moscow: Vostochnaia literatura Publ., 1997 (in Russian).

Shukurov Sh. M. *Khorasan. Territoriia smysla*. Moscow: Progress-Traditsiia Publ., 2016 (in Russian).

Arnold T. Mirza Muhammad Haidar Dughlat on the Harat School of Painters. *Bulletin of the School of Oriental Studies*, vol. 5, no. 4, 1930, pp. 671–674.

Deleuze G. *Logique du sens*. Paris: Editions de Minuit Publ., 1969.

Diagrammatology. *An Investigation on the Borderlines of Phenomenology, Ontology, and Semiotics*. Copenhagen: The Danish University of Education Publ., 2007.

Mitchell W. T. J. *Diagrammatology. Critical Inquiry*, vol. 7, no. 3, 1981, pp. 622–633.

Mitchell W. J. T. *Picture Theory*. Chicago, London: The University of Chicago Press Publ., 1994.

Perelman, Ch. Olbrechts-Tyteca L. *La nouvelle Rhétorique. Traité de l'Argumentation*. Presses Universitaires de France Publ., 1958.

Roxburgh D. Kamal al-Din Bihzad and authorship in Persianate Painting. *Muqarnas*, no. 17, 2000, pp. 119–146.

Sakisian A. Les Miniaturistes persanes: Behzad et Kassim Ali. *Gazette des Beaux-Arts*, no. 62, 1920, pp. 215–233.

Wilken R. *Diagrammatology. Logic of sense*. Eds. D. Tofts, L. Gye. Boulder, CO: Alt X Press Publ., 2007, pp. 1–16.

Е. С. Лаврентьева

ПУТЬ К «СТАТУС-КВО» ХРАМА ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА В ИЕРУСАЛИМЕ И СТРОИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ПАМЯТНИКА

В статье рассматривается изменение архитектурного облика Храма Гроба Господня под влиянием законодательных актов, на протяжении длительного периода регулировавших правовой статус христианских общин в этом грандиозном сооружении. Несмотря на то, что значительная часть документов публиковалась в научной литературе, впервые предпринимается попытка рассмотрения документов в длительной перспективе: начиная с грамоты халифа Умара Ахтинаме, 638 г., до доклада секретариата Согласительной комиссии ООН, 1949 г. Цель исследования — определить наиболее значимые аспекты жизни Храма и наиболее яркие эпизоды интенсивной борьбы христианских конфессий за право владения святынями Храма, оказавшие влияние на формирование его архитектурного облика, попытаться выявить максимально достоверные сведения о пребывании в Храме христианских монашеских общин. В статье ограничено поданы сведения о пребывании некоторых конфессий, и главное внимание уделено взаимоотношениям греков и латинян, внесших основной вклад в сложение структуры Храма.

В настоящее время Храм Воскресения в Иерусалиме разделен между шестью христианскими конфессиями: греческая православная, римская католическая, армянская апостольская, сирийская православная, коптская православная, эфиопская православная церквами. Основные права на владение святыней и, следовательно, на внутреннее пространство Храма имеют греки (греко-иерусалимская патриархия), латиняне (католический орден францисканцев) и армяне (представители армяно-апостольской церкви), в то время как копты, сирийцы и абиссинцы пользуются малыми правами. Но и по сей день споры, связанные с владением отдельными престолом и приделами Храма, не прекращаются. Актуальность исследования, посвященного детальному рассмотрению споров между христианскими общинами, в результате которых менялся облик Храма, позволит определить степень сохранности памятника в его первоначальном виде (IV в.).

Ключевые слова: Храм Воскресения Христова, архитектура, Иерусалим, Гроб Господень, «статус-кво», христианство, религия, право

E. S. Lavrentyeva

THE “STATUS QUO” AT THE CHURCH OF THE HOLY SEPULCHRE IN JERUSALEM AND ITS INFLUENCE ON THE ARCHITECTURAL APPEARANCE OF THE CHURCH

The article discusses the change in architectural appearance of the Church of the Holy Sepulchre under the influence of legislative acts regulating the legal status of Christian communities at the Church itself. Despite the fact that a considerable part of the documents were published in the scientific literature, for the first time an attempt is made to consider older documents (beginning with the letter of the Caliph Umar Ahtiname, 638, to the Working Paper prepared by the Secretariat, UNCCP, 1949). The aim of the research is to identify the most significant aspects of the Holy Sepulchre history, the most striking episodes of the intensive struggle between religions for the right to own the shrine, and what influenced the formation of its architectural appearance. The report will also try to reveal the most reliable information about the adobe of Christian monastic communities in the Church of the Holy Sepulchre. The article provides limited information on the presence of certain confessions, and the main attention is paid to the relationship between the Greeks and the Latins, who made the main contribution to the structure of the Church. Currently, the Church of the Resurrection in Jerusalem is divided between six Christian denominations: Greek Orthodox, Roman Catholic, Armenian Apostolic, Syriac Orthodox, Coptic Orthodox, Ethiopian Orthodox Churches. The main rights to the possession of the shrine and, therefore, to the inner space of the Church of the Holy Sepulchre belong to the Greeks (the Orthodox Patriarchate of Jerusalem), the Latins (the Catholic Order of Friars Minor) and Armenians (representatives of the Armenian Apostolic Church), while the Copts, Syrians and Abyssinians use

lesser rights. To this day disputes related to the possession of altars and chapels at the Church of the Resurrection are ongoing. The relevance of the study, devoted to the detailed consideration of disputes between Christian communities, as a result of which the appearance of the Church of the Holy Sepulchre changed, will allow to determine the degree of preservation of the monument in its original form (4th century).

Keywords: the Church of the Holy Sepulchre (the Church of the Resurrection), architecture, Jerusalem, status quo, Christianity, religion, legislation

Храм Гроба Господня¹ в Иерусалиме представляет собой комплекс разновременных сооружений, возведенных усилиями представителей отдельных ветвей христианства вокруг Голгофы и гробницы Христа (*Святые места* 1995: 291). Считается, что он был возведен в IV в. императором Константином². Святыня несколько раз подвергалась серьезным разрушениям: в 614 г. во время нашествия на Иерусалим персидского царя Хосрова II, в 1008(9) г. по указу фатимидского халифа аль-Хакима. Храм Воскресения перестраивался в первой половине XII в., после того как Святая земля была завоевана франкскими рыцарями во время первого крестового похода. Свой средневековый облик Храм утратил в результате двухдневного пожара 1808 г., уничтожившего около двух третей здания (*Μητρόπουλος* 2009: 287–288). Изменился его облик и после двух крупных реставраций: 1809–1810 гг. под руководством Н.К. Комниноса, и в 1970-е гг. во время археологических раскопок В.К. Корбо³.

¹ Он же: Храм Воскресения Христова, Храм Святого Гроба.

² Исследователь XIX в. Э.М. Клос пытался оспорить достоверность места, где стоит современный Храм, утверждая, что Христос был распят на холме, расположенном за Дамаскими воротами, и там же погребен (*Clos* 1898). К данному вопросу возвращались и в более позднее время: (*Vincent* 1925; *Barkay* 1986; *Bahat* 1986).

³ О последней крупной реставрации интерьера Храма Воскресения в прессе и научно-исследовательской литературе не сообщалось. Не известны имя ответственного лица и годы проведения реставрационных работ. В резуль-

Гроб Господень и Голгофа тщательно оберегались и до возведения Храма Воскресения Христова. Христиане, почитавшие святыню, стремились находиться рядом с ней, исключение составляли лишь периоды гонения римскими императорами⁴. Охрану и защиту Храма возглавляли видные представители христианского сообщества того времени: Иаков, апостол от 70 (33 — ок. 62 гг.), затем Симеон, апостол от 70 (ок. 62 — 107 гг.) и далее согласно списку первых Иерусалимских епископов.

При Константине Великом (306–337 гг.) святыни были заключены в пространство Храма, который по своему устройству совершенно не похож на современный. Тогда же, в IV в., с западной стороны вплотную к Храму было пристроено жилое помещение, предназначенное для постоянного пребы-

тате реставрации из работ Комниноса были сохранены интерьер кувуклии, частично иконостас в кафоликоне, стены деамбулатория, а также внешнее оформление восточной апсиды Храма. Раскопки и последняя реставрация должны были вернуть Храму Воскресения средневековый облик.

⁴ Например, при императоре Тите (79–81 гг.) христиане, бывшие в Иерусалиме под начальством Симеона, укрылись за Иордан, а после возвратились на иерусалимские развалины, продолжая стеречь Гроб Господень. А при императоре Адриане (117–138 гг.), по велению которого они были выгнаны из Иерусалима, над Святым Гробом и местом Распятия был установлен храм, посвященный богине Венере, в то время как на месте Храма Соломона был поставлен храм Юпитеру Капитолийскому, «объявляя войну обоим откровенным религиям» (*арх. Леонид* 1873: 102).

вания здесь епископа, позднее патриарха Иерусалима (после 451 г.⁵), чей престол сохраняет свою самостоятельность и поныне. Следует оговорить, что имеется в виду престол греко-православного патриархата⁶, сохранившего и «древнее право избрания и посвящения патриарха из среды Святогробской братии, без всякого в том участия Вселенского престола»⁷.

От времени христианского Иерусалима (325–638 гг.) сохранились весьма отрывочные и лаконичные описания святыни в хрониках и путеводителях, составленных историками и паломниками⁸. Согласно современным представлениям Храм Гроба Господня состоял из двух зданий, расположенных на одной оси: ротонды и базилики, разделенных двором, в ограде которого находилась Голгофа.

Завоевание Иерусалима в 638 г. халифом Умаром (Омар) и включение города в состав Праведного халифата не повлияло на внешний и внутренний облик Храма, заново отстроенного после нападения персов в 614 г. еще при императоре Ираклии. Однако была составлена грамота, известная под именем Ахтинаме. В ней были прописаны права христиан на Святой земле⁹. На Елеонской

горе грамота была передана патриарху Софронию¹⁰, таким образом, став первым документом, регулировавшим права на владение Храмом Гроба Господня. Текст свидетельствовал, что христиане получали «полную и абсолютную безопасность в том, что касается их жизни, храмов, верований и всех мест паломничества, принадлежащих им в настоящее время внутри или за пределами города». Среди этого одним из основных объектов охраны являлся Храм Святого Гроба. В грамоте указывалось, что все они «грузины и абиссинцы, и также франки, копты, сирийцы, армяне, несториане, иаковиты и марониты» «будут относиться к указанному Патриарху» [Софронию]¹¹. Подлинник Ахтинаме как святыня хранился у халифов, позже у султанов, а скрепленная его копия, «записанная в актах судебных в Мехкеме (духовном судилище)», была выдана служителям Храма Гроба Господня (*Базили* 1875: 198–199). Где сейчас хранится подлинник Ахтинаме, доподлинно не известно. Можно предположить, что документы (включая копию Ахтинаме), подтверждающие права и привилегии, предоставлявшиеся изначально Иерусалимской, а после XI в. Греко-Иерусалимской церкви,

⁵ 451 г. — Халкидонский Собор, Четвертый Вселенский Собор.

⁶ Ελληνιστὸς Πατριάρχης Ἱεροσολύμων.

⁷ Избрание преемника, согласно древнему церковному уставу, осуществляет собор Святогробского духовенства из своей среды в Иерусалиме. После смерти патриарха Афанасия в 1844 г. константинопольский патриарх хотел получить право назначения иерусалимского патриарха, но благодаря усилиям русского посольства этого не произошло (*Базили* 1875: 198).

⁸ Сохранились описания паломников: (*Itinerary from Bordeaux* ок. 333; *Eusebii Pamphili* ок. 337; *Паломничество* ок. 381–384; *Breviarus* ок. 530; *Itinerarium Placentini* ок. 570; и др.).

⁹ В исследовательской литературе 638 г. рассматривается как одна из возможных дат пере-

дачи ключей от Храма Святого Гроба мусульманам. Встречается также дата — 1187 г. — победа Салах ад-Дина над крестоносцами, включение Иерусалима в состав Айюбидского султаната. Есть упоминание и еще одной даты — 1247 г. — договор египетского султана с хорезмийцами, возвращение Иерусалима в состав Айюбидского султаната. В настоящее время ключи от Храма Гроба Господня находятся в введении двух арабских семей аль-Хусейни и аль-Нусейбе.

¹⁰ Софроний родился в Дамаске около 560 г., стал иерусалимским патриархом в 634 г.

¹¹ Полная версия текста — (*Ахтинаме* 638); копия документа на арабском языке хранится в Национальной Библиотеке Парижа: *Histoire de Jerusalem et d'Hebron*, отделение Saint Germain des Pres, номер 100.

хранятся в Святогробском монастыре греческой церкви.

Правила, установленные грамотой Ахтинаме, соблюдались и после Праведного халифата, когда Иерусалим вошел в состав Омейядского (Дамасского) халифата (661–750 гг.), а также в период Аббасидского халифата (750–945 гг.), Фатимидского халифата (969(?)–1099 гг.). Вероятно, тогда же в Храме Воскресения могли поселиться монашеские общины греков, грузин, армян, коптов, сирийцев¹².

Вопрос о принадлежности Храма Воскресения Христова, впервые поставленный после Великой схизмы 1054 г. и ставший одной из причин первого крестового похода, напрямую повлиял на изменение архитектурного облика святыни. Захватив святой город 15 июля 1099 г., крестоносцы, целью которых было освобождение Святого Гроба Господня из рук «неверных», укрепив свои позиции, стали восстанавливать святыню.

Храм Гроба Господня перестраивался в два этапа: при патриархе Арнульфе де Рооле в 1112–1119 гг. и при патриархе Уильяме I Малинском в 1131–1149 гг. (Folda 1995: 213, 226–227, 533, nt. 18, 535, nt. 27, 31, 536–538, nt. 35, 40, 44, 49, 52, 56, 539–540, nt. 76, 77, 79, 80; 543, nt. 108). Изменения были существенными¹³. Если раньше Храм представлял собой комплекс зданий разной конфигурации,

то впоследствии Голгофа и Святой Гроб оказались в едином пространстве. Исчез открытый двор к востоку от ротонды Воскресения: его пространство было перекрыто малым куполом кафоликона. Тогда же, в первой половине XII в., обновленный Храм Воскресения Христова был дополнен новыми строениями, предназначенными для монашеского ордена августинцев, среди которых были трапезная, жилые помещения, внутренний двор, где теперь располагается эфиопский монастырь.

С приходом крестоносцев в святой город Иерусалимский патриарх Симеон II был вынужден бежать на край своих владений «за Иордан в Карак», т.к. латиняне, изгнав местное духовенство, «поставили свой церковный чин и своих патриархов у Гроба Господня»¹⁴. Резиденция же нового латинского патриарха разместилась в здании, где ранее пребывали «исконные владельцы святыни», патриархи Иерусалимские. Чуть позже с северной стороны к Храму Воскресения было пристроено помещение, специально предназначенное для патриарха иерусалимского, что еще больше расширило территорию святыни.

Именно в это время сложилась традиция хоронить латинских королей рядом с Голгофой, в южной части Храма Воскресения. Так, два погребения находились в часовне, расположенной на первом ярусе, под приделом Распятия, что также формировало конфигурацию молельного помещения. Для «Греков и обращенных ими православных Арабов» период властвования в Иерусалиме крестоносцев был трудным временем. В литературе было высказано мне-

¹² В устной речи и литературе XIX–XX вв., посвященной Ближнему Востоку, народом принято называть подданных одного исповедания. Например, под греками понимаются и сербы, и болгары, и малоазийские греки, и православные арабы, грузины, русские.

¹³ Есть два описания Храма до перестройки его крестоносцами (Зевульф 1101(2)–1103; *из Даниила* 1106–1107(8)).

Также сохранились описания Храма после перестройки (*Giovanni di Würzburg* 1160–1170; *Theoderich* 1172; *Иоанн Фока* 1185; и др.).

¹⁴ Так, «латинский епископ в Иерусалиме носит титул иерусалимского патриарха; епископ, живущий в Константинополе, — титул епископа Петры Аравийской и т.д.» (*Базили* 1875: 199; *арх. Леонид* 1873: 89).

ние, что «личная доброта» первого короля, Балдуина I, «несколько смягчала преследования за веру», но при преемниках неприятие возобновилось (арх. Леонид 1873: 107).

Иерусалим вновь вошел в состав мусульманского государства после 2 октября 1187 г., когда Салах ад-Дин, султан Египта и основатель династии Айюбидов, принудил крестоносцев покинуть святой град. Следуя примеру Умара, он сохранил Храм Св. Гроба, возвратив его прежним владельцам, духовенству православного вероисповедования, представителями которых были арабы, греки и грузины. Однако главенство в Храме было отдано местным арабам. Некоторое время арабское духовенство, вместе с греческим и грузинским, оставалось «единственной стражей святыни Иерусалимской», однако и греки, и грузины, считаясь «пришельцами иноземными», тщательно отстранялись от епископства (Базили 1875: 199).

После того как Иерусалим был вновь захвачен крестоносцами, остававшимися здесь в течение 15 лет (1229–1244 гг.), латинское духовенство вернулось в Палестину. Именно тогда папа Григорий IX¹⁵ в булле 1238 г. «Pro zelo christiana efidei»¹⁶ дал согласие на создание духовного управления францисканцев на Святой земле. В этот период Храм Воскресения продолжал управляться местным духовенством, состоявшим преимущественно из арабов, в то время как латиняне, присутствовавшие на Святой земле благодаря Ордену Святого Гроба Господне-

го Иерусалимского¹⁷, доступа к святыне не имели. Однако в 1244 г. христианские святыни Иерусалима были разграблены хорезмийцами, вновь передавшими город согласно договору обратно Айюбидскому султану (арх. Леонид 1873: 108). Известно, что с кувуклии Св. Гроба были сняты облицовочные мраморные плиты (арх. Леонид 1889: 2).

В течение 266 лет (1250–1516 гг.) Иерусалим находился в составе Мамлюкского султаната. При мамлюках Храм Гроба Господня вновь оказывается во владении римско-католического духовенства. Это стало возможным благодаря дипломатическим переговорам Египта и Французского Двора, проходившим после неудачного крестового похода Людовика IX, умершего в Тунисе в 1270 г. Латиняне «вместо того, чтобы довольствоваться равными преимуществами с православным исповеданием под мусульманским владычеством», упорно стремились «к совершенному изгнанию» греков из Иерусалима и восстановлению положения, бывшего при крестоносцах. Однако иерусалимские патриархи из арабов продолжали жить при Храме. Предание гласит, что «это был бедственный для церкви период» (имеется в виду время айюбидского и мамлюкского султанатов), когда происходили сначала «отдача в наймы и затем уступка иноверным» ряда христианских обителей¹⁸.

21 ноября 1342 г. в Авиньоне Папа Климент VI подписал буллу «Gratiasagimus»¹⁹,

¹⁷ Ordo Equestris Sancti Sepulchri Hierosolymitani (католический рыцарский орден).

¹⁸ Патриархи проводили службы «в ризах полотняных», «трикирии были железные», духовенство, включая и епископов, и самих патриархов, «трудами рук своих, ремеслом, тканьем, снискивали хлеб насущный» (Базили 1875: 199, 201).

¹⁹ Булла хранится в францисканском музее Кустодии Святой Земли в Иерусалиме, архив монастыря Спасителя, без инв. номера (Treasure of the Holy Sepulchre 2013: 376, ill. 148).

¹⁵ Папа Римский Григорий IX, урожденный Уголино из Ананьи, друг и сподвижник св. Франциска Ассизского, был избран папой римским в 1227 г., через год после смерти святого.

¹⁶ Булла Георгия IX хранится в францисканском музее Кустодии Святой Земли в Иерусалиме, архив монастыря Спасителя, без инв. номера (Treasure of the Holy Sepulchre 2013: 375, ill. 147).

поручая францисканцам охранять Святую землю, и повелел создать для них Кустодию Святой земли²⁰. В документе упоминалось также обращение короля Неаполя Роберта Анжуйского и его жены Санчи Майоркской к султану ас-Салих Исмаилу с просьбой о разрешении францисканцам проживать, проводить богослужения и торжественные мессы в Храме Гроба Господня. Булла говорит и о просьбе «ордена меньших братьев»²¹ подарить им Сионскую Горницу, рядом с которой францисканцы собирались построить монастырь. Таким образом, документ утверждал орден в качестве единственного хранителя Гроба Господня и Сионской Горницы²² с правом назначать только монахов-францисканцев для проведения богослужений. И до сегодняшнего дня только францисканцы из всех римско-католических орденов сохраняют за собой это право²³. Главная церковь францисканцев в Храме Гроба Господня — это помещение, пристроенное к основному объему здания с северной стороны, которое они занимали с момента своего прихода на Святую землю и в Храм Св. Гроба. Это дополнительное пространство настолько гармонично соединено с ротондой Воскресения, что в архитектурном смысле воспринимается как единое целое со святыней или как ее логичное продолжение.

²⁰ Custodia Terræ Sanctæ (La Custodia di Terra Santa).

²¹ Имеются в виду францисканцы. В англоязычной литературе: The Order of Friars Minor (Observants), Friars Minor (O.F.M.).

²² Однако в 1561 г. францисканцы были изгнаны из монастыря на горе Сион, который был обращен османами в мусульманский вакф. Они разместились в монастыре св. Иоанна Богослова (*Treasure of the Holy Sepulchre* 2013: 376).

²³ В то время как среди автокефальных православных церквей таким правом обладает только православная патриархия Иерусалима.

Однако есть примеры и того, как соседство христианских конфессий, зачастую враждебное, никак не влияло на изменение архитектурного облика. Наиболее ярким инцидентом, в основе которого лежали права на владение отдельными частями святыни, был спор между францисканцами и грузинами за владение Голгофой ок. 1388 г. Монахи грузинской общины силой захватили часовню (придел) Распятия. Изгнанные францисканцы, имевшие на тот момент документы, подтверждавшие право на Голгофу, обратились к султану аль-Захиру Баркуку, который 21 октября 1388 г. издал фирман²⁴, признававший их права на святое место. Во избежание дальнейших проблем он повелел, «<...> если кто-либо без причины будет досаждать им [францисканским монахам] в их местах обитания, будут судимы, <...> ответственность будет возвращена законному владельцу»²⁵.

Несмотря на это, спустя некоторое время часовня (придел) Распятия перешла во владение грузин. А в 1502 г., после долгого соперничества армянской и грузинской церквей, армяне стали владельцами этой часовни, а грузины, в свою очередь, захватили соседнюю — Пригвождения к Кресту²⁶, из которой убрали католический алтарь. Спустя 10 лет, в 1512 г., южный придел и часовня

²⁴ Фирман хранится в францисканском музее Кустодии Святой земли в Иерусалиме, архив монастыря Спасителя, без инв. номера (*Treasure of the Holy Sepulchre* 2013: 377, ill. 149); также фирман был опубликован в каталоге миланской выставки (*In Terra Santa* 2000: 294, no. 405).

²⁵ Здесь и далее перевод автора с английского варианта текста, опубликованного в каталоге выставки «Сокровище Гроба Господня, дары европейских королевских дворов Иерусалиму», 2013г. (*Treasure of the Holy Sepulchre* 2013: 377).

²⁶ Часовня расположена также на вершине Голгофы.

иерусалимских королей, расположенная под ней, в результате переговоров францисканцев и представителей властей Каира были возвращены римской церкви (*Thenaud* 1512: 96, 103). И теперь изменения вносились в интерьер святыни, но они касались предметов литургии (престолы, иконы, церковная утварь), а не архитектурной структуры. Менять расположение стен считалось насилием над святыней. Монашеские общины боролись за святые места внутри Храма, однако изменение архитектурных деталей (например, уничтожение лепнины, декора, надписей, которые не соответствовали традициям той или иной религиозной конфессии) возможно было только во время проведения реставрационных работ, как, например, произошло в 1555 г. во время очередного восстановления кувуклии.

После победы султана Селима I над мамлюками в районе Алеппо (24 августа 1516 г.) Иерусалим вошел в состав Османской империи. Османы владели святым городом вплоть до 1918 г. (402 года)²⁷, за исключением его краткого пребывания под властью Ибрагима-паши²⁸.

При османах борьба христианских конфессий за место рядом со святыней усилилось. Они, пользуясь расположением турецких властей, поочередно получали фирманы, ходжеты и др., подтверждавшие их права. Документы давались на языке османов без перевода, что подчеркивало высокий статус власти султана. Нестабильность прав христи-

анских конфессий усугублялась и смелой правителей. Соглашения могли дополняться, обновляться, изменяться при сохранении предыдущих распоряжений или из-за разногласий быть и вовсе отмененными (*Famin* 1853: 26). В целом же власть османов стимулировала разногласия и обострение отношений между католицизмом и православием²⁹.

Султаны Османской империи, понимая значение Храма Гроба Господня для христиан, продолжали политику мамлюков, отдавая приоритеты латинской церкви. Меняется ситуация и в православном иерусалимском патриархате. В 1537 г. на патриаршем престоле у Гроба Господня водворились греки³⁰. Согласно преданию, греческий монах Герман (Герман I Пелопоннесец), «изучивши в совершенстве арабский язык в Египте», поступил диаконом в Святогробский монастырь, где его приняли за «природного араба». Герман достиг епископства и был избран патриархом. Он стал посвящать в епископы греков, а не арабов, «а со смертью последних членов Синода из арабов постановил за правило приемникам, чтобы никогда арабу не вверялось епископство в Палестинской церкви». По свидетельству К.М. Базили, это правило строго соблюдалось, а при нем арабов не посвящали даже в иеромонахи и не вверяли им никаких хозяйственных должностей монастыря³¹.

Герман I озаботился состоянием Храма Гроба Господня. Одним из его первых мероприятий был ремонт Храма,

²⁷ Великобритания отвоевала Палестину у Турции в 1918 г. (*Федорченко и др.* 2018: 92).

²⁸ Ибрагим-паша (1789–1848 гг.) — сын Мухаммада Али, паши Египта, фактически отделил Египет от Турции. Командовал египетской армией, отвоевал у Турции Сирию и Палестину в 1831 г. Но в 1839 г. был вынужден отказаться от Сирии и других территорий под угрозой английского флота (*Вяземский* 1849–1850: 267).

²⁹ По мнению К.М. Базили, османское правительство способствовало усилению позиции «армян и латин кругом Гроба Господня», в то время как греки «лишились многих прав своих и были последовательно вытесняемы из многих святых мест» (*Базили* 1875: 201).

³⁰ В данном случае имеется в виду национальность.

³¹ Предание приведено К.М. Базили (*Базили* 1875: 200).

в частности кувуклии Святого Гроба. Не известно точно, какие изменения были внесены во внутренний и внешний облик Храма, но можно предположить, если какие-то фрагменты и обновлялись, то только в тех зонах, полноправными владельцами которых были греки. Ремонт вызвал серьезный конфликт с османскими властями, т.к. патриарх не получил специальное разрешение на проведение работ. Разгневанный санджак-бей Иерусалима велел заковать патриарха в цепи в наказание за своеволие, изменив свое решение только после внушительных подношений церкви. А в конце 1540-х гг. Герман I добился разрешения на снос католического алтаря, незадолго до этого установленного в часовне Распятия, что символизировало выдворение францисканцев со святого места. Однако им продолжала принадлежать южная часовня (придел) и капелла франков, служившая дополнительным входом на Голгофу. Эта потеря, несмотря на всю свою серьезность, не поколебала позиции францисканцев в Храме Воскресения. Утвердить статус главных владельцев Святого Гроба им помог ходжет Сулеймана I, полученный на восстановление кувуклии, купола над ней, а также Камня Миропомазания, серьезно поврежденных во время землетрясения 1545 г.

В знаменитом ходжете, составленном в Алеппо в 1554 г., есть сведения францисканцев о разрушении части Храма [Гроба Господня] и необходимости восстановительных работ, в чем им до обращения к султану несправедливо воспрепятствовали. Сулейман I позволил отремонтировать лишь те части Храма, которые были в руинах и непригодны для жизни. А не желавших подчиниться и продолжавших упорствовать предписано было «назвать и записать» имена, для последующего решения дела

в суде³². Поврежденные части Храма и кувуклия были обновлены в 1555 г. под руководством францисканца отца Бонифация из Рагузы. Греки оказались фактически устраненными от участия в восстановлении святыни. Фирман являет собой яркий пример активной роли султана, благосклонности которого влияла не только на взаимоотношения христианских конфессий, но и на формирование архитектурного облика Храма.

Противоречия между христианскими общинами, живущими в Храме Воскресения, их разобщенность оказывали влияние на изменение его облика. Желая закрепить свое присутствие рядом со святыней, копты в 1573 г. пристроили к западной стене кувуклии часовню, получившую имя часовня Главы, т.к. под ее сводом по преданию находилась часть погребального ложа, на которой покоилась голова Христа (*Cust, Kardus* 1980: 21).

И в XVII в. фирманы продолжали оказывать значительное влияние на жизнь Храма. Так, фирман султана Ахмеда I (20 мая 1604 г.)³³, основанный на предварительных договоренностях Франции и Порты, даровал францисканцам права на управление Храмом Гроба Господня, а также Гефсиманским Храмом Успения и Вифлеемской Базиликой³⁴. Доку-

³² Ходжет хранится в францисканском музее Кустодии Святой Земли в Иерусалиме, архив монастыря Спасителя (*Treasure of the Holy Sepulchre* 2013: 378, ill. 150; *Firmans ottomans...* 1934: no. 28 (XXVIII), p. 39).

³³ Фирман хранится в францисканском музее Кустодии Святой земли в Иерусалиме, библиотека монастыря Спасителя, инв. номер СТ 5. См. также: (*Treasure of the Holy Sepulchre* 2013: 379, ill. 151; 380–381).

³⁴ Это мнение утвердилось в исследовательской литературе. Фирман был повторен дважды в 1673 г. и 1740 г., и рассматривался в качестве подтверждения, что Святые Места находились под защитой Франции. Однако, по мнению О. Пери, османы не позволяли ограничивать их права на своей суверенной территории. Дипло-

мент разрешал «religious» (верующим, т.е. христианам, или поклоняющимся Христу), пожелавшим жить в Иерусалиме, Вифлееме и других местах, молиться в принадлежавших султану церквях (*Treasure of the Holy Sepulchre* 2013: 379–381). Им гарантировались жизнь, благоприятный прием, охрана от «трудностей и лишений». В тексте отсутствуют названия конкретных монашеских общин и христианских конфессий.

В то же время именно этот фирман закрепил за францисканцами право служения литургии на Гробе Господнем. Иерусалимские же патриархи греческой церкви не только не могли совершать проскомидию на трехдневном ложе Христа, но и с 1608 г. жили в Константинополе, а не в Иерусалиме. Существует мнение, что патриарх Феофан был вынужден поселиться в столице Османской империи, чтобы ходатайствовать перед правительством за свою церковь. Близость к турецкому двору давала возможность «жаловаться на злоупотребления местных властей Палестины» и находить источник доходов, что в XIX в. сыграло существенную роль в назначении главным реставратором Храма Гроба Господня архитектора греческого происхождения³⁵. А преемники «не только последовали его примеру, но даже <...> вовсе перестали посещать свою епархию» (*Базили* 1875: 201). Так, в 1637 г. иерусалимский патриарх Феофан III добился права православным на собственность в Хра-

матические преференции, полученные Францией по соглашениям 1604 и 1673 гг., были довольно скромными. Однако французская историография, признавая длительное главенство Франции в качестве главного защитника римского католицизма на Святой земле, не соглашается с утверждением о слабой позиции францисканского ордена.

³⁵ Имеется в виду восстановление Храма Воскресения Н. Комниносом после пожара 1808 г.

ме Св. Гроба (фирман султана Мурада IV). Однако в 1644 г. представители грузинской общины потеряли большую часть наделов в Храме.

Во второй половине XVII в. противоречия между греками и латинянами усиливались, приобретая политическую окраску. Активную роль в этом играли документы, дарованные султанами и визирями, которые попеременно отдавали главенство в Храме Воскресения грекам и францисканцам. При Мехмеде IV в 1673 г. было заключено соглашение между Францией и Портой, подтверждавшее права францисканцев на Гроб Господень³⁶. Текст свидетельствовал, что «французские подданные [верующие], которые <...> живут в Иерусалиме, в Храме Гроба Господня, который еще называется Камата³⁷, не должны быть чем-то обеспокоены <...>, испытывать трудности или облагаться налогами» (*Treasure of the Holy Sepulchre* 2013: 379, ill. 152). Документы свидетельствуют о явном расположении османских властей к французскому двору и францисканскому ордену.

Однако другие христианские конфессии по-прежнему стремились присутствовать в Храме и возле него. Так, например, в 1674 г. греческая патриархия смогла приобрести участок рядом с входом в Храм Воскресения, где теперь находится монастырь Авраама. А в сентябре 1675 г. патриарх Досифей II Нотара получил у местных властей берат³⁸

³⁶ Соглашение хранится в францисканском музее Кустодии Святой земли в Иерусалиме, архив монастыря Спасителя, без инв. номера (*Treasure of the Holy Sepulchre* 2013: 379, ill. 152).

³⁷ Alqama (36Юн3гЙ) — (с араб.) воскресение, слово Alkamama (36Юн3гЙ) мусор (*Treasure of the Holy Sepulchre* 2013: 379, note 5; *Famin* 1853: 27, note).

³⁸ Берат (тур.) — грамота турецкого султана, которой он жаловал подданным милость или особые права (Словарь иностранных слов, во-

на владение кувуклией в Храме Гроба Господня за ежегодную плату 1000 пиастров в пользу мечети Ахмеда (*Treasure of the Holy Sepulchre* 2013: 384–385, ill. 156). В октябре того же года канцелярия великого визиря Фазыла Ахмета Кёпрюлю дала фирман, подтвердивший право греческого патриарха Досифея II на владение палестинскими святынями.

Фирманы, предоставлявшие, подтверждавшие и отменявшие те или иные права, предоставлялись с завидной регулярностью. Например, в апреле 1689 г. последовал очередной фирман, данный Сулейманом II, улучшавший позиции латинян. Он передавал во владение францисканцев два купола и апсиду Храма Гроба Господня, половину Голгофы, Камень Миропомзания, давал приоритетное право служения литургии на Святом Гробе (и в Вифлеемской базилике)³⁹. Однако султанат никогда не упускал возможности напомнить христианскому миру о том, что именно он является главным хозяином святыни. Так, Сулейман II уже в 1690 г. своим фирманом напомнил латинянам о своих правах. В обращении к Людовику XIV напоминал ему, что «<...> со времен <...> Умара <...> и с момента завоевания Иерусалима и до сего дня, он [Храм] всегда будет в руках мусульман», а он как султан владеет им «согласно закону наследования

шедших в состав русского языка / сост. под ред. А. Н. Чудинова. С.-Петербург: издание книгопродавца В. И. Губинского, 1910. С. 154).

³⁹ Укрепление позиций францисканцев произошло во многом благодаря усилиям французского посла в Константинополе Пьера де Жирардана, с 1686 г. находившегося при дворе султана. Под контролем греков оставались кафоликон, находящийся под малым куполом Храма Св. Гроба, и часовня Распятая. Данный фирман упоминается в уставе султана Османа III от 10 октября 1755 г. Английский перевод текста дан в каталоге: (*Treasure of the Holy Sepulchre* 2013: 389–390, ill. 159).

и ни в чьи другие руки он не перейдет» (*Treasure of the Holy Sepulchre* 2013: 387)⁴⁰.

Новые мероприятия по восстановлению Храма Воскресения Христова также были связаны с международной политикой. В 1719 г. французские власти, в обмен на обязательство в течение двух лет вернуть на родину подданных Османской империи, заключенных во французские тюрьмы, испросили фирман для францисканского ордена на проведение работ. Однако из-за противоречий христианских общин, проживавших в Храме, они были проведены лишь частично.

Французское правительство систематически поддерживало францисканцев в их стремлении к господству на Святой земле и в Храме Св. Гроба. Фирманы, полученные орденом в 1604, 1673, 1689 гг., были подтверждены соглашением, заключенным между французским и османским дворами 28 мая 1740 г.⁴¹

Внутренняя архитектура Храма менялась в зависимости от принадлежности тех или иных помещений, алтарей и прочих его пространств тем или иным конфессиям, орденам и др. Так, устав⁴² султа-

⁴⁰ Барон де Теста указал на серию фирманов, повторявших текст предшественника (1695, 1697, 1698, 1703, 1710), что свидетельствует о неисполнении фирмана 1690 г. (*Testa* 1864–1911: vol. III, p. 319).

⁴¹ Соглашение хранится в архиве Министрства иностранных дел Франции (Париж — Ла-Курнёв) (*Treasure of the Holy Sepulchre* 2013: 380–381). Соглашение было заключено в Константинополе благодаря усилиям маркиза де Вильнёва. Второй перевод соглашения на французский язык, сделанный в 1761 г. по запросу французского посла в Константинополе графа де Верженна, был разбит на 85 статей, 7 из которых были посвящены «Проблеме Святых мест». Статьи, посвященные охране Святых мест: 1, 32–36 и 82 (*Testa* 1864–1911: vol. I, p. 141 ff).

⁴² Устав хранится в францисканском музее Кустодии Святой Земли в Иерусалиме, архив монастыря Спасителя (*Treasure of the Holy Sepulchre* 2013: 389–391, ill. 159).

на Османа III от 10 октября 1755 г. определял зоны владения латинян в Храме Гроба Господня. Документ был принят в ответ на просьбу графа де Верженна подтвердить права францисканцев, определенные его предшественниками. Текст подчеркивал первенство францисканцев на право служить у Святого Гроба, «расположенного посередине Храма Гроба Господня». Подчеркивалось и право ордена на «два железных купола, большой и малый, расположенные над ним [Гробом Христа]». Оговаривались и дарованные ранее права «подметать, убирать, служить мессу, устанавливать свечи и лампы» внутри кувуклии, убирать и украшать малые ступени перед ее дверью. Оговаривались даже такие детали, как право чистить железную решетку, отделявшую греческую церковь (т.е. кафоликон) от пространства, где находился Св. Гроб (т.е. ротонды Воскресения), и следить за лампадами, установленными в «большой арке» (т.е. арке Мономаха) во имя короля Франции. Францисканцы настаивали и на принадлежности им половины «Кальварии, которая зовется местом распятия», а также праве служить на алтаре мессу и устанавливать рядом свои свечи и лампы. Требовали они и первенства в служении литургии на Святом Гробе и проведении богослужений «над и под семью Арками Пресвятой Девы и перед Камнем Миропомазания». Текст содержал и жалобы на греков, которые якобы «оскорбительно их притесняли», убрали поставленные ими лампы, устанавливая свои «два каменных канделябра под большой аркой напротив Гроба [Господня]» и два канделябра рядом с Камнем Миропомазания, а в Гроте Обретения Креста поставили свою небольшую скамью. Устав султана оговаривал не только статус францисканцев в Храме Воскресения в Иерусалиме, рассматривал сложные

взаимоотношения с греками, но освещал и вопрос о ключах от Вифлеемской базилики. Признавая права францисканцев, документ выдвигал условия, что «они не будут никого обращать в свою религию, которая не может быть распространяема в мусульманских землях <...>» (*Treasure of the Holy Sepulchre* 2013: 390).

Значение данного фирмана заключается в том, что в нем приведены наименования различных частей Храма Гроба Господня, сохранившиеся на сей день. Данный факт свидетельствует, что к моменту издания фирмана Храм воспринимался как своеобразная сокровищница святынь, принадлежащих различным конфессиям. Многие часовни и престолы в фирмане не упомянуты, возможно именно потому, что францисканцы на них не претендовали.

Нестабильность ситуации в разграничении прав католиков и православных на Святой земле во многом поддерживалась и султанским правительством. Тот же Осман III в 1757 г. передал во владение греков Вифлеемский храм Рождества Христова, гробницу Богородицы [Храм Успения в Гефсимании], закрепив за обеими конфессиями равные права в Храме Гроба Господня. Фирман закрепил юридически права Иерусалимского греческого патриархата в Храме Гроба Господня. Эти мероприятия были восприняты католиками как определенное ограничение их прав на Святой земле.

Таким образом, фирман 1757 г. стал первым актом, регулировавшим права христианских конфессий (греков и латинян) на Святой земле. Причем именно греческий патриархат, в противовес францисканскому ордену, укреплял свои позиции. В 1787 г. греки получили «фирманы на возвращение им некоторых из святых мест», например Вифлеемского храма, «из которого были вы-

теснены Латинянами за 114 лет перед тем (1673)» (*Базили* 1875: 203).

Проявившаяся тенденция османских властей к созданию некоего равновесия между христианскими конфессиями не устраивала Францию. Оставаясь официальным покровителем католиков в Османской империи, она неоднократно пыталась вернуть главенство францисканцев в Храме Св. Гроба. Однако эти попытки оставались мало результативными⁴³.

Прецедент со снятием католической звезды с Базилики Рождества Христова на рождество 1851 г. стал поводом для обращения Франции к Османскому правительству за оказанием содействия францисканцам. Именно это событие стало поводом для издания ставшего знаменитым фирмана султана Абдулы-Меджида I (1852 г.), который установил так называемый режим «статус-кво» в Святых местах. Согласно этому документу подтверждалось право свободного входа францисканцев к Св.

⁴³ Например, мирный договор Французской республики и Османской империи, подписанный 25 июня 1802 г. в Париже (ст. II), утверждал, что соглашения, заключенные между двумя сторонами, должны были быть обновлены, с учетом соглашения 1740 г., в котором были проговорены все предшествовавшие фирманы. В 1847 г. латинский патриархат под эгидой Франции потребовал единоличного права на владение святынями в Храме Св. Гроба, но получил отказ.

⁴⁴ В 1850 г. представитель Франции в Стамбуле, генерал Опики от имени своего правительства и католических королевств Сардинии, Бельгии, Испании, Австрии вновь потребовал у Великой Порты восстановления прав францисканцев на Святой земле, утраченных в 1757 г. В Храме Гроба Господня они претендовали на ротонду Воскресения, кувуклию, Камень Миропомзания, северный неф храма (семь Арок Святой Девы), темницу Христа, площадь перед Храмом, а также на церковь Успения в Гефсимании и базилику Рождества в Вифлееме. Это предложение также не было удовлетворено.

Гробу, Камню Миропомзания в Храме Воскресения, Вифлеемской Базилике Рождества и садам, расположенным между греческим и латинским домами. В свою очередь, греки, армяне и другие монашеские общины, проживавшие в Храме, сохраняли свои позиции. Копия документа, составленная 8 февраля 1852 г., переведенная на французский язык, была передана послу Франции великим визирем Мехмедом Али-пашой⁴⁴.

По мнению составителей каталога французской выставки, документ имел двоякий смысл. С одной стороны, в нем просматривались восстановление прав францисканцев и даже гарантии их дальнейших прав, с другой — текст фирмана поощрял греков и учитывал пожелания русской миссии, что противоречило желанию Франции (*Treasure of the Holy Sepulchre* 2013: 392).

Несмотря на противоречие, заложенное в его основе, фирман 1852 г. является юридической основой, охраняющей неприкосновенность святынь и соблюдение равноправия христианских конфессий на Святой земле. Он запретил перераспределение прав между конфессиями и обязал верующих соблюдать провозглашенный «статус-кво».

Согласно мнению современного греческого исследователя проблемы Ф. Митропулоса, ситуация, впоследствии названная «статус-кво», на Святой земле и в Храме Гроба Господня берет свое начало с момента перехода Иерусалима в 1516 г. под власть Османской империи. В своем известном исследова-

⁴⁴ Бумажная копия на французском языке хранится в архиве Министерства иностранных дел Франции (Париж — Ла-Курнёв). Режим «статус-кво», запись (документ) от 8 февраля 1852 г., от Министерства иностранных дел Османской империи французскому посольству в Константинополе (*Treasure of the Holy Sepulchre* 2013: 392, ill. 160; *Efendi* 1853).

нии, посвященном реставрационным работам Н. Комниноса в Храме Гроба Господня, автор условно выделил два этапа в эволюции формирования «статус-кво». Первый этап этого процесса обозначен им как «исполняемый» «статус-кво». Он представлял собой крайне нестабильный правовой и территориальный раздел святынь Палестины между конфессиями, что иногда закреплялось в законодательных документах. Хронологически этот период простирается практически на три века (1516–1852 гг.). Главная особенность этапа — активность францисканского ордена и французского правительства в борьбе за приоритет на Святой земле. Фирман 1852 г. знаменует начало второго этапа, названного Ф. Митропулосом «узаконенным», т.е. «статус-кво» получил юридически-правовое оформление, что, однако, не устранило всех противоречий (Μητρόπουλος 2009: 286–287).

Несмотря на юридическое закрепление равноправия христианских конфессий, францисканцы не могли смириться с утратой своих позиций и получили у местных властей ключи от Базилики Рождества в Вифлееме. Этот инцидент, среди прочего, стал поводом к началу Крымской войны (1853–1856 гг.). Тогда же султан Абдул-Меджид I принял решение об изъятии из юрисдикции местных властей и передаче верховной власти решения всех вопросов, связанных со святыми местами. Условия Парижского мира (1856 г.) содержали в том числе и статьи, охранявшие положения фирмана 1852 г., а державы, подписавшие договор, включая Россию, обязались поддерживать «статус-кво» в Святой земле.

Одним из символов примирения конфликтующих сторон стало совместное восстановление большого купола Храма Воскресения, расположенного над купелией Святого Гроба. Часть свода ку-

пола обрушилась в 1862 г. Французский и русский дипломаты в союзе с греческим, латинским и армянским духовенством 5 сентября 1862 г. в Константинополе подписали протокол, в котором оговаривались условия участия христианских конфессий в реставрации и оплате работ.

Счет решено было поделить поровну между представителями Франции, России и Турции (представляла армянское духовенство), что должно было помешать нарушению «статус-кво». Совместный протокол запрещал размещать надписи или эмблемы, которые могли оскорбить религиозные чувства представителей других вероисповеданий. Начало восстановительных работ затянулось на четыре года. Одной из причин этого стало наличие греческих надписей на барабане ротонды и в «Галерее Лампад», закрытой с 1812 г. для представителей францисканского ордена. Несмотря на то, что эти надписи появились лишь в итоге реставрации Н. Комниноса (1809–1810 гг.), проблема их сохранения дискутировалась. В результате поздние греческие надписи были сохранены⁴⁵.

Своеобразным символом «статус-кво» стала так называемая «недвижимая лестница» на карнизе южного фасада храма, расположенном под окнами армянской часовни св. Иоанна. Менять месторасположение этого артефакта можно только по взаимному согласию всех конфессий Храма.

Однако всеобщее согласие во многом было иллюзорным, о чем свидетельствовал и архимандрит Леонид, возглавлявший с 1863 по 1865 г. Русскую

⁴⁵ Запись французского Министерства иностранных дел с резолюцией Наполеона III «разрешить» от 06 января 1866 г. хранится в архиве Министерства иностранных дел Франции (Париж — Ла-Курнёв) (*Treasure of the Holy Sepulchre* 2013: 393, ill. 161).

духовную миссию в Иерусалиме. Он писал о своих наблюдениях за тем, как иноки храма св. Гроба «всех трех вероисповеданий»⁴⁶, «когда по вечерам выходят на площадь подышать чистым воздухом, дружелюбно разговаривают друг с другом». Но дружелюбие было видимым, «как бывает во время перемирия между солдатами двух враждебных армий». Он подробно описал подспудную борьбу за пространство Храма: «за каждый повешенный там или в другом месте образ, за каждую лампадку либо другую самую малейшую вещь представители каждого вероисповедания должны были вести с другими ожесточенный бой», «особенно же приходится иметь осторожность против постепенного присвоения мест; сначала вобьют где-нибудь гвоздь, и если та сторона, которой принадлежит это место, не вступится за это, тогда спустя некоторое время вешают образ, а там мало-помалу присваивают и все место» (*арх. Леонид* 1873: 67–68).

К моменту окончания Первой мировой войны внутреннее пространство Храма Гроба Господня было достаточно четко разграничено между христианскими конфессиями. С падением Османской империи возникла необходимость урегулирования политического статуса территорий и народов, находившихся ранее под ее управлением. В результате земельного раздела между европейскими державами Палестина в 1918 г. оказалась под контролем Британии⁴⁷.

⁴⁶ Имеются в виду греко-православное, римско-католическое, армянско-апостольское вероисповедания.

⁴⁷ На Парижской мирной конференции 1919 г. союзные державы решили подчинить территории, «которые населены народами, еще не способными самостоятельно руководить собой в особо трудных условиях современного мира», системе мандатов, принятой в Договоре Лиги Наций, подписанном 28 июня 1919 г., который является составной частью Версаль-

В течение почти двадцати лет британского правления в Храме Св. Гроба соблюдался «статус-кво» 1852 г. За это время проводились реставрационные работы, продолжалось археологическое изучение памятника, в этих мероприятиях, как правило, принимали участие все христианские конфессии. Так, например, сильнейшее землетрясение 1927 г., повредившее купол ротонды Воскресения, вызвало немедленную реакцию местных властей, которые на средства греко-православной церкви организовали восстановительные работы (*Cust, Kardus* 1980: 26–27).

Получение независимости Ливаном (1943 г.) и Сирией (1944 г.) ослабило влияние Великобритании в палестинском вопросе. В результате в 1947 г. решение палестинской проблемы перешло в ведение ООН, а британский мандат был аннулирован резолюцией ГА ООН № 181/II (*Федорченко и др.* 2018: 101). Местному населению была предложена временная опека, им не принятая.

В одном из постановлений Генеральной ассамблеи ООН (Резолюция ГА ООН 194/III от 11 декабря 1948 г., п. 7) говорилось о том, что Святые места в Палестине, включая Назарет («здания и участки религиозного значения», в том числе и Храм Гроба Господня), должны быть охраняемы, и к ним должен быть обеспечен свободный доступ «с существующими правами и исторически установившимися традициями» (т. е. на основа-

ского договора о мире с Германией (*Пакт Лиги Наций* 1919: ст. 22). Мандаты на арабские страны, включая Палестину, «провизорно» признавали их дальнейшую независимость. Но мандат на Палестину, «вследствие содержащихся в нем противоречий», привел к конфликту. В него была включена Декларация Бальфура, где провозглашалась «идея создания международной поддержки еврейского государства» (*Истоки и история* 1978: 22–23).

нии «статус-кво», в том числе с опорой на фирман 1852 г.).

Именно с этого времени можно говорить о попытках установления в Иерусалиме на уровне международной юрисдикции «постоянного международного режима» (*Истоки и история* 1979: 101). Однако это не было осуществлено, переговоры о перемирии — отвергнуты, а 15 мая 1948 г. было принято решение о создании государства Израиль. Позднее, в 1967 г., в его состав вошел восточный Иерусалим.

Позиции же христианских общин в Храме Гроба Господня были оговорены в докладе секретариата Согласительной комиссии ООН от 8 апреля 1949 г., во многом повторявшие уже сложившиеся на основании фирманов 1757 и 1852 гг. условия (*The Holy Places* 1949). Святыня была поделена на пространственные зоны (участки), каждая из которых соответствовала одному из пяти видов собственности (см. Приложение I). Названия видов собственности весьма условны, поэтому и перевод на русский язык (сделанный автором) можно считать лишь условным. Однако без этого, даже условного, обозначения понять организацию пространства внутри святыни невозможно. Права конфессий в законодательных актах Израиля не зафиксированы. Документ представляет собой последний изданный акт, где была предпринята попытка зафиксировать и впервые ранжировать права христианских конфессий.

Разделение Храма Гроба Господня между христианскими общинами выделило «особенную отрасль управления» святыней — «по хозяйственной части» (*Базили* 1875: 234). При Храме обитают монахи греческого Святогробского братства, францисканского ордена и монахи армянской апостольской церкви. Из шести основных христианских конфессий

на сегодняшний день только греки, латиняне и армяне владеют основными приделами Храма. Монахи всех конфессий обязаны чтить и охранять Гроб Господень и Голгофу, центральные святыни христианской церкви, находящиеся под сводами Храма Воскресения. К.М. Базили условно выделил три категории прав христианских общин в Святой земле (и Храме Воскресения Христова в том числе): «права исторические», «права приказные», «права существующего обычая или факта» (*Базили* 1875: 228–230; см. Приложение II).

После падения Порты, в период британского мандата, при государстве Израиль позиции христианских конфессий на Святой земле, в том числе и в Храме Гроба Господня, оставались и остаются практически мало изменяемыми.

Уже на стадии оформления, при постоянном изменении зон владений монашескими общинами в Храме Воскресения Христова и вокруг него, «статус-кво» являлся одним из факторов, влиявших на сохранность исторического облика памятника. Наиболее сильно влияние проявлялось в условиях, когда требовались восстановительные или реставрационные работы. Каждый хотел получить право на их проведение и прикладывал максимум усилий, чтобы святыня была восстановлена именно в той архитектурной традиции, которая соответствовала его региональной принадлежности. Ход восстановительных работ (мелких и крупных) полностью зависел от того, кто получит разрешение на их проведение. Примером служит и восстановление кувуклии сицилийским мастером в 1555 г., и несостоявшееся восстановление храма францисканцами в 1719 г., и глобальная реставрация 1809–1810 гг., во время которой были уничтожены почти все латинские надписи, и установление купола ротонды

Воскресения в 1866 г., затянувшееся на четыре года.

На данный момент, несмотря на наличие и постоянное упоминание «статус-кво», полного законодательно-го акта, регламентировавшего права и притязания христианских конфессий, пребывавших и пребывающих в Храме Гроба Господня, не существует. Возлагать надежды на то, что появится свод законодательных актов, в разное время дарованных христианским общинам Храма, вряд ли возможно. То, что документы хранятся в разных архивах мира и многие из них утрачены, свидетельствует о невозможности полноценного восстановления хронологии смены владельческих прав отдельных конфессий. Документы латинского духовенства (папские буллы, трактаты, султанские ходжеты и фирманы) в основном хранятся в архиве монастыря Спасителя, францисканском музее Кустодии Святой земли, архиве Министерства иностранных дел Франции⁴⁸. Места хранения и содержание текстов многих фирманов, дарованных грекам, армянам, коптам, эфиопам, грузинам, сирийцам, маронитам, доподлинно не известны.

Последним актом о правах христианских общин в Храме Воскресения можно считать доклад секретариата Согласительной комиссии ООН (8 апреля 1949 г.), где было условно выделено пять видов собственности. Документ, учитывая сложность вопроса, не внес нововведений или корректировок в установленный порядок в Храме.

Противоречия между конфессиями и их пребывание в Храме влияли на изменения его структуры и должны были оказывать определенное влия-

ние на его внешний и внутренний облик, а также и на пространство вокруг него. Для христианского мира крайне важен вопрос пребывания рядом со святынями, находящимися внутри Храма (Святым Гробом, Голгофой, Камнем Миропомзания). Поэтому проблема «статус-кво» в Храме Гроба Господня чрезвычайно актуальна, болезненна, дискуссионна и требует деликатного подхода к ее изучению.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Виды собственности в Храме Гроба Господня, указанные в докладе секретариата Согласительной комиссии ООН от 8 апреля 1949 г. (*The Holy Places 1949: 5–6*).

Первый вид: общественная собственность, находится в распоряжении трех патриархов (греческая, армянская и католическая церкви). Например, кувуклия Св. Гроба, Камень Миропомзания.

Второй вид: собственность, находящаяся в распоряжении одного патриарха, права которого не признаны другими конфессиями. Это определило традицию двойного наименования приделов и алтарей. Например, подземная часовня св. Елены (в греческой традиции), она же — часовня св. Григория Просветителя (в армянской).

Третий вид: спорная собственность. Наличие документов на права и владение приделом или престолом в Храме Гроба Господня у двух сторон. Например, западной апсидой ротонды Воскресения (придел Богоматери) владеют армяне и сиро-яковиты. Обе стороны считают себя единоличными владельцами, имеющими единственное право на реставрацию.

⁴⁸ Museums of the Franciscan Custody of the Holy Land, St. Saviour's Monastery Archives; архив Министерства иностранных дел Франции (Париж — Ла-Курнёв)

Четвертый вид: собственность единоголичного владения одной христианской конфессии с частичным правом других конфессий служить здесь литургию. Например, придел Распятия — владение греков, у остальных есть право на литургию в определенные дни. Реставрационные работы не должны проводиться без уведомления всех конфессий.

Пятый вид: собственность исключительной юрисдикции одной конфессии. Например, северная часть галереи ротонды Воскресения принадлежит римско-католической церкви; кафоликон — исключительно греко-православной церкви.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Классификация прав, предложенная К. М. Базили (Базили 1875: 228–230).

1. Историческое право

Под историческим правом автор подразумевает информацию, известную каждому образованному человеку. Условность данной категоризации и ее противоречивость показана самим К. М. Базили. Он дает мнение греков, что «все это воздвигнуто нашими императорами Константином, Еленою, Юстинианом», а также латинян, утверждавших, что «те императоры были латинского закона». Армяне же уверяют, что «императоры исповедали григорианское учение». Добавляют греки, что «по завоевании Иерусалима мусульманами» им и патриарху Софронию были «исключительно дарованы Святые места». На это латиняне возражают: «<...> меч крестоносцев <...> не одним ли нам, завещал хранение Святыни?» Армяне же признаются, что «предки их не дрались за владение Святых мест», но подчеркивают

свой материальный вклад — «никогда цари их не переставали посылать милостыню в Иерусалим».

2. Приказное право

Под приказными правами понимаются «права и притязания», основанные на судебных приговорах, фирмах и султанских хати-шерифах. Это, по мнению исследователя, дает «еще более запутанности и недоумения». Каждая из «состязающихся сторон» владеет сотнями противоречащих друг другу документов. Не все фирмы и судебные решения приводились в исполнение. «По обычаю турецкой канцелярии» новое правительственное распоряжение не отменяло предшествовавшего (иногда по смыслу противоположного) решения. Были случаи дарования одних и тех же прав и преимуществ нескольким сторонам, что позволило исследователю назвать эту ситуацию «хаосом юридическим».

3. Право факта

Третья категория — «права обычаев или факта», по мнению К. М. Базили, не зависит от деятельности конкретного человека. Явления приписываются «не лицам, а фактам». «С переменою лиц, с улучшением умственного и морального их быта, можно бы достигнуть желанного преобразования; но пока существуют факты, сопряженные с вековыми политическими судьбами Иерусалима, духовные поколения могут сменяться одно другим на страже Святыни, а влияние фактов равно будет тяготеть над ними».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ахтинаме 638 — Ахтинаме, 638 г. // Период великих потрясений / официальный сайт Иерусалимского Патриархата. URL: ru.jerusalem-patriarchate.info/история/период-великих-потрясений (дата обращения: 23.08.2018).

- Базили* 1875 — *Базили К. М.* Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношении. Издание второе. СПб.: Типо-Литография А. Е. Ландау, 1875.
- Вяземский* 1849–1850 — *Вяземский П. А.* Путешествие на Восток (1849–1850) // Святые места вблизи и издали: Путевые заметки русских писателей I пол. XIX в. / сост. К. Ургузов. М.: Восточная литература; Школа-Пресс, 1995. С. 253–286.
- иг. Даниил* 1106–1107(8) — Житие и хоженье Даниила Русския Земли Игумена (1106–1107) // Православный палестинский сборник. Вып. 3 и 9 / под ред. М. А. Веневитинова. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1885. С. 1–141.
- Зевульф* 1101(2)–1103 — Путешествие Зевульфа в Святую Землю 1102–1103 гг. // Православный палестинский сборник. Вып. 3 и 9 / под ред. М. А. Веневитинова. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1885. Приложение V. С. 263–291.
- Иоанн Фока* 1185 — *Иоанн Фока.* Сказание вкратце о городах и странах от Антиохии до Иерусалима, также Сирии, Финикии и о Святых Местах Палестины конца XII века // Православный палестинский сборник. Вып. 23 / пер. И. Троицкого. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1889.
- Истоки и история* 1978 — Истоки и история проблемы Палестины. Часть I: 1917–1947 годы. Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1978.
- Истоки и история* 1979 — Истоки и история проблемы Палестины. Часть II: 1947–1977 годы. Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1979.
- арх. Леонид* 1873 — *Леонид (Кавелин) архим.* Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника. М.: Университетская типография (Катков и К°), 1873.
- арх. Леонид* 1889 — *Леонид (Кавелин) архим.* Два православных Славянских паломника XIV века, доселе еще не занявших надлежащего им места в нашей паломнической литературе // Православный палестинский сборник. Т. VI. Вып. 1 (16). СПб.: Типография В. Киршбаума, 1889. С. 1–11.
- Пакт Лиги Наций* 1919 — Пакт Лиги Наций, 28 июня 1919 г. // Истоки и история проблемы Палестины. Часть I: 1917–1947 годы. Нью-Йорк: ООН, 1978. С. 104.
- Паломничество* ок. 381–384 — Паломничество по святым местам конца IV века // Православный палестинский сборник. Вып. 2(20). / Изд., пер., предисл. и объясн. И. В. Помяловского. СПб: Типография В. Киршбаума, 1889. С. 1–312.
- Святые места* 1995 — Святые места вблизи и издали. Путевые заметки русских писателей I половины XIX века / сост. К. Ургузова. М.: Восточная литература, 1995.
- Федорченко и др.* 2018 — *Федорченко А. В., Крылов А. В., Морозов В. М.* Государство Палестина: право на будущее. М.: МГИМО-Университет, 2018.
- Bahat* 1986 — *Bahat D.* Does the Holy Sepulchre Church Mark the Burial of Jesus? // *Biblical Archaeology Review*. Vol. 12/3 (May–June). 1986. P. 26–45.
- Barkay* 1986 — *Barkay G.* The Garden Tomb: Was Jesus Buried Here? // *Biblical Archaeology Review*. Vol. 12 / 2 (March–April). 1986. P. 40–57.
- Breviarius* ок. 530 — *Breviarius* (A short Account of Jerusalem) // *Wilkinson J.* Jerusalem pilgrims before the Crusades. Warminster, Eng.: Aris & Phillips, 1977. P. 59–62.
- Clos* 1898 — *Clos E. M. von.* Kreuz und Grab Jesu. Kritische Untersuchung der Berichte über die Kreuzauffindung. Kempten: Verlag der Jos. Koselschen Buchhandlung, 1898.
- Cust, Kardus* 1980 — *Cust L. G. A., Kardus A. E.* The Status Quo in the Holy Places. The status Quo in the Church of the Nativity, Bethlehem. Jerusalem: Ariel Publishing House, 1980.
- Efendi* 1853 — [*Fuad Efendi, Turkish foreign minister, attributed to*] La vérité sur les Lieux-saints par quelqu'un qui la sait. Malta: n.p., 1853.
- Eusebii Pamphili* ок. 337 — *Eusebii Pamphili.* De vita Constantini, libri IV. et panegyricus atque Constantini ad sanctorum coetum oratio. Lipsiae: G. Nauckium, 1830.
- Famin* 1853 — *Famin C.* Histoire de la rivalité et du protectorat des église chrétiennes en Orient. Paris: Firmin Didot frères, 1853.

- Firmans ottomans*... 1934 — *Firmans ottomans émanés pour les Lieux-Saints de la Palestine* / Trans. J. Hussein, F. Sciad, N. Gosselin. 3 vols. Jerusalem: Franciscan Printing Press, 1934.
- Folda* 1995 — *Folda J. The Art of the Crusaders in the Holy Land, 1098–1187*. Cambridge: Cambridge University press, 1995.
- Giovanni di Würzburg* 1160–1170 — *Giovanni di Würzburg. Descriptio Terrae Sanctae, 1160–1170*. URL: www.gethsemane-en.custodia.org/default.asp?id=5675 (дата обращения: 23.08.2018).
- In Terra Santa* 2000 — *In Terra Santa. Dalla Crociata alla Custodia dei Luoghi Santi* (Milan, Palazzo Reale, 2000), Florence [catalog]. Milan: Artificio Skira, 2000.
- Itinerarium Placentini* ок. 570 — *Itinerarium Placentini* // Wilkinson J. *Jerusalem Pilgrims before the Crusades*. Warminster Teddington House: Aris & Phillips, 2002. P. 139.
- Itinerary from Bordeaux* ок. 333 — *Itinerary from Bordeaux to Jerusalem*. The Bordeaux Pilgrim, 333 A.D. Transl. by A. Stewart. London: I, Adam str., Adelphi, 1887.
- Testa* 1864–1911 — *Testa I. de. Recueil des Traités de la Porte ottoman avec les puissances étrangères depuis le premier traité conclu, en 1536, entre Suléyman I et Francois I jusqu'à nos jours*. 11 vols. Paris: Amyot, 1864–1911.
- The Holy Places* 1949 — *The Holy Places*. Committee on Jerusalem, Working Paper prepared by the Secretariat, UNCCP. Restricted Com. Jer / W. 14. 8 April 1949. 40 p. URL: commons.wikimedia.org/wiki/File:United_Nations_Conciliation_Commission_for_Palestine_Working_Paper_on_the_Holy_Places.djvu (дата обращения: 23.08.2018)
- Thenaud* 1512 — *Thenaud J. Le Voyage d'Outremer (égypte, Mont Sinay, Palestine), 1512* / Ed. C. Schefer. Paris, 1884.
- Theoderich* 1172 — *Theoderici libellus de Locis Sanctis editus circa A. D. 1772*. Cui accedunt breviores aliquot descriptiones Terrae Sanctae / Ed. T. Tobler. St. Gallen, Paris: Huber u. Comp., Librairie A. Frank, 1865.
- Treasure of the Holy Sepulchre* 2013 — *Treasure of the Holy Sepulchre*: published on the occasion of the exhibition *Treasure of the Holy Sepulchre, Gifts of the European royal courts in Jerusalem presented at the Châteaude Versailles and at the Maison de Chateaubriand (Châtenay-Malabry) from 16th April to 14th July 2013*: [catalog] / Ed. B. Degout. Milan: Silvana ed.; Châtenay-Malabry: Maison de Chateaubriand, 2013.
- Vincent* 1925 — *Vincent L.-H. Chronique. Garden Tomb. Histoire d'un mythe* // *Revue biblique*, 1925. No. 64. P. 401–431, pls. XV–XVIII.
- Μητρόπουλος* 2009 — *Μητρόπουλος Θ. Γ. Ὁ Πανιερός Ναός της Αναστάσεως Ἱεροσολύμων: το ἔργο του Καλφα Κομνηνοῦ 1808–1810* (Всесвященный Храм Воскресения в Иерусалиме: работа Калфа Комниноса 1808–1810). Θεσσαλονίκη: Ευρωπαϊκοί κέντρο βυζαντινῶν καὶ μεταβυζαντινῶν μνημείων, 2009.

REFERENCES

- Ahtiname, 638. *Period of great upheavals*. Official website of the Jerusalem Patriarchate. URL: ru.jerusalem-patriarchate.info/история/период-великих-потрясений.
- Basili K.M. *Siriia i Palestina pod turetskim pravitel'stvom v istoricheskom i politicheskom otnoshenii* (*Syria and Palestine under the Turkish government in historical and political terms*). St. Petersburg: Typo-Lithography A. E. Landau Publ., 1875 (in Russian).
- Viazemskii P.A. *Puteshestvie na Vostok (1849–1850)* (*Journey to the East (1849–1850)*). *Sviatye mesta vblizi i izdali: Putevye zametki russkikh pisatelei pervoj poloviny 19 veka* (*Holy places near and far: Travel notes of Russian writers of the first half of 19th century*), ed. K. Urguzov. Moscow: Vostochnaia literatura; Shkola-Press Publ., 1995, pp. 253–286 (in Russian).
- Zhitie i khozhdenie igumena Daniila (1106–1107(8)) (Life and Journey of Daniel, abbot of the Russian land). *Pravoslavnyi palestinskii sbornik* (*Orthodox Palestinian collected volume*), no. 3 and 9, ed. M. A. Venevitinov. S. Peterburg: Tipografia V. Kirshbauma Publ., 1885, pp. 1–141 (in Russian).
- Relatio de Peregrinatione Saewulfi Ad Hierosolymam Et Terram Sanctam. *Pravoslavnyi palestinskii sbornik* (*Orthodox Palestinian collected volume*), is. 3 and 9, ed. M. A. Venevitinov. St. Petersburg: Tipografia V. Kirshbauma Publ., 1885, pp. 263–291.

- Ioann Phocas. Skazanie vkrattse o gorodakh i stranakh ot Antiokhii do Ierusalima, takzhe Sirii, Finikii i o Sviatykh Mestakh Palestiny kontsa 12 veka (A short story about cities and countries from Antioch to Jerusalem, also Syria, Phenicia and the Holy Places of Palestine of the late 12th century). *Pravoslavnyi palestinskii sbornik (Orthodox Palestinian collected volume)*, no. 23, trans. I. Troitskii. St. Petersburg: Tipografiia V. Kirshbauma Publ., 1889.
- The origins and history of the problem of Palestine*. Part I: 1917–1947. New York: United Nations Publ., 1978.
- The origins and history of the problem of Palestine*. Part II: 1947–1977. New York: United Nations Publ., 1979.
- Leonid (Kavelin) archimandrite. *Staryi Ierusalim i ego okrestnosti. Iz zapisok inoka-palomnika (Old Jerusalem and its surroundings. From the notes of the monk-pilgrim)*. Moscow: At the University Printing House (Katkov and K°) Publ., 1873 (in Russian).
- Leonid (Kavelin) archimandrite. Dva pravoslavnykh Slavianskikh palomnika XIV veka, dosele eshche ne zaniavshikh nadlezhashchego im mesta v nashei palomnicheskoi literature (Two Orthodox Slavic pilgrims of the XIV century, who had not yet taken their proper place in our pilgrimage literature). *Pravoslavnyi palestinskii sbornik (Orthodox Palestinian collected volume)*, no. 16. St. Petersburg: Tipografiia V. Kirshbauma Publ., 1889. P. 1–11 (in Russian).
- League of Nations Pact, 28 June 1919. The origins and history of the problem of Palestine. Part I: 1917–1947. New York: United Nations Publ., 1978, p. 104.
- Sviatye mesta vblizi i izdali: Putevye zametki russkikh pisatelei pervoj poloviny 19 veka (Holy places near and far: Travel notes of Russian writers of the first half of 19th century)*, ed. K. Urguzov. Moscow: Vostochnaia literatura; Shkola-Press Publ., 1995 (in Russian).
- Fedorchenko A.V. *Gosudarstvo Palestina: pravo na budushchee (The State of Palestine: The Right to the Future)*. Eds. A.V. Fedorchenko, A.V. Krylov, V.M. Morozov. Moscow: MGIMO-Universitet Publ., 2018 (in Russian).
- Egeria, *Itinerarium Peregrinatio. Pravoslavnyi palestinskii sbornik (Orthodox Palestinian collected volume)*, is. 2(20), ed. I.V. Pomi- alovskii. St. Petersburg: Tipografiia V. Kirshbauma Publ., 1889, pp. 1–312.
- Bahat D. Does the Holy Sepulchre Church Mark the Burial of Jesus? *Biblical Archaeology Review*, 1986, vol.12/3 (May–June), pp. 26–45.
- Barkay G. The Garden Tomb: Was Jesus Buried Here? *Biblical Archaeology Review*, 1986, vol. 12/2 (March–April), pp. 40–57.
- Breviarius (A short Account of Jerusalem). *Jerusalem pilgrims before the Crusades*, ed. J. Wilkinson. Warminster, Eng.: Aris & Phillips Publ., 1977, p. 59–62.
- Clos E. M. von. *Kreuz und Grab Jesu. Kritische Untersuchung der Berichte über die Kreuzauffindung*. Kempten: Jos. Koselschen Buchhandlung Publ., 1898.
- Cust L. G. A., Kardus A.E. *The Status Quo in the Holy Places. The status Quo in the Church of the Nativity, Bethlehem*. Jerusalem: Ariel Publ., 1980.
- [Fuad Efendi, Turkish foreign minister, attributed to] *La vérité sur les Lieux-saints par quelqu'un qui la sait*. Malta: n.p. Publ., 1853.
- Eusebii Pamphili. *De vita Constantini, libri IV. et panegyricus atque Constantini ad sanctorum coetum oratio*. Lipsiae: G. Nauckium, 1830.
- Famin C. *Histoire de la rivalité et du protectorat des église chrétiennes en Orient*. Paris: Firmin Didot frères Publ., 1853.
- Firmans ottomans émanés pour les Lieux-Saints de la Palestine*, trans. J. Hussein, F. Sciad, N. Gosselin. Jerusalem: Franciscan Printing Press Publ., 1934.
- Folda J. *The Art of the Crusaders in the Holy Land, 1098–1187*. Cambridge: Cambridge University press, 1995
- Giovanni di Würzburg. *Descriptio Terrae Sanctae, 1160–1170*. URL: www.gethsemane-en.cus-todia.org/default.asp?id=5675.
- In Terra Santa. Dalla Crociata alla Custodia dei Luoghi Santi (Milan, Palazzo Reale, 2000), Florence [catalog]*. Milan: Artificio Skira Publ., 2000.
- Itinerarium Placentini. Jerusalem Pilgrims before the Crusades*, ed. J. Wilkinson. Warminster Teddington House: Aris & Phillips Publ., 2002.
- Itinerary from Bordeaux to Jerusalem. The Bordeaux Pilgrim, 333 A.D.*, transl. A. Stewart. London: I, Adam str., Adelphi, 1887.

- Testa I. de. *Recueil des Traités de la Porte ottoman avec les puissances étrangères depuis le premier traité conclu, en 1536, entre Suléyman I et Francois I jusqu'à nos jours*. 11 vols. Paris: Amyot Publ., 1864–1911.
- The Holy Places*. Committee on Jerusalem, Working Paper prepared by the Secretariat, UN-CP. Restricted Com. Jer / W.14. 8 April 1949. 40 p. URL: commons.wikimedia.org/wiki/File:United_Nations_Conciliation_Commission_for_Palestine_Working_Paper_on_the_Holy_Places.djvu.
- Thenaud J. *Le Voyage d'Outremer (égypte, Mont Sinay, Palestine), 1512*, ed. C. Schefer. Paris, 1884.
- Theoderici libellus de Locis Sanctis editus circa A.D. 1772. Cui accedunt breviores aliquot descriptions Terrae Sanctae*, ed. T. Tobler. St. Gallen, Paris: Huber u. Comp., Librairie A. Frank, 1865.
- Treasure of the Holy Sepulchre: published on the occasion of the exhibition Treasure of the Holy Sepulchre, Gifts of the European royal courts in Jerusalem presented at the Château de Versailles and at the Maison de Chateaubriand (Châtenay-Malabry) from 16th April to 14th July 2013: [catalog]*, ed. B. Degout. Milan: Silvana Publ.; Châtenay-Malabry: Maison de Chateaubriand Publ., 2013.
- Vincent L.-H. Chronique. Garden Tomb. Histoire d'un mythe. *Revue biblique*, no. 64, 1925, pp. 401–431, pls. XV–XVIII.
- Μητρόπουλος, Θ. Γ. *Ὁ Πανιερός Ναός της Αναστάσεως Ἱεροσολυμῶν: τοῦ ργοῦ Καλφα Κομνηνοῦ 1808–1810 (Holy Church of Anastasis at Jerusalem: the work by Kalfa Komnenos, 1808–1810)*. Thessaloniki: Enropaikoi kentro byzantinon kai metabyzantinon mnimeion Publ., 2009 (in Greek).

АРХИТЕКТУРА НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Т. В. Контева

АНТУАН-ЛОРЕН-ТОМА ВОДУАЙЕ: ИЗМЕНЕНИЕ АРХИТЕКТУРНЫХ ТЕОРИЙ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Годы творческого формирования А.-Л.-Т. Водуайе пришлись на 1780-е, период расцвета эпохи Просвещения. Водуайе был весьма успешен и оставался востребованным на протяжении всего сложного и долгого революционного периода. Спектр дошедших до нас проектов Водуайе чрезвычайно разнообразен, и кажется почти невозможным вычленив из них что-то, что можно назвать «творческим методом». Во многом он являлся сыном эпохи Разума, однако свою взгляды на теорию архитектуры он оформил только в 1832 г. В его «Рассуждении об архитектуре» постоянно чередуется просвещенческое и романтическое, и анализ этого текста поможет понять трансформации, происходившие с «новым классицизмом» и преемственность между XVIII и XIX вв. Примирить свои зачастую противоположные представления о зодчестве (например, идею о свободе романтического гения с идеей существования неизменных принципов архитектуры) Водуайе пытался, постоянно обращаясь к сравнению с другими «свободными искусствами». Изучение работы Водуайе показывает, что в XIX в. для поколения его учеников архитектура больше не являлась типом мышления, и Водуайе не мог говорить об архитектуре на языке эпохи Просвещения, который подразумевал, что теории зодчества являются неотъемлемой частью общественной и философской дискуссии. Ему иначе приходилось «популяризировать архитектуру», переводя ее на язык других свободных искусств (музыки, живописи, поэзии), который был понятен молодой аудитории.

Ключевые слова: Антуан-Лорен-Томас Водуайе, теория архитектуры, «Рассуждение об архитектуре» А.-Л.-Т. Водуайе, теория архитектуры французского Просвещения

T. V. Kopteva

ANTOINE-LAURENT-THOMAS VAUDOYER AND THE TRANSFORMATION OF ARCHITECTURAL THEORY OF THE ENLIGHTENMENT IN EARLY 19TH CENTURY

One of the constant challenges in studying architectural theory of the French Enlightenment is to define what belongs to it and what does not. The approaches range from a specific period in the second half of the 18th century to a more broad definition, which encompasses almost 150 years, from the 1670s until 1820. Thanks to the almost universal acceptance of Emil Kaufmann's theory, the projects and ideas of Claude Nicolas Ledoux, Étienne-Louis Boullée and Jean-Jacques Lequeu became the main symbol of Enlightenment in architecture. However, to explore the turning point of the architectural theory of that era we need to go beyond the more traditionally studied thinkers and practitioners.

*Antoine-Laurent-Thomas Vaudoyer was J.-J. Lequeu's senior by a year, and his formative years fell in the same period, the 1780s, the years when architecture of the age of Reason was at its peak. Unlike many of his contemporaries Vaudoyer managed not to fall out of grace during the long and troublesome historical period of French revolutions. Due in part to this long career, his projects that remain until today are so various in style and approach, and it's hardly possible to find a consistent *modus operandi* of this architect. But we could safely argue that he was in many ways one of the sons of the Enlightenment era in his architecture. What makes him especially interesting to study is that he formulated his theoretical views on this art only in 1832, at the time when the new Romantic Movement was powerful enough for him to try and bridge the opposing tendencies of both periods in his writing. He held simultaneously, the views of the age of Reason that essential unchanging principles exist in architecture, and supported new ideas about the free genius of every artist that can easily escape the constraints of reason. The article analyses the writings of Vaudoyer in conjunction with his projects, to uncover and reconstruct his ideas about the theory of architecture.*

As any theoretician of the Enlightenment era, Vaudoyer thinks that architecture is derived from nature. However, where other theoreticians considered cosmic geometry, natural forms and other 'objective' manifestations of nature to be the foundation, Vaudoyer shifts his focus towards the perception of nature's forms and effects by those with a talent for architecture. According to him, architectural theory helps to enhance the 'natural talent', and is essential to foster an understanding of the art of architecture to those who cannot practice it. Vaudoyer draws a clear distinction between the 'art' and the 'science' of architecture, while their indivisible unity was paramount for other thinkers of the Enlightenment. In this and other aspects of his theory, Vaudoyer tries to combine the approaches to architecture of Romanticism with the ideas of what architecture is and should be, which stem from his formative years during the Enlightenment.

He constantly drew upon the examples of other liberal arts, more "romantic" and individualistic in some aspects, to explain his architectural theories. In this he differs greatly from classic Enlightenment architectural writings where architecture was pretty much self-explanatory. The Enlightenment popularized architecture in the sense of architectural theory permeating the social and philosophical discourse and being their intrinsic part. Analyzing Vaudoyer's writing, we can conclude that he spoke as 'a relic of the Enlightenment' at the time when architecture was no longer seen as a way of thinking. Thus, for him popularizing architecture is no longer about deriving all other social, philosophical and artistic discourses from architecture, but rather interpreting architecture through the language of other liberal arts, which was much more familiar to the new generation of the 1830s.

Key words: Antoine-Laurent-Thomas Vaudoyer, *Dissertation sur l'architecture*, par A.-L.-T. Vaudoyer, architectural theory, French Enlightenment architectural theory

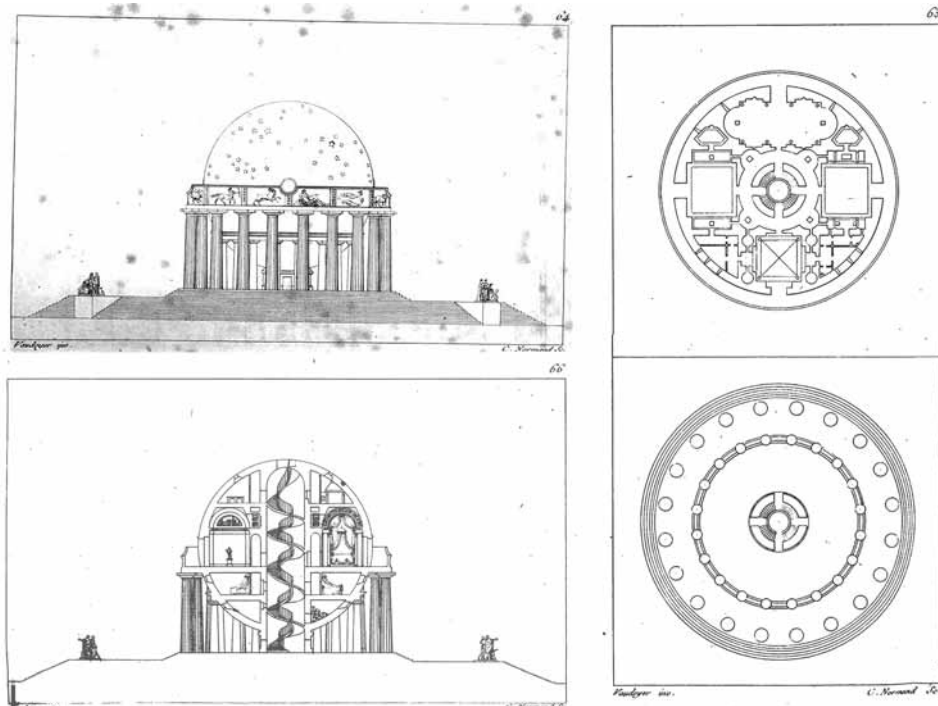
Изучение теории архитектуры французского Просвещения часто сталкивается с проблемой определения границ эпохи. Здесь речь может идти как об узких рамках второй половины XVIII ст., так и о т.н. «широком Просвещении», захватывающем почти полтора века (с 1670 по 1820 г.). Однако практически универсальной стала теория Эмиля Кауфмана, согласно которой Клод-Николя Леду, Этьен-Луи Булле и Жан-Жак Леке являются главными представителями «революционной архитектуры», и именно их труды и проекты стали символом Просвещения в архитектуре.

В этом контексте весьма интересны теоретические взгляды Антуана-Лорена-Тома Водуайе (1756–1846). Водуайе-старший родился годом раньше Жан-Жака Леке, и их творческое формирование пришлось на одно и то же время — 1780-е гг., период расцвета эпохи Просвещения. Однако особенностью творческой деятельности Леке была вынужденная независимость. Знакомые нам утопические проекты, выполненные на очень высоком техническом уровне, были созданы Леке в свободное время для собственного удовольствия, как

и многочисленные дошедшие до нас рисунки человеческих фигур и автопортреты. Леке совсем мало работал архитектором — его профессией была деятельность чертежника, рисовальщика и картографа. Пожалуй, вершины своей карьеры Леке достиг, став чертежником для Суффло и выполнив затем несколько мелких частных заказов. Хотя он регулярно оказывался «рядом» с крупными проектами — Пантеоном Суффло, планом Парижа, — на всех них он был простым исполнителем, чье имя зачастую отсутствовало даже на выполненных им чертежах и отмытках (*Lequeu* 1800: 1).

Возможно, именно поэтому искренность и аутентичность утопических проектов Леке не вызывает сомнений: он работал над ними без заказчика и, возможно, без надежды на признание, выражая исключительно свои представления об архитектуре.

Водуайе, напротив, был весьма успешен и оставался востребованным на протяжении всего сложного и долгого революционного периода. Спектр дошедших до нас проектов Водуайе чрезвычайно разнообразен, и кажется почти невозможным вычленив из них

Ил. 1. А.-Л.-Т. Водуайе. Дом космополита. 1785 г. Фасад, разрез, планы. (Landon 1805: pl. 64–66)

что-то, что можно назвать «творческим методом».

Одним из самых известных сегодня проектов Водуайе является «дом космополита» (ил. 1) — яркий образец «утопической архитектуры». Он часто попадает в подборки проектов «архитектуры века разума» наряду с проектами Булле, Леке и Леду (в т. ч. и в работах Кауфмана (Kaufmann 1963: 202)). «Дом космополита» — это не серьезный, рассчитанный на реализацию проект, а фантазия, в некотором роде даже шутка. Согласно сборнику Ш.-П. Ландона «Анналы музея современной школы изящных искусств» (1805 г.), «этот небольшой проект является отрывком из альбома любителя, который был импровизированно выполнен в Риме в 1785 господином Водуайе, тогда пенсионером Фран-

цузской Академии». Ландон описывает, что владелец альбома невольно подсказал идею для данной работы: «Вот что послужило к созданию данной композиции. Гражданин Дебрак, владелец этого альбома, на вопрос о своей стране ответил, что не признает никакой конкретной, что удовольствие от путешествий заставило его видеть всю землю как свою родину, что он, наконец, КОСМОПОЛИТ». Водуайе, чтобы «не повторять храмы чести, добродетели, муз, дружбы и т. п., которыми множество архитекторов уже украсили альбом этого любителя» (это перечисление само по себе довольно точно отражает архитектурную моду второй половины XVIII в.), «создал для него дом, подходящий заявленному им характеру». Этот подход является довольно интересным

поворотом темы «характера», который обычно выражается в соответствии — *convenance* — назначению здания (театр, храм, жилой дом). В данном случае как характер трактуется не столько назначение, сколько характер самого владельца, его «космополитизм». Именно посыл «Земля как мое владение» отражает форма здания: это «отдельная сфера, наполовину земная, наполовину небесная». Несмотря на фантастический характер проекта, он описывается Ландоном как потенциально реализуемый: *«Четыре главные комнаты по четырем сторонам освещаются большой аркадой и создают <...> достаточно уютную планировку. Попасть в них можно через центральную лестницу, которая выходит в широкий коридор, облегчающий переход между помещениями. Планировка включает в себя прихожую, обеденный зал, салон в виде галереи, спальню и кабинеты. Маленькие этажи сверху и снизу, освещенные звездами, отводятся слугам, кухням и другим служебным нуждам. Большой ордер с поясом со знаками зодиака вместо антаблемента и малый ордер украшают эту композицию снаружи. Небольшая протяженность этого здания и разумная компоновка опор делает его строительство очень простым»*. В конце заметки Ландон предполагает, что подобное здание может быть построено в саду, и хотя и не может быть названо «великой архитектурой», но может играть ту роль, которую «в поэзии называли бы мадригалом, и что порой великие таланты позволяли себе развлечения такого рода» (Landon 1805: 127–128).

Ландон сопровождает публикацию «дома космополита» большим фрагментом текста Вьеля де Сен-Мо «Письма об архитектуре», исходя из того, что в текстах Вьеля де Сен-Мо говорится о зодиакальной природе фриза:

«Своды этих храмов были покрыты звездами или представляли вращение небесного свода. Перемычка на этих колоннах называлась зофор, что означает “зодиак”. Каждый из небесных знаков соотносился с каждой из колонн, чтобы выразить их аналогию с месяцами» (Viel de Saint-Maux 1787: Письмо 2, 14–15).

Вьель принадлежал к течению «темного Просвещения» в архитектурной теории, в его текстах можно найти множество параллелей с работой Кура де Жебелена «Первобытный мир, проанализированный в сравнении с современным миром» («Monde primitif, analysé et comparé avec le monde moderne»), выходявшей незадолго до и во время публикации первых двух «Писем» Вьеля де Сен-Мо (Контева 2017: 113–130). Таким образом, Ландон связывает в своем сборнике проект Водуайе с месмеристскими и масонскими теориями Просвещения, подтверждая его место в ряду «утопической архитектуры века разума» не только для читателя XX в., но и для современников самого Водуайе.

Однако если «дом космополита» легко сравним с работами Леке, то проект «рынка Кармелитов» представляет совершенно другую крайность и выполнен, как замечает в своей статье Элис Фридман, в стиле «а-ля Дюран» (Friedman 1985: 115). Собственный метод проектирования он описывает следующим образом: *«Проведя две параллельные оси на равном расстоянии, разрезав их перпендикулярно еще двумя, находящимися на таком же расстоянии одна от другой, мы ставим на этих осях стены нужных размеров, а колонны, пилястры и т. д. ставятся на пересечении этих осей. Затем мы делим пополам расстояние между осями, и на новых осях, получившихся в результате этого деления, ставим двери, окна, аркады и т. д.»* (Durand 1802: 90–91). Идеолог Политехнической шко-

лы, Дюран преподавал в ней почти до самой смерти, и во многом его теории антагонистичны работам его предшественников. Несколько глав своего трактата Дюран посвящает исключительно развенчанию мифа об антропоморфности ордеров и природном происхождении форм, который был системно важен для его старших коллег (*Durand* 1840: 10–18). Будучи учеником Булле, он не признавал его подход художника-архитектора, считая, что архитектор должен, прежде всего, владеть искусством строить, а не рисовать. Его теоретические работы хотя в своих постулатах и противостоят идеям поколения 1730-х гг., воспринимаются современными исследователями как продолжение традиции «нового классицизма» второй половины XVIII в. (в противовес стилю наполеоновской Империи) (*Villari* 1990: 7).

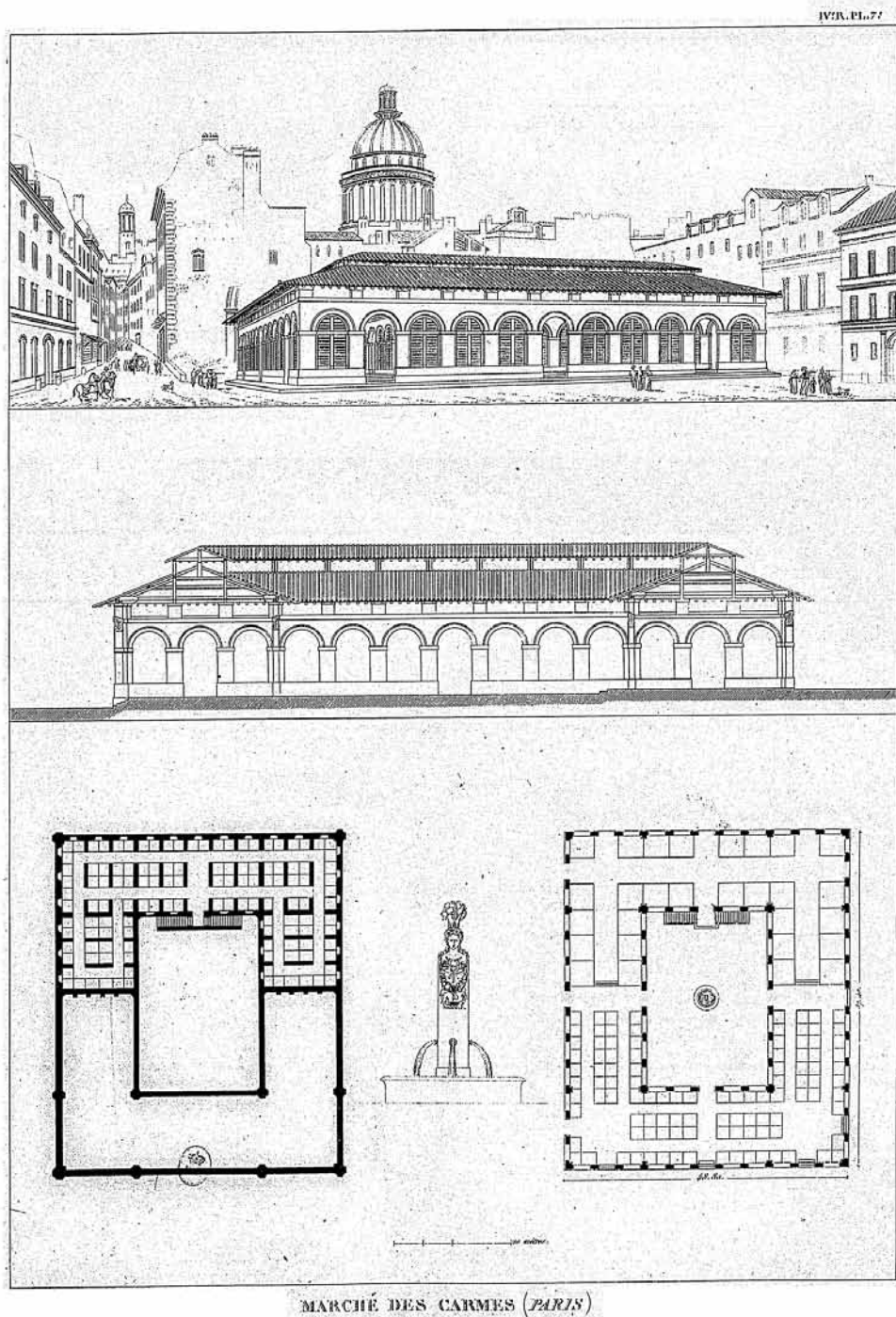
«Рынок Кармелитов» (ил. 2) действительно выполнен Водуайе именно в этой манере архитектуры, начинающейся с сетки осей (в отличие от «дома космополита», в основе которого лежит аллегорическая геометрия «земной сферы»). Этот проект выполнен вполне в рамках идеологии Политехнической школы и следует «триаде Дюрана», в которой прочность, безопасность для здоровья и удобство (красота не входит в обязательные составляющие архитектуры) являются ключевыми, а из их соблюдения красота появится сама собой (*Durand* 1840: 7–8, 12). Проект рынка «мяса, овощей и рыбы» на месте обители Кармелитов был впервые опубликован в сборнике «Наблюдений относительно искусства конструкции» Луи Брюэра (1823–1828). Крытый рынок должен был заменить «открытый рынок, занимавший площадь Мобер и соседние улицы». Из двух предложенных проектов был выбран более радикальный, «состоявший в сооружении простого убежища,

предполагавший полное уничтожение обители, церкви и множества частных домов на улицах Монтань и Нуайе» (*Bruyère* 1823: Recueil IV, 6), т. к. он позволял создать цельный ансамбль и расширить узкие улицы. Исполнением именно этого проекта руководил Водуайе. В более поздней публикации, «Избранные здания, спроектированные и построенные во Франции с начала XIX века» (1825–1836), Водуайе называется уже его автором (*Gourlie* 1825–1836: Sixième section, 19).

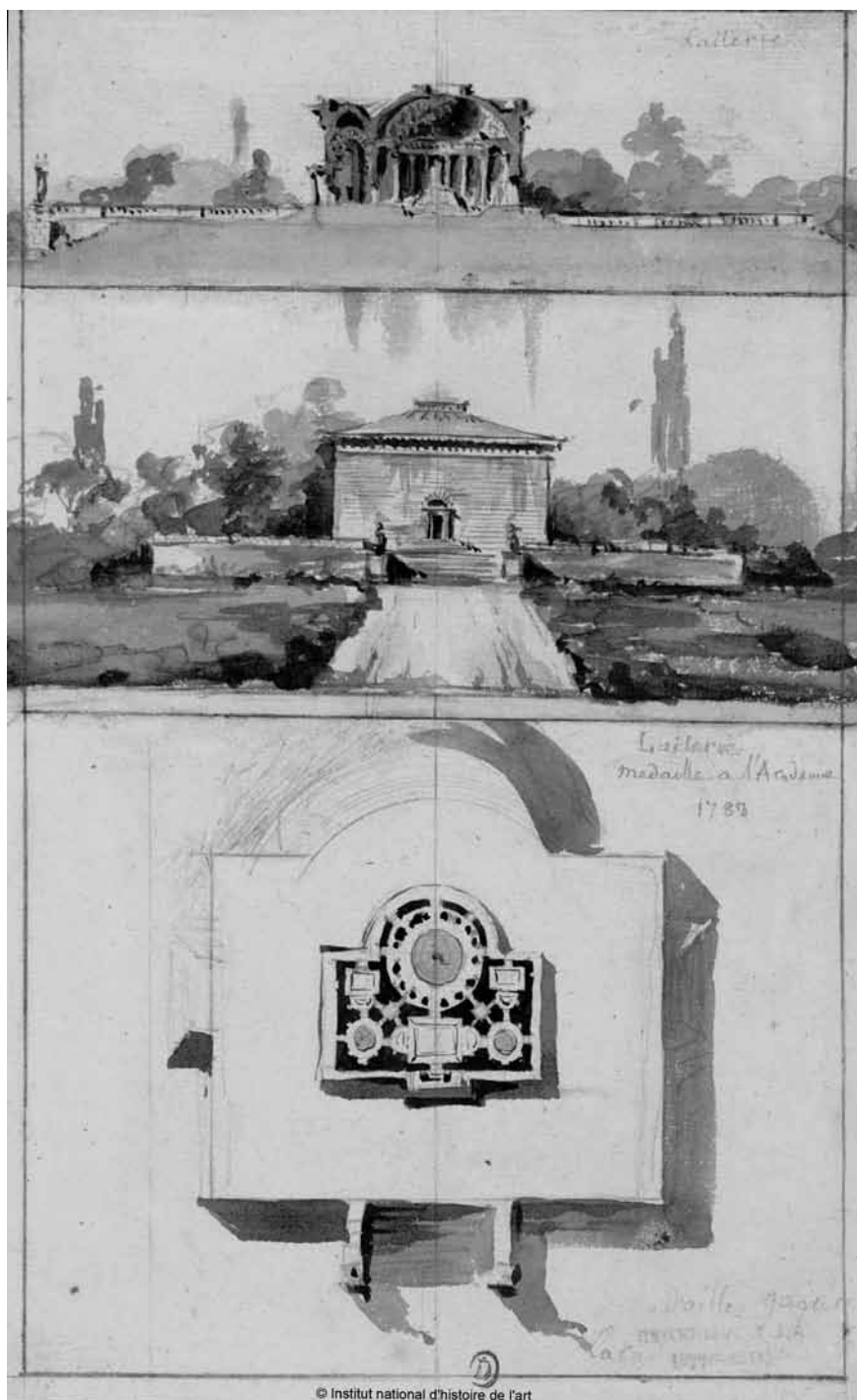
Таким образом, если в проекте дома космополита Водуайе примыкает к утопическому направлению «архитектуры Просвещения», то в «рынке Кармелитов» — к его функционалистскому направлению, представленному Ронделе и Дюраном.

Остальные его проекты также разнообразны. Водуайе создал лаконичную «Молочную» в 1783 г. (ил. 3); проект гигантского, богато украшенного лепными фигурами храма «К славе Великой Армии» (1807 г.) (ил. 4); математически выверенную реконструкцию театра Марцелла с доказательным предположением касательно пропорций несохранившегося ордера одного из ярусов (*Vaudoyer* 1812) и др.

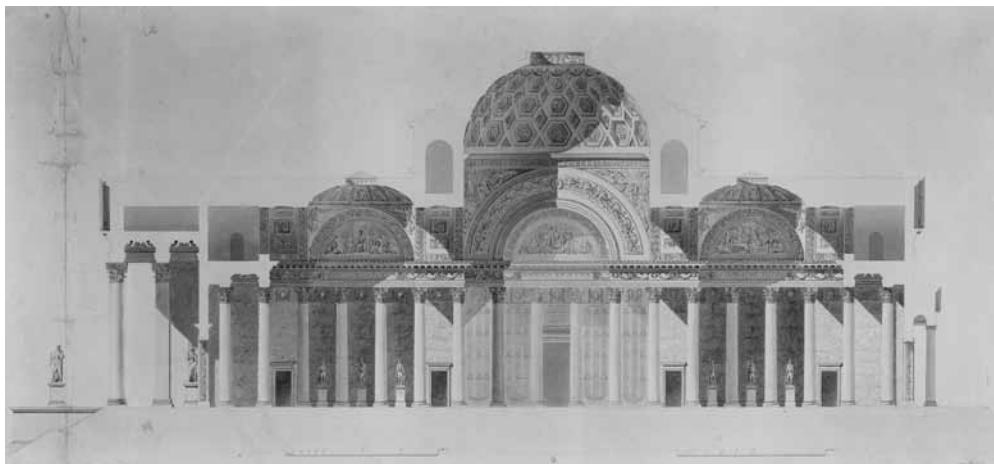
Однако на протяжении всей своей жизни этот активный архитектор, проектировщик и педагог хранил молчание касательно своих представлений о теории архитектуры, не пытаясь свести их в единый трактат. Тем интереснее, что в конце жизни, 21 января 1832 г., он выступил с речью «Рассуждение об архитектуре» в Академии изящных искусств, объединив в этом тексте представления, как почерпнутые им в годы его формирования из теорий архитектуры французского Просвещения, так и сформировавшиеся в первой трети XIX в. Таким образом, этот текст позволяет понять

Ил. 2. А.-Л.-Т. Водуайе. Рынок Кармелитов. Ок. 1812 г. Общий вид, разрез, планы. (Bruyère 1823: pl. 7)

Ил. 3. А.-Л.-Т. Водуайе. Проект «Молочной». Разрез, фасад и план представлены на одном листе. Карандаш, тушь, отмывка, 1783 г. (Vaudoyer 1783)

Ил. 4. А.-Л.-Т. Водуайе. Проект храма «К славе Великой Армии». Разрез. Перо, черная тушь, коричневая и серая отмывка, акварель, 1807 г. (Vaudoyer 1807)

трансформации, происходившие с «новым классицизмом», показав преемственность между XVIII и XIX вв.

Свой текст Водуайе начинает с отсылки к концу XVIII в.: пересказа «программы описания искусств, предложенной Институтом 6 октября 1798», в которой было предложено «описать искусства, а именно изложить их объект, раскрыть их приемы и объяснить их, выявить недостатки этих приемов, указать способы исправить эти недостатки». Затем автор поясняет, что к этой программе были приложены «две таблицы, одна — уже описанных искусств, другая — тех, которые предстоит описать. В этих таблицах представлены только механические искусства, такие как столярное дело, плотничное, часовое и т.д. Ни одно свободное искусство не включено в них» (Vaudoyer 1832: 1). Это вступление помогает Водуайе сформулировать один из главных своих постулатов: тезис о сродстве (и во многом уравнивании) архитектуры и других свободных искусств на основании того, что «их сложно описать и невозможно практи-

ковать, основываясь на одном только описании. Поэт, музыкант, архитектор, художник не могут сформироваться исходя только из описания, каждый человек такого искусства, если правда заслуживает этого имени, может совершенствоваться, изучая книги, но формируется до того, как открыть любую из них» (Ibid.: 1–2). Мысль, что изучение книг не дает ключа к пониманию архитектуры, высказывалась, среди прочих, Вьелем де Сен-Мо. Однако для Вьеля «книгой» становились сами архитектурные памятники античности, тогда как Водуайе считает изучение памятников вторичным. По его мнению, чтобы стать архитектором, не требуется ни знания Витрувия, ни путешествия в Рим: архитектура (как и все другие свободные искусства) по Водуайе начинается не с храма или геометрии вселенной, а с человека, обладающего некой внутренней предрасположенностью: «Человек искусства имеет внутри себя росток таланта, данный ему природой. Для него так же невозможно остановить этот ток жизни и изменить его направление, как

дереву замедлить свой рост и остаться без плодов. Как этому дереву помогают развиваться благодатные лучи солнца, так и человек искусства обязан своему развитию природе, ее бесконечно разнообразным эффектам, всегда возрождающимся на планете, и окружающим ее звездам. Они вызывают у человека искусства восторг и восхищение» (*Ibid.*: 2).

Это нахождение точки появления архитектурного проекта в человеческой эмоции четко отличает Водуайе от всех его предшественников. Даже Никола ле Камю де Мезьер, полагавший, что вопрос «соответствия архитектуры и наших ощущений» (*Le Camus de Mézières* 1780: 1) является ключевым для зодчества, считал, что эмоция заложена в самом архитектурном объекте, т.к. «каждый предмет обладает характером, ему соответствующим <...> Морды львов, тигров и леопардов сложены из таких черт, которые делают их ужасающими и вселяют страх даже в самых твердых духом. Голова кошки характерна предательством, нежность и доброта написаны в чертах ягненка, маска лиса говорит о тонкости и ловкости» (*Le Camus de Mézières* 1780: 3).

Водуайе полагает, что эмоция существует внутри автора, который видит в природе нечто, недоступное другим, и способен перевести эту эмоцию на язык архитектуры: «Какую гармонию не найдет музыкант в звуках стихий, в языке и страстях людей, и даже в щебетании птиц. Какой величественный памятник для архитектора представит природа видом своих морей, гор, водопадов, гаваней, своим лазурным сводом, гигантскими горами, глубокими гротами, древними лесами и т.д. Какие богатые картины для поэтического воображения. Человека искусства захватывают эти импульсы еще до того, как он узнает, что такое искусство, до того, как

узнает, чему учит это чувство и какова его цель. Ему не нужны для этого книги. Те же, кто глух к этим эффектам, не выучит их, даже если прочтает о них в библиотеке» (*Vaudoyer* 1832: 2).

Все еще считая, как любой теоретик Просвещения, что архитектура берет начало в природе, Водуайе смещает фокус с природных форм, космической геометрии, световых эффектов и других «объективных» особенностей природы (которые были ключевыми для теоретиков Просвещения) на восприятие этих форм и эффектов «любимцами природы, в кого она вложила росток искусств».

Тем не менее, оставаясь во многом сыном XVIII в., Водуайе не мог полностью отрицать роль книжной традиции. Даже Вьель де Сен-Мо, отвергавший любые письменные архитектурные теории, обращался к письменной традиции аббата Плюша, Кура де Жебелена и др., т.к. Просвещение было все же веком теории. По мнению Водуайе, книжная традиция частично заменяет «природный дар». Она необходима, чтобы обучить понимать искусство тех, кто не способен его практиковать: «Мы читаем "Поэтическое искусство" Буато, не становясь поэтом, если у нас нет этого дара. Но нельзя читать его без удовольствия и непродуктивно, и если оно не приведет нас на Парнас, то покажет туда дорогу и позволит последовать за теми, кто стремится на его вершину. Вателе писал об искусстве живописи и научил нас если не живописать, то по крайней мере помог узнать путь этого искусства, уберечь нас от ошибок и предвзятости. Он приподнял завесу правды, чтобы показать нам простоту природы во всем ее великолепии. Ж.-Ж. Руссо, который всю жизнь наблюдал, восхищался и воспевал великолепную гармонию природы, считал, что старинная французская музыка от нее удалась. Он чувствовал

и развивал (не будучи по профессии музыкантом) музыкальное искусство, ушел от всех систем и тесно приблизился к природной гармонии, откуда это искусство берет начало. Делиль, в своей поэме о садах, придал природе весь ее шарм, все ее убранство и приятность. Она была лишена ее многие века во всех садах Франции. Убийственный серп и ледяная веревка наконец-то выпали из рук владельцев и архитекторов-садовников» (Vaudoyer 1832: 5).

Однако теоретизация и изучение уже не играют у Водуайе той роли, которая отводилась им в период расцвета Просвещения. Тексты теперь вторичны, и Водуайе очень жестко отделяет теоретиков от практиков: *«Простой художник-теоретик всегда более строгий коллега, а часто даже и самый суровый критик произведений автора, потому что не знает самых больших сложностей их создания»* (Ibid.: 34).

Вопросы чистой теории, как кажется, мало занимают Водуайе даже в рамках его программного теоретического трактата. Однако, следуя традиции архитектурных теорий Просвещения, он не способен полностью отказаться от них. Тем не менее анализ происхождения архитектуры, первых храмов, эволюции примитивной хижины кажется ему незначительным и не требующим обсуждения: *«Не вдаваясь в анализ разных мнений, которые существуют по поводу происхождения архитектуры, мы знаем, что с самой древности не было сомнений, что она берет свои первые принципы из природы. Наблюдая за деятельностью некоторых животных, таких как ласточка, лиса, бобр, и вплоть до муравья и пчелы, человек, обладающий более развитым разумом, не мог противиться желанию создать для себя убежище в виде крепкого, удобного и приятного жилища. Так сложилась гражданская ар-*

хитектура. Появились культы и понадобилось славить богов, им возвели храмы, так сложилась священная архитектура. Люди разделились и стали уничтожать друг друга, начали строить укрепления, чтобы противостоять врагам, и корабли, чтобы отправляться на завоевание чужих земель. Отсюда пошла военная и навальная архитектуры» (Ibid.: 7).

Вопрос происхождения архитектуры нужен Водуайе, только чтобы вернуться к заявленному им базовому постулату о том, что архитектура является одним из свободных искусств и имеет общие с ними методы, что *«везде и во все времена изобретение нового было целиком уделом гения художника, это изобретательная часть архитектуры»* (Ibid.: 8). Все, что относится к научному и просчитываемому — уже не совсем зодчество в его понимании. Подобное разделение на научное и художественное, как кажется, является одним из ключевых моментов, отличающих теорию Водуайе даже от самых «романтических» теорий Просвещения (Вьеля де Сен-Мо, Ле Камю де Мезьера). Для Просвещения именно неотделимость научного и художественного была основополагающим свойством архитектуры (даже если поздние теоретики, такие как Ронделе и Дюран, ставили техническую научную составляющую первой). Водуайе же полагает, что *«эти два последних подразделения (военная и навальная архитектуры. — Прим.) архитектуры имеют фиксированные правила и принадлежат скорее к точным наукам, чем к искусствам. Таким образом, здесь речь пойдет только о первых двух жанрах, которые, хотя и известны сегодня под общим именем “гражданской архитектуры”, лучше бы различить под именами “гражданская архитектура” для жилищ, домов, фабрик, ферм и т. д. и “монументальная архитектура” для храмов, базилик, театров, обелисков,*

колонн, гробниц, тюрем, акведуков, мостов и т. д.» (*Ibid.*: 7–8). Здесь же он позволяет себе, не называя Дюрана, Ронделе и других теоретиков Политехнической школы по имени, разграничить свою философию архитектуры и их теории «искусства строить»: «Исполнение, напротив, приспособлено к местности, к материалам, используемым в данной стране. Это материальная часть данного искусства, наука в архитектуре. Эта наука подвержена пагубному влиянию рутины, мелочной скупости и, к несчастью, довольно часто недостойному и разрушительному жульничеству, это — постыдная часть искусства. Эта очень обширная тема не является частью данного эссе. Все ее злоупотребления уже были не раз раскрыты, хотя, наверное, не уничтожены, и многие мудрые конструктора глубоко занимались искусством строить» (*Ibid.*: 8).

Многие постулаты Водуайе, высказанные во вступлении и первой части «Рассуждения об архитектуре», вроде бы противоречат представлению человека Просвещения о наличии неких неизменных принципов как важнейшего критерия истинности: его архитектура идет от личных стремлений и склонностей автора и в таком случае не имеет как таковых неизменных принципов. Однако для Водуайе, воспитанного на стройности теорий нового классицизма, оказывается важным показать, что принципы зодчества все же универсальны. Как для всех теорий века разума, для Водуайе характерно представление, что искусство без природных принципов не существует, «уничтожено»: «Это может заставить думать, что красоты архитектуры выбраны по случайной договоренности <...> и так придем к уничтожению этого искусства. Так как если установить единожды, что красоты архитектуры договорные, таковыми будут яв-

ляться и недостатки. Получится, что это искусство, без красот и недостатков, не может и производить никакие эффекты, никакие впечатления, и не должно стоять в ряду искусств. Мы чувствуем всю пустоту такого предположения, потому что архитектор, как было сказано выше, тоже находит образцы в природе, и это их удаленность и редкость делает архитектуру еще более великой» (*Ibid.*: 9).

Водуайе отстаивает мысль о том, что, несмотря на существование свободы и личных пристрастий мастера как основы архитектуры, вызывать глубокие эмоции возможно только опираясь на довольно ясные «природные» принципы. Именно способность архитектуры вызывать длительные глубокие эмоции подтверждает ее рациональное природное начало, ведь «искусство обнаженное, лишенное всего очарования окружающей его природы, уже не искусство, а талант к сложению, терпение, преодоленные сложности. Эти таланты радуют глаз одно мгновение, утомляют сознание, ничего не сообщают душе» (*Ibid.*).

Разъясняя свои взгляды, Водуайе постоянно возвращается к сравнению с живописью, музыкой и скульптурой: «Живописец, ваятель и музыкант создают страсти, образцы которых встречаются часто. Архитектор возбуждает чувства, нежность, радость, порой очаровывает, как бы он добился этого без помощи природы? <...> Когда мы смотрим на шедевр исторической живописи, мы забываем, что находимся перед картиной, мы попадаем в центр живописной сцены, разделяем с персонажами грусть или радость, угадываем и чувствуем их настроение. У музыки такие же эффекты. Монументальная архитектура, архитектура-искусство, приходит к той же цели» (*Ibid.*: 9–10). Такое количество отсылок к свободным

искусствам было мало характерно для Просвещения, когда архитектура редко требовала объяснений и, наоборот, сама применялась для объяснения сложных абстракций. Так, Дидро объяснял важнейший для его теории образ «божественного единства» и правила прекрасного («общие», данные от природы, и «частные», выведенные человеком) через проекцию на архитектуру (Diderot 1876: 18).

Водуайе в тексте «Рассуждения» постоянно чередует Просвещенческое и романтическое. Только заявив о неизменности принципов архитектуры, идущих от природы, он возвращается к исключительно романтизированному описанию творческого процесса: *«Перед тем как начать чертить, [архитектор] долго размышляет, погружаясь в себя. В его сознании разгорается пламя, он переносится на нивы высших и живых фантазий. Его разгоряченное воображение приводит его в исступление или, скорее, в экстаз. Он пробирается в новые незнакомые места, проходит в великолепные дворцы, зачаровывающие сады, свежие и таинственные гроты, и, как Полифила, видение, сон заставляют его испытывать одно за другим различные чувства. Здесь он узнает богатую и внушительную архитектуру храма, посвященного божеству. Чуть дальше величественное, но более простое здание строгого характера, подступы к которому широки и открыты, показывают, что перед ним убежище Правосудия. <...> В таких видениях архитектор видит тему, над которой размышляет. Он видит ее построенной, законченной, видит расположение частей, пропорции и даже украшения. <...> К этой первой операции не имеют никакого отношения линейка и циркуль, только глаз и рука, ведомые услужливым воспоминанием и здравым смыслом, должны пе-*

редавать характер, поразивший сознание архитектора, и обводить основные пропорции, создающие ансамбль здания, порожденного его гением» (Vaudoyer 1832: 11–13).

Подобный подход к созданию архитектурного объекта заставляет его отрицать даже необходимость осознания принципов: *«Его результаты — не всегда такие, как требуют регулирующие принципы этого искусства. Порой человек, одаренный гением, забывает, что есть чужие правила, не говорящие с его душой. Если он и следует им, то чаще по случайности. Но всегда он следует тем правилам, которые диктует его инстинкт. Он вызывает восхищение, удивление, изумление, создает шедевры, принципы которых не всегда может зафиксировать»* (Ibid.: 13).

Только что утвердив, казалось бы, вторичность правил по сравнению с первым порывом «творческого гения», Водуайе вновь говорит об их важности, объясняя, например, следующие принципы композиции: *«Чтобы делать великое, нужно избегать малых приемов, большие части, мало переработанные, с малым числом отверстий, немногочисленными разделениями воспринимаются с первого взгляда, более живо и точно привлекают внимание и запоминаются, их ансамбль кажется больше и более впечатляющим. Маленькие ордера, слишком большие разделения и проемы в слишком большом количестве, слишком прижатые ризалиты требуют большой работы воображения, внимание отвлекается, сознание мечется между отдельными объектами, удаляется в безрезультатные подсчеты»*. В качестве примера он приводит «перистиль Лувра» в сравнении с «главным фасадом Военной Школы. Нет сомнений, что Лувр кажется бесконечно большим. Между тем, чисто математически, Во-

енная Школа на 20 метров длиннее перистилия Лувра» (*Ibid.*: 14). Однако поясняет этот пример он снова через образ из другого свободного искусства: «Как слишком тяжело задрапированная фигура теряет красоту контуров, а песня из-за чрезмерного аккомпанеента теряет выразительность, так архитектура из-за избытка украшения теряет эффекты противопоставлений и пропорций» (*Ibid.*: 16).

И снова Водуайе делает шаг назад, повторяя, что все эти правила все же вторичны, т.к. «обучение архитектуре не учит придумывать памятники, потому что прекрасные идеи этого рода могут зародиться в сознании множества людей, как обученных, так и не обученных этому искусству, но погибают в головах последних за неумением способных их выразить» (*Ibid.*: 16). То есть правила лишь дополняют уже существующее в сознании архитектора здание, помогая перевести его из мысленного образа в визуальный: «Изучение архитектуры обучает, таким образом, тех, кто развивает это искусство по подлинному призванию, всего лишь способам выразить их интенцию, придать ей счастливые пропорции, зафиксировать соответствующий характер для темы, с которой архитектор работает, позволить их проектам развиваться как можно точнее и прийти к идеальному воплощению, наконец, не раздавить их чрезмерным украшением» (*Ibid.*: 16–17).

Как и всегда, Водуайе объясняет это через музыкальный пример: «Чрезмерное украшение — это серьезный порок в любом искусстве. В этом был уверен знаменитый композитор Гресник <...> Он не злоупотреблял гармоническими изысканиями. Он не слишком часто использовал тромбоны, литавры и другие шумные инструменты, который убеждают неучей, что у музыки есть харак-

тер и сила, но режут деликатный и чувствительный слух» (*Ibid.*: 17). Даже Ле Камю де Мезьер, который говорил о связи между цветом и звуком на примере «клавесина цветов» отца Кастеля (*Le Camus de Mézières* 1780: 10), не обращался к музыкальным сравнениям столь часто и многократно.

В «Рассуждении» Водуайе довольно четко выделяется чередование романтизированных представлений о таланте с рассуждениями о принципах и правилах. Объединяют их постоянные сравнения с другими свободными искусствами. За счет этого его текст (рассчитанный на устное выступление) создает впечатление менее последовательного, чем трактаты других теоретиков французского Просвещения. Водуайе пытается объединить противостоящие друг другу направления мысли XVIII и XIX вв., первое из которых ищет неизменную истину, второе — требует изменений и прогресса.

Желание Водуайе совместить новые направления в архитектуре с принадлежностью к идеологии зодчества предыдущего века было очевидно для его младших современников. В длинной «некрологической записке» (в которой, среди прочего, довольно подробно описывается биография Водуайе) о нем написано следующее: «Нужно принадлежать своему времени. Эта истина неоспорима. Водуайе принадлежал к поколению предыдущего века, и это повлияло на его вкус, как могло быть иначе. Но следует добавить, что месье Водуайе не оспаривал прогресс, произошедший в наши дни. Слишком пожилой, чтобы идти в ногу с молодыми людьми этого века, уверяем, он был тем не менее крайне терпим в вопросах искусства, лишен придирчивого духа, восстающего против развития новых истин и спонтанности творческого гения». Автор некролога очень точно

улавливает принадлежность Водуайе к нескольким книжным традициям, которые он пытался объединить: «У господина Водуайе была прекрасная архитектурная библиотека, в которой встречались великие люди всех эпох и разных стран. Их тома он с добродетельной щедростью одалживал своим ученикам. Они могли узнать от этих "друзей" своего учителя, что красота существует во множестве разных форм и большим разнообразии стилей. Эта хоть и немая, но красноречивая проповедь, как нам кажется, свидетельствует о свободе духа господина Водуайе». (Daly 1845: 550)

На основе анализа текстов Водуайе можно предположить, что если для эпохи Просвещения популяризация архитектуры состояла в основном в проникновении теорий зодчества в широкий общественный и философский дискурс (не ограничиваясь распространением масонских теорий о первичной геометрии и Адаме как первом строителе), то Водуайе говорил как «человек эпохи Просвещения» в мире, где архитектура перестала быть типом мышления.

Музыка, поэзия, живопись и другие «свободные искусства» вышли на первый план, как лучше соответствующие романтическому сознанию. В свою очередь в архитектуре большую роль стали играть технологические вопросы, «искусство строить» в терминологии Политехнической школы. Водуайе пытался, оставаясь в категориальных рамках теорий Просвещения, ссылаться на труды музыковедов, поэтические приемы, сравнивать архитектуру с батальными полотнами и античными скульптурами, таким образом ставя зодчество в один ряд с другими видами «свободных искусств». Архитектура, возможно, остается наиболее сложным из них, но теряет свое качество одного из ключевых начал мироустройства. «Популя-

ризация архитектуры» для Водуайе — это не подчинение всего социального, философского и художественного дискурса архитектурной теории, а перевод архитектурной теории на язык других искусств, более понятный новой аудитории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Контева 2017 — Контева Т. В. «Письма об архитектуре» Жана-Луи Вьеля де Сен-Мо и письменная традиция Просвещения // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. №4. Часть 1. 2017. С. 113–130.
- Bruyère 1823 — Bruyère L. Études relatives à l'art des constructions: IV Recueil: Foires et Marchés. Paris: Chez Bance aîné, 1823.
- Daly 1845 — Daly C. Notices nécrologique (Mm. Vaudoyer et Baltard) // Revue générale de l'architecture et des travaux publics / Ed. C. Daly, VI volume. Paris: Revue générale de l'architecture et des travaux publics, 1845–1846. P. 547–552
- Diderot 1876 — Diderot D. Oeuvres complètes de Diderot, revues sur les éditions originales, comprenant ce qui a été publié à diverses époques et les manuscrits inédits, conservés à la Bibliothèque de l'Ermitage, notices, notes, table analytique: étude sur Diderot et le mouvement philosophique au XVIIIe siècle par J. Assézat: T. 12 — Paris: Garnier frères, 1876.
- Durand 1802 — Durand J. N. L. Précis des leçons d'architecture données à l'École polytechnique: T. 1. Paris: chez l'Auteur, An X (1802).
- Durand 1840 — Durand J. N. L. Précis des leçons d'Architecture données à l'école Royale Polytechnique. T.1. Paris: chez l'auteur, Mme Veuve Durand, 1840.
- Friedman 1985 — Friedman A. T. Academic Theory and A.-L.-T. Vaudoyer's Dissertation sur l'architecture // The Art Bulletin. Vol. 67. No. 1. Mar., 1985. P. 110–123
- Gourlie 1825–1836 — Choix d'édifices publics projetés et construits en France depuis le commencement du XIXe siècle: Vol. I // Ed. C. Gourlier, J.-E. Biet, E.-J.-L. Grillon, E. Tar-dieu. Paris: L. Colas, 1825–1836.

- Kaufmann 1963 — Kaufmann E. L'architecture au Siècle des Lumières: baroque et post-Baroque en Angleterre, en Italie et en France. Paris: René Julliard, 1963.
- Landon 1805 — Landon C. P. Annales du Musée et de l'école moderne des beaux-arts. Paris: Chez Landon De l'Imprimerie des Annales du Musée, 1805 (AN XIII).
- Le Camus de Mézières 1780 — Le Camus de Mézières N. Le génie de l'architecture ou l'analogie de cet art avec nos sensation. Paris: chez L'Auteur, rue de Foin Saint-Jacques; Benoit Morin, Imprimeur-Libraire, 1780.
- Lequeu 1800 — Lequeu J.-J. Lettre de Lequeu au Ministre de l'Intérieur: curriculum vitae. Dessin. Lettre. 1 f. Bibliothèque nationale de France, département Estampes et photographie, EST RESERVE HA-80.
- Vaudoyer 1812 — Vaudoyer, A.-L.-T. Description du Théâtre de Marcellus, A Rome, Rétabli dans Son État Primitif. Paris: chez Dusillion, 1812.
- Vaudoyer 1832 — Vaudoyer A.-L.-T. Dissertation sur l'architecture, par A.-L.-T. VAUDOYER. Manuscrit en français. Papier. 38 feuillets. 315 × 202 mm. Cartonné. Bibliothèque nationale de France, Département des manuscrits, Français 12340.
- Vaudoyer 1783 — Vaudoyer A.-L.-T. [Projet de laiterie] 1 pl. recto-verso, Crayon, encre et lavis ; 28,7 × 17,5 cm, 1783. Bibliothèque de l'Institut National d'Histoire de l'Art, collections Jacques Doucet. Cote de l'original: OA 673 (b); Acquisition Vente Drouot du 6 décembre 1991 par Maître Rieunier. Date de numérisation 2006.
- Vaudoyer 1807 — Vaudoyer, A.-L.-T. [Projet de Temple à la gloire de la Grande Armée...]. La coupe longitudinale (114,5 × 53 cm). Bibliothèque de l'Institut National d'Histoire de l'Art, collections Jacques Doucet. Cotes de originaux : OA 772 (1), OA 772 (2), OA 772 (3) et OA 772 (4); Vente Galerie De Bayser, 13 juin 2013. Date de numérisation 2014.
- Viel de Saint-Maux 1787 — Viel de Saint-Maux [J. L.] Lettres sur l'Architecture des Anciens et celle des Modernes. Paris: [s.n.], 1787.
- Villari 1990 — Villari S. J. N. L. Durand (1760–1834): art and science of architecture / Sergio Villari. New York: Rizzoli, 1990.

REFERENCES

- Kopteva T. V. «Pisma ob arhitekture» Zhanna-Lui Velya de Sen-Mo i pismennaya tradiciya Prosveshcheniya («Lettres sur l'architecture» by Jean-Louis Viel de Saint-Maux and the written tradition of the Enlightenment). (*Decorative Art and environment. Gerald of the MGHPA*), no 4, part 1, 2017, pp. 113–130 (in Russian).
- Bruyère L. *Études relatives à l'art des constructions: IV Recueil: Foires et Marchés*. Paris: Chez Bance ainé Publ, 1823.
- Daly C. Notices nécrologique (Mm. Vaudoyer et Baltard). *Revue générale de l'architecture et des travaux publics*, vol. VI. Paris: Revue générale de l'architecture et des travaux publics Publ., 1845–1846, pp. 547–552.
- Diderot D. *Oeuvres complètes de Diderot, revues sur les éditions originales, comprenant ce qui a été publié à diverses époques et les manuscrits inédits, conservés à la Bibliothèque de l'Ermitage, notices, notes, table analytique: étude sur Diderot et le mouvement philosophique au XVIIIe siècle par J. Assézat*, vol. 12. Paris: Garnier frères Publ., 1876.
- Durand J. N. L. *Précis des leçons d'architecture données à l'École polytechnique*, vol. 1. Paris: chez l'Auteur Publ., An X (1802).
- Durand J. N. L. *Précis des leçons d'Architecture données à l'école Royale Polytechnique*, vol. 1. Paris: chez l'auteur, Mme Veuve Durand Publ., 1840.
- Friedman A. T. *Academic Theory and A.-L.-T. Vaudoyer's Dissertation sur l'architecture*. The Art Bulletin, vol. 67, no. 1, Mar., 1985, pp. 110–123.
- Choix d'édifices publics projetés et construits en France depuis le commencement du XIXe siècle: Vol. I. Ed. C. Gourlier, J.-E. Biet, E.-J.-L. Grillon, E. Tardieu. Paris: L. Colas Publ., 1825–1836.
- Kaufmann E. *L'architecture au Siècle des Lumières: baroque et post-Baroque en Angleterre, en Italie et en France*. Paris: René Julliard Publ., 1963.
- Landon C. P. *Annales du Musée et de l'école moderne des beaux-arts*. Paris: Chez Landon Publ., De l'Imprimerie des Annales du Musée Publ., 1805 (AN XIII).
- Le Camus de Mézières N. *Le génie de l'architecture ou l'analogie de cet art avec nos sensa-*

- tion. Paris: chez L'Auteur, rue de Foin Saint-Jacques Publ.; Benoit Morin, Imprimeur-Libraire Publ., 1780.
- Lequeu J.-J. *Lettre de Lequeu au Ministre de l'Intérieur : curriculum vitae*. Dessin. Lettre. 1 f. Bibliothèque nationale de France, département Estampes et photographie, EST RESERVE HA-80.
- Vaudoyer A.-L.-T. *Description du Théâtre de Marcellus, A Rome, Rétabli dans Son État Primitif*. Paris : chez Dusillion Publ., 1812.
- Vaudoyer A.-L.-T. *Dissertation sur l'architecture, par A.-L.-T. VAUDOYER*. Manuscrit en français. Papier. 38 feuillets. 315 × 202 mm. Cartonné. Bibliothèque nationale de France, Département des manuscrits, Français 12340.
- Vaudoyer A.-L.-T. [*Projet de laiterie*] 1 pl. recto-verso, Crayon, encre et lavis ; 28,7 × 17,5 cm, 1783. Bibliothèque de l'Institut National d'Histoire de l'Art, collections Jacques Doucet. Cote de l'original : OA 673 (b) ; Acquisition Vente Drouot du 6 décembre 1991 par Maître Rieunier. Date de numérisation 2006.
- Vaudoyer A.-L.-T. [*Projet de Temple à la gloire de la Grande Armée...*]. La coupe longitudinale (114,5 × 53 cm). Bibliothèque de l'Institut National d'Histoire de l'Art, collections Jacques Doucet. Cotes de originaux : OA 772 (1), OA 772 (2), OA 772 (3) et OA 772 (4); Vente Galerie De Bayser, 13 juin 2013. Date de numérisation 2014.
- Viel de Saint-Maux [J. L.] *Lettres sur l'Architecture des Anciens et celle des Modernes*. Paris: [s.n.] Publ., 1787.
- Villari S. J. N.L. *Durand (1760–1834): art and science of architecture*. New York: Rizzoli Publ., 1990.

Н. А. Коновалова**МОСТЫ ЯПОНИИ: МЕЖДУ АРХИТЕКТУРОЙ И ПОЭЗИЕЙ**

Разные по видам и типам мосты играли в культуре Японии значительную роль, далеко выходящую за рамки их прямого функционального предназначения. Проведенный в статье анализ расширяет границы их содержания как художественного произведения и выявляет, наряду с конструктивными, эстетические, психологические и социальные аспекты, содержащиеся в значении и символике мостов Японии.

Ключевые слова: мосты Японии, деревянные мосты, Нихонбаси, символика мостов японского сада

N. A. Konovalova**BRIDGES OF JAPAN: BETWEEN ARCHITECTURE AND POETRY**

Bridges of different types have always played a significant role in the Japanese culture, the role that goes far beyond their direct functional purpose. Unique building techniques and extraordinary design solutions have become distinguished features of the Medieval bridges. Almost every known type of bridges is represented in Japan: chain and arched; pontoon and cable-stayed; fixed and movable; bridges made of wood, stone and metal. The present article surveys and analyzes Japanese bridges of different types and functions in a broad chronological framework — from antiquity to the middle of the twentieth century. However, the special emphasis of the work is given to identifying the features of their semantic characteristics.

According to the early chronicles, bridges in Japan began to be erected in the 4th century. Initially, their most important characteristics were the strength and durability. Over time these requirements have expanded significantly. Bridges played a leading role in the social and political life of the Japanese cities starting from the Middle Ages. For instance, for security reasons no bridges were being built on the country's main roads up until the Meiji period. Rivers could only be waded across, travelers had to carry the luggage themselves or use the porters' services, the noble class used palanquins. In the mountain gorges, on the other hand, they built not only durable, but also picturesque suspension bridges, which were technologically far more advanced than their European analogues.

Japanese bridges represent various functions. They can not only connect, but also divide. This restrictive role of bridges quite clearly manifested itself during the isolationist policy period (middle of the 17th — middle of the 19th centuries). As an example, the bridge connecting the artificial island of Dejima with the rest of Japan might be recalled. Moreover, this function of bridges is also evident in Shinto shrines — there bridges were designed to separate the shrine from the outside world, clearly distinguishing between sacred and secular life and territory.

Hashi garden bridges have a capacious symbolic meaning of their own. If such bridges were a part of a temple garden, they were often painted red in accordance with a Chinese tradition; however unpainted hashi could be found as well. China was the origin of symbolism of this type of bridges, where they represented the path to heaven and immortality. The hashi bridges have incorporated the typology of Dao and Buddhism, becoming a metaphor of transition, which by itself has various meanings. Passing through such a bridge was perceived as a transition from one world to another.

The principle of stage direction can be found in arrangement of bridges and in genesis of their form and image. Diverse artistic techniques were often used to establish special sensory involvement and to form a certain emotional mood during the passing through a bridge. This can be experienced, for example, if one walks over the stone bridge of Meganebashi (Spectacles Bridge), one of the oldest in Japan.

Bridges were created not only to shorten the distance of a pathway, but also to extend it. For example, the Kintai bridge leading to the medieval castle of Ivakuni has been designed in order to significantly extend the distance that needed to be covered. In the Middle Ages, this bridge was a serious obstacle on the way of enemy forces. In peacetime, only samurais could use it, the common people had to cross the river on boats. The route through the Kintai Bridge meant not only covering of a longer distance, but also overcoming of a more difficult path.

The symbolic role of the Japanese bridges is difficult to overestimate. The main bridge of the country, Nihonbashi, combines numerous functions, including the symbolic ones. For centuries it served as a starting point for travelers. Two out of five main roads of the country, Nakasado and Tokaido, connecting Kyoto and Edo, started from here; hereby the Nihonbashi Bridge have become the zero point of reference (as a geographical center) of the city, and it still is even today.

The analysis of the Japanese bridges conducted in the article expands the boundaries of their content as an artwork and reveals along with the constructive aesthetic, psychological, and social aspects contained in their function.

Keywords: *Bridges of Japan, wooden bridges, Nihonbasi, the symbolism of bridges of Japanese garden*

Япония является страной мостов из-за ее гористой местности, многочисленных рек и бесчисленных островов. Разные по видам и типам мосты играли значительную роль, далеко выходящую за рамки их прямого функционального предназначения. Новым и перспективным представляется попытка выявить весь спектр основных функций, значений и смыслов, которыми наделялись мосты в средневековой Японии.

Согласно ранним хроникам, первые мосты в Японии начали сооружать еще в IV в. Первоначально важнейшими были конструктивные характеристики мостов, т.е. мосты оценивались с точки зрения их прочности и надежности. В VII в. начали распространяться методы возведения мостов, заимствованные из Кореи. Считается, что мосты, построенные в это время, имели перила с круглыми декоративными завершениями, подобно тем, что строились и в Китае периода Тан (618–907 гг.).

С давних времен мосты исполняли ведущую роль в социальной и политической жизни городов Японии, к тому же средневековые мосты Японии отличались уникальной техникой строительства и неординарными конструктивными решениями. Средневековые японские мосты были простроены, как правило, без единого гвоздя: связанные лианы удерживали зыбкое дощатое покрытие. «Мосты, воспринимаемые как “пограничье” между миром людей и “иным” миром, истари играли чрезвычайно важную обрядовую и магическую роль в жизни японского общества, были местом традиционных новогодних гаданий и поклонения особым Божествам мостов, которые были призваны

охранять жителей близлежащих деревень от болезней и несчастий» (Садокова 2017).

Вплоть до периода Мэйдзи (1868 г.) в Японии не строили мосты на главных дорогах страны. Это было продиктовано, прежде всего, соображениями безопасности. Например, Токайдо — важнейший тракт, соединявший Эдо с Киото, а затем с Осакой, имел огромное стратегическое и экономическое значение. Сухопутные силы врагов правящего сёгуна необходимо было ограничить в передвижениях, соответственно, лишить их возможности внезапного нападения. По этим причинам запрещено было строить мосты на реках, которые пересекала эта дорога (Mace, Mace 2013: 60). Дорожная сеть в стране была достаточно обширна и хорошо развита, однако конные экипажи на дорогах также были запрещены, т.к. это могло отрицательным образом повлиять на внутригородской порядок. А мосты и переправы вовсе не строились — товары и грузы перевозились по морю, рекам или городским каналам. Через реки товары можно было перевозить только на лодках, вследствие чего на доставку груза, например, из Эдо в Киото уходил целый месяц (Прасол 2012: 132). Путники же переходили реку вброд или пользовались услугами носильщиков, которые переносили их в паланкине или на собственных плечах. Для самых важных путешественников сооружали так называемые лодочные мосты (*фунабаси*) — перегораживали реку лодками, поверх которых укладывали деревянный настил (Там же: 133).

При катастрофической ситуации с мостами в городах, в горных ущель-

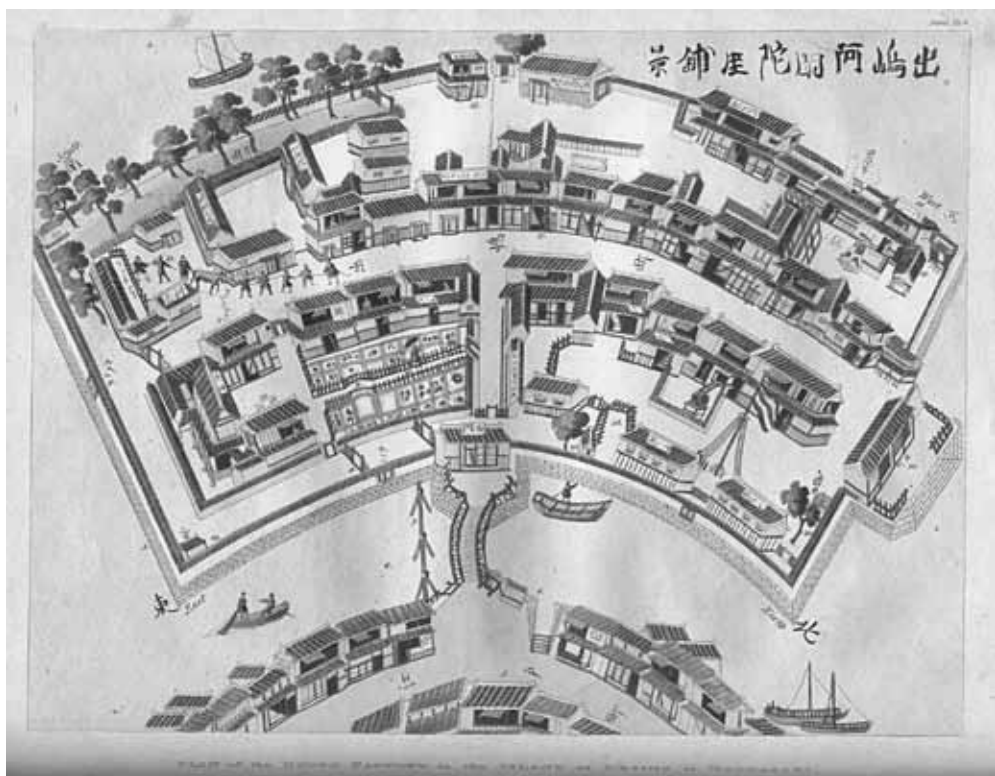

Ил. 1. Мост Кадзурабаси, преф. Токусима (Япония)

ях японцы, напротив, строили не только прочные, но и живописные висятые мосты, которые технологически на несколько веков опережали достижения европейского мостостроения (Yōzō, Kichiro, Hiroshi 2012). Одним из самых известных примеров такого типа мостов является мост Кадзурабаси (ил. 1) (в западной части Токусимы). Впервые подвесной мост в горах западной Ии упоминается в 1646 г. Мост имеет 45 м в длину, 2 м в ширину и 14 м в высоту. Вес моста 5 тонн. Он закреплен на стволах старых деревьев, растущих по обе стороны от ущелья. На дне ущелья поток цвета морской волны — река Ия. При хождении по мосту он раскачивается из стороны в сторону, поэтому каждый шаг дается с трудом. Доски, по которым осуществляется движение, узкие — примерно 7 см шириной, и расположены они с большими промежутками, на расстоянии примерно 20 см друг от друга.

Этот мост входит в список восьми самых опасных мостов мира. Мост Кадзурабаси окружен деревьями, горами, под ним протекает река Ия, поэтому его художественный образ связан с сезонными особенностями природы. Весной пейзаж украшает цветущая фрезия. Летом можно наслаждаться видом молодой зелени. Осенью — красно-желтой листвы. А зимой любоваться заснеженной рекой Ия.

В настоящее время в Японии можно найти почти все известные типы мостов: цепные и арочные, понтонные и лодочные, вантовые и разводные, деревянные, каменные и металлические. Но их главное отличие — смысловое. Мосты Японии принимают на себя различные функции. Они могут не только соединять, но и разделять. Эта ограничительная функция мостов достаточно ярко проявила себя во время закрытия страны (сер. XVII — сер. XIX в.). Достаточно вспомнить, например, мост,

Ил. 2. План голландского поселения на острове Дэдзима

Ил. 3. Мост, соединяющий остров Дэдзима с Нагасаки. Фотолитография 1861 г.

связывающий искусственный остров Дэдзима с японской землей. В 1641 г. Сёгунат Эдо отрезал Японию от внешнего

мира. Начался период изоляции, продолвшийся более 200 лет. Но оставалось исключение — портовому городу Нагасаки было разрешено служить единственным окном во внешний мир.

Более двух столетий крошечный остров Дэдзима в нагасакской гавани был единственным уголком Японии, открытым для европейцев. Впрочем, и здесь остановиться могли не все — бросать якорь у Дэдзимы позволялось исключительно голландским судам. В 1634–1636 гг. в гавани был отсыпан крохотный (1,31 га) островок, получивший название Дэдзима (ил. 2). Остров был примерно 120 м в длину и 75 м в ширину и возвышался над уровнем моря на 1–2 м. Деньги на строительство предоставили

Ил. 4. Мост Удзибаси храмового комплекса Исэ

25 торговых домов Японии, поддерживавших деловые контакты с европейскими купцами. Остров был обнесен высоким забором, по верхней части которого шел двойной ряд железных шипов. В западной части острова были ворота, но они открывались лишь тогда, когда прибывали голландские суда: чтобы разгрузить их и затем нагрузить японскими товарами. Вокруг острова в воде были размещены столбы с табличками, оповещавшими о запрете причаливать к острову.

Остров Дэдзима был соединен с берегом небольшим каменным мостом (ил. 3). Стража зорко следила за тем, чтобы никто без разрешения не мог войти на остров или покинуть его. Голландцы могли совершать прогулки по двум уз-

ким улочкам на острове, а для выхода в город требовалось специальное разрешение властей. На мосту даже была сделана надпись: «Только для проститутток, вход для других женщин воспрещен».

Роль отделения двух территорий друг от друга, т.е. разделительная функция мостов, в Японии проявляется очень ярко. В пример можно привести мосты, отделяющие синтоистские храмы от остального мира. Прежде всего, это мост Удзибаси, перекинутый через реку Исудзугава (ил. 4). Он ведет к главной японской святыне — синтоистскому храму Исэ, к комплексу Найка. Функция моста Удзибаси — отделять священную землю главного синтоистского святилища от остального мира. Для этого и был

выстроен один из самых больших деревянных мостов в стране. Мост Удзибаси, по древней традиции, построили без единого гвоздя, и его длина составляет более 100 м. Этот мост, согласно синтоистской традиции, перестраивается каждые 20 лет, как и само святилище Исэ. Перестройка моста является частью священного ритуала обновления святилища Исэ. Процесс перестройки моста, с использованием древних методов строительства, помогает передавать традиционные навыки, приемы и секреты (которым уже более тысячи лет) из поколения в поколение.

Мост Сорибаси храма Сумиёси в Осаке, отделяя синтоистскую святыню от внешнего мира, четко разграничивает светский мир и сакральную территорию. Святилище Сумиёси, основанное в III в., является одним из древнейших культовых мест в Японии. Наряду со святилищем и мост считается священным. Его необычные формы и ярко-красный цвет сделали его узнаваемым и знаменитым. Проход по мосту Сорибаси — это дорога духовного очищения перед посещением храма, а сам мост служит границей между светским миром и миром Богов. Отсюда и древнее поверье, утверждающее, что, если пройти по этому мосту, все беды останутся позади.

Близкими по символическому наполнению к храмовым мостам можно считать садовые мостики *хаси* (ил. 5). Они впервые появились в японском саду во время периода Хэйан¹, мосты были сделаны из камня (*ishibashi*), из дерева, из оцилиндрованного бревна, покрытые мхом (*dobashi*), а по конструкции — были арочными (*soribashi*) или плоскими (*hirabashi*). Иногда, если мостики были частью храмового сада, они

были окрашены в красный цвет, в соответствии с китайской традицией, но по большей части хаси были неокрашенные (Young, Young 2005: 33). От китайцев пришла и символика дао, мост стал символизировать путь в рай и бессмертие. Мост вообще — символ перехода, имеющий много значений. Параллельно с дао передавалась и символика буддизма. Проход по такому мосту — это переход из одного мира в другой. Мостик из досок, скрепленных друг с другом, символизирует благородный путь к спасению, путь к раю и бессмертию. Поэтому чаще всего строили мостики арочного типа, которые символизировали устремления духа к горным вершинам. Позднее хаси стали устанавливаться и над сухими ручьями.

Мостик может вообще никуда не вести, к такому мостику даже не прокладывается дорожка, и по нему никто не ходит. Он предназначен только для релаксации, для эстетичного созерцания, которое поможет заглянуть в себя и осмыслить дальнейший путь. Таким мостиком уже не пользуются для ходьбы, на него только смотрят. Японский сад предназначен для созерцания окружающего мира и единения с природой, он помогает отрешиться от бренного мира и обрести душевное равновесие. Мостик подчиняется этой общей для японского сада символической парадигме. Кроме эстетической функции такой мост хаси включает в себе глубокий смысл и выполняет задачу гармонизации духа.

В расположении мостов, создании их формы и образа особенно многогранно проявляет себя принцип режиссуры. Различные художественные приемы используются для создания во время пути определенных чувственных переживаний. Режиссура чувственных восприятий и ощущений, способность создавать некий эмоциональный настрой

¹ Хэйан (в пер. с яп. — «спокойствие») — период в истории Японии с 794 по 1185 г.

Ил. 5. Мост хаси в японском саду

в полной мере проявляется, если пройти по старейшему в Японии каменному мосту — Мэганэбаси («Мост-очки», ил. 6). Он был построен в 1634 г. на средства дзэнского храма Кофукудзи и под руководством китайского монаха из этого храма, Мокуси-нэдзё, который был еще и прекрасным архитектором. Мост получил свое говорящее название потому, что два его арочных пролета, отражаясь в воде, напоминают старинные очки, надетые на «переносицу» реки Накадзима. Длина моста составляет 22 м, а ширина — 3,65 м. Высота над рекой равна 5,46 м. Восприятие этого моста значительно превосходит его реальные размеры, ведь его реальная конструкция переходит в отражение в воде. Красивый художественный прием ставит перед собой совершенно конкретную главную цель — создать нужное состояние сознания у человека, идущего в буддийский

монастырь Кофукудзи, — показать, что мир наших мыслей, суждений, стремлений настолько же реален, как и мир физический. В 1982 г. этот старый мост был наполовину разрушен во время большого наводнения, но на следующий год его отремонтировали из того же самого мостового камня, который был отнесен водами паводка до нижнего течения реки. Мэганэбаси — самый старый каменный мост в Японии, он является ценным культурным достоянием Страны восходящего солнца и символом Нагасаки.

Мосты Японии естественно и непременно вписаны в окружающую природу. Отсюда вытекает и одна из важнейших функций мостов Японии — использование принципа режиссуры для создания у пешехода необходимых зрительных образов. Например, мост «Жемчужная нитка Амакуса» представляет собой цепочку из пяти мостов с грамотно

Ил. 6. Мэганэбаси («Мост-очки») в Нагасаки

просчитанной траекторий расположения всех звеньев для создания условий, позволяющих со всех сторон охватить взглядом бесконечную красоту окружающей природы. Красивое название мостов «Жемчужная нитка Амакуса» напоминает нам о том, что в теплой и чистой воде моря Амакуса выращивают драгоценный жемчуг. Траектория мостов, где все звенья расположены под разными углами друг к другу, позволяет со всех сторон охватить взглядом бесконечную красоту и изящество окружающей природы.

Ярким примером работы над созданием неординарных зрительных образов и эмоциональных ощущений можно считать мост «Мечта», перекинутый через изумрудные воды реки Сумата

(ил. 7). Кажущийся довольно широким мост на самом деле имеет довольно узкую центральную дорожку, приспособленную для передвижения по нему. Все остальное пространство занимают перекладины, сделанные для повышения устойчивости моста. Они расположены на значительном расстоянии друг от друга, и пройти по ним совершенно невозможно. Несмотря на приспособления для большей устойчивости, этот небольшой подвесной мост подвижен, во время ходьбы по нему необходимо отказаться от всякой спешки и аккуратно придерживаться центральной части. В результате проходящий по мосту как бы парит в воздухе, растворяясь в окружающей природе и в то же время осознавая ее могущество и величие перед человеком.

Ил.7. Мост «Мечта» на реке Сумата

Сходные и еще более подчеркнутые принципы творческой организации пространства можно выделить в построении моста Цуру-но-маи («Танец журавля»). На протяжении этого, самого длинного в Японии деревянного моста (а его длина составляет 300 м) предусмотрены 2 остановки — две легкие беседки специально предназначены для полноценного любования зеркальной гладью воды. Безбрежные просторы, близость воды создают ощущение умиротворения, покоя и гармонии.

Мосты в Японии создавались не только с целью сокращения расстояния, но и для его удлинения. Например, мост Кинтай (яп. *Кинтай-кё* — «Парчовый мост», ил. 8), ведущий к средневековому замку Ивакуни, имеет конструкцию, сильно

удлиняющую расстояние, которое нужно пройти. Первый пешеходный мост над рекой Нисики был построен в 1673 г. по приказу даймё Киккава Хироёси. Мост вел к главным воротам замка Ивакуни. Свое название мост получил из-за сходства с традиционным поясом для кимоно. Пятиарочный мост Кинтай считается одним из известнейших мостов Японии. Старая японская поговорка гласит: «Фудзи символизирует горы, Нати символизирует водопады, а Кинтай символизирует мосты».

Мост Кинтай прославился своей уникальной конструкцией. Деревянный мост длиной 210 м был собран без единого гвоздя². Расчеты его конструк-

² В настоящее время в конструкции моста появились металлические детали. Это следствие реконструкций 1953 и 2004 гг., при кото-

Ил. 8. Мост Кинтай у замка Ивакуни

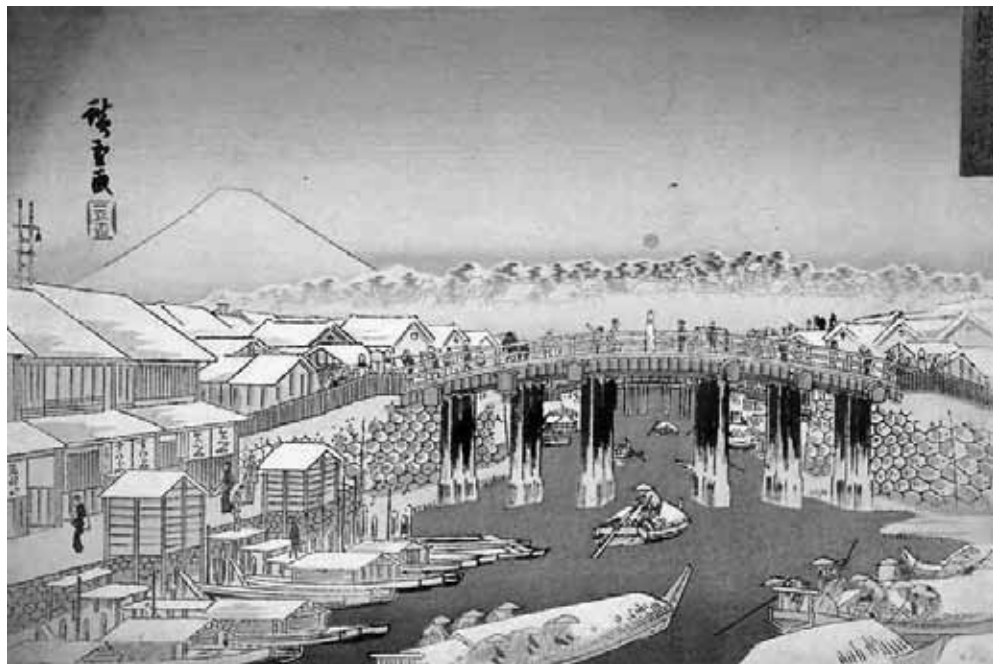
ций отличались высокой точностью, а сам мост — огромной прочностью. Кинтай-кё несколько раз все-таки страдал от стихийных бедствий, но, восстанавливаясь, полностью сохранял свою форму, отличаясь не только красотой, но и оригинальной изогнутостью своих пяти арок. Находясь наверху каждой из них, можно открыть для себя лучший вид на замок, но в то же время убедиться в его неприступности. Кроме того, это серьезное препятствие для врага, особенно идущего с оружием. Траектория движения по этому мосту предусматривает не только прохождение более длительного расстояния, но и преодоление более сложного пути. Пользоваться мостом могли только самураи, простой народ должен был пересекать реку на лодках.

Велика символическая функция мостов Японии. Главный мост страны, Ни-

хонбаси, объединил в себе различные функции, в том числе и символическую. Во времена Эдо район Нихонбаси развивался невероятными темпами и очень быстро стал основным торговым центром города. Еще в 1603 г., в самом начале строительства города, через реку Хара-гава, впадавшую в залив Эдо (ныне — Токийский залив), был построен деревянный мост. В порт, находившийся недалеко от моста, приходили баркасы с рыбой. Оптовый рыбный рынок сначала располагался именно здесь. По берегам реки выросли складские помещения, таким образом, район Нихонбаси постепенно стал главным торговым центром молодой сёгунской столицы (ил. 9).

Мост Нихонбаси (в дословном переводе «Мост Японии») являлся центральной точкой квартала. Вокруг него кипела жизнь и сложился исторический облик самого района. Первый деревянный мост, длиной 51 м и шириной 8 м, был построен в 1603 г. По своей кон-

рых, правда, был полностью сохранен внешний вид моста.

Ил. 9. Андо (Утагава) Хиросигэ. 1797–1858 гг. «Мост Нихонбаси». Гравюра из серии «100 знаменитых видов Эдо»

струкции мост был одним из многочисленных арочных мостов, каких в Японии было великое множество. Но колоссальным было его значение. В течение столетий мост служил отправной точкой для путешественников. Отсюда начинались два из пяти основных трактов (Накасэдо и Токайдо), соединяющих Киото и Эдо, и мост стал «нулевой» точкой отсчета (географическим центром) города, коим он является и поныне (об этом свидетельствует отметка, расположенная на мосту). Действительно, в японских городах расстояния отсчитывали не от площадей, а от мостов: 540 км, отделяющие столицу Эдо от Киото, отмерялись от моста Нихонбаси до моста Сандзё. Вдоль трактов через каждый *ри* (1 *ри* = 4 км) были установлены камни с указанием расстояния удаления от центральной точки (километровые

столбы). И сейчас от этой точки измеряются все расстояния до столицы, указатели на скоростных дорогах в Токио показывают расстояние именно до моста Нихонбаси.

Будучи деревянным, мост Нихонбаси неоднократно горел во время пожаров, после чего восстанавливался снова и снова. Наконец, в 1911 г., уже после падения сёгуната Токугава, было решено построить новый каменный мост. Он получился элегантным мостом длиной 27 м и шириной 49 м. Этот мост мы можем видеть и сегодня, а точная копия части старого деревянного моста выставлена в музее Эдо. Парапет нового моста украшен бронзовыми лампами с фигурами мифологических китайских животных — Лев защищает Токио от злых сил, а Кирин символизирует процветание города (ил. 10).

Ил. 10. Мост Нихонбаси. Современный вид

Символическая функция мостов часто была первостепенна. Известно, например, предание о мосте Догасима-но юругибаси («Качающийся мост Догасима»). Согласно древней легенде, некогда недалеко от острова Догасима жили морские пираты, которые грабили маленькие суденышки и совершали набеги на прибрежные деревни. Однажды они ворвались в деревню Таго и унесли все, что только могли унести, оставив стариков и детей в слезах и печали. Пираты, довольные своей добычей, поспешили прочь. Однако едва они вступили на узенький мост через реку Танигава, как вдруг мост затрясся, а потом стал раскачиваться из стороны в сторону. Он раскачивался все сильнее и сильнее, пока пираты все до одного не попадали в глубокую пропасть. С тех пор люди ста-

ли называть этот мост «Качающимся», т. е. «Юругибаси». Легенда гласит, что когда по этому мосту проходит человек с дурными мыслями и намерениями, мост обязательно начинает качаться (*Идзу-но мукасибанаси*).

Значение мостов в Японии чрезвычайно велико. Казалось бы, в стране, разбросанной по островам, мосты должны были играть, прежде всего, роль соединения. Однако с давних времен и до сих пор их функции, а также символика выходят далеко за рамки соединения одного берега с другим. Мосты Японии с древности и до наших дней расширяют границы своего содержания как художественного произведения и вбирают в себя, наряду с конструктивными, эстетические, психологические и социальные аспекты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Идзу-но мукасибанаши* — Идзу-но мукасибанаши (Сказки Идзу, яп. язык). Сидзуока, 6/г. С. 10–11.
- Mase, Mase 2013 — Mase Ф., Mase М. Япония эпохи Эдо. М.: Вече, 2013.
- Прасол 2012 — Прасол А. От Эдо до Токио и обратно: культура, быт и нравы Японии эпохи Токугава. М.: Астрель, CORPUS, 2012.
- Садокова 2017 — Садокова А. Р. Японские народные предания о мостах [Текст] // Современная филология: материалы V Междунар. науч. конф. (Самара, март 2017 г.). Самара: АСГАРД, 2017. С. 6–8.
- Yōzō, Kichiro, Hiroshi 2012 — Yōzō F., Kichiro K., Hiroshi T. Wind Resistant Design of Bridges in Japan: Developments and practices. Kindle Edition, 2012.
- Young, Young 2005 — Young M., Young D. The Art of the Japanese Garden. Vermont and Singapore: Tuttle, 2005.

REFERENCES

- Idzu-no mukasibanasi (Skazki Idzu)*. Sidzuoka, no year, pp.10–11.
- Mase F., Mase M. *Iaponiia epokhi Edo (Japan of the Edo Period)*. Moscow: Vechе Publ., 2013 (in Russian).
- Prasol A. *Ot Edo do Tokio i obratno: kul'tura, byt i nnavy Iaponii epokhi Tokugava (From Edo to Tokio and return: Culture, living and morals of Japan of the Tokugava Period)*. Moscow: Astrel', CORPUS Publ., 2012 (in Russian).
- Sadokova A. R. *Iaponskie narodnye predaniia o mostakh [Tekst] (Japonic folk tales about the bridges [Text]). Sovremennaiia filologiya (Contemporary philology): Fifth International scientific conference (Samara, March 2017)*. Samara: ASGARD Publ., 2017, pp. 6–8 (in Russian).
- Yōzō F., Kichiro K., Hiroshi T. *Wind Resistant Design of Bridges in Japan: Developments and practices*. Kindle Edition, 2012.
- Young M., Young D. *The Art of the Japanese Garden*. Vermont and Singapore: Tuttle Publ., 2005.

И. В. Белинцева

АРХИТЕКТОР МАКС ШЁНВАЛЬД (ВОСТОЧНАЯ ПРУССИЯ) — СОЗДАТЕЛЬ ЗАГОРОДНЫХ ВИЛЛ И СЕЛЬСКИХ УСАДЕБ

Деятельность многочисленных зодчих Восточной Пруссии в первой половине XX в. и созданные ими на территории современной Калининградской области сооружения до сих пор остаются малоизученными. Макс Шёнвальд, имевший собственное архитектурное бюро в Кенигсберге (совр. Калининград), возводил разнообразные типы сооружений — культовые, гражданские, транспортные и т. д. Главным направлением в его творчестве было проектирование и строительство частных особняков, усадебных домов и сельскохозяйственных объектов. Барский дом в Грюнвальде (вблизи пос. Клыквенное), многочисленные виллы курорта Раушен (Светлогорск), сельское подворье в Удervangen (Чехово) и другие постройки получили высокую оценку в тогдашней профессиональной печати.

Ключевые слова: Восточная Пруссия, Калининградская область, архитектор Макс Шёнвальд, архитектура первой половины XX в., виллы, усадьбы

I. V. Belintseva

ARCHITECT MAX SHENWALD (EASTERN PRUSSIA) — CREATOR OF COUNTRY VILLAS AND RURAL MANOR HOUSES

The activities of numerous architects of East Prussia in the late 19th and early 20th centuries and the structures created by them on the territory of the modern Kaliningrad region are still poorly understood. Max Schoenwald, who had his own architectural bureau office in Koenigsberg (Kaliningrad), erected various types of structures — religious, civil, transportation, etc. The main direction in his work was the design and construction of private mansions, manor houses and agricultural facilities. The mansion house in Grunwald (near the village of Klukvennoye), numerous villas at the resort Rauchen (Svetlogorsk), a rural farmstead in Udervangen (Chekhov) and other buildings have received wide acclaim in the professional press.

Key words: East Prussia, Kaliningrad region, architect Max Schoenwald, architecture of the first half of the 20th century, villa, manor

На северо-восточной части бывшей провинции Восточной Пруссии (совр. Калининградская область) в первой половине XX в. действовало несколько десятков частных архитектурных бюро, в которых были заняты сотни архитекторов и инженеров. Деятельность многочисленных зодчих и их помощников, созданные ими сооружения на территории современной Калининградской области до сих пор остаются малоизученными, архивные материалы не сохранились. Творчество немногих восточно-пруссских мастеров получило отражение в общегерманской и местной периоди-

ческой печати, что позволяет выявлять авторство сохранившихся сооружений. В первой половине XX в. одной из известных мастерских Кенигсберга (совр. Калининград) руководил архитектор Макс Шёнвальд (1878– ? гг.), отдельные работы которого опубликованы в специализированных журналах: «Немецкие конкурсы», «Немецкие строительные мастерские» и др.

Архитектор родился в 1878 г. в приморском поселении Гросс-Курен в Восточной Пруссии (совр. Приморье, Светлогорский район, Калининградская область). Он жил и работал в Кенигсберге,

на Фуксбергер-Аллее (в настоящее время — начало Советского проспекта), имел филиал своего архитектурного бюро на курорте Раушен (совр. Светлогорск). М. Шёнвальд закончил строительско-ремесленную школу Кенигсберга, проходил практику в одном из местных архитектурных бюро. Он был членом архитектурного объединения «Архе»¹ и Государственного объединения художников Германии в Берлине (*Dressler* 1930: 908). Фрагментарные сведения о деятельности М. Шёнвальда в качестве свободного архитектора в 1930-е гг. встречаются в малоизученных документах кенигсбергского архива, хранящемся в Тайном архиве прусского наследия в Берлине (*GStaPK XX HA* 1935).

М. Шёнвальд строил по всей провинции здания различного назначения — загородные виллы и сельские усадебные дома, гостиницы, больницы, вокзалы, мельницы, делал проекты солдатских надгробий в годы Первой мировой войны (*Muthesius* 1916: 108–115) и т.д. В Нойкурене (совр. г. Пионерский, Светлогорский район) он построил дом отдыха ремесленников (*Neukuhren* 1914: 53–56). В Георгенсвальде (совр. пос. Отрадное, Светлогорский район) возвел здание вокзала (1912–1913 гг.), в Лабиау (совр. Полесск, Полесский район) в 1928 г. по его проекту (при участии строительного подрядчика Криспера) построили католическую капеллу Сант-Ангар (сейчас — здание музыкальной школы). Мастер шел в ногу со временем, он работал с использованием художественных приемов позднего югендстиля, создавал стилизации в духе необарокко, популярного в регионе в первой половине XX в. Во время восстановительных работ Первой мировой войны мастер создал ряд

архитектурных проектов, используя стилизованные исторические формы в широком диапазоне — от готики до классики: гостиница «Рейх» в Домнау (совр. Домново, Правдинский район, 1915 г.), здания на рыночной площади в Алленбурге (совр. пос. Дружба, Правдинский район), осуществленная мельница в Удерванген (совр. Чехово, Багратионовский район) и проект хозяйственного усадебного подворья там же (1915 г.) (*Abbildungen* 1916). В межвоенное время XX в. он предпочитал работать в стиле Ар Деко.

Макс Шёнвальд особо специализировался на строительстве частных вилл и усадебных домов, о чем свидетельствует опубликованное объявление в «Путеводителе по курорту Раушен (Самландия)», изданном в 1926 г. В краткой рекламе говорится: «Выставка проектов и моделей в моем ателье в Кенигсберге. Виллы, усадьбы, сельскохозяйственные постройки. Множество рекомендаций» (*Führer* 1926).

В немецкой литературе для обозначения усадебных домов существует несколько терминов. Дворец (*Schloss*) обозначает «незащищенное или лишь слегка укрепленное жилое здание для аристократов. Это здание — возможность проведения пышной и репрезентативной жизни. Время распространения — XVI–XIX вв.» (*Lorck* 1965: 11). Господский усадебный дом (*Herrenhaus*) представлял собой расположенное среди парка и сельскохозяйственных угодий относительно скромное жилое здание для владельцев имения, ведущих активную хозяйственную деятельность. В Восточной Пруссии первые дворцы и господские дома появляются в конце XVI в.

По проекту архитектора М. Шёнвальда был построен небольшой господский дом в Грюнвальде (Зеленый лес) на полуострове Самбия (вблизи шоссе, соединявшем поселки Клыкен и Хайли-

¹ Какие-либо сведения о существовании и деятельности объединения «Архе» выявить не удалось.

Ил. 1. Усадебный дом в Грюнвальде. Арх. М. Шёнвальд, 1914 г. Общий вид (Zu den Abbildungen 1914: 252)

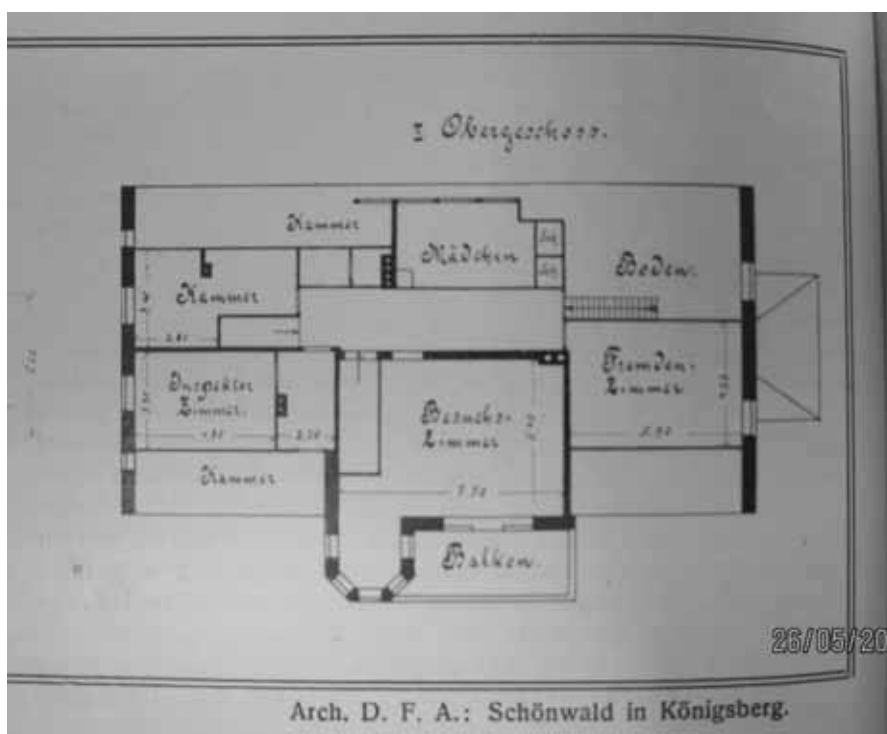
генкройц, совр. пос. Клюквенное и Красноторовка, Зеленоградский район). Название усадьба получила, видимо, из-за местоположения на окраине большого лесного массива — лесничества Варникен (совр. Лесное, Зеленоградский район).

В журнале «Немецкие строительные мастерские» за 1916 г. были опубликованы планы и фотографии дома, сделанные вскоре после окончания строительства (Zu den Abbildungen 1914: 252) (ил. 1–3). В опубликованном в 2005 г. альбоме исторических фотографий, посвященном Самбии, мне встретилось изображение этой же постройки спустя много лет, судя по возрасту окружающих деревьев (не позднее 1942 г.) (Klemm, Ziegler 2005: 67) (ил. 4). К сожалению, в настоящее время здание обнаружить не удалось.

Усадебный дом, расположенный на обширной территории вблизи дороги, предназначался для одинокой пары по фамилии Лосс, он компактен и невелик по размерам. Одноэтажное здание с высоким мансардным ярусом под полувальмовой крышей имело почти симметричную объемно-пространственную композицию, которую нарушала многогранная веранда на одной из торцевых сторон здания. Главный уличный фасад был выделен выступающим ризалитом с остроугольным крутым фронтоном, украшенным вертикальным овальным окном. Ризалит сделан двухъярусным, нижний объем с полукруглыми окнами и аркой входа оформлен крупным классическим горизонтальным рустом. Таким же рустом выделены углы здания, что придает

Ил. 2. Усадебный дом в Грюнвальде. План 1 этажа (Zu den Abbildungen 1914: 252)

Ил. 3. Усадебный дом в Грюнвальде. План 2 этажа (Zu den Abbildungen 1914: 252)

Ил. 4. Усадебный дом в Грюнвальде. Общий вид (до 1942 г.) (Klemm, Ziegler 2005: 67)

дому солидность и создает ощущение парадности, подчеркнутое открытым трехступенчатым крыльцом с перилами, заканчивающимися большими шарами на массивных постаментах.

Над центральным выступом первого этажа сделан широкий балкон с каменным парапетом, на который выходит широкая полуциркулярная застекленная дверь мансарды. Рядом устроен шестигранный эркер с шатровой крышей и вертикальными окнами с частыми переплетами, освещающими гостевую комнату верхнего этажа. По сторонам ризалита на крыше симметрично размещены мансардные оконца с высокими треугольными фронтонами, выполненными в технике фахверка, характерной более для английских коттеджей — с акцентированием вертикальных темных балок и светлого заполнения между ними.

По традиции, пришедшей из Англии и прижившейся в архитектуре Восточ-

ной Пруссии, центральную часть здания занимал большой холл, деливший дом на две части — жилую и хозяйственную. Он отделялся от улицы коридором входной пристройки, в которой слева разместили гостевой туалет, а справа — угловой эркер с большими полуциркулярными наружными окнами. Хорошо освещенный эркер отделялся от холла арочным проемом и низкой решеткой балюстрады. Эркеры были неотъемлемой частью планировочной композиции вилл и небольших поместных домов первых десятилетий XX в., они способствовали лучшему освещению внутренних покоев, а снаружи вносили элементы живописности в объемно-пространственную композицию жилища.

На первом этаже, слева от центрального холла размещалась спальня владельцев дома, что было принято в небольших сельских поместных жилых домах этого региона. Она отделялась

Ил. 5. Усадебный дом в Грюнвальде. Интерьер холла. (Zu den Abbildungen 1914: 252)

от холла небольшим коридором, начинающимся под лестницей, и обширной туалетной комнатой, освещаемой естественным светом большого окна. В этой же части дома были устроены кухня и подсобные помещения, куда можно было легко попасть из хозяйской спальни, миновав узкий служебный коридор. В углу дома, противоположном от спальни комнаты, размещалась обширная столовая, отделявшаяся раздвижными дверями от гостиной для дам, с примыкавшей к ней верандой. Комната хозяина соединялась с дамским будуаром и с проходным холлом, некоторое представление об оформлении которого дает фотография в журнале вековой давности (ил. 5). В центре помещения стоял квадратный стол, окруженный венскими стульями с круглящи-

мися спинками. В углу, напротив входа, был устроен двухъярусный кирпичный камин, рядом с которым двойные двери с застекленными проемами в верхней части вели в кабинет владельца. Темное дерево дверных полотнищ и широких рам четко выделялось на светлом фоне стен, оформленных в нижней части панелями, а в верхней — широкими вертикальными полосами светлых тонов. Довершали контрастную композицию выступающие темные балки потолка. Из холла широкая лестница вела на второй этаж, дополнительная, более узкая лестница соединяла служебные и гостевые помещения обоих этажей, выходящие в широкий коридор.

М. Шёнвальд много работал над проектами восстановления городов, поселков и сельских имений, разрушенных

в Восточной Пруссии в годы Первой мировой войны. Одно из значительных и монументальных зданий сохранилось в поселке Чехово (Багратионовский район, бывш. Удерванген). В 1915–1916 гг. для Удерванген разными архитекторами было создано несколько проектов, некоторые из них были осуществлены (Белинцева 2015: 65–81). Архитектурные замыслы были опубликованы в профессиональной периодической печати и широко обсуждались современниками. Внимание к восстановлению тогдашнего села Удерванген было вызвано многими причинами — его древностью и значимостью как крупного административно-хозяйственного центра, но в большей степени — желанием архитекторов создать на месте разоренных войной поселений Восточной Пруссии часть «новой Германии — от городской планировки до самого малого уголка» (Aschenbeck 1991: 62).

Целью восстановления разрушенного хозяйства было не просто возвращение прежнего облика городам и селам. Как писали в то время, «огромное задание по воссозданию Восточной Пруссии, выросшее из военной необходимости, дает возможность проведения полноценных и единых реформ нашего строительства» (Salm 2012: 53). К далекой провинции были привлечены взоры всей Германии, почти 500 архитекторов изъявили желание принять участие в возрождении здешней жизни. Практически все мастера, участвовавшие в восстановлении, были приверженцами и пропагандистами реформ в архитектуре. Создаваемые ими проекты и сооружения должны были представлять образцовые объекты, в которых были бы воплощены идеалы «простоты» и «функциональности», популярные к началу второго десятилетия XX в. Удивляет исторический ретроспективизм этих новаторских устремлений, т.к. источниками для создания новых архитектурных форм должен

был служить стиль «около 1800 г.», под которым подразумевались формы зодчества эпохи классицизма и бидермейера первой половины XIX в., а также традиции народного архитектурного творчества. Идеалы классицизма активно прокламировали в своих книгах такие теоретики архитектуры, как Пауль Мебес и Пауль Шульце-Наумбург (Mebes 1908).

Известный архитектор XX в., основатель объединения «немецкий Веркбунд», Герман Мутезиус противопоставлял классицизирующим формам XIX в. патриархальные строительные традиции Восточной Пруссии. Г. Мутезиус подчеркивал значение общегерманского движения по «защите наследия родины» для восстановления разрушенной провинции. Традиционные архитектурные постройки, по его мнению, должны послужить базисом для создания гармоничной среды обновленных поселений. Классику и народные формы строительства следовало изменить в соответствии со вкусами современности. Проекты, осуществленные в Удерванген, соответствовали новым требованиям эпохи.

Кенигсбергский архитектор М. Шёнвальд спроектировал для фирмы «Захше в Удерванген» в 1915 г. большой комплекс, включающий мельницу и сельскохозяйственные постройки. Рядом с монументальным зданием мельницы, согласно проекту, должны были построить деревянный хозяйственный двор (вероятно, не был осуществлен). Проект комплекса был опубликован в журнале «Дойче Баухютте» («Немецкие строительные мастерские») в сентябре 1916 г. и вскоре частично осуществлен (*Ostpreußische Bauten* 1916: 322) (ил. 6). Как свидетельствует сохранившаяся на фасаде здания надпись, сделанная от имени владельца мельницы Юлиуса Захше, мельница стояла на этом месте со времен существования Орденового государства. Согласно опублико-

Ил. 6. Проект мельницы в Удерванген. Арх. М. Шёнвальд (*Ostpreußische Bauten* 1916: 322)

ванным архивным сведениям, в 1783 г. мельница в Удерванген обслуживала 24 близлежащих поселения (Vogel 1988: 101). Вторая водяная и одновременно ветряная мельница, к которой было приписано 25 деревень и хуторов этой местности, стояла во Фридланде.

На исторической открытке «Привет из Удерванген», датируемой около 1899 г., изображена старая водяная мельница, разрушенная в 1914 г. Но уже к октябрю 1916 г. было готово новое здание (ил. 7). Отдельного исследования заслуживает масонский (?) знак, украшающий пологий фронтон над памятной надписью об окончании строительства. Круглая зубчатая шестеренка передающего мельничного устройства имеет оси, напоминающие солнце с восемью лучами, сквозь которые невероятным способом просунуты ножки циркуля (ил. 8).

Архитектура сельского подворья, задуманного столичным мастером, типологически восходила к традиционным сооружениям зажиточных местных крестьян, но с элементами классической архитектуры. Это был комплекс взаимосвязанных одно-двухэтажных зданий с высокими двускатными и вальмовыми кровлями, под которыми размещались дополнительные ярусы хозяйственных помещений. Главное служебное здание, обращенное к дороге, ведущей на мельницу со стороны Кенигсберга, М. Шёнвальд задумал в виде протяженного сооружения, центр которого отмечен треугольным острым щипцом крыши.

Один из рисунков архитектора демонстрировал вид на подворье, открывающийся из окон стоящего напротив жилого дома (*Neubau in Uderwangen* 1916: 248) (ил. 9). Центром строго

Ил. 7. Чехово. Мельница. Арх. М. Шёнвальд. Общий вид. Фото И. Белинцевой, 2016

Ил. 8. Чехово. Мельница. Фрагмент надписи. Фото И. Белинцевой, 2016

Ил. 9. Проект хозяйственного комплекса в Удерванген (Чехово). Арх. М. Шёнвальд. (Neubau in Uderwangen 1916: 248)

симметричной объемно-пространственной композиции служил деревянный ремонтный сарай с широкими арочными проездами под высокой вальмовой кровлей, увенчанной башенкой с часами. В боковых ризалитах-флигелях внизу размещались конюшни, а в верхних этажах хранили сено. Здание в целом, следуя тогдашней формуле местного стиля, представляло собой довольно эклектичное сочетание классицистических и народных традиций в строительстве.

Мельница была задумана по контрасту с сельскохозяйственными постройками, противопоставляя их расплывчатости и легким формам деревянной архитектуры подчеркнуто монументальное многэтажное промышленное сооружение.

Следуя требованиям «духа времени» — строить в стиле «около 1800 г.», во внешнем оформлении мельницы ма-

стер использовал упрощенные классические формы — башнеобразная часть массивного блока здания украшена пилястровым портиком с крутым треугольным фронтоном, больше напоминающим традиционные прибалтийские остроугольные щипцы. Полуциркульное низкое окно в поле фронтона явно навеяно ампирическими прототипами. В целом облик мельницы не выражает прямую ее производственную функцию, напоминая своим дворцовым видом общественное сооружение культурного или административного назначения.

Уроки стиля модерн начала XX в. сказались в общей асимметрии объемно-пространственной композиции сооружения, разделенного по горизонтали на две части и по вертикали — на три. Высокая боковая часть вырастает в виде шестиэтажной башни с треугольным фронтоном и полукруглым окном, дру-

гой объем поставлен с отступом от фасадной поверхности, к нему примыкает дополнительная полукруглая пристройка. Живописность зданию придает сочетание разновысоких мансардных и двускатных крыш. Широкий горизонтальный карниз отделяет нижние этажи от мансарды с ярусами окон двух типов: одни — классической прямоугольной формы, увенчанные треугольными фронтонами, и другие — в виде плавного полукружия, так называемая форма «летучая мышь».

М. Шёнвальд воплотил в облике мельничного комплекса для владельца Юлиуса Захше, как до этого в усадебном доме в Грюнвальде, две популярные и широко пропагандируемые идеи — упрощенная классика мельничного сооружения была в проекте дополнена традиционной сельской архитектурой хозяйственного двора, типичной для Восточной Пруссии. Следует отметить, что в проекте мельницы для города Домнау (совр. Домново, Правдинский район), М. Шёнвальд создал более строгую классицистическую симметричную композицию, с центральным портиком, украшенным монументальными лизенами в виде плоских выступов без капителей, вытянутых на всю высоту фасада, завершенным высоким фронтоном с ампирной дугой над полуциркульным окном (*Dampfmahlmühle* 1916: 342). Фасады боковых объемов также восходят к ампирным прототипам: вытянутые окна двух этажей расположены в неглубоких вертикальных нишах, межэтажные промежутки заполнены плоскими рельефами, над окнами верхнего этажа сделаны арочные завершения. Небольшая боковая пристройка не нарушает общего впечатления монументальности и величия этого промышленного сооружения.

В проектах жилых домов, выполненных для провинции, М. Шёнвальд опи-

рался на старинные традиции застройки поселений в XVIII–XIX вв. Проект дома для наемных работников и их семей в Вильгельмсберге (совр. поселок Яблоновка) представляет собой прямоугольное в плане здание с традиционной для здешних мест высокой полувальмовой крышей, скрывающей верхний полуэтаж (*Insthaus* 1916: 342).

Особое место в творчестве архитектора занимали частные виллы, которые он возводил преимущественно на местных курортах Балтийского моря. Виллы, расположенные среди озелененных участков, отличались от сельских усадебных домов не столько размерами, сколько их назначением. Деревенский господский дом был центром обширного сельскохозяйственного комплекса, а его владельцы регулировали налаженную жизнь работающих на земле крестьян и наемных работников. Хозяева вилл, особняков и коттеджей использовали их преимущественно для отдыха на природе и требовали большей живописности в их архитектурном решении (Белинцева 2013: 214–228).

М. Шёнвальд создал серию проектов летних домиков для Раушена, участвуя в местном архитектурном конкурсе (*Ferienhäuser* 1911–1912: 4, 9, 50–53), построил здесь несколько вилл (ил. 10). Большинство вилл было им возведено из дерева (Белинцева 2014: 13–17). Архитектор был родственником известного на побережье предпринимателя Германа Винклера, владевшего лесопильным заводом в Раушене. Г. Винклер появился на побережье Балтийского моря около 1900 г. и основал сначала партнерскую строительную компанию, а затем стал ее единоличным владельцем. «Заказы, которые он выполнял вместе со своим архитектором Шёнвальдом, давали возможность развития предприятия. Помимо прочего, семейство вело работы по строительству променада в Раушене и кенигсбергского

Самландского вокзала. Предпринимателем был построен лесопильный и деревообделочный завод. В 1920 г. Г. Винклер был назван в юбилейном сборнике советником общины. Спиленный лес привозился собственным транспортом из лесничества Варникен (совр. пос. Лесное) и после переработки поставлялся по железной дороге на кенигсбергский большой рынок дерева, принадлежавший Адольфу Шварцу. Семейный подряд существовал до 1945 г.» (Klemm 2004: 36).

М. Шёнвальд построил несколько особняков в Раушене, фотографии которых были опубликованы в журнале «Немецкие строительные мастерские» за 1913 г. (*Ferienhäuser* 1913: 498). До настоящего времени сохранился с незначительными изменениями летний домик на улице Маяковского (бывшая Кирхенштрассе) в Светлогорске, построенный по его проекту (ил. 11). Деревянное здание удалось идентифицировать благодаря фотографии в журнале, что позволяет предположительно датировать его временем между 1911 и 1913 гг.² Дом выстроен как пятистенник из бруса, сложенного «с остатком» (так называется соединение бревен или брусьев в углу сруба с выходом концов за плоскость стены), с двумя большими окнами на первом этаже главного фасада, одно из которых сейчас частично заложено. Выступы балок и большие окна — единственное украшение нижнего этажа. Фронтон жилого мансардного этажа обшит досками и сохранил три окна — два маленьких боковых и два сдвоенных окна, рамы которых установлены на край далеко выдвинутого подоконника, поддерживаемого деревянными консолями. В интерьере вынесение широкого подоконника наружу позволило несколько

Ил. 10. Раушен. Вилла. Арх. М. Шёнвальд (*Ferienhäuser* 1913: 488)

расширить внутреннее пространство, а снаружи — использовать залом крутой черепичной крыши, продолжив его скат непосредственно над окном, обычно украшенным горшками с цветущими растениями. Этот интересный прием так называемого «цветочного окна», обогащающий внешний вид скромных летних домов Раушена, был широко распространен в архитектуре курортов.

На конкурс 1911 г., посвященный проектированию летних домов на курорте Раушен в «стиле вилл», М. Шёнвальд представил пять проектов деревянных домов. Один из них, под девизом «Чертополох на взморье», получил третью премию и отзыв комиссии: «Достоинства: простое одноэтажное бревенчатое здание со спокойной, привлекательной архитектурой, четким планом, хорошим использованием пространства и распределением помещений» (*Ferienhäuser* 1911–1912: 4). Похожий проект дере-

² Автор статьи благодарит за помощь в идентификации постройки известного калининградского архитектора Вячеслава Генне.

Ил. 11. Светлогорск. Деревянный дом. Арх. М. Шёнвальд, 1914 г. Фото И. Белинцевой, 2017

вянного дома, рекомендованный к продаже, представил архитектор Рихард Шульц. Кроме того, архитекторы Рихард и Рейнольд Шульцы сделали проект деревянного одноэтажного в форме восьмигранника, похожего на застекленную садовую беседку, но это, как заметила комиссия, «на любителя» (*Ibid.*).

К сожалению, пока не удалось обнаружить ни одной виллы, в точности соответствующей премированным проектам архитектора, хотя многие исторические здания в современном Светлогорске несут отпечаток влияния конкурсных проектов 1911 г. Построенные перед Первой мировой войной летние дома в Раушене по архитектурному решению даже интереснее предложений конкурса, представляя сложные объемно-пространственные композиции, богатые комбинации форм перекрытий, веранд, эркеров, обрамлений окон верхних и нижних этажей и т.д.

Сходство с одним из конкурсных проектов М. Шёнвальда обнаруживает хорошо сохранившийся деревянный дом на улице Пушкина в Светлогорске (ил. 12). Этот особняк был построен около 1908 г., до проведения архитектурного конкурса, он принадлежал в числе нескольких других зданий казначею Общества благоустройства Раушена Карлу Кюну. Реклама дома, помещенная в путеводителе 1908 г., написанном К. Кюном, гласит: «Раушен, благороднейший балтийский курорт, жемчужина самбийской Ривьеры, благодаря своему возвышенному положению на янтарном побережье, предлагает здоровый образ жизни, богатство лесов, мягкий климат, чистый озоновый и насыщенный морскими солями воздух, и прочие несравнимые преимущества. Уверенный лечебный успех холодных и теплых морских купаний, грязевые ванны, непосредственные уг-

Ил. 12. Светлогорск. Деревянный дом. Арх. М. Шёнвальд (?), 1908 г. Фото С. Шевченко, 2018

леводородные, углекислые, хвойные, радонные, электрические световые, паровые ванны, душевые, массажи, лечебные питьевые воды, ингаляции. Роскошное содержание. Для проживания предлагается внаем на год или для продажи готовый односемейный срубный дом, указанный на изображении, расположенный в уютном месте, возле вокзала с южной стороны, в двух минутах от моря. Дом со всеми удобствами, отоплением, газовой плитой, электрическим освещением, звонком, близким телефоном, канализацией, водопроводом, садом, 5 и 6 комнат, вестибюль, эркер, винный погреб, веранда, комната для прислуги, кухня, кладовая, подвал, несколько дополнительных помещений. Преимущества деревянного дома: "Постоянно сухо и здорово, летом прохладно, зимой тепло, долговременное использование без ремонта". Име-

ются прекрасные участки для застройки с административным планом строительства для постоянных одно- и двухсемейных зимних жилых домов и торговых вилл в восхитительных окрестностях. Заботливое ведение строительства или строительство под ключ. Заказ в июле и августе по адресу: дом Кюна в Раушене. Карл Кюн, Кенигсберг, Мюнц-штрассе. Тел. 4562» (Kühn 1908).

Послевоенная судьба архитектора М. Шёнвальда остается невыясненной, неизвестны обстоятельства и дата его смерти. Обширное архитектурное и графическое наследие, запечатленное в публикациях и фотографиях в профессиональной печати первой половины XX в., сохранившиеся сооружения мастера в разных городах и поселках Калининградской области требуют дальнейшего изучения и идентификации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- GStaPK XX HA 1935 — GStaPK XX HA. Historisches Staatarchiv Königsberg. Historisches Staatarchiv Königsberg. Rep. 10 k. Fischhausen Nr. 137. Cranz. Katasterverwaltung. Verzeichnis der veränderten Parzellen. Katasteramt Fischhausen, Gemarkung Cranz. Nr 44. Rechnungsjahr 1935.
- Белинцева 2013 — Белинцева И. В. Архитектурный конкурс 1911 года для Раушена (г. Светлогорск Калининградской области): проекты и реальность // Архитектурное наследие. Вып. 58. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. С. 214–228.
- Белинцева 2014 — Белинцева И. В. Деревянные виллы Светлогорска: фрагменты немецкого прошлого // Academia. Архитектура и строительство. 2014. № 1. С. 13–17.
- Белинцева 2015 — Белинцева И. В. Архитектура поселка Чехово (бывший Удерванген) Калининградской области // Калининградские архивы. 2015. Вып. 12. С. 65–81.
- Abbildungen 1916 — Abbildungen // Deutsche Bauhütte. № 19/20. Hannover, 1916. S. 282, 322.
- Aschenbeck 1991 — Aschenbeck N. Moderne Architektur in Ostpreußen. Hamburg, 1991.
- Dampfmahlmühle 1916 — Dampfmahlmühle in Domnau. Arch. D.F.A.: Max Schönwald // Deutsche Bauhütte. № 41/42. Hannover, 1916. S. 342.
- Dressler 1930 — Dressler W.O. Dresslers Kunsthandbuch. Bd. 2. Das Buch der lebenden deutschen Künstler, Altertumsforscher, Kunstgelehrten und Kunstschriftsteller. Bildende Kunst. Berlin: Verlag Karl Curtius, 1930.
- Ferienhäuser 1911–1912 — Ferienhäuser in Ostseebad Rauschen // Deutsche Konkurrenzen. Bd. 27. H. 5/6. 1911–1912. S. 4, 9, 50–53;
- Ferienhäuser 1913 — Ferienhäuser in Rauschen a. d. Ostsee // Deutsche Bauhütte. № 17. Hannover, 1913. S. 498.
- Führer 1926 — Führer durch Ostseebad Rauschen (Samland). Rauschen: Badeverwaltung Rauschen, 1926.
- Insthaus für Wilhelmsberg. Arch. D.F.A.: Max Schönwald // Deutsche Bauhütte. № 41/42. Hannover, 1916. S. 342.
- Klemm 2004 — Klemm H.-G. Der Anfang // Unser schönes Samland. Samländische Heimatbrief der Kreise Fischhausen und Königsberg (Pr.). № III. 2004. S.36.
- Klemm, Ziegler 2005 — Klemm H.-G., Ziegler M. Der Kreis Samland in historischen Ansichtskarten. Teil 1: Das westliche Samland. 181 Ansichtskarten aus der Zeit von 1898 bis 1942 von den Städten, Seebädern und Orten des Kreises Fischhausen. Lübeck, Schipplack+Winkler Print Medien GmbH, 2005. S. 67.
- Kühn 1908 — Kühn C. Nach Rauschen. Neuester zuverlässiger Fremdenführer. Herausgegeben von Verfasser zugunsten des Verschönerungs-Vereins Rauschen. Rauschen, 1908.
- Lorck 1965 — Lorck C. E. L. von. Burgen und Schlösser. Frankfurt: Wolfgang Weidlich, 1965.
- Mebes 1908 — Mebes P. Um 1800. Architektur und Handwerk im letzten Jahrhundert ihrer traditionellen Entwicklung. Bd. 1–2. München: F. Bruckmann A.-G., 1908.
- Muthesius 1916 — Muthesius H. Kommende Kriegerdenkmäler // Deutsche Bauhütte. Zeitschrift und Anzeiger für alle Zweige praktischer Baukunst. Organ der Deutschen freien Architektenschaft. № 19/20. Hannover, 1916. Mai. 2016. S. 108–115.
- Neubau in Uderwangen 1916 — Neubau in Uderwangen. Arch. D.F.A.M. Schönwald (Königsberg) // Deutsche Bauhütte. Zeitschrift für alle Zweige praktischer Baukunst. Organ der Deutschen freien Architektenschaft. № 35/36. August. Hannover, 1916. S. 248.
- Neukuhren 1914 — Neukuhren. Handwerker-Erholungsheim Ostpreussen in Neukuhren // Baugewerks-Zeitung, 1914. 46. S. 53–56.
- Ostpreußische Bauten 1916 — Ostpreußische Bauten (von Architekt Max Schönwald, Königsberg) // Deutsche Bauhütte. Zeitschrift für alle Zweige praktischer Baukunst. Organ der Deutschen freien Architektenschaft. № 39/40. Sept. Hannover, 1916. S. 322.
- Salm 2012 — Salm Jan. Ostpreußische Städte im Ersten Weltkrieg. Wiederaufbau und Neuerfindung. Schriften des Bundesinstituts für Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa. Bd. 46. München, Oldenburg Verlag, 2012. S. 62.

Vogel 1988 — Vogel K.K. Amt Uderwangen. Orte, Wohnplätze und ihre Einwohner. 1772–1819. Hamburg: Selbstverlag des Vereins, 1988.

Zu den Abbildungen 1914 — Zu den Abbildungen // Deutsche Bauhütte. Zeitschrift und Anzeiger für alle Zweige praktischer Baukunst. Organ der Deutschen freien Architektenschaft. № 3. Januar. Hannover, 1914. S. 252.

REFERENCES

Belinceva I.V. Arkhitekturnyi konkurs 1911 goda dlia Raushena (Svetlogorsk Kaliningradskoi oblasti): proekty i real'nost (Architectural competition of 1911 for Rauschen (Svetlogorsk, Kaliningrad region): projects and reality). *Arkhitekturnoe nasledstvo (Architectural Heritage)*, vol. 58, 2013, pp. 214–228 (in Russian).

Belinceva I.V. Derevyannye villy Svetlogorska: fragmenty nemeckogo proshlogo (Wooden villas Svetlogorsk: fragments of the German past). *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo*, no. 1. Moscow, 2014, pp. 13–17 (in Russian).

Belinceva I.V. Arkhitektura poselka Chekhovo (byvshii Uderwangen) Kaliningradskoi oblasti (Architecture of the village of Chekhovo (former Uderwangen), Kaliningrad region) *Kaliningradskie arkhivy (Kaliningrad's Archives)*, vol. 12. Kaliningrad: Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. Immanuila Kanta Publ., 2015, pp. 65–81 (in Russian).

Abbildungen. *Deutsche Bauhütte*, no. 19/20. Hannover, 1916, pp. 282, 322.

Aschenbeck N. *Moderne Architektur in Ostpreußen*. Hamburg, 1991.

Dampfmahlmühle in Domnau. Arch. D.F.A.: Max Schönwald. *Deutsche Bauhütte*, no. 41/42. Hannover, 1916, p. 342.

Dressler W.O. *Dresslers Kunsthandbuch*. Vol. 2. Das Buch der lebenden deutschen Künstler, Altertumsforscher, Kunstgelehrten und Kunstschriftsteller. Bildende Kunst. Berlin: Karl Curtius Publ., 1930.

Ferienhäuser in Ostseebad Rauschen. *Deutsche Konkurrenzen*, vol. 27, no. 5/6, 1911–1912, pp. 4, 9, 50–53.

Ferienhäuser in Rauschen a. d. Ostsee. *Deutsche Bauhütte*, no. 17. Hannover, 1913, p. 498.

Führer durch Ostseebad Rauschen (Samland). Rauschen: Badeverwaltung Rauschen Publ., 1926.

Insthaus für Wilhelmsberg. Arch. D.F.A.: Max Schönwald. *Deutsche Bauhütte*, no. 41/42. Hannover, 1916, p. 342.

Klemm H.-G. Der Anfang. *Unser schönes Samland. Samländische Heimatbrief der Kreise Fischhausen und Königsberg (Pr.)*, no. III, 2004, p. 36.

Klemm H.-G., Ziegler M. *Der Kreis Samland in historischen Ansichtskarten*. Teil 1: Das westliche Samland. 181 Ansichtskarten aus der Zeit von 1898 bis 1942 von den Städten, Seebädern und Orten des Kreises Fischhausen. Lübeck: Schipplück+Winkler Print Medien GmbH Publ., 2005.

Kühn C. *Nach Rauschen. Neuester zuverlässiger Fremdenführer*. Herausgegeben von Verfasser zugunsten des Verschönerungs-Vereins Rauschen, 1908.

Lorck Carl E. L. von. *Burgen und Schlösser*. Frankfurt: Wolfgang Weidlich Publ., 1965.

Mebes Paul. *Um 1800. Architektur und Handwerk im letzten Jahrhundert ihrer traditionellen Entwicklung*, vols. 1–2. München: F.Bruckmann A.-G. Publ., 1908.

Muthesius H. Kommende Kriegerdenkmäler. *Deutsche Bauhütte*, no. 19/20. Hannover, 1916. Mai, pp. 108–115.

Neubau in Uderwangen. Arch. D.F.A.M. Schönwald (Königsberg). *Deutsche Bauhütte*, no. 35/36. August. Hannover, 1916, pp. 248.

Neukuhren. Handwerker-Erholungsheim Ostpreussen in Neukuhren. *Baugewerks-Zeitung*, no. 46, 1914, pp. 53–55, 56.

Ostpreußische Bauten (von Architekt Max Schönwald, Königsberg). *Deutsche Bauhütte*, no. 39/40. Sept. Hannover, 1916, p. 322.

Salm Jan. *Ostpreußische Städte im Ersten Weltkrieg*. Wiederaufbau und Neuerfindung. Schriften des Bundesinstituts für Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa, vol. 46. München, Oldenburg Verlag Publ., 2012.

Vogel K.K. Amt Uderwangen. Orte, Wohnplätze und ihre Einwohner. 1772–1819. Hamburg: Selbstverlag des Vereins Publ., 1988.

Zu den Abbildungen. *Deutsche Bauhütte*, no. 3. Januar. Hannover, 1914, p. 252.

Е. В. Конышева

«БУРНЫЕ АПЛОДИСМЕНТЫ, ВСЕ ВСТАЮТ»: ИНОСТРАННЫЕ ГОСТИ НА ПЕРВОМ ВСЕСОЮЗНОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТСКИХ АРХИТЕКТОРОВ*

Статья посвящена участию зарубежных архитекторов в Первом съезде советских архитекторов в 1937 г. Задачами публикации поставлены, во-первых, реконструкция подготовки и участия иностранных делегатов в форуме, во-вторых, анализ оценки зарубежными мастерами советской архитектуры 1930-х гг., представленной в их докладах, и, в-третьих, выявление специфики медийной интерпретации докладов иностранных специалистов. Публикация основана, прежде всего, на анализе документов Союза советских архитекторов и Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВООКС), хранящихся в российских архивах. Для реализации этих задач в статье рассмотрены несколько ключевых аспектов. В первой части публикации показана специфика международных связей Союза советских архитекторов, цели и формы международных контактов. Рассмотрены принципы подбора потенциальных зарубежных делегатов съезда и показана ключевая задача — демонстрация интереса к съезду первых лиц мировой архитектуры и громкий международный резонанс. Реконструирован сам процесс отбора и приглашения иностранных специалистов и его результаты. Во второй части статьи проанализированы доклады иностранных гостей и выявлены те проблемы, которые видели зарубежные специалисты в советской архитектуре. Показано, как доклады иностранных гостей подвергались цензуре при освещении их в советской профессиональной прессе. В качестве итога представлен тезис, что ни съезд, ни участие в нем иностранных гостей не получили широкого резонанса за рубежом. Участие небольшого числа зарубежных архитекторов в съезде не принесло желаемого результата — утверждения СССР как мирового архитектурного центра. Профессиональный взгляд зарубежных специалистов на проблемы советской архитектуры не был воспринят и оценен, а их участие рассматривалось организаторами исключительно с точки зрения укрепления международного имиджа советской архитектуры.

Ключевые слова: Первый съезд советских архитекторов, иностранные архитекторы, 1937

E. V. Konysheva

“STORMY APPLAUSE, EVERYONE GETS UP”: FOREIGN GUESTS AT THE FIRST ALL-UNION CONGRESS OF THE SOVIET ARCHITECTS

The article is focused on the participation of foreign architects in the First Congress of the Soviet Architects in 1937. The objectives of the publication are, at first, the reconstruction of the preparation and participation of foreign delegates in the forum, secondly, the analysis of the evaluation by foreign masters of Soviet architecture of the 1930s, presented in their reports, and, thirdly, the specificity of the media interpretation of foreign experts' reports. The publication is based, primarily, on the analysis of documents of the Union of Soviet Architects and the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries (VOKS) stored in Russian archives. They are compared with official documents, publications in the Soviet and foreign professional periodicals, and with sources of personal origin. The first part of the publication considers the specifics of the international relations of the Union of Soviet Architects, the goals and types of international contacts. It is alleged that the Soviet architecture of the 1930s was not isolated and there was a mutual interest and desire to maintain professional ties between the Western and Soviet architectural communities. At the same time, in the international activities of the Union of Architects, there were two key as-

¹ Исследование выполнено за счет средств Государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг. в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААЧ, тема 1.2.25/1.2.38 «Советское градостроительство и архитектура 1930-х годов в восприятии и оценке европейских архитекторов» (рук. Е. В. Конышева).

pects: first, the study of Western practice and exchange of experience; second, the propaganda of achievements of Soviet architecture abroad, and it was the later aspect, which played a dominant role. In this context, the principles of selection of potential foreign delegates to the Congress are considered and the key task is shown — demonstration of interest to the Congress of the premier persons of world architecture and loud international resonance. The process of selection and invitation of foreign specialists and its results have been reconstructed. It was demonstrated that the Union of Soviet Architects focused its attention on inviting “the most outstanding masters”, regardless of their views, and this approach opposed the anti-modernist discourse within the Soviet professional field. Among the preferable persons for participation at the Soviet congress, there were such leaders of modernism architecture as Le Corbusier, J.J.P. Oud, W. Gropius, L. Mies van der Rohe, L. Hilberseimer, B. Taut, and others. At the same time, a tribute was given to F.L. Wright, H. van de Velde, P. Behrens, H. Poelzig and other representatives of a wide range of architectural trends. The article also considers other motives of the leaders of the Union of Soviet Architects, which determined the choice for a particular candidate. The final list of foreign participants of 28 persons was approved by the supreme power — the Politburo of the Central Committee of the AUCP(b), but only 18 foreign architects took part in the Congress, among whom were F.L. Wright, A. Lurcat, F. Jourdain, and others. The second part of the article analyzes reports of foreign guests (F.L. Wright, F. Jourdain, A. Lurcat, S. Breines, M. Lods, and others) and identifies problems that foreign experts saw in Soviet architecture. First of all, they spoke about the “formalism” of the new Soviet architecture, the eclecticism and irrelevance of its language. They saw the reason for this in the primacy of the artistic and aesthetic principle in Soviet architecture, generated by the separation of the profession of an architect from the engineering profession, design from construction and industry, and artistic imagination from functional feasibility and technical capability. In turn, Soviet architects in their reports criticized Western architecture for the priority of function and technology over the “architectural image”. The article shows in detail how the critical reports of foreign guests were censored when translated into Russian and entered into publications of the professional literature. Finally, the author presents the thesis that neither the Congress nor the participation of foreign guests in it has received wide resonance abroad. The participation of a small number of foreign architects at the Congress did not bring the desired result — the establishment of the USSR as a world architectural center. The professional opinion of foreign specialists on the problems of Soviet architecture was not received and appreciated, and their participation was considered solely from the point of view of strengthening the international image of Soviet architecture.

Key words: the First Congress of the Soviet Architects, foreign architects, 1937

Тема участия иностранных делегатов в Первом всесоюзном съезде советских архитекторов, проходившем в Москве с 16 по 26 июня 1937 г., до последнего времени не становилась предметом отдельного исследования. Вероятно, это связано со скудностью и фрагментарностью находящегося в открытом доступе материала, как в России, так и за рубежом, не дающего достаточной полноты информации для размышления и анализа. Это опубликованные тексты речей некоторых зарубежных участников, краткая официальная информация об их пребывании в Москве, некоторые постсъездовские выступления архитекторов в прессе своей страны или фрагменты их автобиографий, посвященные этому событию (Wright 1943; Williams-Ellis 1991). Единственная фигура, чье пребывание на съезде было рассмотрено самостоя-

тельно и подробно, и только в зарубежных исследованиях — это Ф.Л. Райт (Johnson 1987; Спенсер 2017). Эти публикации основаны на документах фонда Ф.Л. Райта, его автобиографии, воспоминаниях его жены и на анализе опубликованных текстов архитектора. Однако история пребывания в Москве исключительно Ф.Л. Райта представляет только фрагмент мозаики и не дает возможности составить полную картину, как не позволяет и скорректировать искажения, которые неизбежно появляются при взгляде на событие сквозь призму только личного восприятия. В 2018 г. впервые был издан труд, целенаправленно посвященный съезду и участию в нем зарубежных гостей, включающий антологию их текстов (Hnídková 2018). Однако обширный пласт разноплановых материалов именно из российских архивов

(РГАЛИ, ГАРФ, РГАСПИ), содержащих документы Союза советских архитекторов, **ВОКСа**, личных фондов архитекторов, предлагает более панорамную картину. Публикуемая статья строится на основе анализа преимущественно этих документов, в сопоставлении их с официальными опубликованными материалами и документами личного происхождения. Формат статьи не позволяет рассмотреть все аспекты и учесть все подробности, связанные с участием западных архитекторов в советском съезде, поэтому конкретными задачами данной публикации ставятся, во-первых, реконструкция подготовки и участия иностранных делегатов в форуме и, во-вторых, анализ оценки зарубежными мастерами советской архитектуры 1930-х гг. и ее интерпретации в советской профессиональной и государственной прессе.

В первом Уставе Союза архитекторов, утвержденном в 1933 г., отдельным пунктом было зафиксировано обязательное участие Союза в международной деятельности: «организует и поддерживает связь с иностранными научно-техническими учреждениями и архитектурными обществами и принимает участие в международных съездах, конгрессах, конференциях, организует поездки своих членов для изучения достижений зарубежной архитектуры, техники, обмена опытом» (РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 8–13 об.). В международной деятельности Союза архитекторов изначально существовало два ключевых аспекта — во-первых, изучение западной практики и обмен опытом и, во-вторых, пропаганда достижений советской архитектуры за рубежом. Эти две основные задачи четко сформулировал Д. Е. Аркин — ученый секретарь Союза и непререкаемый персонаж всех его международных контактов в 1930-е гг.: «...Укрепление связи с передовыми течениями архитектурной мысли

на Западе, широкая популяризация за рубежом достижений нашей архитектуры, ее идей, ее практических работ, ее методов, отдельных проблем, встающих перед нею, обмен опытом с зарубежной архитектурой — все это составило и составляет содержание международной работы Союза советских архитекторов...» (РГАЛИ. Ф. 2606. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 55).

Советская архитектура 1930-х гг. отнюдь не оказалась в изоляции от международного архитектурного сообщества, существовал взаимный интерес и взаимное стремление к поддержанию контактов. Однако в сравнении с 1920-ми гг. отчетливо меняется вектор риторики, отражающей взаимодействие отечественной и зарубежной архитектуры: если в 1920-е гг. он был направлен в СССР с главным тезисом заимствования западного опыта, то в 1930-е гг. он направлен вовне и определялся заботой о международном имидже советской архитектуры. Искреннюю озабоченность руководства Союза вызывало то, что «современный курс советской архитектуры на освоение культурного наследия, на углубленную разработку эстетических сторон архитектуры... воспринимается в некоторых архитектурных кругах Запада неправильно или извращенно» (ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 12. Ед. хр. 190. Л. 31). Подобные настроения воспринимались как крайне нежелательные, а «разъяснение для заграницы принципиальных установок и позиций современной советской архитектуры» признавалось одной из важнейших задач (РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 126). Одним из путей укрепления международного имиджа советской архитектуры стало приглашение лояльных иностранных гостей на Первый всесоюзный съезд советских архитекторов, период подготовки которого пришелся на «золотые годы» международной культурной экспансии СССР в середине 1930-х гг.

Важно учитывать, что Союз советских архитекторов не выступал самостоятельным действующим лицом в международных профессиональных связях, как, собственно, и в деятельности внутри страны. Имея собственные мотивы и ожидания, Союз не имел автономности воли в принятии решений, независимости в определении и реализации своих целей и, главное, не имел ресурсов для их осуществления. На долю Союза оставалась исключительно тактическая деятельность в заданных рамках. В том числе ключевые решения о проведении съезда, его сроках, основных докладах и докладчиках, о возможности приглашения иностранных архитекторов принимались в Политбюро ЦК ВКП (б), а вся деятельность по подготовке курировалась Отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП (б) и (с мая 1935 г.) Отделом культурно-просветительной работы ЦК ВКП (б).

В сентябре 1935 г. Политбюро ЦК ВКП (б) постановило «разрешить приглашение на съезд 25–30 иностранных архитекторов» (*Власть* 1999: 270). В Союзе разработать список приглашаемых на съезд иностранных гостей доверили Д. Аркину, И. Маца и Х. Майеру, причем исходный вариант списка разрабатывался, вероятно, персонально Х. Майером (РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 91; Оп. 2. Ед. хр. 22. Л. 14). Этот предварительный список затем сокращался и перерабатывался. В работу по подбору, а затем и по приглашению кандидатов были вовлечены полпредства СССР в европейских странах и США, дававшие свои рекомендации и выступавшие, при необходимости, посредниками в контактах.

Показателен принцип, по которому составлялся перечень. «Список учитывает разность творческих направлений, поколений и, разумеется, соответствующие политические соображения» — именно таким тезисом сопровождал документ глава

Секретариата Президиума Союза и Президиума Оргкомитета по подготовке съезда А. Я. Александров (РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 54). Такая лояльность к «разности», при доминировавшей в советском профессиональном поле антимодернистской риторике, предопределялась одной из ключевых задач форума — международной пропагандистской репрезентации. Амбиции были сформулированы внятно и публично: «Первый съезд будет иметь значение выдающегося события в международном масштабе... Наша архитектура... давно уже приобрела значение архитектуры мировой — по тому громадному резонансу, который она вызывает в архитектурном творчестве всего мира. Международное значение съезда советских архитекторов... усугубляется еще тем обстоятельством, что *в работах самого съезда примет непосредственное участие целый ряд выдающихся мастеров западной архитектуры...* (курсив мой. — Е. К.)» (*Перед* 1936: 3). «Наиболее выдающиеся мастера» — вот принцип отбора участников, но никак не их стилевое лицо. Неудивительно, почему подбирать кандидатуры участников было поручено именно вышеназванным фигурам — знатокам зарубежной, прежде всего «современной» архитектуры, которые могли представить широкий спектр имен.

В предварительных списках (РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр. 22) был указан весь цвет модернистской архитектуры, причем в широком диапазоне творческих оттенков — Ле Корбюзье, Р. Мале-Стевен, П. Ауд, К. ван Эстерн, Г. Ритвельд, В. Буржуа, К. Мозер, З. Гидион, В. Гропиус, Л. Мис ван дер Роэ, Л. Гильберсеймер, Б. и М. Тауты, Э. Мендельсон, А. Аалто и в том числе архитекторы, совсем недавно работавшие в СССР и подвергшиеся разгромной критике за оставленное ими «безобразное наследство» — Э. Май, Х. Майер, М. Стам, Х. Шмидт. Заметим, что

и конфликт с CIAM по поводу результатов конкурса на проект Дворца Советов и несостоявшегося в 1933 г. IV (Московского) Конгресса не сыграл в подборе фигур никакой отрицательной роли (среди приглашенных желали видеть руководителей CIAM З. Гидиона, К. ван Эстерна, К. Мозера), также была проигнорирована и безудержная критика Ле Корбюзье и его «подражателей» в советской профессиональной прессе и «дискуссиях». В то же время отдавалась дань Ф. Л. Райту, А. ван де Вельде, П. Беренсу, Э. Сааринену, Р. Эстбергу, Г. Тессену, Г. Пёльцигу, П. Шмиттеннеру, И. Гочару, П. Янаку и другим представителям многообразного внемодернистского спектра архитектурных направлений первых десятилетий XX в. вплоть до откровенных традиционалистов и мастеров «академического направления». «Пользуется авторитетом», «виднейший планировщик», «крупный архитектор» — типичные характеристики в информационных справках о потенциальных делегатах.

Учитывая точку зрения руководства Союза, что представительность участников определяется в немалой степени их должностным статусом, необходимым считали обязательное приглашение «официальных лиц». Так, с точки зрения организаторов, необходимо было приглашение К. ван Эстерна — генерального секретаря «Международного конгресса современной архитектуры», Э. Мэгро — генерального секретаря «Постоянного международного комитета архитекторов», Дж. Скотта и П. Томаса — бывшего и настоящего президентов Королевского института британских архитекторов (RIBA) и И. Мак-Алистера — его секретаря, П. Ваго — генерального секретаря «Международных архитектурных совещаний». Также в характеристиках отмечалось членство в каких-либо национальных или международных ар-

хитектурно-планировочных объединениях.

Обязательно подчеркивалась и какая-либо связь архитектора с СССР. Так, в характеристиках упоминалось, если архитектор участвовал в конкурсе на проект Дворца Советов (О. Перре, С. Брайнес, Й. Урбан, Ле Корбюзье, Л. Бразини) или, например, состоял в переписке с Союзом или ВОКС, проявляя интерес к советской архитектуре и сотрудничеству (А. ван де Вельде, П. Й. Ауд, И. Гочар, К. Тайге, В. Буржуа и др.), в том числе упоминались и редакторы дружественных архитектурных журналов (П. Ваго («Современная архитектура», Франция), О. Страй («Ставба», Чехословакия), Л. Томашевский («Современная архитектура», Польша)). Часть западных архитекторов еще в 1933 г. откликнулись на предложение редакции «Архитектуры СССР» изложить свои творческие взгляды на ее страницах, и их тексты были представлены под общим заголовком «Как я работаю»² (*Как я работаю* 1933; *Райт* 1934).

Была и еще одна группа приглашаемых, определяемая по принципу социально-политической близости и активных связей с СССР, и этот критерий выходил на первый план по мере осознания того факта, что крупные фигуры мирового архитектурного сообщества вряд ли почтят своим вниманием съезд. Такой «политической» фигурой был, например, А. Вerveк, генеральный секретарь бельгийского профсоюза архитекторов, про которого в характеристике было отмечено: «сколько-нибудь яркого творческого лица не имеет, но из бельгийских архитекторов, стремящихся наладить культурные связи с СССР, является наиболее видной фигурой» (РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр. 22. Л. 51). Политико-идеологические основания

² Были представлены тексты П. Ауда, Р. Малле-Стевена, Й. Франка, Р. Фишера, В. Буржуа, А. Люрса, Х. Майера, Х. Шмидта.

имели значение в приглашении Э. Хайберга — датского коммуниста, «занимающего революционные позиции», не только архитектора, но и публициста. Соображения «близости с СССР» сыграли роль и в отношении С. Маркелиуса (Швеция) и М. С. Аркаса (Испания) — активных деятелей национальных Обществ сближения с СССР. Вероятно, кандидатуры архитекторов, связанных с Обществами дружбы, исходили от ВОКС и советских полпредств, в чем «ведении» находились эти организации. По крайней мере, имя английского архитектора Кло Вильямса-Эллиса, отсутствовавшее в первоначальных списках, появилось среди приглашенных благодаря именно рекомендации Полпредства СССР в Лондоне (РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр. 22. Л. 77). Архитектор был членом британского Общества культурной связи с СССР, а его супруга, писательница А. Вильямс-Эллис — активным участником этого общества, и в их доме принимали сотрудников советского посольства. Не случайно именно К. Вильямс-Эллис был первым заметным архитектором-планировщиком из Великобритании, посетившим СССР еще в 1931 г. (Ward 2012: 501).

Характерным в списках было значительное численное преобладание представителей Франции (18). Оно демонстрировало появление нового стратегического партнера, пришедшего в середине 1930-х гг. на смену Германии. Особую роль в этих новых коммуникациях играли «Ассоциация революционных писателей и художников» и журнал «L'Architecture d'aujourd'hui» («Современная архитектура») с его главным редактором и одновременно генеральным секретарем «Международных совещаний архитекторов» П. Ваго и группировавшимися вокруг него архитекторами — А. Агашем, Ж. Пенгюссоном, Ж. Ваго и др. Первый контакт состоялся в августе — сентябре 1932 г., когда интернациональ-

ная группа архитекторов прибыла в Москву и участвовала в первом «Международном совещании архитекторов» (П. Ваго, Д.-А. Агаш, Ж. Ваго, Ж.-А. Пенгюссон, А. Гиймо Сен-Винебо и др.). Архитекторы посетили Москву, Ленинград, Днепропетровск, Харьков, осмотрев объекты советского авангарда. На устроенных Союзом встречах советские и французские архитекторы «обменялись» докладами об основных тенденциях советской, европейской и французской архитектуры и градостроительства и, кроме того, для гостей был прочитан ряд докладов о планировке и реконструкции новых населенных мест в СССР, об архитектурной реконструкции Москвы и др. (Кравченко 1932). По итогам этой поездки был не только издан отдельный «советский» номер «L'Architecture d'aujourd'hui», появились заявления «в защиту СССР», но и было принято решение сделать «Международное совещание архитекторов» регулярным мероприятием. Надо заметить, что советские архитекторы больше так и не приняли участия в совещаниях, ни в 1933, ни в 1935 и 1937 гг., однако сохранили тесные контакты с этим кругом коллег. По утверждению Ж.-Л. Коэна, «Международное собрание архитекторов» стремилось занять нишу между функционалистским CIAM и организациями архитекторов консервативного направления (Коэн 2012: 249), и неудивителен столь большой интерес к этой группе со стороны советских архитекторов, также искавших свое место на международном архитектурном поле.

При этом Союз архитекторов не упускал возможности коммуникаций и с традиционалистским крылом французской и европейской архитектуры, в частности с «Постоянным международным комитетом архитекторов», ведущим историю своих конгрессов еще с 1897 г. Советская делегация во главе с К. Алабяном приняла

участие в его XIII конгрессе, состоявшемся в Риме в сентябре 1935 г. Несомненно, что руководителей Союза в свете планировавшегося в 1936 г. съезда интересовали, кроме всего прочего, сама организация подобного мероприятия и возможные кандидаты на приглашение. После конгресса советская делегация была приглашена в Париж генеральным секретарем Международного комитета французом Э. Мэгро (туда отправились К. Алабян, Н. Колли, Д. Аркин и С. Чернышев). В Париже была проведена целая серия встреч, докладов, экскурсий с участием Э. Бодуэна, М. Лодса, Р. Малле-Стевена, Э. Понтремоли, архитекторов круга «L'Architecture d'aujourd'hui» и др. Среди них был и О. Перре, который провел для советских архитекторов экскурсию к месту своей последней работы — «Мобилье Националь» и выразил желание присутствовать на советском съезде³. Кроме того, Э. Бодуэн и М. Лодс продемонстрировали советским архитекторам жилой комплекс Ла Мюэтт, чрезвычайно их заинтересовавший, а также фильм о методологии и практике индустриального строительства на примере возведения домов в этом поселке (*Архитектурные* 1936: 171–174; *Гидион* 1937; *Балтер* 1936; *Перре* 1936; *Аркин Новое* 1936). Неудивительно, что многие участники встреч с советской делегацией в Париже оказались в списке предполагавшихся к приглашению на съезд гостей⁴.

³ О. Перре набрал особую популярность в СССР в середине 1930-х гг. Его воспринимали, с одной стороны, как мастера, работающего с современными технологиями и материалами, а с другой — как мастера, способного придать этим материалам (металл и железобетон) художественно-эстетическую форму, избегая архитектурного «формализма».

⁴ Французский предварительный список: Э. Мэгро, О. Перре, Т. Гарнье, Ле Корбюзье, А. Люрса, Р. Малле-Стевен, А. Агаш, Ф. Журден, Ж. Пенгюссон, П. Жаннере, Ш. Периан, П. Ваго, А. Прост,

На протяжении многих месяцев велась работа над списком приглашенных — выяснялась возможность согласия или несогласия того или иного кандидата. Подготовленные списки включали «основные» кандидатуры и «запасных», на случай отказа главных претендентов. Окончательный список из 28 человек, с краткими характеристиками архитекторов, был послан в апреле 1937 г. в ЦК ВКП (б) (РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 128, 178 — 178 об.). Окончательный вердикт о приглашении иностранных архитекторов был вынесен Политбюро ЦК ВКП (б) 5 мая 1937 г. (*Политбюро* 2001: 859)⁵. По утвержденному списку 10 мая были разосланы типовые приглашения от лица Оргкомитета съезда за подписью К. Алабяна, В. Веснина и А. Щусева, к письму также прилагалась программа работы съезда на французском языке⁶. Приглашение предусматривало проезд по России и полное содержание на протяжении 15 дней съезда вместе с экскурсиями (РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 144–174, 212).

Согласием на приглашение ответили далеко не все, и в Оргкомитет Союза потекли вежливые отказы с выражением искреннего сожаления. Стоит заметить, что советская сторона сама приложила усилия к тому, чтобы получить часть отказов от лояльных коллег. Даты съезда стыковались с крупными международными форумами, почти одновременно проводившимися в Париже — XIV Международным

Ж. Себилль, М. Лодс, Э. Понтремоли, Э. Фрейси-не, Б. Леви.

⁵ Еще раз Политбюро ЦК ВКП (б) обсуждало участие иностранных архитекторов на съезде (вероятно, утверждая окончательный список после получения ответов от приглашенных) 25 мая 1937 г. (*Политбюро* 2001: 867).

⁶ Приглашения были посланы в том числе Ле Корбюзье, А. ван де Вельде, П. Томасу (президент RIBA), И. Мак-Алистеру (секретарь RIBA), Р. Энвину, Т. Гарнье, О. Перре, Э. Мэгро, П. Ваго, Р. Эстбергу, И. Тенгбому и др.

конгрессом архитекторов (19–25 июля), IV «Международным совещанием» (28 июня — 5 июля) и V конгрессом CIAM (28 июня — 2 июля), в подготовку которых были погружены многие значимые имена западной архитектуры. Париж, еще и с учетом открывшейся 25 мая Всемирной выставки, стал на это время мировым центром притяжения архитектурно-художественных сил, Москва оказалась на периферии со своей исключительно внутренней повесткой. Вероятнее всего, руководство Союза не имело возможности повлиять на решение об окончательных датах съезда, поскольку решение о проведении и сроках принимала высшая государственно-политическая власть⁷, тем более что эти сроки несколько раз переносились на протяжении 1934–1937 гг. Это весьма характерная демонстрация советской административной дисфункции на любом управленческом уровне: с одной стороны, съезд рассматривается и властью, и профессионалами в немалой степени с точки зрения международного резонанса, что делало обязательным присутствие ведущих архитекторов мира, с другой стороны — соотнесение времени проведения съезда с графиком международных архитектурных мероприятий даже не рассматривалось.

В Москву прибыли семнадцать иностранных делегатов: Ф.Л. Райт и С. Брайнес (США), Франсис Журден и Марсель Лодс (Франция), Мануэль Санчес Аркас, Хосе Лепо Ваамонде, Хессура Мартин (Испания), Артур Вервек (Бельгия), Эдвард Хайберг (Дания), Геральд Хальс (Норвегия), Вирджиния Гаррет (Румыния), Кло Вильямс-Эллис (Англия), Павел Янак и Йозеф Гочар (Чехословакия), Ариф Хикмет Холтей и Ариф О. Бюр-

хан (Турция), Свен Маркелиус (Швеция). Однако был и восемнадцатый участник — Андре Люрса (Франция), который с 1934 г. работал в СССР.

Подводя промежуточный итог, касающийся этапа приглашения зарубежных архитекторов на съезд, можно сказать, что поставленная задача демонстрации интереса к съезду первых лиц мировой архитектуры и громкого международного резонанса не была выполнена. В сравнении с первоначальными планами, список реальных западных участников съезда оказался весьма скудным. Единственной фигурой мирового значения, почтившей съезд своим присутствием, был Ф.Л. Райт, европейской известностью обладали французы — Ф. Журден, А. Люрса и М. Лодс, деятельность и известность остальных в основном не выходила за рамки национальных границ. При этом все участники, включая и вышеназванные фигуры, были симпатизантами СССР, а в отношении некоторых социально-политическая, а не собственно профессиональная составляющая была определяющей.

Тем не менее левые взгляды и симпатии к первому социалистическому государству совсем не означали отказа от профессиональных, иногда весьма жестких оценок современных тенденций советской архитектуры. Это оказалось неприятным сюрпризом для руководства Союза, которое явно рассчитывало на иностранных гостей как на декоративный антураж, демонстрирующий международную роль архитектуры СССР.

Возможность выступить на съезде с докладами получили М.С. Аркас (17 июня), Ф. Журден (18 июня), Э. Хайберг, А. Люрса, М. Лодс (20 июня) Г. Хальс (22 июня), Ф.Л. Райт (24 июня), Х. Холтай, Й. Гочар и П. Янак (25 июня)⁸. Тексты

⁷ Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «О сроках созыва и повестке дня Всесоюзного съезда советских архитекторов» было принято 20 апреля 1937 г. (*Власть* 1999: 358–359).

⁸ Тексты речей содержатся в стенограммах съезда (РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр. 31. Л. 167–180; Ед. хр. 32. Л. 26–36; Ед. хр. 34. Л. 57–64, 110–

речей этих архитекторов опубликовали «Архитектурная газета» и «Архитектура СССР» (Аркас 1937; Журден 1937b; Гейберг 1937; Люрса 1937b; Хальс 1937b; Холтай 1937; Райт 1937; Гочар 1937; *Иностранные* 1937a). Информацию об участии иностранных гостей и их выступлениях размещали также июньские номера «Правды» и «Известий» (обязанные Постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) уделять по одной полосе для освещения съезда (*Власть* 1999: 378)) и советская англоязычная газета «Moscow News». Кроме того, «Архитектурной газете» предоставила свои страницы Ф. Журдену, П. Янаку, Г. Хальсу, М.С. Аркасу, В. Гарет и К. Вильямс-Эллису для изложения своих впечатлений о советской архитектуре и съезде (Журден 1937a; Янак 1937; Хальс 1937a; *Сейчас* 1937; *Иностранные* 1937b).

Речи иностранцев встречались аплодисментами, овациями, иногда — приветствием иностранного гостя стоя, но настрой выступлений был отнюдь не однородным. Выступавших можно разделить на две группы. Первая — это те, кто ставил во главу угла социальную и политическую «близость» или отдавал дань советскому гостеприимству, искренне или из соображений галантной вежливости предпочитая слова восхищения, благодарности и комплиментарных оценок (М.С. Аркас, Э. Хайберг, Х. Холтай В. Гарет, К. Вильямс-Эллис).

Другая группа — это архитекторы, осознававшие свою миссию истинных «друзей СССР» и стремившиеся критическим анализом продемонстрировать проблемы советской архитектуры для помощи в их разрешении (Ф. Журден, С. Брайнес, А. Люрса, Ф.Л. Райт) или озвучить пусть не критику, но «некоторые замечания» и предпринять попытку по-

нять и оправдать новые архитектурные тенденции (П. Янак и Й. Гочар).

Не имея возможности заранее согласовывать и редактировать доклады иностранных коллег также, как это делалось в отношении советских архитекторов, руководство Союза использовало другие пути. Во-первых, это редактирование русского перевода речи, поскольку на съезде в основном использовался не синхронный перевод, а сделанный заранее и зачитываемый с трибуны⁹. Во-вторых, контролировалось медийное пространство — редактировались тексты речей, опубликованные в «Архитектурной газете» и «Архитектуре СССР»¹⁰. Редактор «Архитектурной газеты» М.О. Ольшевец откровенно заявлял, что «редакция всегда делает изменения, когда нужно» (*Паперный* 1996: 248). Следует заметить, что нельзя воспринимать публикации текстов речей как стенографическую запись, несмотря на сопровождающие ремарки (аплодисменты, смех и т.п.). Об этом наглядно свидетельствует, например, речь Ф.Л. Райта, разная по объему и нюансам

⁹ Переводчиками-«чтецами» выступали Н. Колли и Д. Аркин. Например, Ф.Л. Райтом было сделано только несколько вступительных и заключительных слов по-английски (вошли затем в русский перевод в опубликованные варианты речи), «чтецом» остального, русскоязычного, текста был Н. Колли. То, что речь нужно было подготовить заранее, очень удивляло Ф.Л. Райта, который привык выступать экспромтом (*Johnson* 1987: 70). Вероятно, исключением был непосредственный перевод Н. Колли выступления М. Лодса, поскольку там необходимо было комментировать диапозитивы, и стиль записи в стенограмме отражает именно живую речь (РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр. 34. Л. 157–167).

¹⁰ Хранящееся в РГАЛИ отдельное дело «Выступления иностранных архитекторов на первом всесоюзном съезде архитекторов» дает возможность ознакомиться с оригиналами речей Ф.Л. Райта и Ф. Журдена и с их русским переводом, а также с русским переводом речей Й. Гочара и П. Янека, Г. Хальса, С. Брайнеса (РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр. 50).

текста во всех опубликованных источниках и отличающаяся от архивного оригинала, как на английском, так и на русском языках (РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр. 50. Л. 21–29; *Райт* 1937; *Иностранные* 1937а; *Речь* 1937).

Корректировка начиналась с «мелких» манипуляций. Речь Ф.Л. Райта, никак не озаглавленная в оригинале, в публикации «Архитектурной газеты» получила название «СССР создаст великие сокровища искусства» (*Райт* 1937). Причем эта фраза изначально звучала по-другому: «...должны появиться великие сокровища искусства» (курсив мой. — Е. К): одним движением руки редактора был изменен смысловой оттенок — выраженная надежда сменилась безусловным утверждением. Речь Г. Хальса, посвященная проекту реконструкции Москвы и в оригинале имевшая вполне функциональное название «Подчинение миллионного города», получила заголовки «То, о чем мы мечтаем, вы проводите в жизнь» (*Хальс* 1937b)¹¹. С названиями опубликованных текстов откровенно поработали советские редакторы, не сильно утруждавшиеся разнообразием — часть публикаций получила схожие названия, акцентирующие «народность» советской архитектуры (*Холтай* 1937; *Журден* 1937b; *Гейберг* 1937), или приобрела откровенную лозунговость (*Аркас* 1937; *Журден* 1937а; *Хальс* 1937b; *Райт* 1937, *Гочар* 1937).

Однако подобные «мелочи» были только прелюдией к более значительным трансформациям. Так, из оригинальной речи Ф.Л. Райта в публикациях исчезли целые куски. Один из них — с критикой

Дворца Советов и московского метро: в первом он видел отражение «фальши», свойственной резко критикуемым им американским небоскрегам, во втором — «тенденцию повторять для народа то, что когда-то делала аристократическая архитектура для себя...». Эта фраза была перестроена, и конкретный объект — московское метро — был заменен на «некоторые здания». Допустимая критика некоторых недостатков советской архитектуры «вообще» никак не могла касаться таких неприкасаемых объектов, как Дворец Советов и метро. Второй исключенный из публикации кусок речи не менее примечателен — это значительное по объему рассуждение Ф.Л. Райта о неизбежном отмирании города и о проекте «города широких просторов». Еще в 1932 г. Д. Аркин характеризовал этот проект Ф.Л. Райта как «типичный образчик мелкобуржуазного радикализма в решении проблемы города» (*Современная* 1932: 174). К 1937 г. речи, льющие воду на мельницу осужденного в СССР дезурбанизма, категорически не могли быть допущены из столь авторитетных уст и не должны были стать предметом публичного обсуждения. Тем более что подобные высказывания косвенно затрагивали еще один неприкасаемый объект — проект реконструкции Москвы, освященный именами И. Сталина и Л. Кагановича.

Несмотря на отношение к Ф.Л. Райту с особым пиететом и признание его «крупнейшим и оригинальнейшим представителем архитектурной мысли современного Запада», близкого советской архитектуре; несмотря на публикацию большой статьи о нем, приуроченной к съезду (*Шмидт* 1937), и интересе к новым проектам, представленным на съездовской выставке среди советской архитектуры (*Спенсер* 2017: 149); несмотря на прекрасное личное общение

¹¹ Гаральд Хальс — начальник отдела городского планирования Осло, в 1935 г. побывал в СССР специально для ознакомления с работами по планировке Москвы, после чего сделал в Норвегии несколько докладов о реконструкции городов в СССР и генплане Москвы.

с советскими архитекторами (Д. Аркин, Н. Колли, Б. Иофан и др.), его концептуальные рассуждения об органической архитектуре как возможном «третьем пути» советского зодчества между «продуктами увядающих старых культур» — остались без внимания. Органическая архитектура, которая базируется на понятии «подлинности» и «естественности», отрицает «искусственное» и «величественное», которое «вовсе не является проявлением величия», предпочитает внутреннее внешнему — сложно было найти что-то более далекое от потребностей советской архитектуры. Тем более как абсолютно далекая от жизни абстракция звучал тезис о том, что «архитектура все больше и больше входит в сферы науки и философии». Всего через несколько лет будет озвучена негативная оценка творчества Ф.Л. Райта: о идеях его книги «Органическая архитектура», изданной в Лондоне в 1939 г., безымянный автор обзора на страницах «Архитектуры СССР» будет отзываться как о «весьма туманных мыслях архитектора-идеалиста», и столь же нелестно будет охарактеризован и проект «Бродакр-Сити» (*Органическая* 1941).

Текст речи Симона Брайнеса был переведен на русский язык (РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр. 50. Л. 32–37), но выступить с трибуны съезда архитектору, вероятно, не довелось: указание на выступление отсутствует в официальных стенограммах съезда. Настрой его речи был критическим. С. Брайнес наивно полагал, что советские архитекторы «более заинтересованы слышать критику вашей работы, чем ее восхваление», и четко формулировал свои замечания. С. Брайнес, член CIAM, специалист в индустриальном строительстве и высотном домостроении, говорил, прежде всего, о проблеме «несовершенства строительной техники и чрезвычайно медленного темпа строительства» в СССР, заключая, что

«вы строите не только плохо, но и медленно» и теми способами, «от которых отказались около 50 лет назад во многих странах». С. Брайнес бил в ту же болевую точку, что и другие зарубежные специалисты: «я хотел бы знать, не есть ли тенденция архитекторов сидеть у себя в кабинетах, проектировать грандиозные планы, без того, чтобы принимать практическое участие в разрешении проблем строительной индустрии — корень зла?» С его точки зрения, «вопрос о том, какая форма или стиль лучше отражают современность, является самой главной проблемой для советских архитекторов» и «преувеличенное внимание архитекторов к изысканию определенной формы может привести к опасности упущения из виду равноценно важных проблем...».

Индустриализации строительства был также посвящен доклад М. Лодса, который сосредоточил внимание на трех аспектах: почему, как и где нужно индустриализовать строительство (РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр. 34. Л. 157–167). Точнее, это была демонстрация слайдов с комментариями, где рассматривались новые материалы, конструкции и технологии строительства на примере строительства жилого комплекса Ла Мюэтт в Дранси, а затем был показан фильм, тот самый, который видела советская делегация в Париже в 1935 г.

При анализе докладов на съезде западных архитекторов (равно как и советских) стоит учитывать, что и «официальные» стенограммы не всегда можно принимать за действительно сказанное с трибуны. Например, официальная стенограмма фиксирует только выступление чехословацкого архитектора Й. Гочара, и в ней не указано, что сразу за ним выступал его коллега — П. Янак¹². Ней-

¹² Ср.: РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр. 38. Л. 75–77 и РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр. 50. Л. 13–17.

тральная по тематике и оценкам речь Й. Гочар дополняется лишь некоторыми критическими замечаниями П. Янака, и даже сложно предположить, что в них так напугало советскую архитектурную номенклатуру. Возможно то, что П. Янак говорит о том, как были «потрясены и поражены» чехословацкие архитекторы, когда увидели, с каким «усердием» советские архитекторы вернулись к классическому искусству. И о том, что «классическое искусство не может решить современные задачи и потребности человека» и необходимо «найти собственное выражение и новые законы творчества».

Вопрос о том, все ли выступления иностранных архитекторов были зафиксированы в стенограммах и опубликованы и насколько эти тексты речей соответствовали тому, что говорилось с трибуны, заставляют поставить и другие архивные документы. Сохранились тексты речей Ф. Журдена и А. Люрса, которые и по стилю, и по содержанию, и по репликам позволяют предположить, что они были произнесены именно на съезде (РГАСПИ. Ф. 517. Оп. 1. Ед. хр. 1837)¹³. Но если текст Ф. Журдена можно принять за оригинал, который впослед-

ствии был скорректирован и отредактирован в стенограмме и публикациях, то о подобной речи А. Люрса нет никаких упоминаний ни в стенограмме, ни в опубликовавшихся в «Архитектурной газете» отчетах о съезде¹⁴.

А. Люрса работал в СССР с 1934 г. и сделал немало для поддержки советской архитектуры на Западе (Андрэ 1934). Однако столь долгий срок жизни внутри советских архитектурных процессов позволял ему глубже, чем из-за рубежа, видеть проблемы. На съезде, если верить официальной стенограмме и публикации в «Архитектурной газете», А. Люрса произнес банальную речь «Как изучать классическое наследие» (Люрса 1937b), а незадолго до этого, на предсъездовской Московской конференции архитекторов — речь, наполненную идеологическими штампами и туманными фразами, за которыми можно разглядеть завуалированную критику «доктринерского формализма и беспринципного эклектизма» в современной советской архитектуре (Люрса 1937a). Однако свою функционалистскую позицию и дух А. Люрса ясно и резко выражает в неопубликованной речи. Прежде всего, он ставит проблему недостатка профессиональной квалификации советского архитектора, проистекающей из ущербного архитектурного образования, не дающего «ясного направления,

Павел Янак — архитектор, дизайнер, реставратор, профессор пражской Высшей школы прикладного искусства (1921–1942), главный архитектор Пражского града, автор многих проектов общественных зданий в Праге. Мастер историзирующего национального стиля, создатель «чешского кубизма» в архитектуре и с конца 1920-х гг. сторонник идей функционализма.

Йозеф Гочар — архитектор и специалист по городской планировке, профессор Академии художеств в Праге (1922–1939), создатель «чешского кубизма» в архитектуре и с конца 1920-х гг. сторонник идей функционализма. Работал над планировкой и застройкой г. Градец, генпланами Братиславы и Праги, планировкой жилых поселков, автор многих проектов значимых общественных зданий.

¹³ Полную публикацию текста А. Люрса см.: (Коньшева 2017: 218–219).

¹⁴ Андрэ Люрса — французский архитектор-функционалист, член CIAM и один из его организаторов. Автор проекта школы им. Карла Маркса в Вюльжюйфе (1931–1932 гг.), вызвавшей большой интерес в СССР (Муссиак 1933), а также функционалистских проектов жилой архитектуры. Член французского общества друзей Советского Союза и член Ассоциации революционных художников Франции. С 1934 г. работал в Москве, в архитектурно-планировочной мастерской №5 Моссовета и в архитектурно-планировочной мастерской Наркомздрава РСФСР. Подробно см.: (Cohen 1995).

чтобы впоследствии, выйдя из школы, они умели подходить логически к решению встающих перед ними проблем, умели дифференцировать различные факторы по значению их работы и, таким образом, действительно понимали, что представляет собой архитектурное творчество». Ключевой проблемой является то, что «целью архитектурного образования ставится создание форм и в силу этого, совершенно напрасно, архитекторы считают себя художниками». Эта доминирующая эстетическая составляющая в советской архитектуре противостоит истинному назначению архитектурного творчества — удовлетворению, прежде всего, функциональных запросов потребителя. Из этого проистекает и проблема с индустриализацией строительства, поскольку советский архитектор не имеет ни достаточной квалификации, ни достаточного понимания, чтобы «разрабатывать и предлагать те или иные системы конструкции, типы, материалы, наиболее необходимые и наиболее соответствующие современному строительству». Соответственно, разделены инженерная, конструкторская, строительная и проектная деятельность, и именно в этом А. Люрса видит истинную причину формализма советской архитектуры. Советские архитекторы «хотят создавать архитектуру, механически используя наследие прошлого, взяв от него только формы. Это чистая утопия, если не невежество... Проблема ставится не с того конца. Прежде чем говорить о кирпичах, говорят об украшениях, карнизах и прочих».

Ф. Журден в своем выступлении подчеркивал, что он «ярый поклонник Советского Союза, друг всех его друзей», что не мешало ему также критиковать «советский стиль архитектуры» и утверждать, что «новое содержание великой эпохи социализма нужно искать не во

внешних формах, не в дурно понятой живописности, не в мире прошлого, а в новом человеке социалистического общества»¹⁵. Он отмечал противоречие советской практики с «безусловно верными и глубокими мыслями, высказанными докладчиками на съезде», а именно то, что «очень многое в сооружениях и проектах советских архитекторов является не органическим выражением исключительно благоприятных социальных условий Советского Союза и глубокой идейности... а привнесено из мира уходящих культур... Формы, которые были выражением прежних общественных укладов, не могут служить выражением нового общества... Первый урок, который мы должны извлечь из прошлого, это то, что мы не должны быть в плену традиций прошлого. Все великие архитекторы были архитекторами своей современности» (Журден 1937а). Ф. Журден обвиняет советских архитекторов в том, что, порицая «формализм», они сами являются формалистами, приносящих в жертву форме функцию (РГАСПИ. Ф. 517. Оп. 1. Ед. хр. 1837. Л. 14–16).

Подводя некоторый итог критическим выступлениям иностранных гостей, можно отметить ключевые проблемы, которые они видели в советской архитектуре: архитектурное мышление в категориях формы в отрыве от функции, причем формы, принадлежащей прошлому, а не течению новой жизни. Это было естественным порожде-

¹⁵ Франсис Журден — дизайнер интерьера, мастер декоративно-прикладного искусства, проводник идей рационализма и функциональности «новой» архитектуры, экономичности и массовости мебели и предметов интерьера. Член французского Общества друзей Советского Союза и член Ассоциации революционных художников Франции. Левые взгляды и декларируемая поддержка СССР во многом обусловили интерес к нему и его творчеству с советской стороны (Муссиная 1934).

нием отрыва архитектора от инженера, проектирования — от строительной практики и индустрии, художественной фантазии — от функциональной целесообразности и технической возможности, абстрактной идеи прекрасного — от прозаических потребностей заказчика. Все это не могло иметь никаких иных последствий, кроме как эклектичного жонглирования набором заданных элементов. Понимание *роли архитектора как организатора, а реализованного объекта как конечного продукта многопланового процесса* было аксиомой, утвердившейся в западной теории и практике за три десятилетия XX в., как и понимание того, что *сосредоточение внимания исключительно на «архитектуре» — бесперспективный путь*. Именно это иностранные гости пытались донести до советских коллег.

Советские архитекторы готовили свой полноценный «ответ», который демонстрировал бы, с одной стороны, знание и включенность в мировые процессы, с другой стороны — критику и оценку западной архитектуры с высоты превосходства архитектуры советской. При планировании съезда в 1935 г. предполагался отдельный пленарный доклад «Архитектура за рубежом» (*Дневник* 1934), он сохранился и в повестке дня съезда, планировавшегося в марте 1936 г. (докладчики Б. Иофан, В. Щуко, Д. Аркин) (*Созыб* 1935). Вероятно, именно с подготовкой этих несостоявшихся докладов связаны обширные аналитические тексты Б. Иофана и Д. Аркина, опубликованные в «Академии архитектуры» в 1936 г. (*Аркин* 1936; *Иофан* 1936). К 1937 г. подобный доклад исчез, вместе с исчезновением журнала «Архитектура за рубежом», издававшегося с 1934 г. и являвшегося своеобразным заповедником информации о западном опыте. Тем не менее оценка запад-

ной архитектуры была включена в программный доклад К. Алабяна «Задачи советской архитектуры» (*Алабян* 1937) и давалась в терминах «деградация», «упадок», «бессилие», «творческий голод». «Весьма ценным и заслуживающим нашего внимания» в западной архитектуре признавались лишь опыт в области индустриализации строительства и технического усовершенствования современных сооружений, планировки квартир, внутреннего оборудования (*Там же*: 23). Те же слова были вложены в уста и А. В. Щусева (*Щусев* 1937). Отсылая к докладам Ф. Журдена и М. Лодса, Д. Аркин утверждает, что в понятия «потребности» и «функции», которыми оперирует Ф. Журден, необходимо, при разговоре о потребностях «человека социалистической эпохи», включать «потребность в красоте, в художественно выраженной идее». Метод же индустриализации строительных процессов, представленный М. Лодсом, превращает архитектора в передового техника, конструктора-инженера, в результате чего архитектор теряет свою сущность, «не только трансформируется, но прямо начинает исчезать». Задачей же советской архитектуры Д. Аркин видит разрешение вопроса о том, «как на наших индустриализированных стройках давать художественное решение, композицию, ритм, архитектурный образ, оперируя... новой техникой, стандартными элементами, новыми материалами» (*Аркин* 1937). Иначе говоря, советские архитекторы в обращении к западному опыту, во-первых, оперировали исключительно частными аспектами, отвергая системную концепцию, и, во-вторых, не желали поступаться творческой индивидуальностью и художественной выразительностью, подчиняя им потребность, функцию, технику и технологию. Разговор с обеих сторон, как на съезде, так и в иных, очных и заочных

дискуссиях, велся в прямом и переносном смысле на разных языках.

Ни съезд, ни участие в нем иностранных гостей не получили широкого резонанса за рубежом, оставшись в тени парижских событий. Откликнулась в основном «левая» пресса, профессиональные издания были немногословны (*Wright 1937; Breines 1937*). Отклики в западной прессе по поводу съезда отслеживались ВОКС, переводились, резюмировались и передавались в Союз архитекторов. В том числе, например, тексты Б. Арифа и Э. Хайберга (РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр. 51. Л. 24 — 28 об., 30), отличающиеся общей интонацией — одобрением и восхищением достижениями советской архитектуры, как и осуждением распространяемых на Западе слухов и клеветнических выступлений о «реакционности» советской архитектуры, о страхе и репрессиях.

Участие зарубежных архитекторов на съезде не принесло желаемого результата — утверждения СССР как одного из центров мирового притяжения архитектурных сил. Профессиональная точка зрения зарубежных специалистов также не была воспринята и оценена в масе четырех сотен делегатов разного уровня квалификации и опыта, настроенных на таком крупном и продолжительном форуме скорее на пафосный праздник, а не на рабочую атмосферу, на восприятие, а не на собственный интенсивный интеллектуальный труд. Тем более эта точка зрения не была донесена до тысяч советских архитекторов через профессиональную прессу, цензурировавшую тексты выступлений. Можно сказать, что зарубежные гости стали участниками постановочного спектакля с определенными заранее ролями, приняв эту роль или же попытавшись сыграть свою партию в рамках расписанных мизансцен. Вероятно, основная масса советских деле-

гатов смотрела на них с любопытством, а архитектурные мэтры — с сочувствием и пониманием партнеров по сцене.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 12. Ед. хр. 190.
 РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 1. Ед. хр. 6, 7, 8, 14.
 РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр. 11, 22, 31, 32, 34, 36, 37, 38, 50, 51.
 РГАЛИ. Ф. 2606. Оп. 1. Ед. хр. 8.
 РГАСПИ. Ф. 517. Оп. 1. Ед. хр. 1837.
Алабян 1937 — Алабян К. Задачи советской архитектуры. Доклад на I всесоюзном съезде советских архитекторов. М.: Издательство Всесоюзной академии архитектуры, 1937.
Андрэ 1934 — Андрэ Люрса о советской архитектуре // Архитектура СССР. № 5. 1934. С. 63.
Аркас 1937 — Аркас М. Они не пройдут. Речь на I съезде советских архитекторов // Архитектурная газета. № 41. 1937. С. 2.
Аркин Новое 1936 — Аркин Д. Новое здание Огюста Перре // Архитектура СССР. № 7. 1936. С. 65–67.
Аркин 1936 — Аркин Д. Е. К характеристике архитектурных течений XX века на Западе // Академия архитектуры. № 3. 1936. С. 21–50.
Аркин 1937 — Аркин Д. Классика и индустриализация. Доклад на I всесоюзном съезде советских архитекторов // Архитектурная газета. № 45. 1937. С. 2.
Архитектурные 1936 — Архитектурные записки. Рим — Помпеи — Флоренция — Венеция — Виченца — Париж. Из материалов советской делегации на XIII Международном архитектурном конгрессе в Риме. М.: Издательство Всесоюзной Академии архитектуры, 1936.
Балтер 1936 — Балтер П. Огюст Перре // Архитектура за рубежом. № 1. 1936. С. 1–14.
Бойтлер 1935 — Бойтлер П. Поселок «Мюэтт» в Дранси // Архитектура за рубежом. № 2. 1935. С. 1–3.
Власть 1999 — Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953. М.: Международный фонд «Демократия», 1999.

- Гейберг* 1937 — *Гейберг Э.* Неразрывная связь с народом. Речь на I съезде советских архитекторов // Архитектурная газета. № 44. 1937. С. 3.
- Гидион* 1937 — *Гидион З.* Архитектура железа и железобетона во Франции / пер. с нем. М.: Издательство Всесоюзной Академии архитектуры, 1937.
- Гочар* 1937 — *Гочар И.* На пути к большим успехам // Архитектурная газета. № 50. 1937. С. 3.
- Дневник* 1934 — *Дневник совещания* // Архитектура СССР. № 11. 1934. С. 67.
- Журден* 1937a — *Журден Ф.* В СССР рождается новая прекрасная архитектура // Архитектурная газета. № 41. 1937. С. 4.
- Журден* 1937b — *Журден Ф.* Слушайте свой народ. Речь на I съезде советских архитекторов // Архитектурная газета. № 42. 1937. С. 3.
- Иностранные* 1937a — *Иностранные архитекторы на трибуне съезда* // Архитектура СССР. № 7/8. 1937. С. 45–50.
- Иностранные* 1937b — *Иностранные архитекторы о съезде* // Архитектурная газета. № 53. 1937. С. 3.
- Иофан* 1936 — *Иофан Б. М.* Материалы о современной архитектуре США и Италии // Академия архитектуры. № 4. 1936. С. 13–47.
- Как я работаю*, 1933 — *Как я работаю* // Архитектура СССР. № 6. 1933. С. 27–37.
- Колли* 1936 — *Колли Н. Я.* Из французского опыта индустриализации жилищного строительства. Поселок Ла Мюэтт в Дранси (Париж) // Архитектура СССР. № 3. 1936. С. 20–23.
- Конышева* 2017 — *Конышева Е. В.* Европейские архитекторы в советском градостроительстве эпохи первых пятилеток. Документы и материалы. М.: БуксМарт, 2017.
- Козн* 2012 — *Козн Ж.-Л.* Ле Корбюзье и мистика СССР. Теории и проекты для Москвы 1928–1936. М.: АртВолхонка, 2012.
- Кравченко* 1932 — *Кравченко С.* Французские архитекторы в Москве // Строительство Москвы. № 10. 1932. С. 36–38.
- Люрса* 1937a — *Люрса А.* Изучать прошлое // Архитектурная газета. № 39. 1937. С. 3
- Люрса* 1937b — *Люрса А.* Как изучать классическое наследие. Речь на I съезде советских архитекторов // Архитектурная газета. № 44. 1937. С. 3.
- Муссинач* 1933 — *Муссинач Л.* Школа К. Маркса в Вильжюиф // Архитектура СССР. № 3/4. 1933. С. 52–55.
- Муссинач* 1934 — *Муссинач Л.* Франсис Журден // Архитектура СССР. № 7. 1934. С. 60–62.
- Органическая* 1941 — *Органическая архитектура* Франк Ллойд Райта // Архитектура СССР. № 2. 1941. С. 70.
- Паперный* 1996 — *Паперный В.* Культура 2. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
- Перед* 1936 — *Перед Всесоюзным съездом* // Архитектура СССР. № 2. 1936. С. 3.
- Перре* 1936 — *Перре О.* Мысли об архитектуре // Архитектура СССР. № 1. 1936. С. 10–14.
- Политбюро* 2001 — *Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП(б).* Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог Т. 2. 1930–1939 / Г. М. Адибеков и др. М.: РОССПЭН, 2001.
- Райт* 1934 — *Райт Ф. Л.* Как я работаю // Архитектура СССР. № 2. 1934. С. 70–71.
- Райт* 1937 — *Райт Ф. Л.* СССР создаст великие сокровища искусства. Речь на I съезде советских архитекторов // Архитектурная газета. № 48. 1937. С. 3.
- Речь* 1937 — *Речь американского архитектора Ф. Л. Райта* // Правда. 1937. 26 июня. С. 4.
- Сейчас* 1937 — *Сейчас мы строим блиндажи и траншеи.* Беседа с архитектором Мануэль Санчес Аркас // Архитектурная газета. № 53. 1937. С. 3.
- Современная* 1932 — *Современная архитектура* Запада / Д. Аркин М.; Л.: Изогиз, 1932.
- Созыв* 1935 — *Созыв всесоюзного съезда советских архитекторов* // Архитектура СССР. № 10/11. 1935. С. 105.
- Спенсер* 2017 — *Спенсер Б. А.* Фрэнк Ллойд Райт в Советском Союзе // Проект Байкал. № 54. 2017. С. 144–160.
- Хальс* 1937a — *Хальс Г.* Мои первые впечатления // Архитектурная газета. № 44. 1937. С. 4
- Хальс* 1937b — *Хальс Г.* То, о чем мы мечтаем, вы проводите в жизнь. Речь на I съезде советских архитекторов // Архитектурная газета. № 46. 1937. С. 3.

- Холтай 1937 — Холтай Х. Чувствовать кровную связь с народом. Речь на I съезде советских архитекторов // Архитектурная газета. №48. 1937. С. 3.
- Шмидт 1937 — Шмидт Г. Фрэнк Ллойд Райт // Архитектурная газета. №44. 1937. С. 4.
- Щусев 1937 — Щусев А. В. Советская архитектура и классическое наследство. Доклад на I всесоюзном съезде советских архитекторов // Архитектурная газета. 1937. №41. С. 3.
- Янак 1937 — Янак П. Крупное событие в архитектурном мире // Архитектурная газета. №41. 1937. С. 4.
- Breines 1937 — Breines S. First Congress of Soviet Architects // Architectural Record. Vol. 82. 1937. P. 63.
- Cohen 1995 — Cohen J.-L. L'architecture d'André Lurçat (1894–1970): l'autocritique d'un moderne. Liege: Pierre Mardaga, 1995.
- Hnídková 2018 — Hnídková V. Moskva 1937. Arkhitektura a propaganda v západní perspektivě. Praha: Prostor, 2018.
- Johnson 1987 — Johnson D. L. Frank Lloyd Wright in Moscow, June 1937 // The Journal of the Society of Architectural Historians. Vol. 46. No 1. 1987. P. 65–79.
- Ward 2012 — Ward S. V. Soviet Communism and the British planning movement: rational learning or Utopian imagining? // Planning Perspectives. 2012. Vol. 27. No. 4. P. 499–524.
- Williams-Ellis 1991 — Williams-Ellis C. Architect Errant: The Autobiography of Clough Williams-Ellis. London: Portmeirion, 1991.
- Wright 1937 — Wright F. L. Architecture and Life in the USSR // Architectural Record. Vol. 82. 1937. P. 59.
- Wright 1943 — Wright F. L. An Autobiography. NY: Duell Sloane and Pearce, 1943.
- tektura SSSR (Architecture of the USSR), no. 5, 1934, p. 63 (in Russian).
- Arcas M. Oni ne proidut. Rech' na I vsesoiuznom s'ezde sovetsskikh arkhitektov (They will not pass. Speech at the 1st Congress of Soviet Architects). *Arkhitekturnaia gazeta* (Architectural Newspaper), no. 41, 1937, p. 2 (in Russian).
- Arkin D. Novoe zdanie Ogiusta Perre (New building by Auguste Perret). *Arkhitektura SSSR* (Architecture of the USSR), no. 7, 1936, pp. 65–67 (in Russian).
- Arkin D. E. K kharakteristike arkhitekturnykh techenii XX veka na Zapade (To the characteristic of architectural trends of the 20th century in the West). *Akademiia arkhitektury* (Academy of Architecture), no. 3, 1936, pp. 21–50 (in Russian).
- Arkin D. Klassika i industrialisatsiia. Doklad na I vsesoiuznom s'ezde sovetsskikh arkhitektov (Classics and Industrialization. Report at the 1st All-Union Congress of Soviet Architects). *Arkhitekturnaia gazeta* (Architectural Newspaper), no. 45, 1937, p. 2.
- Arkhitekturnye zapiski. Rim — Pompei — Florensiia — Venetsiia — Vichenca — Parizh. Iz materialov sovetsskoi delegatsii na XIII Mezhdunarodnom arkhitekturnom kongresse v Rime (Architectural notes. Rome — Pompeii — Florence — Venice — Vicenza — Paris. From the materials of the Soviet delegation at the 13th International Architectural Congress in Rome). Moscow: Izdatel'stvo Vsesoiuznoi akademii arkhitektury Publ., 1936 (in Russian).
- Balter P. Ogiust Perre. *Arkhitektura za rubezhom* (Architecture Abroad), no. 1, 1936, pp. 1–14 (in Russian).
- Boitler P. Poselok "Miuett" v Dransi. *Arkhitektura za rubezhom* (Architecture Abroad), no. 2, 1935, pp. 1–3 (in Russian).
- Vlast' i khudozhestvennaia intelligentsiia. Dokumenty CK RKP(b) — VKP(b), VCHK — OGPU — NKVD o kul'turnoi politike. 1917–1953 (Power and the Artistic Intelligentsia. Documents of the Central Committee of the RCP(b) — AUCP(b), VChK — OGPU — NKVD on Cultural Policy. 1917–1953). Moscow: Mezhdunarodnyi fond "Demokratiia" Publ., 1999 (in Russian).
- Geiberg E. Nerazryvnaia sviaz' s narodom. Rech' na I vsesoiuznom s'ezde sovetsskikh arkhitektov (Unbroken connection with the people. Speech at the 1st All-Union Congress of Soviet Architects).

REFERENCES

- Alabian K. *Zadachi sovetsskoi arkhitektury. Doklad na I vsesoiuznom s'ezde sovetsskikh arkhitektov* (Tasks of the Soviet Architecture. Speech at the 1st All-Union Congress of Soviet Architects). Moscow: Izdatel'stvo Vsesoiuznoi akademii arkhitektury Publ., 1937 (in Russian).
- Andre Liursa o sovetsskoi arkhitekture (André Lurçat on the Soviet Architecture). *Arkhitektura SSSR* (Architecture of the USSR), no. 5, 1934, p. 63 (in Russian).

- tektorov (Inseparable connection with the people. Speech at the 1st Congress of Soviet Architects). *Arkhitekturnaia gazeta (Architectural Newspaper)*, no. 44, 1937, p. 3 (in Russian).
- Gidion Z. *Arkhitektura zheleza i zhelezobetona vo Frantsii (Architecture of iron and reinforced concrete in France)*. Moscow: Izdatel'stvo Vsesoiuznoi Akademii arkhitektury Publ., 1937 (in Russian).
- Gochar I. Na puti k bol'shim uspekham (On the way to great successes). *Arkhitekturnaia gazeta (Architectural Newspaper)*, no. 50, 1937, p. 3 (in Russian).
- Dnevnik soveshchaniia (Diary of the Meeting). *Arkhitektura SSSR (Architecture of the USSR)*, no. 11, 1934, p.67 (in Russian).
- Zhurden F. V SSSR rozhdaetsia novaia prekrasnaia arkhitektura (In the USSR, a New Beautiful Architecture is Born). *Arkhitekturnaia gazeta (Architectural Newspaper)*, no. 41, 1937, p. 4 (in Russian).
- Zhurden F. Slushaite svoi narod. Rech' na I vsesoiuznom s"ezde sovetskikh arkhitektorov (Listen to Your People. Speech at the 1st Congress of Soviet Architects). *Arkhitekturnaia gazeta (Architectural Newspaper)*, no. 42, 1937, p. 3 (in Russian).
- Inostrannye arkhitektory na tribune s"ezda (Foreign Architects on the Rostrum of the Congress). *Arkhitektura SSSR (Architecture of the USSR)*, no. 7/8, 1934, pp. 45–50 (in Russian).
- Inostrannye arkhitektory o s"ezde (Foreign Architects about the Congress). *Arkhitekturnaia gazeta (Architectural Newspaper)*, no. 53, 1937, p. 3 (in Russian).
- Iofan B.M. Materialy o sovremennoi arkhiterture SShA i Italii (Materials on the modern architecture of the USA and Italy). *Akademiia arkhitektury (Academy of Architecture)*, no. 4, 1936, pp. 13–47 (in Russian).
- Kak ia rabotaiu (*How I Work*). *Arkhitektura SSSR (Architecture of the USSR)*, no. 6, 1933, pp. 27–37 (in Russian).
- Kolli N. Ia. Iz frantsuzskogo opyta industrializatsii zhilishchnogo stroitel'stva. Poselok La Muiett v Dransi (Parizh) (From the French experience of industrialization of housing. The village of La Muette in Drancy (Paris)). *Arkhitektura SSSR (Architecture of the USSR)*, no. 3, 1936, pp. 20–23 (in Russian).
- Konysheva E.V. *Evropeiskie arkhitektory v sovetskom gradostroitel'stve epokhi pervykh piatiletok. Dokumenty i materialy (European Architects in the Soviet Town Planning of the Epoch of the Early Five-year Plans. Documents and Materials)*. Moscow: BuksMart Publ., 2017 (in Russian).
- Koehn Zh.-L. *Le Corbusier i mistika SSSR. Teorii i proekty dlia Moskvy 1928–1936 (Le Corbusier and the Mysticism of the USSR. Theories and Projects for Moscow 1928–1936)*. Moscow: Artvolchonka Publ., 2012 (in Russian).
- Kravchenko S. Frantsuzskie arkhitektory v Moskve (French Architects in Moscow). *Stroitel'stvo Moskvy (Construction of Moscow)*, no. 10, 1932, pp. 36–38 (in Russian).
- Lyursa A. Izuchat' proshloe (To Study the Past). *Arkhitekturnaia gazeta (Architectural Newspaper)*, no. 39, 1937, p. 3. (in Russian).
- Lyursa A. Kak izuchat' klassicheskoe nasledie. Rech' na I vsesoiuznom s"ezde sovetskikh arkhitektorov (How to Study the Classical Heritage. Speech at the 1st Congress of Soviet Architects). *Arkhitekturnaia gazeta (Architectural Newspaper)*, no. 44, 1937, p. 3 (in Russian).
- Mussinak L. Shkola K. Marxa v Vil'zhiuif (Collège Karl Marx in Villejuif). *Arkhitektura SSSR (Architecture of the USSR)*, no. 3/4, 1933, pp. 52–55 (in Russian).
- Mussinak L. Fransis Zhurden. *Arkhitektura SSSR (Architecture of the USSR)*, no. 7, 1934, pp. 60–62 (in Russian).
- Organicheskaiia arkhitektura Frank Lloyd Wrighta (Organic Architecture of Frank Lloyd Wright). *Arkhitektura SSSR (Architecture of the USSR)*, no. 2, 1941, p.70 (in Russian).
- Papernyi V. *Kul'tura 2 (Culture 2)*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1996 (in Russian).
- Pered Vsesoiuznym s"ezdom (Before the All-Union Congress). *Arkhitektura SSSR (Architecture of the USSR)*, no. 2, 1936, p. 3 (in Russian).
- Perre O. Mysli ob arkhiterture. *Arkhitektura SSSR (Architecture of the USSR)*, no. 1, 1936, pp. 10–14 (in Russian).
- Politbiuro CK RKP(b) — VKP(b). *Povestki dnia zasedanii. 1919–1952 (The Politburo of the Central Committee of the RCP(b) — AUCP (b). Agenda of the Meetings. 1919–1952)*,

- vol. 2. 1930–1939. Ed. G. Adibekov. Moscow: ROSSPEHN Publ., 2001 (in Russian).
- Wright F. L. Kak ia rabotaiu (How I Work). *Arkhitectura SSSR (Architecture of the USSR)*, no. 2, 1934, pp. 70–71 (in Russian).
- Wright F. L. SSSR sozdast velikie sokrovishcha iskusstva. Rech' na I vsesoiuznom s'ezde sovetских arkhitektorov (The USSR will Create Great Treasures of Art. Speech at the 1st Congress of Soviet Architects). *Arkhiteturnaia gazeta (Architectural Newspaper)*, no. 48, 1937, p. 3 (in Russian).
- Rech' amerikanskogo arkhitekora F. L. Wrighta (Speech American Architect F. L. Wright). *Pravda*. 26th June, 1937, p. 4 (in Russian).
- Seichas my stroim blindazhi i transhei. Beseda s arkhitektorom Manuel Sanchez Arkas (Now we are Building Dugouts and Trenches. Conversation with the Architect Manuel Sanchez Arkas). *Arkhiteturnaia gazeta (Architectural Newspaper)*, no. 53, 1937, p. 3 (in Russian).
- Sovremennaia arkhitektura Zapada (Contemporary Architecture of the West)*. Ed. D. Arkin. Moscow: Izgiz Publ., 1932 (in Russian).
- Sozyv vsesoiuznogo s'ezda sovetских arkhitektorov (Convening of the All-Union Congress of Soviet Architects). *Arkhitectura SSSR (Architecture of the USSR)*, no. 10/11, 1935, p. 105 (in Russian).
- Spenser B. A. Frank Lloyd Wright v Sovetskom Soiuze (Frank Lloyd Wright in the Soviet Union). *Project Baikal*, vol. 54, 2017, pp. 144–160 (in Russian).
- Hal's G. Moi pervye vpechatleniia (My First Impressions). *Arkhiteturnaia gazeta (Architectural Newspaper)*, no. 44, 1937, p. 4 (in Russian).
- Hal's G. To, o chem my mechtaem, vy provodite v zhizn'. Rech' na I vsesoiuznom s'ezde sovetских arkhitektorov (What We Dream About, You Put into Practice. Speech at the 1st Congress of Soviet Architects). *Arkhiteturnaia gazeta (Architectural Newspaper)*, no. 44, 1937, p. 3 (in Russian).
- Holtai H. Chuvstvovat' krovnuui sviaz' s narodom. Rech' na I vsesoiuznom s'ezde sovetских arkhitektorov (To Feel a Blood Connection with the People. Speech at the First Congress of Soviet Architects). *Arkhiteturnaia gazeta (Architectural Newspaper)*, no. 48, 1937, p. 3 (in Russian).
- Shmidt G. Frank Lloyd Wright. *Arkhiteturnaia gazeta (Architectural Newspaper)*, no. 44, 1937, p. 4 (in Russian).
- Shchusev A. V. Sovetskaia arkhitektura i klassicheskoe nasledstvo. Doklad na I vsesoiuznom s'ezde sovetских arkhitektorov (Soviet Architecture and the Classical Heritage. Report at the 1st All-Union Congress of Soviet Architects). *Arkhiteturnaia gazeta (Architectural Newspaper)*, no. 41, 1937, p. 3 (in Russian).
- Yanak P. Krupnoe sobytie v arkhitekturnom mire (A Major Event in the Architectural World). *Arkhiteturnaya gazeta (Architectural Newspaper)*, no. 41, 1937, p. 4 (in Russian).
- Breines S. First Congress of Soviet Architects. *Architectural Record*, vol. 82, 1937, p. 63.
- Cohen J.-L. *L'architecture d'André Lurçat (1894–1970): l'autocritique d'un moderne*. Liege: Pierre Mardaga Publ., 1995 (in French).
- Hnídková V. *Moskva 1937. Arkhitektura a propaganda v západní perspektivě*. Praha: Prostor Publ., 2018 (in Czech).
- Johnson D. L. Frank Lloyd Wright in Moscow, June 1937. *The Journal of the Society of Architectural Historians*, vol. 46, no. 1, 1987, pp. 65–79.
- Ward S. V. Soviet Communism and the British planning movement: rational learning or Utopian imagining? *Planning Perspectives*, vol. 27, no. 4, 2012, pp. 499–524.
- Williams-Ellis C. *Architect Errant: The Autobiography of Clough Williams-Ellis*. London: Portmeirion Publ., 1991.
- Wright F. L. Architecture and Life in the USSR. *Architectural Record*, vol. 82, 1937, p. 59.
- Wright F. L. *An Autobiography*. NY: Duell Sloane and Pearce Publ., 1943.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белинцева Ирина Викторовна, кандидат искусствоведения, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства — филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России». Область научных интересов — история архитектуры, типология зданий и стили в архитектуре Восточной Пруссии (на территории современной Калининградской области) Нового и Новейшего времени.

Блессинг Патрисиа, PhD, ассистент профессора по истории искусства в колледже Помона, Калифорния. Ее книга «Перестройка Анатолии после монгольского нашествия: Исламская архитектура на землях Рума, 1240–1330» (Ашгейт, 2014) исследует взаимосвязи между заказом, политикой и архитектурным стилем после интеграции региона в империю монголов. Нынешние проекты Блессинг фокусируют внимание на османской архитектуре XV в., архитектуре и текстиле средневекового Средиземноморья, а также на историографии исламской архитектуры в бывшей Османской империи. Ее монография была поддержана Фондом Самуила Кресса, Международным центром средневекового искусства, Обществом историков архитектуры, Трастом Баракат и Фондом Герды Хенкель.

Ванюкова Дарья Владимировна, кандидат искусствоведения, Государственный музей Востока, научный сотрудник. В сфере научных интересов входят искусство древнего Египта эпохи Среднего царства и категории времени в древнеегипетской культуре.

Казарян Армен Юрьевич, доктор искусствоведения, член-корреспондент РААСН, почетный член РАХ, иностранный член НАН Армении, заместитель директора Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, директор филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории ар-

хитектуры и градостроительства. Его монография «Церковная архитектура стран Закавказья VII века. Формирование и развитие традиции» (Москва, 2012–2013) удостоена Премии за сохранение европейского культурного наследия Europa Nostra (2014) и Премии Тороса Торамянна (2016). В последние годы изучает архитектуру Ани, столицы средневековой Армении, сотрудничает с Международным фондом партнеров и реставраторами по проблемам учета и консервации памятников армянской архитектуры на востоке Турции.

Кайе Жан-Пьер, почетный профессор Университета Западный Париж и Школы Лувра. Основная область исследований — история искусства и архитектуры Поздней античности и Средних веков, с углублением в проблему контактов западного и восточного христианских миров. Его основные публикации — *L'antiquité classique, le haut moyen âge et Byzance au musée de Cluny* (1985); *La vie d'éternité. La sculpture funéraire dans l'Antiquité chrétienne* (1990); *L'évergétisme monumental chrétien en Italie et à ses marges* (1993); "Architecture et décor monumental" in *L'Europe de l'an mil* (dir. P. Riché) (2001); *L'art carolingien* (2005); *Les manuscrits carolingiens* (co-dir. with M.-P. Laffitte) (2009); *Orient et Occident méditerranéens au XIIIe siècle: les programmes picturaux* (co-dir. with F. Joubert) (2012); *Des domus ecclesiae aux palais épiscopaux* (co-dir. with S. Balcon-Berry, F. Baratte and D.Sandron) (2012).

Он является директором периодического издания и серии трудов *Antiquité tardive* (Поздняя античность) и членом редколлегий нескольких периодических изданий во Франции, Италии, Хорватии, а с недавнего времени и в России.

Посвященный ему сборник "*Ars auro gemmisque prior*" (ed. C. Blondeau, B. Boissavit-Camus, V. Boucherat, P. Volti) (2012) содержит 58 статей европейских и американских ученых.

Карлова Евгения Михайловна, кандидат искусствоведения, заведующая отделом Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии Государственного музея Востока, старший научный сотрудник Государственного института искусствознания, доцент Государственной академии живописи, ваяния и зодчества им. И.Глазунова. Специалист по искусству Индии, автор ряда научных статей, путеводителей и каталогов выставок.

Клюев Сергей Андреевич, научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства — филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России». Основная область научных интересов связана со средневековой скальной архитектурой провинции Тыграй в Эфиопии.

Коновалова Нина Анатольевна, кандидат искусствоведения, советник РААСН, заместитель директора по научной работе Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства — филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России». Организатор ежегодных международных научных конференций и составитель сборников статей «Современная архитектура мира» (вып. 1–5), «Вопросы всеобщей истории архитектуры» (вып. 3–5). Лауреат дипломов, в том числе Форума Международного союза архитекторов (2011), дипломов фестиваля «Зодчество» (2011, 2014). Автор более 70 публикаций, в том числе монографии «Современная архитектура Японии: традиции восприятия пространства» (М.-СПб., 2017). Научные интересы: архитектура Японии, сохранение традиций в современной архитектуре, архитектурные эксперименты на Всемирных выставках.

Кононенко Евгений Иванович, кандидат искусствоведения, заведующий сектором искусства стран Азии и Африки Государственного института искусствознания. Автор монографии «Анатолийская мечеть XI–XV вв. Очерки истории архитектуры» (М., 2017) и более 70 публикаций и лекционных курсов по культуре Древнего мира, средневекового Восто-

ка, методике научной работы. Область научных интересов: культура Древнего Востока, искусство стран ислама, мусульманская (в т. ч. современная) архитектура Турции.

Конышева Евгения Владимировна, кандидат искусствоведения, доцент, Советник РААСН, Южно-Уральский государственный университет, кафедра теологии, культуры и искусства, доцент; НИИТИАГ, ведущий научный сотрудник.

Сфера научных интересов: история советской архитектуры, деятельность зарубежных архитекторов в СССР и международные контакты советской архитектуры в 1920-е — 1930-е гг., преломление зарубежного градостроительного и архитектурного опыта в советской теории и практике. Автор нескольких десятков публикаций по этой проблематике, в т.ч. монографий, изданных в России и за рубежом.

Коптева Татьяна Владимировна, кандидат архитектуры, старший научный сотрудник отдела проблем теории архитектуры филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства. В 2016 г. защитила диссертацию на тему «Представления о началах архитектуры и строении зданий в трактатах французского Просвещения».

Лаврентьева Елена Сергеевна, искусствовед, сотрудник Российского государственного гуманитарного университета; научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства — филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России», окончила очную аспирантуру Государственного института искусствознания. Сфера научных интересов: искусство и архитектура Ближнего Востока, теория архитектуры.

Тарханова Светлана Валерьевна, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства — филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России». Училась

в аспирантуре Государственного института искусствознания, где в 2016 г. защитила диссертацию на тему «Архитектура синагог позднеантичного периода (III–VII вв.) на территории северной Палестины: типология, композиции, декор». Работала по исследовательскому гранту фонда А. Онассиса в Афинах, участвовала в экспедициях по странам Средиземноморья, в археологических раскопках памятников поздней Античности на территории Израиля. Автор около 50 научных публикаций, 4 научно-популярных книг, участник международных конференций.

Шукуров Шариф Мухаммадович, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН; работает также в Государственном институте искусствознания и Научно-исследовательском институте теории и истории архитектуры и градостроительства — филиале ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России». В Российской академии государственной службы при президенте РФ читает годичный курс по истории искусства XX в. Автор двух десятков книг по истории и теории искусства Ирана.

ABOUT THE AUTHORS

Belintseva Irina, Candidate in the History of Arts, senior researcher of the Scientific Research Institute of Theory of Architecture and Town-Planning — the branch of the “CNIIIP of the Ministry of Construction of Russia”. Research interests: history of architecture, typology of constructions and the styles of architecture of the East Prussia (the territory of Kaliningrad district of Russia) of the New and the Modern era.
Address: Dushinskaia str. 9, 111024 Moscow, Russian Federation
Contact: belinceva@bk.ru

Blessing Patricia is Assistant Professor of Art History at Pomona College, PhD. Her book, *Rebuilding Anatolia after the Mongol Conquest: Islamic Architecture in the Lands of Rûm, 1240–1330* (Ashgate, 2014) investigates the relationship between patronage, politics, and architectural style after the integration of the region into the Mongol empire. Blessing’s current projects focus on fifteenth-century Ottoman architecture, the materiality of architecture and textiles in the medieval Mediterranean, and the historiography of Islamic architecture in the former Ottoman Empire. Her work has been supported by the Samuel H. Kress Foundation, the International Center of Medieval Art, the Society of Architectural Historians, the Barakat Trust, and the Gerda Henkel Foundation.
Address: Department of Art History, Pomona College 145 E. Bonita Avenue, Claremont, CA 91711 USA
Email: patricia.blessing@pomona.edu

Caillet Jean-Pierre is professor emeritus of Paris Nanterre University and of the École du Louvre. His main research fields are history of art and architecture of the Late Antiquity and Middle Ages, with particular focalization on contacts between Western and Eastern Christian worlds. His main publications are *L’antiquité classique, le haut moyen âge et Byzance au musée de Cluny* (1985); *La vie d’éternité. La sculpture funéraire dans l’Antiquité chrétienne* (1990); *L’évergétisme monumental chré-*

tien en Italie et à ses marges (1993); “Architecture et décor monumental” in *L’Europe de l’an mil* (dir. P. Riché) (2001); *L’art carolingien* (2005); *Les manuscrits carolingiens* (co-dir. with M.-P. Laffitte) (2009); *Orient et Occident méditerranéens au XIIIe siècle: les programmes picturaux* (co-dir. with F. Joubert) (2012); *Des domus ecclesiae aux palais épiscopaux* (co-dir. with S. Balcon-Berry, F. Baratte and D. Sandron) (2012).

He also has been director of *Antiquité tardive* (periodical and collection), and is still member of editorial boards for several other scientific periodicals in France, Italy, Croatia — and lately Russia.

A volume of « *Mélanges* » has been dedicated to him : *Ars auro gemmisque prior* (ed. C. Blondeau, B. Boissavit-Camus, V. Bouchérat, P. Volti) (2012), including 58 contributions by European and American scientists.
Address : 77, avenue Foch 77590 Bois-le-Roi France
E-mail : fjpc2@wanadoo.fr

Karlova Evgeniya, Candidate in the History of Arts, head of the Department of the Middle East, South Asia and Central Asia (State Museum of Oriental Art), senior researcher of the State Institute for Art Studies, associate Professor of the state Academy of Painting, Sculpture and Architecture named after I. Glazunov. Author of a number of scientific articles, guides and exhibition catalogues in the field of Indian art.
Address: Nikitskiy boulevard 12A, 119019 Moscow, Russian Federation
Contact: emkarlova@yandex.ru

Kazaryan Armen, Dr. in the History of Arts, Vice-Director of the State Institute for Art Studies of the Ministry of culture of Russian Federation. Also he is a Director of the Research Institute for Theory and History of Architecture and Town Planning (NIITI-AG), branch of the “Central Research and Project Institute of the Construction Ministry of Russia” (Moscow). His four-volume study „Church Architecture of the Seventh Century in Transcaucasian Countries: Formation and Development of the Tradition”

(Moscow, 2012–2013, in Russian) was honored with the Europa Nostra Award (2014) and with the Toros Toramanian Award (2016). Nowadays, he takes part in a large study of the architecture of Ani, the medieval capital of Armenia. He has cooperated with the World Monuments Fund and the restorers on the field of conservation of the monuments of Armenian architecture in the Eastern Turkey.

Address: Kozitskiy pereulok 5, 125009 Moscow, Russian Federation

Contact: armenkazaryan@yahoo.com

Klyuev Sergey, researcher associate in the Research Institute of Theory and History of Architecture and Town Planning, branch of the "Central Research and Project Institute of the Construction Ministry of Russia" (Moscow). The main field of investigations is on the medieval rock-hewn architecture of Tigray in Ethiopia.

Address: Dushinskaia str. 9, 111024 Moscow, Russian Federation

Contact: serjklyuvue@yandex.ru

Kononenko Evgenii, Candidate in the History of Arts, Head of the Department of Asian and African Art of the State institute of Art Studies. Author of the book "Anatolian Mosque of the 11th–15th cent. Essays of the History of Architecture" (Moscow, 2017) and over 70 publications and lecture courses on the culture of the Ancient world, the medieval East, the methods of scientific work. Research interests: the culture of the Ancient East, the art of Islamic countries, Muslim (including contemporary) architecture in Turkey.

Address: Kozitskiy pereulok 5, 125009 Moscow, Russian Federation

Contact: J_kononenko@inbox.ru

Konovalova Nina, Candidate in the History of Arts, Vice-Director of the Research Institute of Theory and History of Architecture and Town Planning — the branch of the "CNIP of the Ministry of Construction of Russia". She organized yearly international conferences, and she is an editor of the collections of reports of the "Contemporary World Architecture" (vols. 1–5) and the "Questions of the History of World Architecture" (vols. 3–5). Konovalova was honored with the Di-

plomas of the World Congress of International Union of Architects, of the festival "Zodchestvo" (2011, 2014). She is an author of the book "Contemporary Architecture of Japan: Tradition of the Space's Perception" (Moscow, 2017) and about 70 other publications. Research interests: architecture of Japan, traditions in the contemporary architecture, architectural experiments in the World exhibitions.

Address: Dushinskaia str. 9, 111024 Moscow, Russian Federation

Contact: phuekirjuko@mail.ru

Konysheva Evgeniya, Candidate in the History of Arts, Associate Professor South Urals State University, Chelyabinsk, Russia. Associate Professor, Department of Theology, Culture and Fine Arts NIITAG, Senior Researcher

Research interests: history of the Soviet architecture, activities of foreign architects in the USSR and international contacts of the Soviet architecture in the 1920s and 1930s, refraction of foreign urban development experience in Soviet theory and practice.

Author of several dozen publications on this subject, including monographs published in Russia and abroad.

Address: pr. Lenina, 76, 454080 Chelyabinsk, Russian Federation

Contact: e_kon@mail.ru

Kopteva Tatiana Vladimirovna, Candidate in Architecture, Senior research fellow, department of architectural theory of the Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning. PhD thesis "The idea of architectural origins and the formation of building in the treatises of the French Enlightenment" presented in 2016. Address: Dushinskaia str. 9, 111024 Moscow, Russian Federation

Contact: tat.kopteva@gmail.com

Lavrentyeva Elena, art historian, Senior Researcher associate in the Research Institute of Theory and History of Architecture and Town Planning — the branch of the "CNIP of the Ministry of Construction of Russia". She finished postgraduate at the State Institute for Art Studies in 2017. Sphere of interest includes art and architecture of Near East, the theory of architecture.

Address: 6 Miusskaya square, 125993 Moscow, Russian Federation

Contact: lavrentyeva27@gmail.com

Shukurov Sharif, Dr. in the History of Arts, chief research worker of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Also he is a researcher of the State Institute for Art Studies of the Ministry of culture of Russian Federation, and of the Scientific Research Institute of Theory of Architecture and Town-Planning — the branch of the Federal State Budget Institution „CNIIP of the Ministry of Construction of Russia“. Shukurov lectured on the history of the 20th-century art in the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. He is an author of about a couple dozen books on the history and theory of Iranian art.

Address: Rozhdestvenka str. 12, 107031 Moscow, Russian Federation

Contact: ripsic@yandex.ru

Tarkhanova Svetlana, Candidate in the History of Arts, senior researcher of the Scientific Research Institute of Theory of Architecture and Town-Planning — the branch of the Federal State Budget Institution

„CNIIP of the Ministry of Construction of Russia“. The postgraduate was held in the State Institute of Art, Moscow. Theme of PhD dissertation: „Architecture of the Late Antique Synagogues (III–VII) at the Territory of Northern Palestine: Typology, Compositions, Decoration“ (2016). Worked in Greece at the base of the scholarship from the Foundation of A. A. Onassis (Greece, Athens); participate in the expeditions in Russia, Mediterra, Near East, Asia; participate in archaeological excavations in Israel. Author of more than 50 articles and 4 scientific-popular books on architecture, participant of international conferences.

Address: Dushinskaia str. 9, 111024 Moscow, Russian Federation

Contact: foteini_t@yahoo.com

Vanyukova Darya, Candidate in the History of Arts, The State museum of Oriental art, research officer. Research interests: Middle Kingdom art of ancient Egypt, temporal categories and time-perception in ancient Egyptian culture.

Address: Nikitskiy boulevard 12A, 119019 Moscow, Russian Federation

Contact: darya-29@yandex.ru

АВТОРАМ СТАТЕЙ

Редакционная, или издательская, этика — это система правил, которые регулируют взаимоотношения автора, редактора и рецензента. При составлении правил мы руководствовались рекомендациями Комитета по этике научных публикаций (COPE, **Committee on Publication Ethics**) и Кодексом этики научных публикаций, подготовленным в **Комитете по этике научных публикаций**.

К публикации в журнале «Вопросы всеобщей истории архитектуры» (ВВИА) принимаются только оригинальные ранее неопубликованные научные статьи. Обращаем внимание, что автор несет персональную ответственность за предоставляемый в редакцию текст. Авторы обязуются гарантировать точное цитирование источников, используемых в процессе работы над рукописью статьи. Если авторы использовали работу и/или фрагменты текста других авторов, обязательны соответствующие ссылки на опубликованные работы. Подробнее правила представлены на сайте института: http://www.niitiag.ru/pub/vseobschaya_istoriya_arhitektury

Редакцией ВВИА принимает статьи как на русском, так и на английском языке для того, чтобы лучше ориентировать своих читателей в современном состоянии изучения архитектуры за рубежом, так и для того, чтобы способствовать включению отечественного архитектуроведения в контекст мировой гуманитарной науки.

Порядок приема статей

Статьи, поступившие в редакцию и удовлетворяющие предъявляемым к рукописям объемам и правилам оформления, проходят рецензирование (по две рецензии на каждую статью) и редактирование (научное, техническое, стилистическое). Рецензирование и научное редактирование осуществляют специалисты НИИТИАГ или других учреждений, имеющие квалификацию в соответствующих отраслях науки и ученую степень доктора или кандидата наук, а также члены редколлегии периодического издания ВВИА в соответствии с требованиями к изданию научной литературы. Рецензенты должны за последние три года иметь публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в редакции издания в течение 5 лет. Редколлегия оставляет за собой право отклонить статью или возвратить ее на доработку.

Принадлежность и объем авторских прав на публикуемые в журнале материалы определяются действующим законодательством Российской Федерации. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также направляет копии рецензий в Министерство образо-

вания и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

С авторов взносы за публикацию не взимаются, авторское вознаграждение не выплачивается. Плата с аспирантов за публикации рукописей не взимается. Статьи аспирантов при их подаче в редакцию издания должны сопровождаться отзывом (рекомендацией) научного руководителя.

Требования к оформлению статей

Материалы передаются в редакцию издания в электронном виде с соблюдением следующих требований (публикуются в печатном виде в каждом выпуске издания, доступны также на странице НИИТИАГ в интернете: http://www.niitiag.ru/pub/vseobschaya_istoriya_arhitektury.html):

- объем текста не должен превышать 30 000 знаков с пробелами;
- текст должен быть набран с использованием редактора Word: шрифт Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — 1,5;
- в начале текста статьи необходимо поместить код УДК, самостоятельно присвоив его в соответствии со справочником УДК, расположенном по адресу: <http://teacode.com/online/udc>
- в конце текста статьи помещается библиографический список; после него помещается список использованных в тексте сокращений (РГИА, ДОР и т. д.) с их расшифровкой;
- ссылки в тексте на источники и литературу (за текстовые) оформляются следующим образом: в круглых скобках курсивом указывается фамилия автора книги или статьи, далее через пробел год издания, после двоеточия — номер страниц(ы), на которую идет ссылка; например: (Грaбарь 1912: 68–96), (Paul 1963: 127–133);
- постраничные примечания оформляются в автоматическом режиме редактора Word и используются только для сведений, которые по каким-то причинам не могут быть помещены в основной текст публикации, а также для переводов иноязычных слов. В тексте примечания в скобках могут помещаться ссылки на литературу;
- иллюстрации принимаются с разрешением не ниже 300 dpi в форматах jpeg или tiff; чертежи должны содержать масштабную линейку, за редкими исключениями.
- количество иллюстраций равняется количеству страниц текста статьи, но не более 15;
- текст статьи записывается в отдельный файл под названием «Family_text.doc» (например, «Ivanov.doc», исключительно латиницей); список иллюстраций — в файл «Family_illustr.doc», например: «Ivanov_illustr.doc», и в этом списке можно

указать пожелания автора по расположению иллюстраций (на ширину колонки, на ширину полосы и т. д.);

- иллюстрации записываются в отдельные файлы, которые должны быть пронумерованы в соответствии со Списком иллюстраций и только цифрой, например: «5.jpg»; в тексте статьи обязательны ссылки на номера иллюстраций, например: (ил. 5);
- в отдельный файл «Family_key.doc» помещается следующая информация:
 - автор, название статьи;
 - краткая аннотация статьи (от 200 до 250 слов — строго!);
 - желательно представить перевод заглавия статьи и аннотации на английский язык;
 - ключевые слова к статье (не более 5–7 слов и словосочетаний);
 - те же ключевые слова к статье на английском языке;
 - сведения об авторе в виде небольшого рассказа в объеме не более 700 знаков с пробелами, содержащем в начале в строгом порядке, через запятую, без сокращений: ФИО полностью, ученую степень, научное звание, место работы и должность в именительном падеже. В конце текста указывается почтовый адрес места работы и контактная информация — e-mail, телефон;
 - аналогичные сведения об авторе в переводе на английский язык (обязательно).

Итак, материалы статьи должны быть представлены в виде трех текстовых файлов: Family_text.doc; Family_illustr.doc; Family_key.doc и файлов иллюстраций.

После того как очередной номер ВВИА будет сформирован, авторам высылается шаблон лицензионного договора, который заключается в том числе для размещения полных текстов статей на сайте НЭБ (Научной электронной библиотеки, РИНЦ — Российский индекс научного цитирования). Его необходимо заполнить, подписать и выслать простым письмом по адресу: 197110, г. Санкт-Петербург, Левашовский пр-кт, д.12 литер А).

Уважаемые авторы ВВИА, при использовании архивных изображений, пожалуйста, убедитесь в том, что у Вас есть право на публикацию материалов (договор с правом публикации или разрешение на публикацию на безвозмездной основе).

Рекомендации по составлению библиографических списков источников и литературы

Списки литературы — основной и второй, именуемый «References», — нужны для индексирования публикаций в РИНЦ, SCOPUS и других системах.

В начале списка по алфавиту располагаются источники. Ниже помещается литература (так-

же по алфавиту): в начале русскоязычные публикации и на других языках, пользующихся кириллицей, затем публикации с использованием латиницы. Список не нумеруется. Перед каждой позицией списка выносятся фамилия автора (курсивом) и год издания. Эта выноска, используемая в ссылках в тексте статьи, отделяется от полного названия публикации длинным тире. Публикации на языках других алфавитов (араб., арм., греч., груз. и др.) вносятся в список с сокращенной выноской на русском языке, и их место согласуется с алфавитным порядком в русскоязычном списке.

В общий библиографический список должны попасть все архивы, откуда публикуются иллюстрации, тогда в подрисующих подписях ссылка будет на номер из списка (см. ниже рекомендации по подготовке подписей к иллюстрациям).

В библиографическом описании книг и сборников статей указывается место, название издательства и год издания; для журналов и серийных сборников статей — номер выпуска и год издания. Статьи в списке должны сопровождаться указанием их страниц. Для не периодически издаваемых сборников необходимо указывать редактора (Ред. ... или ред.-сост. ...; Ed. ...).

Ответственность за точность библиографических описаний несет автор публикации. Использование неточных сведений затрудняет подсчет индекса цитируемости системой РИНЦ.

Пример правильно оформленного библиографического списка:

ГАЗК. Ф. 177. Ед. хр. 245; Ф. 262. Оп. 1. Ед. хр. 425, 428, 462.

ОР ГПБ. Ф.247. Т. 14. Л. 51.

Pannonopt 1994 — *Pannonopt* П. А. Строительное производство Древней Руси X–XIII вв. СПб.: Наука, 1994.

Yong, Kimura 2004 — *Yong D., Kimura M.* Introduction to Japanese Architecture. Singapore: Periplus, 2004.

Халпахчян 1962 — Խալփախչյան Հ., Տարևիկ Երևրազով լյովր (Халпахчян О. Качающаяся колонна Татева) // Էջմիածին (Эчмиадзин). № 9. 1962. С. 45–57.

Hill 1975 — *Hill S.* The Praetorium at Musmiye // *Dumbarton Oaks Papers*. No. 29, 1975. P. 347–349.

Mark, Hutchinson 1986 — *Mark R., Hutchinson P.* On the structure of the Pantheon // *Art Bulletin*. Vol. 68. 1986. P. 24–34.

Рекомендации по подготовке подписей к иллюстрациям

Эти рекомендации — всего лишь попытка систематизировать способы оформления подписей к иллюстрациям.

Для фотографий

Название объекта, месторасположение (если нужно). Архитектор(ы). Дата постройки. Автор, дата съемки / источник изображения / место хранения.

Если съемка архивная или музейная, то обязательно указать место хранения. Если это копия изображения из издания, то это издание указывается в библиографическом списке, и за подписью под иллюстрацией в круглых скобках следует ссылка на публикацию.

Примеры:

Здание Купеческого банка на Невском проспекте. Архитектор Л.Н. Бенуа. 1901–1902. Фотография А. Вознесенского, 2009 г.

Роминтен. Охотничий дом. Архитектор Х.Х. Мунте (совм. со Сверре и П. Ольсеном). 1891. Фотография 1945 г. РГА КФД

Для чертежей

Название объекта. Дата создания. Вид (план, разрез, перспектива и т. д.). Место хранения / источник изображения.

Примеры:

Херсонес. Уваровская базилика. План (Уваров 1854)

Если известен автор и дата создания конкретного чертежа, обязательно их указывать:

Автор. Название объекта. Дата создания. Вид (план, разрез, перспектива и т. д.). Место хранения / источник изображения.

Пример:

К. Ф. Шинкель. Театр в Берлине. Рисунок пером, 1919 г. (*Schinkel 1821: Tafel 1*)

References

Этот, второй библиографический список является списком литературы с транслитерацией не «латиноязычных» описаний на латинский алфавит и указанием перевода на английский язык (помещается в скобках вслед за транслитерацией). Латиноязычная часть основного списка в этом списке фактически повторяется. Однако публикации

в списке References оформляются иначе, поэтому редакция соглашается с неизбежными повторами. Требование создания списка References продиктовано нашим желанием индексировать публикации в SCOPUS и других международных базах данных.

Порядок публикаций в References должен повторять порядок основного списка, за исключением не используемых в данном случае ссылок на источники. Позиции публикаций не сопровождаются условной краткой формой, как в первом списке. В References курсивом показываются не авторы, а основные названия публикаций: названия книг, сборников, журналов. После места издания указывается издательство (латиницей — оригинальное название или транслитерация) и ставится слово Publ. Название статьи отделяется от названия журнала точкой; после названия журнала через запятые идут номер выпуска и (или) тома (с обозначениями vol. и no., вне зависимости от языка оригинала), а также страницы (с обозначениями pp., независимо от языка оригинала).

Примеры:

Kyzlasova I. L. *Istoriia izuchenii vizantiiskogo i drevnerusskogo iskusstva v Rossii (History of the study of Byzantine and Old Russian art in Russia)*. Moscow: Moscow University Publ., 1985 (in Russian).

Bell L. Luxor Temple and the Cult of the Royal Ka. *Journal of Near Eastern Studies*, 1985, vol. 44, no. 4, pp. 251–294.

Рецензентам статей

Рукопись, полученная для рецензирования, должна рассматриваться как конфиденциальный документ, который нельзя передавать для ознакомления или обсуждения третьим лицам, не имеющим на то полномочий от редакции.

Рецензент обязан давать объективную и аргументированную оценку изложенным результатам исследования. Персональная критика автора неприемлема.

Рецензент не должен использовать неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, для личных целей.

Периодическое рецензируемое научное издание

ВОПРОСЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ
Выпуск 11 (2 / 2018)

Главный редактор и составитель *А. Ю. Казарян*
Корректор *М. А. Иванова, Т. В. Никонова*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 00.00.2018. Формат 70×100 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 20,64
Тираж 300 экз. Заказ № 1408

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

По вопросам приобретения книг
издательства «Нестор-История»
звоните по тел. +7 960 243 32 82